

**ЛОМОНОСОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА**

**Москва,
4-7 апреля 2023 г.**

**Материалы
научной
конференции**

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки**

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА**

4-7 апреля 2023 г

Материалы научной конференции

**Москва
2023**

УДК 908 (5/6)082
ББК 26.89 (5+6)я431
Л75

**Издание подготовлено в рамках программы мероприятий, проводимых к
270-летию юбилею МГУ имени М.В.Ломоносова**

Рецензент

У.П.Стрижак, кандидат педагогических наук, НИУ ВШЭ

Главный редактор

Доктор исторических наук А.А. Маслов

Ответственный редактор

Кандидат исторических наук А.Г.Фесюн

Рекомендовано к печати Ученым советом

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакционная коллегия:

*А.В. Бочковская, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б.Иванов, В.А. Исаев, С.А. Кириллина,
Л.Т. Нечаева, О.А. Машкина, В.В. Орлов, К.А. Панченко, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова,
Ж.С. Сыздыкова, М.Ю. Ульянов, М.Р. Урб, Т.А. Барабошкина,
Т.Д. Черкасова, Е.В. Черновол*

Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика
(Москва, 4-7 апреля 2023 г): материалы научной конференции
/Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки; [главн. ред. А.А. Маслов] – Москва
[Электронный ресурс] М.: ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, 2023.
– с. ISBN (e-book)

*Предлагаемое издание представляет собой сборник материалов
научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение и
африканистика» сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и
приглашенных специалистов из ряда ведущих институтов России и
зарубежных стран.*

УДК 908 (5/6)082
ББК 26.89 (5+6)я431

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-19-011870-4; изд. № 12454

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Оглавление

Оглавление	4
.....Литература стран Азии и Африки	1
Акимушкина Е.О. Мотив рождения сына в персоязычной панегирической поэзии XI–XII вв. (к проблеме изучения жанра мадх).....	1
Ардашникова А.Н. Проблема отмены хиджаба (<i>кашф-е хеджаб</i>) в персидской поэзии 20-30-х годов XX века ...	3
Бакланова Е.А. «Устойчивый конфликт» в англо- и тагалоязычной литературе Филиппин 2-й половины XX века	5
Барабощкин К.Е. Риторические особенности главы «Вопросы к Конфуцию» (<i>Вэнь Кун</i>) трактата Ван Чуна «Весы суждений» (<i>Луньхэн</i>) (I в. н.э.)	6
Башелеишвили Л. О. Топосы поста и трапезы в древнегрузинской агиографической литературе	8
.....	8
Громова А.В. Авторская диалектная поэзия в современном Иране	11
Гурия А.Г. Женские образы в «Гирлянде джатак» Харибхатты (IV-V в. н.э.).....	13
Ершова Ю.С. Сетевая литература в Индонезии.....	15
Захарова Н.В. Полемика Лян Цичао и Ху Ши о путях развития современной литературы Китая.....	17
Исакова И.Н. Конфликт в традиционной литературе (Запад и Восток).....	19
Ковлеков К.И. Виртуальность японского фэнтези	21
Кукушкина Е.С. Превращение канонического текста в драматический: пьеса Динсмана «В ожидании слова Божьего» на основе хадиса Ка'ба ибн Малика	22
Кузнецов А.А. Цикл стихов для детей в творчестве Нима Юшиджа (1897-1960: тема и форма	24
Мазурик В.П. Писатели контекста — Сига Наоя и Миядзава Кэндзи.....	26
Мирзоюнус Матлуба. Заметки на полях исследований о Камоле Худжанди и переводах его газелей в России ..	27
Налич Т.С. Об истории Адама и ее отражении в романе Нагиба Махфуза "Аулад харатина" (Сыны нашего квартала).....	29
Никольская С.В. Классические сюжеты и герои в современной китайской драматургии	30
Оганова Е.А. Невинные жертвы: проблема фанатизма и религиозных предрассудков в современной турецкой драматургии (втор. пол. XX – XXI вв.).....	32
Осипова К.Т. «Вымысел достоверных событий»: современный арабский автофикшн	33
Овчинникова М.А. Структура монгольской летописи XVIII в. «Хрустальные чётки» Рашипунцага.....	35
Поспелова М.К. К вопросу о жанровом разнообразии современной китайской изящной прозы	37
Рейснер М.Л. «Новый стиль» (<i>tarz-i taza</i>) в образном языке персоязычной газели XVI — начала XVIII века.....	39
Репенкова М.М. Фантастические коллизии прозы Догу Юджеля	41
Садокова А.Р. Представления о пещерах в японской народной мифологии	43
Саенгнатесванг В.А. Теоретическое осмысление литературных процессов Таиланда в Новое и Новейшее время в зарубежном и отечественном научном дискурсе.....	44

Семенов И.И. Описание природы в китайских одах о различных искусствах (I в. до н.э. – III в. н.э.)	46
Семенов М.В. Диалог с мировой литературой в прозе современного китайского писателя Сунь Ганьлу	48
Стрелкова Г.В. Писатель хинди Гурудатта и особенности его прозы	50
Сюнненберг М.А. Второе рождение литературной классики: восприятие «Поэмы о Киеу» в интеллектуальной среде Вьетнама в XIX – первой половине XX века	51
Фролова М.В. Прозаический фольклор индонезийских провинций Папуа: проблемы собирания и изучения	54

Африканистика 56

Громова Н.В. Суахили как метаязык науки в Восточной Африке	56
Емельянов А.Л. Причины и последствия тыграйского кризиса 2020-2022 годов	57
Касимовская Е.Н. Гендерные аспекты отношения к насилию в африканском обществе	59
Кравченко С.Л. Особенности функционирования конструкций с именем действия в амхарском языке	61
Львова Э.С. Патриарший-Экзархат Африки: итоги работы в 2022 – март 2023 гг.	62
Ренжин А.П. Глаголы с адвербиальным значением в современном амхарском языке	64
Суетина Ю.Г. Использование местных языков в школьном образовании в Нигерии	66
Урб М.Р. Современная лексикография языка венда.....	68
Шатохина Б.С. Суахили в образовательной среде Танзании	69
Щербаков Н.Г. 1960 год – год Африки (из опыта борьбы с колониализмом).....	71

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока 74

Бобрикова Е.А. Трактат Цзи Чэна "Устройство садов" (<i>Юань</i> 园治, XVII в.) - уникальный источник по традиционному садово-парковому искусству Китая.....	74
Вигасин А.А. Нанак, монета Древней Индии.....	76
Грачев М.В. Борьба с пьянством государственных служащих и запрет пиров «сё:би ко:тин» в эпоху Хэйан	77
Никольская К.Д. "Новый мир" в Транкебаре (миссионеры и "малабарцы" в начале XVIII в.).....	79
Попова Г.С. Экспедиции Чжэн Хэ в «Хрониках Семаранга и Чиребона»	81
Сюнненберг М.А. Категория <i>ьет ны</i> в репрезентации женщин в историческом нарративе традиционного Вьетнама	83
Ульянов М.Ю. К истории нидерландского индонезиеведения и малайзиеведения XIX в.: учебные заведения для подготовки колониальных служащих	85
Хазизова К.В. Правление вана Вонджона (1259–1274) и превращение государства Корё в вассала монгольской империи Юань.....	87

Экономика стран Азии и Африки 90

Мельянцева В.А. Как и почему страны Запада стали активнее сдавать, а развивающиеся страны Востока и Юга - усиливать свои позиции в глобальной экономике?	90
--	----

Карамурзов Р.Б. О некоторых итогах борьбы с бедностью в рамках Целей устойчивого развития ООН	91
Бочарова Л.С. Внешняя торговля арабских стран: основные каналы нелегальных денежных потоков	92
Ульченко Н.Ю. Новые тренды в торговле Турции и ЕС как отражение роста возможностей экономики страны	94
Бойцов В.В. Российская Федерация в глобальных цепочках добавленной стоимости стран ЮВА	95
Тимонина И.Л. Проблемы международной конкурентоспособности японского бизнеса – в стратегии формирования «новой формы капитализма»	97
Андрианов В.Д. Основные этапы формирования зеленой экономики в Республике Корея.....	99
Касимовская Е.Н. Операции с криптовалютой как альтернативная форма сбережений в странах Тропической Африки	101
Сучкова А.А. Цифровизация в Кении: новые возможности и риски для социально-экономического развития	102

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа105

Вдовин С.С. Некоторые аспекты возвышения представителей племени кунграт в Хивинском ханстве в XVIII в.	105
Гаджиева А.А. Особенности коннотаций зоонимов в казахском и русском языках (на материале фразеологических единиц с зоонимами ‘лошадь’ и ‘верблюд’).....	106
Ганич А.А. Азиатский комитет (1820-1850): из истории формирования среднеазиатской политики Российской империи	108
Гао Юе. К вопросу о взаимодействии Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках ШОС	110
Досова Б.А. Особенности гендерной политики в современном Казахстане	113
Зайцев И.В. Московская рукопись памятника казахской исторической литературы XIX в. (толгау Муса-бая о Жанкоже Нурмухаммедове)	115
Исмаилова Л.Г. Пословицы и поговорки как отражение национального характера (на примере азербайджанского языка)..	116
Кадырбаев А.Ш. Государство Саманидов и мусульманская культура Мавераннахра	118
Касимовская Е.Н. Толерантность как фактор политической стабильности в странах Центральной Азии и Закавказья	120
Кораев Т.К. Обретение древности: реинтерпретация доисламской эпохи в национальных историографиях советской Средней Азии	122
Махаматов Т.М. Стремление Узбекистана к субъектности в процессе глобализации	123
Раимов Р.И. Модели развития общества и государства в программе туркестанских джадидов.....	125
Рахаев Дж.Я. Грузинское общество истории и этнографии	127
Сапрынская Д.В. Национальная организация уйгуров в Центральной Азии при Среднеазиатском бюро: проблема консолидации и взаимодействия	129
Сактаганова З.Г. Основные тенденции исторических исследований в Казахстане	130
Сыздыкова Ж.С. Евразийское пространство в новых геополитических условиях.....	132
Тождинов Ф.К. Некоторые аспекты социально-экономической положения Кокандского ханства	134
Чедия А.Р. «Аджарский вопрос» в турецко-грузинских отношениях на современном этапе	137

Цзян Ланьхуэй. Китай на Великом Шелковом Пути: история и реальность	138
---	-----

Культура Востока141

Адамс О.Ю. «Главный мотив» и «три императива»: пропагандистско-просветительская работа в КНР после 2012 г.	141
Арсанова Т.Е. Арабская вязь в истории и пространстве.....	143
Зайцев В.Н. Феномен “Вавилонской башни” в зодчестве Востока и Запада	145
Кириллов А.В. Китайская трапеза как культурный феномен.....	147
Кудряшова А.В. <i>Мэйбуцу-гурэ</i> - именные узоры на тканях в традиции «Пути Чая»	149
Кузнецова В.В. Роль культуры в Инициативе «Один пояс, один путь»: традиции или мягкая сила?.....	151
Машкина О.А. Социальная стратификация и культурные различия в современном Китае.....	152
Мяо Чунь. Традиционная китайская культура в современном искусстве анимации	154
Романова И.А. Культурный фактор в принятии политических решений в Японии.....	156
Сергеева А.А. Современная китайская молодежь: тренды и субкультуры.....	158
Юй Цзе. Культурный код в фильмах Чжан Имоу: интерпретация традиционной китайской культуры и современной идеологии	159
Ван Цзиньлин. Ломоносоведение в Китае: состояние и перспективы развития.....	161
Сун Лэй. Теория и практика управления на основе закона в контексте традиционной китайской культуры	163
Ким Н.Н. МеToo и рост антифеминистских настроений в Южной Корее	165
Ермаков К.В. Корейский конфуцианец Чон Дасан о «восточных варварах»	167

Языкознание170

Бессонова Е.Ю. К вопросу применения японского падежа ДЭ.....	170
Быкова С.А. Лексика айнского происхождения в японском языке	171
Вихрова А.Ю. Слова-классификаторы в <i>путунхуа</i> . Релевантность и иррелевантность использования. Экспериментальное исследование.	173
Герасимова А.А. Просодема в арабском языке.....	174
Дашевская Г.Я., Кондрашевский С.А. К некоторым особенностям формирования диалогической речи в китайском языке	176
Захарьин Б.А. Функции десемантизированных соединительных аффиксов в древнеиндийском.....	177
Иванов В.Б. Интонация незавершённости в иранских языках	179
Иванова О.А. Аксиогенные ситуации в Германии как фактор возникновения и вариативности смысловых интерпретаций неологизмов	181
Кондрашевский С.А. К проблеме глагольно-объектных словосочетаний в современном китайском языке	183
Крнета Н.Д. Японские иероглифы в современном китайском языке	184
Лебедев В.В. Грамматика арабского личного местоимения (Вопросы теории грамматики и практики обучения арабскому языку)	185

Ли Мэй. Проблема выбора указательных местоимений 这 и 那 в составе временных показателей в современном китайском тексте.....	187
Линяев Д.В. Обозначение времени суток в лексике современного японского языка	189
Нечаева Л.Т. Формы бунго в современном японском языке	190
Савватеева Т.С. Субъективно-модальные значения в египетском диалекте.....	191
Силантьева Л.Г. Глоттографический анализ ударения в персидском языке.....	193
Хохлова Л.В. Вариативное маркирование субъекта в предложениях хинди с непереходными глаголами в формах совершенного вида	195
Юй Цзе. Когнитивная метафора в заголовках российских СМИ: особенности и проблемы при переводе на китайский язык	197

Религии, философия и культура на Востоке200

Асташина Е.О. Аспекты формирования христианской общины в Южной Индии на рубеже XVII–XVIII вв. (на примере Пондишери)	200
Бочковская А.В. Мусульманский компонент <i>Гуру-грантх</i> : современные подходы к исследованию сикхского текста	202
Валеев Р.М., Валеева Р.З. Профессор И.Ф. Готвальд и его арабо-мусульманское наследие в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета	203
Валеев Р.Н., Валеева Р.З., Кириллина С.А., Коняшкина Т.А. Тюркские и иранские народы Кавказа в наследии Б.В. Миллера. К 145-летию со дня рождения профессора МГУ	205
Волхонский Б.М. Боги индуизма в буддийской поэзии Шри-Ланки. На материале поэмы «Кавсилумина» («Драгоценный венец поэзии»), XIII в.....	207
Долгов Б.В. Концепция исламской демократии и партия Ан-Нахда.....	209
Жантиев Д.Р. Сирийский караван хаджа в позднеосманскую эпоху: традиция в меняющемся историческом контексте	211
Захарьин Б.А. Древнеиндийские лингвофилософы об «инструментарии истинного познания (gramāṇa)» в связи с определением классов грамматических элементов языка	213
Кириллина С.А. Кербела: <i>ашура</i> и <i>та'зийя</i> в исторической динамике	214
Кобищанов Т.Ю. Концепция джихада в осmano-французской войне 1798–1801 гг.: государственная пропаганда и практическое применение	216
Ковельман А.Б., Шукуров Р.М. Миролубие византийцев: корни имперской идеологии	218
Козлова А.А. Религиозные праздники в позднемогольском Дели	220
Лесик К.А. Философия экзистенциализма в литературе хинди конца XX – начала XXI вв.	222
Орлов В.В. Знание и сила: политический опыт алимского корпуса Марокко в XIX – начале XX в.	224
Соловьева Д.В. Исламские институты Марокко в период Тридцатилетней смуты (1727–1757 гг.): фактор устойчивости или источник дестабилизации?	226
Солодовник Д.М. Идеиная составляющая исламского радикализма.....	228
Старикова М.Н. Общественная и политическая деятельность мусульман-пасманда Северной Индии в 2010-2020-х годах.....	229

Стрелкова Г.В. Изображение Бенареса – центра индуизма в произведениях писателей хинди	231
Сыздыкова Ж.С. Наследие Ахмеда Ходжа Ясави в контексте единства тюркской цивилизации	233
Куделин А.А., Фролов К.Д. Эволюция идеологии движения ихванов в Аравии в 1914–1930 гг.	235
Хохлова Л.В. Конфессиональный фактор в процессе эволюции литературного хинди	237
Черкасова Т.Д. Религиозные и социально-этнические группы населения мусульманской Испании в X–XII вв.	239
Якушев М.И. Султан Абдул-Меджид I и архитектор Гаспар Фоссати: реставрация мечети Айя-София.....	241
Якушев М.М. Церемониал приема русских послов А.И.Румянцева, Н.В.Репнина и М.И.Кутузова при османском дворе	243

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки 246

Арешидзе Л.Г. Формирование чувства патриотизма японцев в начале русско-японской войны 1904-1905 годов	246
Гаммал М.И. «Вы поколение, которое увидело деяние Господа!»: отражение политической истории караимов Крыма первой половины XIX в. в публичном пространстве караимской общины.....	248
Зеленина Г.С. Тема Израиля в отчетах западных еврейских активистов о поездках в СССР, 1970-1980-е гг.	250
Каимова А.С. Правосудие переходного периода как часть политики в сфере идентичности в годы первого президентского срока Цай Инвэнь на Тайване (2016-2020)	252
Коняшкина Т.А. Градостроительство как объект социокультурной политики в Иране конца XIX – первой половине XX в. (на примере Тегерана).....	254
Кутювая Е.А. К вопросу о многосторонности в Азиатско-Тихоокеанском (Индо-Тихоокеанском) регионе в современных условиях	256
Люльчак А.С. «Встречая дорогого гостя...»: кемалистская пропаганда о визите Резы-шаха Пехлеви в Турцию и отношениях с Ираном в 1930-е гг.	258
Маленкова А.А. К вопросу численности китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР в 1920-30-х гг. Статистика и реальность	260
Наливайко О.А. Япония в эпоху Эдо: сюжеты и мотивы повседневной жизни на страницах <i>хинагатабон</i>	261
Новакова О.В. Представители вьетнамской элиты империи «Великий Юг» первой половины XIX в. (по материалам вьетнамского исторического журнала «Прошлое и настоящее»)	263
Овчинникова Л.В. Японская правовая система в колониальной Корее	265
Сафронова А.Л. Дарбар в политической культуре индийских княжеств (конец XIX – середина XX в.)	267
Симонова-Гудзенко Е.К. Хэйан-Киото и Эдо-Токио: две столицы Японии.....	269
Спектор И.Б. Выступление «Партии простых людей» на региональных выборах 2022-2023 гг. – Панджаб, Гоа и Гуджарат.....	271
Суриков К.А. Заложники технического прогресса: надежды и разочарования догоняющего развития военной промышленности в Османской империи XIX в.	273
Филимонова А.Л. «Зарегистрированные касты» в Пакистане: колониальный пережиток или социальная реальность?.....	275
Фурсов К.А. Многообразие оценок восточного коллаборационизма во времени и пространстве как отражение его многогранности.....	276

Шлыков В.И. Феномен «Новой Турции» Р.Т.Эрдогана: политико-идеологические трансформации 2000-х – 2020-х гг.....	279
Шлыков К.В. Гражданское общество и модели его взаимодействия с государством в Турции (2000-е и 2010-е гг.).....	281

Методика и практика преподавания восточных языков 283

Акинина О.Г. Разработка учебно-методических пособий для подготовки к сдаче экзамена по арабскому языку (уровень А1-А2).....	283
Арсанова Т.Е. Этапы формирования навыка чтения у студентов-арабистов на начальном этапе обучения	285
Бессонова Е.Ю. Ошибочное использование учащимися падежей на начальном этапе обучения японскому языку	287
Васильева Л.В. Динамика интереса к изучению японского языка у студентов от младших к старшим курсам: как преодолеть "выгорание"	288
Горячева Н.А. Об опыте разработки и применения заданий коммуникативного типа на начальном этапе обучения арабскому языку	291
Кириллова О.Б. Понятие «суггестивности» (недосказанности) и ее отражение в лексике и грамматике японского языка.	292
Магдалинская Ю.В. К вопросу о междисциплинарном подходе в обучении китайскому языку студентов по специальности "Востоковедение"	294
Налич М.С. Домашнее чтение в преподавании арабского языка на 4 курсе ИСАА МГУ	296
Налич Т.С. Обучение студентов II курса ИСАА навыкам чтения, понимания и перевода незнакомого текста на материале информационных сообщений.....	297
Нечаева Л.Т. К вопросу об обучении письменному переводу	298
Оганова Е.А. О преподавании синхронного перевода в паре русский-турецкий в магистратуре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова	300
Осипова К.Т. Чтение художественной литературы крупной формы на арабском языке как способ развития гибких навыков.....	301
Румак Н.Г. О некоторых ошибках студентов в иероглифических прописях	302
Савватеева Т.С. Принципы личностно-ориентированного обучения в контексте формирования навыка говорения на арабском языке (начальный этап)	304
Фролова Е.Г. Поиск русско-тагальских эквивалентов при обучении переводу	306
Юй Цзе. Обучение восприятию особенностей газетных заголовков на русском языке и их переводу на китайский	308

Круглый стол «Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам: особенности методики на современном этапе» 310

Воронцова М.В. Норма и вариативность английского языка в странах Азии: теория и практика преподавания	310
Зиза М.В. Английский язык в Индии как неотъемлемая часть концепции «World Englishes»	312
Кононова Т.Л. Практическое использование корпуса в преподавании иностранного языка.....	314
Макаева С.М. Место и функциональное использование английского языка в современном Израиле.	316

Полунина Т.С. Особенности преподавания английского языка в учебных заведениях Саудовской Аравии	318
Чуваева Е.И. Проблемы восприятия английского языка в арабских странах	321
Шихзаманова Л.Э. Сдвиг парадигмы в преподавании английского языка в новых геополитических реалиях	324
Шихзаманова Т.Н. Реализация технологии CLIL на занятиях по английскому языку в группах магистрантов-историков и политологов	325

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК 327

Войтенко А.А. Типология сакральных пространств в общинах Христианского Востока и их эволюция (на примере Египта)	327
Копоть Е.М. Дамасский и ливанский центры силы в Антиохийской церкви при патриархе Феодосии VI (1958–1970).....	328
Попов И.Н. Св. земля в эпоху Константина Великого по сведениям «Ономастикона» Евсевия Памфила и «Бурдигальского итинерария».....	331

Литература стран Азии и Африки

Мотив рождения сына в персоязычной панегирической поэзии XI–XII вв. (к проблеме изучения жанра *мадх*)

Акимушкина Е.О.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
eoakimushkina@iaas.msu.ru*

Рассматриваемый мотив в персоязычной поэзии указанного периода можно обнаружить в касыдах, сложенных придворными поэтами по случаю появления на свет нового представителя правящей семьи (чаще всего речь идет о сыне правителя). Такие произведения пока не становились объектом исследовательского интереса специалистов, хотя в последние десятилетия панегирическая поэзия на персидском языке активно изучалась (см. работы М.Л. Рейснер, Дж. С. Мейсами, С. Шармы).

Данное сообщение призвано дополнить уже имеющиеся в иранистике сведения о тематическом диапазоне жанра восхваления (*мадх*) в XI–XII вв., что позволит сформировать более полное представление о характере эволюции персидского панегирика классического периода (X–XV вв.), в частности о том, кто может выступать в роли восхваляемого. В наши задачи входит анализ мотивов и образов, выбираемых поэтами для описания рождения сына у адресата касыды. Настоящее сообщение является продолжением предпринятого нами исследования образов «нестандартных» восхваляемых в персоязычной панегирической поэзии X–XV вв.: на данный момент рассмотрены образы государя, находящегося в плену, представительницы семейного окружения правителя (матери, супруги, сестры), а также правителя, ставшего жертвой недуга / выздоровевшего после болезни (см.: [Акимушкина, 2006. С. 85–94; 2020; 2021]).

Объектом нашего изучения стали касыды известных персидских поэтов XI–XII вв.: Фаррухи Систани (ум. 1037/38 г.), Катрана Табризи (ум. 1072 г.), Амира Муиззи (1048/49 – между 1126 и 1153 г.), Рашид ад-Дина Ватвата (ок. 1088 – между 1175 и 1182 г.), Хакани Ширвани (1126/27–1199). Количество касыд, содержащих мотив рождения сына, практически одинаково в собраниях стихов (*диванах*) вышеперечисленных поэтов и составляет около 1% от общего числа касыд.

Интересующий нас мотив всегда присутствует в целевой (панегирической) части касыд указанного периода, участвуя в формировании восхваления адресата касыды (см. следующий мотив восхваления последнего: «только такому достойному отцу Бог посылает достойного сына»). Мотивы похвалы отца и сына могут быть переплетены друг с другом в

рамках целевой части, но могут представлять собой и отдельные тематические блоки, следующие друг за другом, причем в большинстве рассмотренных нами случаев восхваление сына (гораздо более краткое) предшествует хвале в адрес отца. Таким образом, в касыде присутствуют два восхваляемых: один основной и один второстепенный, т.е. наблюдается эффект «двойного» панегирика (ср. с аналогичным явлением в касыдах, обращенных к женщинам из семейного окружения правителя [Акимушкина, 2020. С. 32–33]).

Источником мотивов для выстраивания образа новорожденного и описания ситуации его рождения у восхваляемого выступает панегирическая, дескриптивная, календарная и дидактическая поэзия. Так, на базе календарной (весенней) образности формируются мотивы «новорожденный – розовый бутон, появившийся весной», «новорожденный появился на свет ранним весенним утром». Для описания рождения сына правителя могут использоваться стандартные панегирические мотивы, которые поэт «адаптирует» к образу младенца-восхваляемого. Например, в силу своего нежного возраста сын правителя еще не способен совершать никаких самостоятельных действий, поэтому мотив преобразования окружающего мира восхваляемым, в образе которого прослеживаются черты правителя-культурного героя, реализуется в виде следующего варианта: «сын правителя уже своим рождением (ниспосланной ему при рождении благодатью-*фарром*) может изменять к лучшему окружающий мир – наполнять его светом, красотой, добротой».

В диванах персоязычных поэтов XIII–XV вв. нами пока не обнаружено ни одной касыды, написанной по случаю рождения сына у восхваляемого, что может быть связано с завершением развития канона придворной касыды к началу XIII в. Однако в конце XIV–XV вв. начинают появляться стихотворения-хронограммы в форме кыт‘а, содержащие зашифрованные даты рождения наследников правителей, что, скорее всего, было вызвано ростом популярности этой жанровой формы для фиксации дат значимых событий, а этот факт, в свою очередь, свидетельствует о проявлении более серьезного внимания к категории времени.

Литература:

[1] Акимушкина Е.О. Жанр *хабсийят* в персоязычной поэзии XI–XIV веков: генезис и эволюция. М.: Наталис, 2006. – 176 с.

[2] Акимушкина Е.О. Образ «восхваляемой» в персоязычной панегирической поэзии классического периода (к проблеме изучения жанра *мадх*) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. М., 2020. №1. С. 25–37.

[3] Акимушкина Е.О. Трансформация мотива болезни восхваляемого в персидской панегирической поэзии XI–XII вв. // Ломоносовские чтения. Востоковедение и

африканистика (Москва, 20–29 апреля 2021 г.): тезисы докладов научной конференции. М.: изд-во Московского университета, 2021. С. 49–50.

Проблема отмены хиджаба (*кашф-е хеджаб*) в персидской поэзии 20-30-х годов XX века

Ардашникова А.Н.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры иранской филологии

anardash@mail.ru

На рубеже XIX-XX вв. на обширном территориальном пространстве «дар ал-ислам» от Каира до Кабула была впервые артикулирована необходимость изменения традиционного мусульманского облачения для женщин. Синхронный и транснациональный характер этих процессов подтверждает, что импульс к обновлению внешнего облика был дан тенденциями собственного внутреннего развития восточных обществ, подкрепленными частыми взаимными контактами.

Реформа одежды явилась частью широких модернизационных мероприятий Реза-шаха Пехлеви (1925-1941), оказавших глубокое воздействие и на повседневную жизнь иранцев. Как практически везде на Востоке реформа одежды в Иране была начата в 1927 г. в первую очередь с мужской части населения распоряжением носить так называемую шляпу пехлеви (цилиндрической формы с козырьком) вместо традиционного головного убора. Затем в 1928 г. последовало распоряжение о переходе на мужской костюм европейского образца, а в 1935 г. шляпа пехлеви была заменена на европейскую шляпу с полями. Преобразования в мужской одежде в какой-то мере подготовили почву для последующего изменения женского одеяния. Анонсируя запрет на женское мусульманское облачение, власть действовала гибко, избегая откровенного применения силы и опираясь больше на пропаганду и наглядный пример. Более того, сам пресловутый закон о снятии хиджаба (*кашф-е хеджаб*) от января 1936 г. до сих пор не обнаружен. Юридическим основанием для запрета хиджаба являются лишь секретные директивы министерства внутренних дел и министерства образования от декабря 1935 г.

Переход иранских женщин на европейский тип одежды выглядел вполне естественно: в стране действовали современные школы для девочек, существовала женская пресса, а в 1932 г. Иран принимал конгресс женщин Востока. С начала 20-х гг. XX в. проблему ущербности положения женщины в обществе активно обсуждала и персидская литература. Название поэмы Мир-заде Эшки (1894-1924) «Черный саван» стало призывом к переменам: «В чем стыд? И мужчины, и женщины – рабы божьи. // Что такого сделала женщина, чтобы ей стыдиться мужчину? // К чему это уродующее покрывало? // Если это не саван, скажи, зачем

это покрывало? // <...> Пока женщина облачена в саван, // половина народа Ирана остаётся мертва!» [3:153-154]. Если Эшки рисовал картины женской жизни за завесой в самых мрачных тонах, то его современник поэт Ирадж Мирза (1874-1926), как и Эшки ратовавший за расширение прав женщин, откровенно высмеял хиджаб – для него это не завеса чистоты, а камуфляж для осуществления низменных желаний мнимой смиренной затворницы: «Если женщина получила образование и постигла науки, // если светом знания озарила своды своей души, // подобно солнцу воссияет она над миром, // и саму себя оградить от скверны» [1: 81]. Стихотворения Ираджа-мирзы снискали ему небывалую популярность среди иранок, и когда он в 1924 г. посетил столицу, его торжественно встречала депутация тегеранских женщин, возглавляемая директрисой одной из женских школ.

Отмена хиджаба была ориентирована на женщин из социально, культурно и экономически обеспеченных элит и среднего класса, среди которых к середине 1930-х гг. было много сторонниц открытости. Именно женщины из таких семей первыми начали требовать доступа к образованию, к жизни за пределами домашнего очага и к улучшению условий, налагаемых на них существующими семейными устоями. Так, не могла обойти молчанием запрет на мусульманское облачение для женщин известная поэтесса Парвин Э‘тесами (1907-1941), которая в принципе избегала остроактуальной политической тематики. Стихотворение «Женщина в Иране» было написано в феврале-марте 1936 г. по поводу отмены хиджаба: «До этого женщина в Иране будто бы и не была иранкой, // в обычае у нее было лишь несчастье и страдание. // И жизнь, и смерть ее протекали в затворничестве. // Кем была женщина в те дни, если не узницей? // Никто, кроме женщин, не жил во мраке веков, // никто, кроме женщин, не был жертвой в храме лицемеров. // <...> // В лавке знания было много плодов, однако // из этого изобилия женщине ничего не доставалось. // Она обитала в клетке и умирала в клетке, // в цветнике не оставалось и имени этой птички. // <...> // Глаза и сердце должны быть за завесой, но за завесой скромности, // изношенная чадра – это не основа мусульманской веры» [2:153-154].

Конечно, реформа женской одежды имела и своих противников, среди которых и те, для кого хиджаб являлся маркером высокого социального статуса, позволявшего держать женщин в изоляции вне любой производительной деятельности, и те, кто ратовал за сохранение хиджаба как отражение божественного порядка, предписывающего закрытие лица женщины (*ру герефтан*). Так, известный поэт и журналист Ашраф ад-Дин Гиляни (1870-1934) был сторонником женского образования, однако расценивал хиджаб как гарантию и символ женского благочестия и связывал его отмену с ослаблением религиозного чувства и утратой культурной целостности.

Литература:

[1] *Ираджд-мирза, Джалал ал-Мамалек*. Диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1963.

[2] *Парвин Э'тесами*. Диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1954.

[3] *Эшки Мирзаде*. Коллийат-е мосаввар (Полное иллюстрированное собрание сочинений). Тегеран, 1981.

«Устойчивый конфликт» в англо- и тагалоязычной литературе Филиппин 2-й

половины XX века

Бакланова Е.А.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, ст. научный сотрудник кафедры филологии стран ЮВА,

Кореи и Монголии

baklanova@iaas.msu.ru

Двадцатый век стал поворотным в развитии филиппинской литературы: в 1900-е гг. власть над Филиппинами перешла из рук испанского колониального правительства в руки американской администрации, что уже к 1940-м гг. привело к упадку испаноязычной литературной традиции и расцвету литературы на английском языке, ставшей, наряду с тагалоязычной, в авангарде современной литературы многонациональной Филиппинской Республики. В своем творчестве в духе социального реализма писатели XX в. опирались на традиции испано-филиппинской романистики и поэзии конца XIX в. и, в значительной степени, образцы американской и европейской литературы XIX - нач. XX вв. [1; 3] – произведения Ч. Диккенса, О. де Бальзака, Э. По, О. Генри, Ш. Андерсона, У. Стила, Дж. Стейнбека, У. Сарояна, Э. Хемингуэя, Дж. Элиота, Э. Каммингса, Р. Фроста, У. Уитмена и др.

Отмечено, что для многих произведений мировой литературы XIX–XX вв. характерно смещение фокуса внимания с индивидуального, частного конфликта и перипетий героя на «само состояние человеческого мира в его сложности, многоплановости и неизбежной, устойчивой конфликтности» [2, с. 224]. К середине XX в. наиболее талантливые филиппинские писатели выходят за рамки традиционной литературы, преодолевая частный характер затрагиваемых конфликтов (между городом и деревней, помещиком и арендаторами, бедняками и богачами Манилы, героиней-женщиной и отведенным ей местом в «мужском мире») и выходя на конфликты универсального, устойчивого плана.

«Универсальный» конфликт как ситуация, в которую вовлечены внешние силы, большое число людей, в филиппинской литературе 2-й половины XX в. тесно переплетается с понятием «устойчивого», неразрешимого конфликта. С одной стороны, в противостояние,

вокруг которого строится сюжет, нередко вовлечены большие социальные группы, либо данное состояние присуще определенным слоям населения. С другой стороны, в силу социальных, политических и даже исторических причин, возможности для разрешения такого конфликта отсутствуют. Наиболее ярко это проявляется в филиппинской прозе на тагальском (тагалог) и английском языках.

Можно выделить, как минимум, следующие разновидности «устойчивых» конфликтов в филиппинской литературе:

1) *конфликт социального неравенства, бесправия масс* (проза литературной группы «Потоки в пустыне», стихи Л. Антонио, Х. Лакабы, Э. Сан Хуана, В. Надеры и др.),

2) *конфликт национальной, культурной идентичности* (особенно в произведениях Ника Хоакина, также в поэзии В. Альмарио, В. Надеры);

3) *кризис социальной ответственности элит* (особ. в романах т.н. «Саги о Росалесе» и рассказах Ф.Сиониля Хосе, романах Б.Сантоса, К.Полотан-Туверы, Л. Тай-Каспер);

4) *конфликт эмигранта* (особ. в романах Н.В.М. Гонсалеса «Танцоры с бамбуком», прозе и поэзии Б. Сантоса и др.).

Литература:

[1] *Макаренко В.А.* Филиппинская литература, в: Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. Энциклопедия, 1962–1978, Т. 7. 1972. СПб. 963–969.

[2] *Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я.* и др. Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004.

[3] *Lumbera Bienvenido, Lumbera Cynthia Nograles.* Philippine Literature. A History and Anthology. Pasig City: Anvil Publ., 2005.

Риторические особенности главы «Вопросы к Конфуцию» (*Вэнь Кун*) трактата Ван Чуна «Весы суждений» (*Луньхэн*) (I в. н.э.)

Барабошкин К.Е.

ИСАА МГУ, доцент кафедры китайской филологии

kanglaoshi@iaas.msu.ru

В трактате Ван Чуна (I в.н.э.) *Луньхэн* «Весы суждений» (論衡) есть множество интересных частей, которые привлекают внимание не только с точки зрения изучения литературной мысли, но и с точки зрения структуры, а также грамотно выстроенной

аргументации. Сохранившиеся главы трактата разнообразны, при этом некоторые из них схожи по своей композиции, которая определялась мыслителем исходя из конкретной задачи. В отдельных главах трактата Ван Чун касается теории о том, как стоит выстраивать дискуссию с мыслителями (прошлого или современности), к каким тропам стоит прибегать в литературе и как их использовать грамотно.

Одной из таких глав является *Вэнь Кун* «Вопросы к Конфуцию» (問孔), которая в современной разбивке текста составляет девятый «свиток» (*цзюань*) трактата. Главы, составляющие десятый *цзюань*, сохраняют подобную «адресность» в названии: *Фэй Хань* «Отрицание Хань[фэйцзы]» (非韓) и *Цы Мэн* «Упреки Мэнцзы» (刺孟). А в предыдущих *цзюанях* находятся главы, посвященные «ложному»-*сюй* (虛) (девять глав) и «преувеличению»-*цзэн* (增) (три главы), в которых затрагивается проблема различных тропов, к примеру метафоры и гиперболы. Т.о., даже по расположению внутри трактата становится ясно, что главы размещены в таком порядке намеренно (либо самим Ван Чуном, либо в последующих редакциях).

Все литераторы, вне зависимости от того, к какому классу, по Ван Чуну, они относятся, являются учениками своих предшественников и работают с дошедшим до них наследием (устным или письменным). А потому мыслителю важно понять, каким образом литераторы вступают в диалог со своими учителями, либо с теми, кого они почитают за учителей, которые жили столетия назад (тогда диалог идет через труды). И в начале главы *Вэнь Кун* Ван Чун тезисно формулирует данную проблему: «В миру, ученые-жу (儒) любят верить учителям и почитают верным [всё, что относится] к древности. [Они] считают, что [среди] всего [того,] о чём говорят достойные и премудрые, нет неверного, [а потому] направляют весь свой дух-цзин на изложение и изучение [сути учения премудрых] и не имеют [надобности в том, чтобы] требовать (ставить под сомнение)-нань (難) и задавать [им] вопросы-вэнь(問)». Тем самым именно в этой главе Ван Чун открывает для читателя тот метод, с которым он сам подходит к анализу любого высказывания – *наньвэнь*. Мыслитель рекомендует подходить к анализу любого утверждения с точки зрения соответствия действительности (истине-ши 實). Он предлагает не просто разбирать то или иное высказывание, но еще и грамотно аргументировать данный разбор, опираясь на факты действительности (соответствие истине). Причем финальное качество обретенного в дискуссии (или в результате анализа) знания часто зависит лишь от умения дистанцироваться-*цзюй* (距) от живого учителя или жившего когда-то авторитета.

Как это часто бывает в трактате, Ван Чун, сформулировав в начале главы тезис, в данном случае о важности метода *наньвэнь*, далее переходит к конкретным примерам, на

которых доказывает состоятельность этого тезиса. Для этого он берет места из *Луньюя* в которых Конфуций отвечает на один и тот же вопрос разным ученикам. И далее автор *Луньхэн* демонстрирует, каким образом, используя *вэнь* или *нань*, можно прийти к логичному объяснению разницы в ответах. Исходя из употребления философом слов *вэнь* и *нань*, можно прийти к следующему выводу: *вэнь* – это, как и можно понять по переводу, вопрос, либо прямой, либо риторический. С *нань* все обстоит сложнее – к нему Ван Чун относит все, что помогает прояснить ситуацию и прийти до истины: в каких-то случаях это майевтика, сократовский метод «повивальной бабки»; в каких-то – апагогия (сведение к абсурду) и его частный случай – доказательство от противного, а в каких-то – это различного рода аргументы: к традиции, авторитету, эмпирическому опыту и т.п.

Рассматривая различные высказывания Конфуция, Ван Чун разбирает многие риторические фигуры, а также демонстрирует, что Конфуций, как человек мудрый и талантливый, всегда знал, что, кому и как сказать. Он, как формулирует сам Ван Чун, «бил по короткому», то есть видел, что от него хочет услышать каждый конкретный собеседник и поэтому на одни и те же вопросы он отвечал по-разному, в зависимости от личности вопрошающего, при этом его ответы не противоречили сути обсуждаемого предмета.

Таким образом, Ван Чун использует весьма привычную структуру главы – формулировка тезиса в самом начале, а потом приведение множества примеров с их анализом в подтверждение своего суждения. Несмотря на кажущуюся простоту данной структуры, на уровне всего трактата данная глава убедительно дополняет рассуждения мыслителя о литературе и знакомит читателя с подходом философа к анализу различных суждений.

Литература:

[1] Весы суждений / Собрание литературных произведений по четырем разделам/ Под ред. Чжан Юаньцзи. Шанхай: Шанхай Шудянь Чубаньшэ, 2015. С. 433–440.

[2] Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй». «Мэнцзы». // Пер. с кит. и предисл. И.И. Семененко. Москва: Издательство восточной литературы, 2016. — 375 с.

Топосы поста и трапезы в древнегрузинской агиографической литературе

Башелешвили Л. О.

*МГУ имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, старший преподаватель
кафедры истории стран ближнего зарубежья*

likamgu@mail.ru

Библейский мотив «Искушение хлебами» и тоpos иноческой трапезы в агиографии, так или иначе, всегда подразумевает контекст «того» великого искушения в пустыне, которое претерпел Иисус Христос. «Топос (в том числе, трапезы и поста, к. м.) – нечто анонимное. Он срывается с пера сочинителя как литературная реминисценция. Ему, как и мотиву, в изобразительном искусстве, присуще временное и пространственное всеприсутствие... В этом внеличностном стилевом элементе мы касаемся такого пласта исторической жизни, который лежит глубже, чем уровень индивидуального изобретения» [1, с. 9].

Еда как источник удовольствия и, соответственно, преграда на пути духовного совершенствования монаха, в сочинениях агиографов приобретает глубоко символическую нагрузку и становится обязательным звеном в «образной» передаче домостроительства святости героя. Топос поста и трапезы в грузинской агиографии имеет еще один интереснейший религиозно-культурный контекст, который касается Халкидонского собора (451) и «войны постов» (диофизитских и монофизитских) в грузинских монастырях и памятниках словесности.

С точки зрения конфессиональных и вероисповедальных мотивов наше внимание привлёк выдающийся памятник грузинской словесности агиографа Гиорги Мерчуле «Житие святого Григола Ханцтэли» (951) и топосы поста и трапезы в этом сочинении. Из изложения грузинских агиографов явствует, что, если анахореты сами себе определяли меру – ели и пили то, что возможно было достать самому, собирая корни и листья, семена и плоды, то в монастыре вопросы питания и предписания для трапезной были занесены в типикон и им регулировались. Согласно агиографу Гиорги Мерчуле, прп. Григол Ханцтэли вслед за церковью и монашескими кельями построил «саостигне», т.е. трапезную, поскольку типикон запрещал монахам есть в кельях и все, приходя «в трапезную, вкушали пищу вместе» [2, с. 267]. В неделю два дня монахи ели только растительную пищу и во время всех календарных постов исполняли все предписания честно и с достоинством: «Пост молочными снедями (груз. წუელითა *cuelita*) – проросшая пшеница? – Л.Б.) в Гиоргицминда, т.е. св. Георгия, до наступления [дня] святого Георгия, а также посты рождественский и святых апостолов исполняли в церкви великими подвигами, с добром и благоговением» [2, с. 266]. Лексему წუელი многие известные грузинские учёные толкуют как молочные снеди [2, с. 614], простоквашу или мацони [2, с. 1673]. Великий Сулхан-Саба Орбелиани в своём этимологическом словаре пишет, что წუელი – проросшая пшеница, от корня до маленького сучка. Н.Я. Марр который обнаружил, издал и перевел этот памятник на русский язык и наш современник прот. И. Зетеишвили переводят данное слово как «молочное». Что имеется в виду, когда агиограф пишет о посте с «молочными снедями»? Почему в православном

монастыре Ханцта в Тао-Кларджети монахи постились или могли поститься молочными? Вот как комментирует известный грузино-византийский деятель, предводитель грузинского монастыря Ивирон на горе Афон св. Эптимэ Атонэли пост с молочными снедями в «Вопросоответах с Теодором Сабацминдэли» [3, с. 12]. В ответе, данном священнику Тэодорэ из Палестинской лавры св. Саввы Освященного, в грузинском словоупотреблении Сабацминда, некоторые акценты расставлены более чётко: «Касательно вкушения рыбы во время кафолических постов будьте со спокойным сердцем в любви вашей, это не [есть] нарушение законов веры и никакая не провинность, а гораздо неприличнее уравнивать вкушение рыбы со вкушением молочного, и как, и откуда, и кто посеял сие в стране нашей, диву даюсь, предполагаю – армяне. Во время кафолических постов вкушать рыбу для монахов, живущих по закону, – чинно, а если не вкусят день иной, то во время Благовещения обязательно следует, и невкушение – уже проступок, если, конечно, рыба имеется [в наличии]. И сие заключаю [решительно], поскольку молочным постятся армяне-еретики, то это неблагочинно. И записано сие в законах веры и касательно таковых и надобно так, и не [слова] больше» [3, с. 18]. Так, «пост молочными» скорее всего отголосок грузино-армянского вероучительного конфликта после Халкидонского собора и прекращения между церквями-сестрами евхаристического союза. Нет канонической связи, но остались некоторые общие традиции, распространенные в дохалкидонских церквях, что нашло свое отражение в вышеуказанном памятнике.

Литература:

[1] *Curtius E.R.* Zum Begriff einer historischen Topik // *Toposforschung: Eine Dokumentation*. Fr. M., 1972.

[2] *გიორგი მერჩულე*. О достойной жизни подвижничества и подвига блаженного отца нашего Григола, архимандрита и строителя Ханцта и Шатбэрд и вместе с ним воспоминания множества блаженных отцов // ПДГАЛ. Критич. тексты исслед. и редактировал И.В. Абуладзе. Тбилиси, 1964. Кн. I (V–X вв.) (на груз. яз.).

[3]. Вопросыответы *Эптимэ Атонэли* Теодору Сабацминдэли (Из Лавры Саввы Освящённого). 1005–1019. // Памятники грузинского права. Церковные законодательные памятники (XI–XIX вв.). Тексты издал, примеч. и указат. снабдил проф. И.С. Долидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1970. Т. 3. С. 12–18 (на груз. яз.).

Авторская диалектная поэзия в современном Иране

Громова А.В.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры иранской филологии
agromova@yandex.ru

Стоявший у истоков развития иранской диалектологии Садек Кия в «Руководстве по сбору диалектов» подчеркивал, что «ни один из диалектов Ирана не обладает древней литературной традицией, литература на них сводится песням, рассказам, загадкам, пословицам и поговоркам, поэтому следует говорить о фольклоре, а не о литературе. На некоторых диалектах писали книги и слагали стихи, но этот процесс не был продолжительным...» [2, с. 3]. «В наше время, – отмечал С. Кия в 1962 г., – «предпринимаются многочисленные попытки использовать диалекты на письме и создать на них автономную литературу, однако эти усилия направлены не на сохранение диалектов, а на борьбу с персидским языком и литературой и на разжигание розни между иранцами».

О появлении в определенный период диалектных литературных памятников и использовании диалектных слов и оборотов в поэзии пишет и Парвиз Натель Ханлари, создатель курса «История персидского языка» и одноименной кафедры филологического факультета Тегеранского университета. В условиях многоязычия, характеризующего социолингвистическую ситуацию в Иране в XII-XIII вв., Хафиз, Саади и другие поэты иногда включали в свои произведения отдельные бейты на диалекте, но в основном сознательно делали выбор в пользу персидского, чтобы иметь более широкую аудиторию. [5, с. 141–146].

Наличие или отсутствие письменной и литературной нормы – наряду с престижем, социополитическим статусом, ареалом распространения и взаимопонятностью между идиомами – используются как основные принципы разграничения понятий языка и диалект [1]. Последний признан в иранской лингвистике как базовый дифференциальный критерий, что привело к корректировке применяемой терминологической системы, которая используется и в работах по «местной литературе» (*adabiyāt-e mahalli*) или «литературе на языках коренных народов» (*adabiyāt-e bumi*). Эти литературы часто становятся объектом изучения исследователей фольклора, истории литературы народов Ирана, отдельных распространенных на территории страны идиомов, 46 или 76 из которых по разным подсчетам и оценкам, имеют статус уязвимых или угрожаемых [3, с. 353–354]. Выпускаются специализированные университетские журналы, например, «*Zabānhā-vo adabiyāthā-ye mahalli-ye irānzamin* (Местные языки и литературы Ирана»,), «*Farhang-o adabiyāt-e ‘āmmeh* (Народная культура и литература)». Выполненный по заголовкам и ключевым словам поиск в Национальной базе данных публикаций Magiran по запросам «*adabiyāt-e bumi*» и «*adabiyāt-e mahalli*» позволяет выявить 20 и 40 статей соответственно. В среде носителей миноритарных

языков и диалектов наличие литературы рассматривается как один из элементов престижа собственного языка, часто встречаются случаи его использования для «работы на публику» (language-for-performance). Поэтому литературное творчество остается одной из основных сфер функционирования этих идиомов. В ситуации языкового сдвига публикация авторской диалектной поэзии – в рамках реализации 15-й статьи Конституции ИРИ о свободной публикации книг на местных языках (zabānhā-ye mahalli) – оказывается одним из главных направлений работы языковых активистов по ревитализации исчезающих идиомов.

На примере анализа материалов на ларестани (центр распространения – остан Фарс, но ареал его использования в виду миграции значительно шире и выходит за пределы Ирана) можно выявить следующие характерные черты бытования диалектной поэзии на современном этапе: 1) самый простой путь для фиксации авторской поэзии в условиях отсутствия письменной нормы является публикация мультимедийного контента на видеохостингах youtube или aparat (например, «Весна в Хондже» Амир-Хусейна Хонджи), где отдельные произведения набирают сотни и тысячи просмотров; 2) многие произведения, в соответствии с классическими традициями представления стихов на публике, оформляются музыкальным сопровождением или подаются как пример декламации; 3) при письменной фиксации либо дается латинская транскрипция, либо прилагается руководство для правильного воспроизведения зафиксированного вязью с использованием дополнительных огласовок); 4) иногда прилагается словарик диалектной лексики; 5) на локальных сайтах многие стихи даются без перевода; 6) стихи могут даны с построчным переводом (например, «Водоем» Сухраба Субахани); 7) распространено создание двуязычных (лари-персидских) произведений или отдельные диалектные обороты включаются в персидский текст, как это происходило в истории развития диалектной поэзии тысячу лет назад [4]; 8) создаются и регулярно обновляются блоги, посвященные языку и литературе, где можно найти информацию о знаменитых поэтах и об истории развития поэтических жанров в Ларестане (gapolap.blogfa.com/).

В качестве предварительного итога можно констатировать, что использование новых технологий и площадок для публикаций способствует развитию диалектной поэзии, а стремление стать лучшими и прославиться, как Халу Рашид, объявленный победителем конкурса диалектной поэзии на Фестивале родного языка в остане Фарс в 2021 г., дает дополнительный стимул к расширению использования диалектов в литературной сфере, поскольку интересы поэтов и языковых активистов в этом направлении часто совпадают. И главное – с точки зрения перспектив сохранения миноритарных языков – есть множество читателей, которые в состоянии оценить красоту диалектных стихов без перевода.

Литература:

- [1] *Dabirmoqaddam M. Zabān, guṇe, guyeš va lahje: kārdbordhāye bumi-vo jahāni // Adabpažuhi. 1387 (2009). 2 (5). Ss. 91-128. URL:*
- [2] *Kiyā S. Rāhnamā-ye gerdāvāri-ye guyešhā. Tehrān: Enteshārāt-e edāre-ye farhang-e ‘āmmē. 1340 (1962).*
- [3] *Mahootian Sh. Language contact and multilingualism in Iran // The Oxford Handbook of Persian Linguistics. A. Sedighi, P. Shabani-Jadidi (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 347-359.*
- [4] *No[w]ruzi H., Qolāmhoseynzāde Q. Manābe’-e tārix-e adabiyāt-e guyeši dar irān-e pas az eslām // Tārix-e adabiyāt. 1395 (2016). 3 (78). Ss. 183-214. URL: https://hlit.sbu.ac.ir/article_98802.html (Дата обращения 10.03.2023)*
- [5] *Xānlari P. N. Zabānšenāsi va zabān-e fārsi. Tehrān: Enteshārāt-e Bonyād-e farhang-e Irān, 1347.*

Женские образы в «Гирлянде джатак» Харибхатты (IV-V в. н.э.)

Гурия А.Г.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, научный с. кафедры индийской филологии

agguria@gmail.com

Литературная джатака на санскрите и ее долитературные предшественники. Женщина в палийском каноне: источник соблазна, препона отрешению от мира («Сутта о Чапе»), но также буддийская монахиня - мудрая и стойкая в своих убеждениях («Тхери-гатха», «Сутта о Субхе» и др.). Место женщины в монашеской и мирской жизни в раннем буддизме. Амбивалентность подхода к изображению женщин. Медитация об отвратительном (старости, смерти, трупах и пр.) как буддийская практика, способствующая освобождению от страстей и привязанностей. Отрешение царевича Сиддхартхи от царской, роскошной мирской жизни, в том числе от гарема прекрасных женщин как образец для подражания и предмет восхищения буддийской традиции. Инкорпорирование инородных по происхождению сюжетов в палийских джатаках. Бытовые сказки, в том числе о хитрецах и неверных женах («Джатака о Суссонди» и др.). Сатирическое изображение женщин. Пародийный образ Драупади, героини «Махабхараты», в палийском каноне. Разнообразие возможных регистров, в которых допустимо изображение женщин в ранних буддийских текстах.

Жанр гирлянды джатак и его развитие. Городской сборник Арья Шуры «Гирлянда джатак» (III-IV в. н.э.) и придворный по своей поэтике одноименный сборник Харибхатты (IV-V в. н.э.). Различие в отборе элементов действительности, в том числе в том, что касается изображения женщин. Подборка женских образов у Арья Шуры: жены-спутницы в вере и жены, мешающие отрешению, царица, получившая свой статус за добродетель в прошлом рождении, роковая красавица, семья ушедших в лес аскетов (включая сестру героя), царский гарем как аудитория для поучений и повод к злодеянию из ревности, жена аскета-объект домогательств, комический образ тещи, обессиленная тигрица-мать как объект жалости героя.

Отличие в подходе Харибхатты к женским образам как проявление иной поэтики его сборника в целом. Идеализация действительности в высокой придворной литературе, в частности, в литературных эпических поэмах *махакавья*. Учет опыта этого жанра и его поэтики, в том числе канонических элементов и ситуаций махакавьи, в сборнике Харибхатты.

Снятие темы «женщина - препона отрешению» почти во всем сборнике как проявление перемен в жизни буддийской общины (усиление роли мирян, снятие требования обязательного ухода в монахи уже в этом рождении). Остаточные элементы критики женщин (в диспуте аскета и зайца в «Джатаке о зайце», в описании того, как царица манипулирует влюбленным в нее мужем в «Джатаке о павлине», и др.). Преобладание положительного или миролюбивого отношения к женщинам в большинстве джатак. Использование шаблонов придворной литературы, взятых из разных ее жанров.

Плач как внутренний жанр в составе эпической поэмы-махакавья, наследие героического эпоса. Плач старшей царицы и гарема в «Прабхаса-джатаке» (№1), богини в «Джатаке об олене» (№22) и др. Жена как источник проблем героя, задающая задачи и подвергающая его риску: ветренная царица в «Джатаке о павлине» (№ 12), ревнивая жена в «Джатаке о слоне» (№19) и др. Столкновение двух идеологических оценок женщины в едином тексте: образ женщины в высокой литературе на санскрите как объекта любования, воплощения всего прекрасного в жизни, отсутствие табуирования эротики; образ женщины как опасного соблазна в буддийских религиозных текстах. Соположение двух разных по идеологии фрагментов в «Джатаке о Чандре» (№20), где к рассказу о гаремных увеселениях царя добавлено дидактическое рассуждение о том, как опасно и вредно чрезмерно увлекаться женщинами и как они коварны. Короткая инвектива против женщин в зайце (и более длинная в павлине). Образы красивых женщин как предмета восхищения: богиня в «Бадарадвипа-джатаке» (2), посланница в «Джатаке о павлине» (№12). Женщина-бодхисаттва, женщина-героиня самопожертвования. Легенда о Рупьявати. Приключенческие легенды в «Джатаке о Канакавармане» (№23), «Киннари и Судхане» (№25), счастливое окончание сюжетов. Вероятные заимствования из канона махакавьи и драмы в литературной джатаке. Сюжеты с

остроумным решением загадки или задачи, наподобие сюжетов бытовых сказок и анекдотов о хитрецах. История вразумления безумной женщины (Кешава, № 37), ее символический смысл. Сюжет о танцовщице, вразумившей всех вожделевших ее зрителей одной строфой, как трансформация сюжетного эпизода заклания истиной. Приглушенность семейной мысли в сборнике. Перенос части семейных и любовных мотивов на джатаки о животных. Тема материнства и нежности к чаду (идеальный сын Шьяма и его престарелые родители, олениха в «Джатаке об олени» №11, пара обезьян-родителей в «Джатаке о льве» № 32). Прощальные наставления аскетом слону. Неоднозначность восприятия женских образов в сборнике Харибхатты, ее вероятные причины.

Сетевая литература в Индонезии

Ершова Ю.С.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, старший преподаватель кафедры Юго-Восточной Азии,

Кореи и Монголии

juliaseptember@yandex.ru

Возникновение сетевой литературы связано с повсеместным использованием компьютеров и других гаджетов, а также с распространением сети Интернет. Данные технологии служат инструментом создания сетевой литературы (однако не следует путать ее с созданными до эры господства Интернета художественными текстами, размещенными в виртуальных библиотеках и на иных интернет-ресурсах). Кроме того, практически ничем не ограниченная информационная свобода такой литературы способствует ее стремительному развитию и популяризации.

Тем не менее, «сетература» не сразу привлекла внимание литературоведов, ее значимость осознавалась постепенно. В настоящее время она заслуженно стала объектом рассмотрения; ведутся споры о ее важности как маркера нового этапа развития литературы. По большей части в исследованиях говорится о сетевом литературном процессе и необходимости выработать критерии, применимые для выделения в ее поле подлинно художественных текстов. Для индонезийских исследователей данный художественный феномен также представляет большой интерес.

В статьях о сетевой литературе встречаются такие варианты ее названия как виртуальная, электронная, интернет-литература. В индонезийском языке аналогом термина «сетература» служит «кибер-литература» (*sastra cyber* или *sastra siber*). Существует ряд

специальных платформ для создания текстов в Интернете. В Индонезии особой популярностью пользуются *Wattpad, Webtoon, PlukMe, Cabaca*.

В работах, посвященных сетературе, прослеживается общая тенденция ее анализа: сопоставление с массовой литературой и постмодернистским дискурсом. Для сравнения с массовой литературой первостепенным является уровень художественных текстов с точки зрения их упрощения и развлекательного характера (в отличие от высокой литературы).

Исследователи сходятся во мнении, что сетература наделена чертами постмодернизма. Это обосновывается тем, что она по своей сути представляет собой порождение постмодернизма (и, возможно, его завершающий этап развития). В качестве основных черт сетературы как постмодернистского явления обычно выделяют деконструкцию, интертекстуальность и гипертекстуальность, игровое начало, «смерть автора». Однако исследователи приходят к заключению, что сетевая литература не воплощает собой целостную постмодернистскую парадигму, профанирует, низводит ее до черт массовой литературы.

В этом отношении сетевая литература Индонезии сближается с массовой литературой и беллетристикой, которые также активно используют отдельные элементы и приемы постмодернистской парадигмы. При этом обычно такие произведения не могут характеризоваться как истинно постмодернистские. Для сетевой литературы Индонезии это тоже чрезвычайно характерно. Ее ценность и качество представляют собой спорный вопрос, но сетература однозначно превратилась в весьма привлекательную нишу для индонезийских авторов.

Литература:

[1] *Сарин Л.* Сетература как художественное явление: между постмодернизмом и массовой культурой / Преподаватель XXI век. 2016. № 3, ч. 2. С. 433–440.

[2] *Черняк В.Д.* Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник / В.Д. Черняк, М.А. Черняк. 5-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. – 192 с.

[3] *Fitriani L.* Sastra cyber di Indonesia. LiNGUA: Jurnal Ilmu Bahasa dan Sastra. Vol 2, No 2, 2007. Hh. 66–74.

[4] *Nurhidayah S., Setiawan R.* Lanskap siber sastra: postmodernisme, sastra populer, dan inrektivitas. Poetika: Jurnal Ilmu Sastra. Vol. VII No. 2, Desember 2019. Hh. 136–147.

Полемика Лян Цичао и Ху Ши о путях развития современной литературы Китая

Захарова Н.В.

*Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН, зав. отделом литератур стран
Азии и Африки*

radaeva2002@gmail.com

Лян Цичао (1873–1929), больше известный как общественный деятель, был одним из литературных критиков, опубликовавшим свои взгляды на развитие новой литературы Китая. В статье «О связи прозы с народовластием» (1902) он затрагивает такие вопросы, как место прозы в иерархической системе китайской литературы, отношение к традиционной культуре, влияние западной литературы на китайскую, а также выдвигает концепцию «революции в области прозы» [2, с. 240–270]. «Революция в мире прозы», предложенная Лян Цичао, заставила литературный мир Китая обратить внимание на считавшиеся ранее «недостойными» жанры и способствовала быстрому расцвету современной китайской прозы.

Первая литературоведческая статья Ху Ши (1891-1962), известного философа и литератора «Мое скромное мнение о реформе литературы», была опубликована в январе 1917 г. В ней он призывал отказаться от условностей старой словесности и писать только на разговорном языке [3, с. 8–10].

Активная деятельность Лян Цичао приходится на последние годы династии Цин, Ху Ши стал известен своими полемическими статьями накануне «движения 4-го мая» 1919 г., их разделяет эпоха, однако оба оказали влияние на развитие современной литературы Китая. Полемика двух видных китайских мыслителей по вопросам литературной ситуации в стране в период перехода от Новой к Новейшей литературе еще не становилась объектом исследования российских синологов.

Первое упоминание Ху Ши о Лян Цичао мы находим в его дневниковых записях от 1912 г., где он дает высокую оценку революционной деятельности Лян Цичао: «Он – главный герой нашей революции (Синьхайская революция 1911 г., завершившая период правления маньчжурской династии – Н.З.), он внес вклад обновление наших мыслей» [1, с. 241]. Однако через несколько лет во взглядах двух литераторов возникли расхождения. Лян Цичао не принял форму стихов Ху Ши, опубликованных в сборнике «Попытка» («尝试»). Лян Цичао пишет о стихах, созданных в новой для китайской поэзии, свободной от рифмы форме: «Воровство. В стихах должен быть рифма. Они не доставляют мне радости, поэтому их нельзя считать стихами» (цит. по 1, с. 242–243). Несовпадение взглядов Лян Цичао и Ху Ши проявилось и в их отношении к традиционной китайской словесности. Ху Ши выступал за отказ от всей литературы, в том числе и философской, делая исключение только для классических романов на разговорном языке. Позиция Лян Цичао по этому вопросу была

более радикальной. В 1922 г. в лекции «Критикую «Программу по истории китайской философии Ху Ши», прочитанной осенью 1922 г., он заявил, что «Ху Ши уничтожает источники философской мысли Китая», обвинял его «в недостаточном знании исторического фона» (цит. по 1, с. 244).

Лян Цичао и Ху Ши в своих теоретических статьях были едины в том, что для создания новой литературы необходимы революционные преобразования, однако понимание сути этих преобразований у них разнилось. Причина в том, что, когда Лян Цичао написал свои основные теоретические статьи, в Китае только начиналось знакомство с художественными ценностями западной словесности и философской мысли, да и сами переводы грешили неточностью и отхождением от источника. В отличие от него, Ху Ши, получил образование в США и мог читать интересующие его труды в подлиннике.

Отличала двух литераторов и их оценка значимости западной культуры для Китая. Лян Цичао предпочтение отдавал восточным ценностям, поэтому он не поддержал «движение за новую культуру», расценивая его как следование западным образцам.

Причину взаимного неприятия теоретических установок Лян Цичао и Ху Ши следует искать в различии эпох, к которым они принадлежали. Лян Цичао не мог полностью отказаться от конфуцианских постулатов, в духе которых он был воспитан, Ху Ши, получивший западное образование, придерживался более радикальных взглядов.

Литература:

[1] 耿云志. 胡适与梁启超 / 胡适研究论稿 (Ху Ши и Лян Цичао / Исследование Ху Ши). Чэнду: Издательство Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1985. С. 240–270.

[2] 梁启超. 论小说与群治之关系革命 // 中国近代文论名篇详注 (Лян Цичао. О связи прозы и народовластия // Комментарии к известным китайским литературным критическим статьям по литературе Китая Нового времени). Гуйян: Изд-во Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1986. С. 383–389.

[3] 胡适. 文学改良刍议 / 胡适文存. 第一集 (Ху Ши. Мое скромное мнение о литературной реформе / Сочинения Ху Ши. Том 1.) [Б.м.]: Изд-во Юаньдун тушу гунсы, 1928. С. 5–10.

Конфликт в традиционной литературе (Запад и Восток)

Исакова И.Н.

*филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры теории
литературы*

mandala-1@yandex.ru

Конфликтом в литературе называется противостояние персонажей, групп лиц, противоречия в душе героя, которые подталкивают того или иного (тех или иных) героев к каким-либо действиям. Конфликты легко обнаружить в литературе любого периода, а также в фольклорных и мифологических текстах, однако в разные исторические эпохи представление о конфликте будет разным.

В традиционной литературе конфликт всегда должен быть выраженным внешне. Например, Ахилл в «Илиаде» четко говорит, что поступок Агамемнона, отобравшего у героя пленницу Брисеиду, является несправедливым. Агамемнон же считает свои действия обоснованными. Конфликт разрешается только тогда, когда Брисеида возвращена Ахиллу. В других случаях персонаж может молчать, но его поступки весьма красноречивы. Необязательно объяснять, почему богатырь решается сразиться с драконом, дивом и др., достаточно указать, что богатырь готовится сразиться (находит оружие, ищет встречи с противником). Часто антигерой ничего плохого лично богатырю не сделал, персонаж вступает за других: освобождает от змея девушек, простой народ и др. Читателю очевидны мотивы поступков персонажей. Если же конфликт слабо выражен или герой скрывает свои чувства, то предполагается, что конфликт отсутствует. Например, Арджуне в «Махабхарате» сложно решиться выступить против Бхишмы, к которому он испытывает любовь и уважение. С современной точки зрения у него конфликт долга и чувства, но в Древней Индии читатели не видели этого, поскольку в тексте прямо не сказано о столкновении эмоций в душе героя. Конфликт начинается с того момента, когда Арджуна принял решение и готовится к бою. Пока герой не действует (неважно, по каким причинам), конфликта нет.

Из этого вытекает вторая важная особенность конфликтов в традиционной литературе – четкие границы конфликтов: есть момент начала конфликта и его окончания. В этом проявляются представления о гармоничном устройстве мира, о порядке, как норме жизни, которую определенный момент нарушает конфликт. Например, в трагедии Софокла «Антигона» начало конфликта – запрет Креонта хоронить Полиника. Тем самым Креонт нарушает божественный закон, что приводит к катастрофическим последствиям: самоубийству Антигоны, Эвридики, Гемона. Тогда Креонт изменяет свое решение. Гармония восстановлена: воля богов исполняется людьми. На примере данной пьесы можно показать, по какой модели развивается конфликт в традиционной литературе. После завязки идет

нарастание напряжения, связанное в том числе и с тем, что герои настаивают на принятом решении, и постепенно в конфликт втягиваются другие персонажи, например, Гемон. Чем больше лиц втянуто в конфликт, тем острее он становится и тем сложнее разрешить его без жертв. В конце концов конфликт приходит к кульминации. В данной пьесе кульминацией является страх Креонта за сына. Кульминация может произойти, когда одна из сторон конфликта (чаще в битве) решает применить какое-то принципиально новое средство: Беовульф в борьбе с матерью Гренделя вспоминает про древний меч, которым можно победить чудовище. Возможен вариант, когда одна из сторон прибегает к хитрости, как, например, ахейцы преподнесли троянцам в подарок коня. В любом случае кульминация – это предел развития конфликта.

Конфликты в традиционной литературе всегда разрешены, причем окончательно – мир снова стабилен и нерушим. Из-за этого перед авторами возникали определенные трудности. Видимо, уже тогда было понимание, что разрешение одного конфликта может стать началом другого, гармония не была достигнута. Но это не признавалось, поэтому создавались ёёварианты приведения сложных жизненных ситуаций к простым и понятным схемам. Например, конфликт дробился на ряд самостоятельных, когда решение одной задачи провоцирует появление следующей, как например, в «Беовульфе»: смерть Гренделя знаменует начало конфликта Беовульфа с матерью Гренделя, однако в самой поэме эти конфликты осмысляются как самостоятельные – каждый из них имеет собственное начало и собственный конец.

В больших по объему произведениях можно наблюдать большое количество конфликтов, которые, например, могут быть сведены к одному масштабному: например, «Махабхарату» можно свести к битве пандавов и кауравов на Курушкетре, которая обросла огромным количеством относительно самостоятельных эпизодов. В каждом из них наблюдается свой конфликт (например, битва Карны с Гхатоткачей), но в то же время каждый эпизод – шаг либо к нарастанию основного конфликта, либо к развязке.

В китайской культуре, представлявшей мир, скорее, как совокупность бесконечных процессов, разрешение конфликта может представлять собой его перетекание в новую форму, явно выраженной точки начала/финала конфликта может и не быть. Ярким примером является роман «Цзин, Пин, Мэй», где в финале главный герой умирает и рождается его сын (или это новая реинкарнация главного героя?), который будет вести праведную жизнь, чтобы замолить грехи отца. Смерть героя – это промежуточный результат, процесс идет дальше: он начался при жизни героя и продолжается после его смерти. И начало конфликта тоже не всегда является ярко выраженным. Например, сложно вычленить завязку в романе «Троецарствие». В романе не сказано, с какого именно момента начался процесс распада страны на отдельные

княжества (или сам процесс тоже следствие, например, стремления Цао Цао к власти), или хотя бы герои осознали, что процесс начался.

В целом же в традиционной литературе сохраняется тенденция к изображению внешне выраженных конфликтов, сначала нарастающих, а затем идущих на спад. Не обязательно это будет ярко выраженная кульминация, это может быть своего рода «кульминационное поле», после которого напряжение начнет постепенно спадать.

Виртуальность японского фэнтези

Ковлеков К.И.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, научный сотрудник НИС «Восточные языки в средней школе»

aevin.laelist@gmail.com

Одной из характерных черт классического фэнтези является иррациональность [2]. Вместе с тем в контексте современного японского фэнтези эта особенность менее выражена, что свидетельствует о постепенном отходе от данной художественной парадигмы в сторону рациональности. Это явление обеспечивается принципом игровой виртуальности хронотопа.

История развития индустрии компьютерных игр в Японии богата на примеры популярных серий ролевых игр фэнтезийного толка. Они послужили базисом для формирования геймерского восприятия, которое находит отражение на страницах японского фэнтези. Данное восприятие характеризуется условной передачей реальности через цифровые показатели и логику компьютерных (ролевых) игр. Форма и содержание произведений, написанных в парадигме виртуальности, претерпевает существенные изменения. Например, механика повышения характеристик игровых персонажей может служить своего рода двигателем фабулы, как это происходит в первой части романа «Да, я – паучиха, а что?» [1]. Героиня этого романа получает «уровни», как в компьютерной игре, по мере своих приключений в подземелье, пытаясь наиболее оптимальным способом улучшить свои сверхъестественные способности и выжить в условиях враждебного и опасного мира. Главный герой зачастую выступает в роли своеобразного игрового аватара автора/читателя и характеризуется через двойственность образа игрока-демиурга – стороннего наблюдателя и основного двигателя событий. Это пересекается также и с другой тенденцией – широкого распространения мотива рационального героя. Этот образ олицетворяет в себе некий идеал современников – прагматичный эрудированный менеджер, который стоит за гранью добра и зла, являясь своего рода светочем порядка в иррациональном мире мифических животных и

сверхчеловеческих сил. Рациональный герой как бы нарочито заявляет о том, что в параллельном мире меча и магии нужно поступать определённым «рациональным» образом, что является панацеей для разрешения конфликтов внутри как отдельного произведения, так и в целом художественного дискурса произведений. В этом проявляется ещё одно свойство виртуальности японского фэнтези, когда тематически схожие произведения существуют в своём отдельном виртуальном информационном поле со своей развивающейся тематикой, удалённой от проблем реальной жизни.

Таким образом, виртуальность японского фэнтези выражается особыми свойствами хронотопа, тематики, композиции и художественных приёмов, продиктованными геймерским восприятием. Игровая симуляция реалистичного вымышленного параллельного мира зачастую происходит при помощи условностей компьютерной игры, условностей, которые образуют единый фреймворк самовоспроизведения литературной формулы.

Литература:

[1] *Баба-окина*. Кумо дэсу га, нани ка? (с яп. «я – паучиха, а что?»). [Электронный ресурс] URL: <https://ncode.syosetu.com/n7975cr/> (дата обращения 09.03.2023)

[2] *Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999, 308 с.

Превращение канонического текста в драматический: пьеса Динсмана «В ожидании слова Божьего» на основе хадиса Ка'ба ибн Малика

Кукушкина Е.С.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, зав. каф. филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии
eskukushkina@iaas.msu.ru*

Пьеса одного из ведущих драматургов современной Малайзии Динсмана (р. 1949) выступает образцом исламской литературы, утвердившейся как мейнстрим национальной словесности ещё с 1980-х годов. Религиозный поиск сильно занимал Динсмана на всем протяжении его творчества, и пьеса «В ожидании слова Божьего» (Menunggu Kata dari Tuhan; 2009) может считаться выражением его кредо как мусульманина и литератора.

Пьеса представляет собой сценическую обработку известного хадиса, восходящего к соратнику Мухаммада Ка'бу ибн Малику. Данный хадис выделяется своим объемом: это повествование о том, как Ка'б по непонятной ему самому расслабленности не примкнул к

воинству Пророка, которое направлялось на битву при Табуке. Ожидая встречу с вернувшимся Мухаммадом, он вынужден сделать выбор: сознаться в отсутствии оправданий своему поступку, или ложью обелить себя. Ка'б решает на первое и переживает мучительное отчуждение от соплеменников пока, наконец, Мухаммад не получает откровение о том, что провинившийся прощен за честность.

С одной стороны, сам по себе подобный сюжет обладает высокой драматичностью и внутренним напряжением, что делает его потенциально сценичным. С другой стороны, это канонический текст, требующий чрезвычайно деликатного обращения. В Малайзии, которая несколько последних десятилетий переживает подъем исламского фундаментализма, такое литературное предприятие требует осторожности. Не в меньшей степени этого требует посыл Динсмана-мусульманина: с одной стороны, его заботит размывание основ религиозного мировоззрения малайской общины, а с другой – формально-ортодоксальное исповедание ислама многими его соотечественниками¹. Его пьеса несет в себе заряд проповеди, обращенной и к тем, кто недостаточно стоек, и к тем, кто недостаточно искренен в вере. История Ка'ба ибн Малика повествует об испытании на стойкость и искренность.

Динсману пришлось сочетать задачи сохранения каноничности и создания художественного текста. Первую задачу он решил с помощью скрупулезного следования деталям, излагаемым в хадисе. В пьесе включен своего рода пролог, в котором исполнитель обращается к зрителям с пояснениями, на каких изданиях (на малайском и арабском языке) основано произведение. Автор оговаривается, что пролог может быть опущен, но это не создаст впечатления недостоверности: вместе с самой пьесой Динсман публикует текст хадиса на арабском языке с параллельным переводом на малайский.

Казалось бы, драматург сам себе задает крайне жесткие рамки, в которых пьеса превращается в почти построчный пересказ хадиса. Выйти за эти рамки и вместе с тем не нарушить каноничность оригинальной истории ему помогает выбор жанра. «В ожидании слова Божьего» – образец монодрамы, наделенный всеми жанровыми признаками. В нем присутствует 'единственный действующий', сквозь восприятие которого преломляется все происходящее с ним и вокруг него. Конфликт произведения носит исключительно внутренний характер, и все развитие сюжета происходит в виде череды сменяющихся друг друга душевных состояний и мыслей героя. При этом монодрама заведомо несет в себе значительно больший элемент нарративности по сравнению с другими жанрами, благодаря чему сохраняется отсылка к повествовательной природе хадиса Ка'ба ибн Малика.

¹ Проблемам малайской исламской общины посвящены многочисленные публицистические статьи Динсмана, изданные в 2017 году отдельной книгой «В поисках естественного ислама в Малайзии» (Mencari Kewajaran Islam di Malaysia).

Жанровое своеобразие пьесы позволяет ее автору не просто воспроизвести рассказ Ка'ба о случившемся, но сделать особый акцент на душевной борьбе героя и на обуревавших его переживаниях. Особое значение приобретает лексика с функцией эмотивности – они заимствуются из хадиса и выверенно дополняется близким по смыслу авторским словом. Именно они служат каркасом композиции пьесы, маркируя переход от одного события-состояния героя к другому. Эмоция, всегда требующая выражения, уравнивает повествовательность текста миметическим началом, принципиально важным для воплощения текста на сцене.

Литература:

[1] *Евреинов Н.Н.* Введение в монодраму. Санкт-Петербург: Издание Н.И. Бутковской, 1909. 31 с. (в дореволюционной орфографии).

[2] *Кукушкина Е.С.* Монодрама в национальной драматургии Малайзии: ретроспектива возникновения жанра // *Litera*, 2022, № 9. С. 20–32.

[3] *Dinsman.* Menunggu Kata Dari Tuhan: Teater dari Hadith Nabi. Shah Alam: Teater Elit, 2009.

Цикл стихов для детей в творчестве Нима Юшиджа (1897-1960): тема и форма

Кузнецов А.А.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, аспирант кафедры иранской филологии,

kuznecovaa@ty.msu.ru

Тема детства занимает исключительное место в творчестве отца «новой поэзии» в Иране, Нима Юшиджа (1897-1960). Поэт напитывал многие свои произведения духом восхищения порой детства и юности, которая представляется неотделимой от пребывания в идеальном мире природы (см. [1]). В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века Нима Юшидж, работавший в то время вместе со своей супругой школьным учителем, адресовал ряд стихотворений детскому читателю. Эти стихотворения образуют небольшой цикл «стихотворений для детей», в котором можно обнаружить ряд художественных особенностей.

Иранский литератор Рухолла Махди Пуромрани обратил внимание исследователей на стихотворения данного направления, подробно описав их в своей работе [2]. Предлагаемая нами работа призвана дополнить находки учёного ответом на вопрос о структурной организации данных текстов. Представляется, что творческие решения Нима Юшиджа, нашедшие воплощения в стихах для детей, внесли определённый вклад в формирование «новой поэзии», поскольку они могли послужить поэту своего рода творческой лабораторией.

Обращение взора автора к детской аудитории определила тематическую составляющую его стихотворений. Особо известным из них является «Весна», составленное в г. Лахиджан в феврале 1930 года. Стихотворение сложено в духе тематических жанров *бахариййе-ноурузиййе*, воспевающих торжество прихода весны и наступления Нового года по солнечному календарю: вся природа пробуждается ото сна и облачается в цветные одежды, а трудяги-пчелы снова приступают к своей неустанной работе. Другое, более раннее стихотворение «Песня из клетки» (1926) лирический герой – соловей – рассказывает о том, как он оказался в плену любви и теперь поёт песню из клетки. Налицо классический образ влюблённого соловья, вложенный в авторскую идею. К детскому циклу можно причислить ряд стихотворений, которые представляют собою поучительные повествования в стихах (например, «Куропатка» 1929 г. и «Петух и индюшка» того же года написания).

Формальная организация стихотворений для детей весьма разнообразна. Автор пользуется строфическими формами, в рамках которых варьируются схемы рифмовки. Например, «Песня из клетки» напоминает *пятистрочник-мухаммас* с рифмовкой *aabbc-eeddf*. Особым образом построен *тарджи 'банд* «Весна»: строки представляют собою короткие и простые синтагмы; контур рифмы модифицирован по сравнению с классическим; присутствуют элементы разговорного языка (грамматическая форма так называемого «настоящего конкретного» времени, фонетические стяжения слов по модели *mixune* вместо *mixānad* «поёт»). В стихотворениях можно обратить внимание на обилие слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ak* (*morqak* «птичка», *heuvanak* «зверушка»). Взрослый лирический герой копирует детскую манеру речи, и таким образом трансформирует поэтический язык стиха.

Литература:

[1] Кузнецов А. А. Истоки темы детства в новой поэзии Ирана: Нима Юшидж (1897-1960) и Голчин Гиляни (1910-1972) // Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов-2022. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. Москва: МАКС Пресс, 2022.

[2] Пуромрани Р.-М. Кудаканеха-йе Нима Юшидж // Кетабмах-е кудак ва ноуджаван. №77. Тегеран, 2004. (на перс. яз.)

Писатели контекста — Сига Наоя и Миядзава Кэндзи

Мазурик В.П.

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

mazurik52@mail.ru

Давно замечено, что наиболее чтимые в Японии литераторы зачастую не находят достойного отклика за пределами страны. Этот феномен лучше всего проиллюстрировать на творчестве двух выдающихся прозаиков начала XX века – Сиги Наоя (1883-1971) и Миядзавы Кэндзи (1896-1933).

Внешне, казалось бы, ничто не мешает адекватному восприятию их текстов за границей – они не перегружены этнографическими реалиями и психологически сложными ситуациями. Первый целиком погружен в бытовой контекст, а второй вообще иногда причисляется к детским писателям. Между тем в переводе на любой иностранный язык из их текстов почти полностью исчезает нечто, что делает их самыми любимыми в Японии авторами (Миядзава за пределами страны стал больше известным не благодаря переводам, но выходу знаменитого мультфильма по его повести «Ночь на экспрессе Млечного Пути»).

Для того, чтобы понять причину подобной трансформации, придется обратиться к истории японской словесности вообще. Уже в самых ранних текстах, зафиксированных на письме, можно безошибочно почувствовать гораздо более тесную связь текста с контекстом, что в древности можно отнести за счет включенности в ритуал, однако это не объясняет парадоксальной стойкости этого явления в более поздние времена, включая современность.

В средневековой поэзии это иногда трактуется как проявление эстетики «сокровенной красоты», то есть, погружения текста в сферу трансцендентной медитации. Однако даже в Средние века мы отмечаем существование неортодоксальных поэтических школ Рэйдзэй и Кёгоку, стихам которых было почти не свойственно подобное качество. С другой стороны даже в начале Нового времени в творчестве поэтов школы Сё:фу:, искавших в стихотворчестве не эстетический идеал, но экзистенциальную истину Макото (правда, в эту категорию поэты Ки-но Цураюки (X век) и Мацуо Басё: (XVII век) вкладывали принципиально различное содержание) текст, по сути дела, вообще перестает быть носителем самой важной информации, становясь лишь инициацией некоего медитационного состояния.

Почему же именно эту связь тесную текста с контекстом даже самый неподготовленный японский читатель был готов воспринимать как проявление высшего литературного мастерства, оставляющего далеко позади все ухищрения классической поэтики? Текст, по мнению японской публики и критики, должен выглядеть так, как будто он вовсе не сочинен, но подсмотрен, подслушан в реальной жизни и при этом сохраняет в себе все краски, запахи, движения этой жизни.

Можно предположить, что основы этого лежат в особенностях японской языковой ментальности вообще. Особенность эта – в невозможности словесному сообщению до конца отделиться от породившей его реальности, что проявляется на всех уровнях японского языка: лексико-грамматическом, синтаксическом, стилистическом и т.д. Всякий, кто имеет хотя бы начальный уровень владения японским, может подтвердить это на множестве примеров, взятых вовсе не из далекого прошлого.

Эта особенность японского языка чрезвычайно важна не только в области художественной словесности, хотя именно ее, особенно поэзию, которую академик Н.И. Конрад (1891-1970) справедливо считал главным ключом к японскому культурному коду. Именно поэтому качественное восприятие японского текста или устного сообщения зачастую опирается в сведения социально-психологического, культурно-исторического характера.

Заметки на полях исследований о Камоле Худжанди и переводах его газелей в России

Мирзоюнус Матлуба

*Худжандский государственный университет им. акад. Б. Гафурова, д.ф.н., профессор
matluba.khojaeva@gmail.com*

Наиболее яркие особенности стиля Камола Худжанди, крупного персидско-таджикского поэта XIV века, проявляются в лаконичности, виртуозности, игре слов, аллитерации, полисемии, приеме двусмыслицы. Именно эти особенности и привлекли к нему внимание не только восточных, но и западных литераторов. Среди славяноязычных литературоведов первым упомянул имя Камола Худжанди А. Е. Крымский в своей работе «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» и «Хафиз та його писни», где он отмечает сходство его поэзии с Хафизом и приводит сведения, касающиеся его переводов в Европе.

В русской же научной литературе имя Камола Худжанди впервые встречается в сочинении известного историка-ориенталиста В. Григорьева в его работе «О местоположении Сарая – столицы Золотой Орды», в двух изданиях которой (1845 и 1876) речь идет о почетном месте Камола Худжанди среди знатоков – суфиев в Сарае [4]. В русском литературоведении наиболее серьезные работы по камоловедению появились в XX веке, среди которых особо выделяются статьи ведущих востоковедов Е.Э. Бертельса и И.С. Брагинского. В статье Е. Э. Бертельса «Литература народов Средней Азии с древних времен до XV в.» автор ограничивается несколькими штрихами, а в другой своей работе «Персидская литература в Средней Азии» он пишет о дружбе Камола Худжанди с Хафизом, о влиянии

Камола на последующих поэтов, особенно на творчество Сироджиддина Бисоти Самарканди, об использовании поэтом образа «собаки возлюбленной», о его отношении к Хасану Дехлави и пр. Другой известный востоковед И. С. Брагинский, более скрупулезно исследуя жизнь и творчество Камола Худжанди, высказывает свою точку зрения об эпохе жизни, художественном наследии и особенностях его поэтического мастерства. Его статьи впервые были опубликованы в предисловии русского издания стихов Камола Худжанди (1949), позже в его книгах «Очерки из истории таджикской литературы» (1956), «12 миниатюр» (1966), «От Авесты до Айни» (1981), а также в ряде журналов. Наиболее важной и информативно насыщенной среди них является статья «О творчестве Камола Худжанди», в которой автор приводит биографические сведения о Камоле Худжанди и убедительно доказывает, что он далек от слепого подражания. Подчеркивая тонкость и изящество стиля в его поэзии, автор исследует образцы его стихов с точки зрения идейного содержания, тематики, ключевых слов и выражений, народных изречений, рифмы и ритма [3]. И. С. Брагинский был первым из числа русских исследователей, который занялся сбором и составлением сборников переводов Камола Худжанди на русском языке. Свою лепту в изучение творчества поэта внесли и другие литературоведы-ориенталисты, как А. Н. Болдырев, упомянувший его имя в предисловии к избранным стихам Хафиза, Л. И. Климович, З. В. Пономарева и З. А. Черных, использовавшие ряд сведений о нем в своем рекомендательном указателе, а также М.Л. Рейснер и А.Н. Ардашникова.

Исследование вопроса об истории переводов газелей Камола на русский язык связано с изданиями, как отдельных сборников стихов поэта, так и антологий персидско-таджикской литературы. По сегодняшний день стихи Камола на русском языке отдельными сборниками вышли 5 раз, в том числе в Сталинабаде (1949, 1958), Душанбе (1968), Москве (1976) и Худжанде (1996). Большинство стихов переведены А. Адалис, В. Звягинцевой, В. Потаповой, имеются также и переводы И. Сельвинского, Я. Козловского, М. Синельникова, И. Гуровой и Р. Гайворонского. К сожалению, все эти переводы сделаны с подстрочников. Только в последние несколько лет появились переводы С. Сангина и А. Шарипова, сделанные непосредственно с языка оригинала.

В 2020 г. в Худжанде вышла книга «Камол Худжанди в России: исследования и переводы», составленные М. Мирзоюнус и С. Аъзамзодом. В настоящий сборник вошли исследования русских ученых и переводы газелей Камола Худжанди. Краткий обзор исследований творчества и переводов газелей Камола Худжанди приводит к выводу о том, что этот крупный поэт-мистик еще мало знаком русскоязычному читателю и, поэтому наряду с изданием и переизданием исследований и переводов есть необходимость в новых, более

глубоких работах с учетом новых достоверных историко-литературных фактов, а также в новых, более совершенных, близких к оригиналу, переводах.

Литература:

[1] *Бертельс Е. Э.* Литература на персидском языке в Средней Азии // Бертельс Е. Э. Избр. труды. История литературы и культуры Ирана. М.: Наука, 1988. – 460 с.

[2] *Брагинский И. С.* Камоль Худжанди // Камоль Худжанди. Избранная лирика: Серия «Классики таджикской литературы». Сталинабад, 1949. – 70 с.

[3] *Брагинский И. С.* О творчестве Камола Худжанди // Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956. С. 240–242.

[4] *Григорьев В. В.* О местоположении Сарая – столицы Золотой Орды // Россия и Азия Сб. исследований и статей по истории этнографии и географии. – СПб., 1876. С. 259–321.

[5] *Рейснер М.Л.* Эволюция классической газели на фарси (X–XIV века). М.: Наука, 1989. –224 с.

Об истории Адама и ее отражении в романе Нагиба Махфуза "Аулад харатина" (Сыны нашего квартала)

Налич Т.С.

*ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии
nalitchts@my.msu.ru*

В романе «Аулад харатина» («Сыны нашей улицы») египетского нобелевского лауреата Нагиба Махфуза (1911-2006) поднимается актуальная для арабской литературы проблема соотношения науки и религии. Роман, в аллегорической форме излагающий мусульманскую священную историю, также затрагивает и важный для человечества вопрос о том, что наука становится инструментом наживы, если не имеет моральных и этических ограничений.

Параллели к образу Адхама, младшего сына Габалави, следует искать в образе первочеловека Адама, причем эти параллели можно найти как в Коране и хадисах, так и в Библии. Об этом пишет, например, переводчица и исследовательница творчества Нагиба Махфуза В.Н. Кирпиченко в книге «Нагиб Махфуз - эмир арабского романа» [Кирпиченко, 1992, с. 185]. Представляется правильным проследить аллюзии между текстом романа и представлениями об Адаме, его жизни в раю и грехопадении, как они изложены в Коране.

Параллели между образами заметны на самых разных уровнях – и на уровне текста, и на уровне образов, и на уровне отдельных эпизодов. Всего необходимо рассмотреть несколько ключевых эпизодов из первой части «Адхам», где история главного героя рассказана в тесной

связи с историей его старшего брата Идриса и имеет параллелью историю жизни и грехопадения первого человека и пророка Адама и историю грехопадения Иблиса.

В докладе содержится краткий пересказ романа, объясняется этимология некоторых имен, важных для понимания образа Адхама, и приводятся параллельные места из Корана, где рассказывается его история.

Литература:

[1] *Ал-Кур'ан ал-Карим*. Каир: б.и., 1964.

[2] *Кирпиченко В.Н.* «Нагиб Махфуз – эмир арабского романа». М.: Наука, 1992.

[3] *Коран*. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1990.

[4] *Махфуз Н.* Серия «Мастера современной прозы». М.: Радуга, 1990.

Классические сюжеты и герои в современной китайской драматургии

Никольская С. В.

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии

Svetlana-nikol@yandex.ru

В литературе можно встретить персонажей, ставших знаковыми фигурами, и сюжеты, привлекающие внимание авторов в разные эпохи. Классические сюжеты в Китае иногда уходят корнями в мифы и легенды, но не теряют связь с историей, что прослеживается, например, в сюжете о Ван Чжаоцзюнь.

Ван оказалась в гареме императора, но тот не удостоил её вниманием, потому что художник изобразил ее дурнушкой, а она просто отказалась заплатить художнику за красивый портрет для императора. Он впервые увидел опальную наложницу в день её отъезда к вождю гуннов, которому она подарена. Изменить ситуацию невозможно, Ван покидает родные края, становится женой Хуханье, у них рождаются дети, а войны между гуннами и империей Хань прекращаются на долгие годы.

В XIII в. эту историю по-своему представил драматург Ма Чжиюань в пьесе «Осень в ханьском дворце» [3]. Здесь император по совету евнуха заказывает портреты кандидаток в наложницы. Евнух, он же художник, рисует портреты красавиц за определенную мзду. Из сотни девушек только одна отказывается платить, и евнух решает наказать ее, поселив в отдаленных покоях и обрекая на одиночество. Судьба все-таки сводит ее с императором, и он влюбляется. Рассерженный евнух уговаривает вождя гуннов потребовать Ван себе в жены, угрожая войной. Узнав об этом, Ван по собственной воле отправляется к гуннам, но на границе бросается в реку. Хуханье

над могилой клянется не нападать на соседей и выдает императору евнуха. Из истории выбираются ключевые факты и трактуются согласно авторскому замыслу. Император становится пассивной фигурой, евнух властвует и диктует свои условия, честный гунн остается символом внешней угрозы, а простолоудинка Ван – истинной патриоткой, готовой принести себя в жертву, и примером любви и преданности.

В 1923 г. этот сюжет лег в основу романтической драмы Го Можо «Ван Чжаоцзюнь» [1]. Здесь на первый план выходит талантливый художник, намеренно искаживший облик красавицы, воспылавший к ней страстью и требующий вознаграждения за «правильный» портрет. Обман раскрывается, но художник надеется на прощение, ведь он самый талантливый в Поднебесной. Однако, император отрубает ему голову. Самоуверенность и алчность губят талант, – подчеркивает автор. Главная героиня – бедная, но гордая красавица и почтительная дочь. Она вынуждена выдавать мать за служанку, чтобы не разлучаться с ней. Узнав об уготовленной дочери судьбе, мать умирает. Ван гневно обвиняет императора во всех бедах и удаляется в пустыню, захватив с собой дочь казненного художника. Самому же императору остается только смотреть на отрубленную голову придворного живописца и завидовать мертвым. От исторической достоверности в пьесе почти ничего не остается, социальный статус персонажей условен, в положительных героях силен дух свободы и бунтарства, отрицательные герои коварны и честолюбивы.

В 1979 г. появилась пьеса Цао Юя «Ван Чжаоцзюнь» [2], в которой этот же сюжет стал отправной точкой для рассказа о других делах и судьбах. Сначала действие происходит столице Китая, но основные события разворачиваются в гуннских степях. Среди действующих лиц нет художника, но появляется 60-летняя «Красавица Сунь», наложница предыдущего императора, которая так и умерла, не дождавшись его визита. Её печальная судьба толкает Ван на решительные действия – замужество с гунном. Значительное место в пьесе отведено Хуханье, смелому воину и дальновидному политику, вокруг которого постоянно плетут интриги царедворцы. Ван тоже оказывается в эпицентре интриг, но с честью выдерживает испытания. Пьеса завершается свадебной церемонией как символом единения народов. Свою версию сюжета Цао Юй объясняет желанием выступить против великоханьского шовинизма в Китае.

Итак, нельзя ставить знак равенства между «вечным» и классическим сюжетом, в котором могут присутствовать «вечные» темы, связанные с моральными и нравственными проблемами. Классический сюжет может вплестаться в ткань произведения современного автора, может создавать политический подтекст и позволяет ставить проблемы, связанные творчеством и творческими личностями. Каждый автор трактует классический сюжет по-своему и расставляет акценты с учетом реалий своего времени.

Литература:

- [1] *Го Можо*. Ван Чжаоцзюнь. Сочинения, Т. 2. М.: Художественная литература, 1958.
- [2] *Цао Юй*. Ван Чжаоцзюнь. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1979.
- [3] *Юаньская драма*. М.: Искусство, 1966.

Невинные жертвы: проблема фанатизма и религиозных предрассудков в современной турецкой драматургии (втор. пол. XX – XXI вв.)

Оганова Е. А.

доцент кафедры тюркской филологии ИСАА имени М.В. Ломоносова

ova8@yandex.ru

Среди многих проблем, находящихся в фокусе современной турецкой драматургии, особо трагическое звучание получает проблема фанатизма и религиозных предрассудков. Господство средневековых представлений о нормах морали, религиозный фанатизм, отсталость, отсутствие должного образования сельских жителей Турции – все это выливается в конечном итоге в то, что женщины становятся невинными жертвами диких обычаев. Обращает на себя внимание тот факт, что пьесы, актуализирующие эту проблематику, создаются ведущими турецкими драматургами во второй половине XX и даже в XXI вв. в светской Турции, давно уже ставшей на путь цивилизации и прогресса, в том числе, в решении женского вопроса.

Турецкие драматурги поднимают такие не потерявшие своей актуальности проблемы, как убийство женщины из-за кровной мести, убийство «порочной» женщины одним из ее ближайших родственников, продажа девушек за калым, насильственный брак, в том числе и такой распространенный в турецкой деревне обычай, когда женщину выдают замуж за младшего брата ее покойного мужа. Большинство пьес, где во главу угла поставлена проблема фанатизма и религиозных предрассудков, заканчивается для героинь трагически.

Знаковым произведением турецкой драматургии является пьеса Гёнгёра Дильмена «Жертва» (Kurban, 1967), созданная под явным влиянием трагедии Еврипида «Медя» и вызвавшая в турецком обществе широкий общественный резонанс. Главная героиня, деревенская женщина Зехра, не желая делить своего мужа со второй женой, убивает своих детей и себя. Схожая проблематика поднимается в пьесах Неджати Джумалы «Пустая колыбель» (Boş Beşik, 1949) и «Засушливое лето» (Susuz Yaz, 1962), Джахита Атая «Невестка Султан» (Sultan Gelin, 1964), Реджепа Билгинера «Сары Наджийе» (Sarı Naciye, 1985) и «Восставшие» (İsyancılar, 1964), Турана Офлазоглу «Кезбан» (Kezban, 1965) и «Элиф Ана» (Elif Ana, 1978) и др.

Главная героиня пьесы Незихе Араз «Песня о Бозкыре» (Bozkır Güzellemesi, 1974) Неджие становится жертвой распространённого в турецкой деревне обычая продажи девушек за калым. Отец Наджие решает отдать ее замуж за состоятельного человека, для того чтобы, получив за неё калым, использовать деньги на собственные нужды, таким образом, фактически желает продать свою дочь.

Турецкие драматурги также привлекают внимание к характерному для турецкой действительности обычаю отдавать дочерей в богатые семьи в качестве прислуги. Так, главную героиню пьесы Улькер Кёксал «Приживалка» («Besleme», 1975) по имени Султан отец продаёт в богатую семью в качестве служанки, где она становится жертвой сексуального насилия, а впоследствии вынуждена выйти замуж за своего насильника: в новой семье Султан сталкивается с новыми унижениями, оскорблениями и физическим насилием со стороны мужа.

Схожие проблемы поднимаются и в пьесах XXI в. В докладе подробно анализируются пьесы Тунджера Джюдженоглу «Приют для женщин» (Kadın Sağınağı, 2010) и Зейнеп Качар «Реальная жизнь, пластмассовая смерть» (Sahici İnsanlar, Plastik Ölümler, 2008). В обеих пьесах героини (Зылфо и Пембе соответственно) становятся жертвами чудовищных традиций: их убивают ближайшие родственники.

В докладе делается вывод о том, что невинными жертвами являются не только женщины, но и мужчины – они не в силах противостоять давно изжившим себя поведенческим нормам и страдают от необходимости им следовать.

В заключение устанавливается взаимосвязь между актуализацией в турецкой драматургии проблемы религиозных предрассудков и варварских обычаев, являющихся их своеобразной проекцией, с социокультурными и политическими изменениями последних десятилетий, происходящих в Турецкой Республике.

«Вымысел достоверных событий»: современный арабский автофикшн

Осипова К.Т.

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии,

kt.ossipova@iaas.msu.ru

По мнению ряда современных арабских исследователей и писателей, жанр исторического романа, доминировавший последние 15 лет как форма творческого осмысления прошлого и тесно связанных с ним актуальных драматических событий настоящего, начинает

уступать романам с ярко выраженными чертами автобиографизма. Приверженцы этого мнения считают, что начинающим авторам полезнее читать исследования по клинической психологии, нежели переписывать исторические процессы, потому что намного важнее передать личный опыт и ощущения автора. И действительно – в современной арабской прозе много автобиографических произведений. В связи с этим встает вопрос о том, насколько их можно считать образцами жанра «автофикшн» или автопрозы, подразумевающего симбиоз реальности и вымысла, документальности и художественности.

Сам термин «автофикшн» активно вводился в литературоведческий дискурс в 70-х гг. прошлого века Сержем Дубровским, полемизировавшим с «автобиографическим пактом» теоретика Филиппа Лежена. Дубровский описал свое произведение «Сын» в аннотации как автобиографический роман, в котором представлен «вымысел абсолютно достоверных фактов» [1]. В последствии этим термином стали обозначать своеобразный «постмодернизм в автобиографии», когда предельно честная саморефлексия писателя, его шокирующие откровения на табуированные в обществе темы облечены в формальные схемы романного, художественного произведения. При этом автор изначально заявляет свое творение как автопрозу.

В арабской критике нет устоявшегося термина для данного явления: его передают или выражением “at-takhyūl ath-thātīyū” (букв. «вымысел себя») вслед за марокканским критиком и писателем Мухаммадом Беррада или фразой “rīwāyat ath-thāt” (букв. «роман о себе»), которая призвана охватить и жанровый, и технический аспект данного понятия.

Ряд арабоязычных и западных исследователей последние годы стали активно рассматривать через призму «автофикшена» произведения Тауфика ал-Хакима, Гамалья ал-Гитани, Джабра Ибрагима Джабра, Васини ал-А‘раджа, Мираль ат-Тахави, Радвы Ашур и других писателей, в творчестве которых ярко проявлялись черты личной биографии [2]. Отдельного внимания была удостоена женская автобиографическая проза из-за очень личных рассуждений на стигматизированные темы.

При этом следует разделять романы с чертами автобиографизма и, собственно, автопрозу, хотя грань порой не так очевидна. Так, в последнем романе Васини ал-А‘раджа «Пианистка из Пикадилли» (2023 г.) [3] реальные знаковые события из биографии писателя, связанные с погружением в культуру Бейрута 70-х, максимально художественно преобразуются, но сам автор не считает это автофикшеном в понимании Сержа Дубровски. С другой стороны, именно к автопрозе можно отнести ряд рассказов Ин‘ам Качачи из сборника «Страна Пиф-паф» (2022 г.) [4], в которых повествование о личном травматичном опыте ведется от первого лица, носящего имя самой писательницы. Также в этой связи стоит упомянуть автороман Джалала Барджаса «Плач дудука» (2023 г.) [5] о творческом пути

писателя, являющийся по признанию автора искренними ответами на сложные, личные вопросы.

Представляется, что для арабских писателей жанр автофикшн стал очередной литературной формой размышления о самоидентичности, коллективной и личной памяти, табуированных вопросах, но на этот раз с откровенными отсылками к личному опыту.

Литература:

[1] *Doubrovsky S. Fils.* Paris: Galilée, 1977.

[2] *Kamal H., Magdy Z., Massoud F.* Autofiction as a Lens for Reading Contemporary Egyptian Writing. In: Effe, A., Lawlor, H. (eds) *The Autofictional.* Palgrave Studies in Life Writing. Palgrave Macmillan, Cham, 2022.

[3] *Al-A'radj Wāsīnī.* 'Āzifat al-Pīkādīlī. Beyrūt: Dār al-ādāb, 2023.

[4] *Kachah Chi In 'ām.* Bilād at-Ṭakh ṭakh. Al-Qāhira: Dār al-miṣriyya al-lubnāniyya, 2022.

[5] *Barjas Jalāl.* Nashīdj ad-Dūdūk. Beyrūt: al-Mu'assasa al-'arabiyya li-d-dirāsāt wa-n-nashr, 2023.

Структура монгольской летописи XVIII в. «Хрустальные чётки» Рашипунцага Овчинникова М.А.

*ИВ РАН, аспирант 1 года обучения отдела памятников письменности народов Востока
mariatereza@yandex.ru*

«Хрустальные чётки» (монг. «Bolor erike», соврем. монг. «Болор эрих») – сочинение по истории монголов, написанное южномонгольским князем Рашипунцагом в XVIII в. Оно обладает рядом особенностей, отразивших влияние литературных традиций, к которым принадлежали использованные автором источники.

«Хрустальные чётки» состоят из пяти разделов (соврем. монг. бүлэг), каждый из которых имеет собственный заголовок, и заключения.

В первом разделе (соврем. монг. «Монгол улсын ерийг өгүүлэх» – «Общие сведения о монгольском народе») Рашипунцаг описывает происхождение монгольского народа [1, с 3–8]. Во втором разделе (соврем. монг. «Хаадын үндэслэж ирсэн язгуур» – «Происхождение [монгольских] ханов») автор приводит известный миф о принадлежности монгольских ханов к индийским и тибетским царям, перечисляет потомков легендарного прародителя монголов Бортэ-Чино вплоть до Есугэй-баатара (отца Чингис-хана) [1, с. 11–22]. Третий раздел (соврем. монг. «Дай Юань улсын гол судар» – «Основное сочинение о династии Юань») занимает центральное место в сочинении, охватывая историю Монголии от рождения Чингис-хана

(1162 г.) до правления последнего номинального правителя единой Монголии Лигдэн-хана (1634 г.) [1, с. 26–797]. В нём большее внимание уделяется событиям жизни Чингис-хана и Юаньским императорам. Повествование наполнено фольклорными и эпическими мотивами, легендами, стихами, песнями. Включены в текст такие известные сюжеты как «Мудрая беседа мальчика-сироты с девятью орлюками² Чингис-хана»³, «Плач Тогон-Тэмура»⁴, речь-молитва Мандухай Сэцэн-хатан⁵ и другие. В четвёртом разделе (соврем. монг. «Хойш залгамжилсан ноёд» – «Последующие нойоны») Рашипунцаг описывает происхождение и преемственность отдельных княжеских домов [1, с. 854–906]. В пятом разделе (соврем. монг. «Бус ноёдын язгуур» – «Происхождение других нойонов») автор приводит генеалогии нойонов некоторых хошунов Внутренней Монголии [1, с. 908–944]. В заключении Рашипунцаг рассуждает о месте потомков Чингис-хана в Цинском государстве, об использованных им источниках и о принципах, которыми он пользовался при написании «Хрустальных чёток» [1, с. 944–946].

Номадические черты, характерные для собственно монгольских произведений, в структуре летописи проявляются в генеалогическом стержне: повествование строится вокруг истории рода Чингис-хана. Влияние китайских династийных хроник, для которых характерно стремление к строгой погодной хронологии повествования, прослеживается в самом тексте «Хрустальных чёток». Так, в третьем разделе повествование о жизни Чингис-хана ведётся хронологически с указанием в начале абзаца месяца и/или года или возраста Чингис-хана: «в возрасте 41 года, в год чёрной собаки» [1, с. 40], «в год белой овцы», «в первый месяц лета» [1, с. 70], «в том же месяце» [1, с. 83] и т.п. Рашипунцаг продолжает ведение погодной хронологии и в той части повествования, которая описывают события после падения династии Юань (1368 г.), то есть в четвёртом разделе: «в год синей змеи» [1, с. 827], «в год синей обезьяны – четвёртый год правления хана Баян-Мункэ» [1, с. 841], «В год красной свиньи – четвёртый год правления хана Бату-Мункэ» [1, с. 842] и т.п. Также в «Хрустальных чётках» заметно влияние тибетских текстов: в летописи встречаются такие средства структурирования текста как деление на логически обусловленные части, подзаголовки, заключение в конце работы, преамбулы, вводные конструкции, поклонения, благопожелания, заключительные стихотворные фрагменты. К примеру, в аналитических вставках – критических рассуждениях Рашипунцага на тему источников, исторических событий и персонажей – часто используются

² Соврем. монг. «өрлөг» – титул ближайших сподвижников Чингис-хана, «витязь», «герой», «маршал».

³ Устойчивый стихотворный сюжет о беседе мальчика-сироты о вине с девятью сподвижниками Чингис-хана и Чингис-ханом на пиру.

⁴ Устойчивый стихотворный сюжет «плача» последнего императора Юаньской династии, в котором он сокрушается о том, что необходимо покинуть город Дайдун (в Китае) из-за народного восстания.

⁵ Мандухай Сэцэн-хатан (1479–1517/1542 гг.) – императрица Северной Юань, впервые за долгое время объединившая все монгольские народы. Плач-молитва Мандухай – устойчивый стихотворный сюжет, в котором она сокрушается, что её хотят увезти в чужие земли «в невестки».

вводные формулы («Как я, Рашипунцаг, думаю/считаю»), формулы-поклонения («Я, постаравшись и отделив глупость от мудрости, молюсь высшим мудрецам» [1, с. 137]), формулы-наставления («Поэтому нужно мыслить своим умом, сынок!» [1, с. 15]; «<...> и об этом каждый должен задуматься и самостоятельно исследовать этот [вопрос]» [1, с. 53]) и пр.

Литература:

[1] *Rasipungsu*. Bolur erike. Kökeqota: Öber Mongγol-un Arad-un Keβel-ün Qoriy-a, 1985. – 952 q.

К вопросу о жанровом разнообразии современной китайской изящной прозы

Поспелова М.К.

*ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии
kardome@mail.ru*

Для понимания сущности изящной прозы и ее места в системе жанров китайской литературы необходимо будет для начала обратиться к классической поэтике. Термину «изящная проза» соответствовало понятие «вэнь» - «словесность», в рамках которой в разных поэтических трудах можно было найти огромное количество жанров, от конфуцианских канонов до докладов трону и поминальных надписей. Постепенно формировалось понимание «вэнь» в узком значении как нерифмованной словесности, получившей в XI в. название «саньвэнь», то есть именно бессюжетной «изящной прозы», подразумевающей использование классического языка «вэньянь». Сюжетная проза вообще не включалась теоретиками в систему «вэнь», то есть не являлась в их понимании элементом «изящной словесности». В рамках «вэнь» могли появляться специфические жанры, отвечающие определенным идейным установкам авторов - например, «сяопиньвэнь» (XVI-XVII вв.) — бессюжетные «прозаические миниатюры», свободные от конфуцианского этического догматизма.

К началу XX в. многие литераторы осознали несостоятельность как классической поэтики, так и языка «вэньянь» как единственно возможного для произведений «изящной прозы». Такие авторы, как Лян Цичао, Хуан Цзунсянь, Чжоу Цзожэнь, Лу Синь и др., пришли к выводам о необходимости изменений как в понимании сути художественной словесности, так и в традиционной иерархической системе жанров китайской литературы. Несмотря на прогрессивность идей реформаторов, процесс переосмысления литературы проходил под влиянием традиции, что порой приводило к теоретической путанице и противоречиям,

существующим до сих пор. Среди самих реформаторов не было достигнуто единства мнений даже по такому вопросу, как формирование нового литературного языка [3].

Процесс реформ проходил под знаменем демократизации, авторы вдохновлялись образцами западной мысли. «Вэнь» как «изящная проза» лишилась одной из важнейших своих примет - труднодоступного для массового читателя языка «вэньянь», однако продолжила существовать на литературной арене в рамках жанрового «комплекса» «саньвэнь». В него могли входить произведения самого разного характера – травелоги, дневники, записки, эссе, публицистические заметки и т.д. Фактически бессюжетная «изящная проза», будучи в древности основной категорией литературной традиции, в современной литературе оказалась на периферии - в рамках пестрой жанровой системы внутри «саньвэнь» можно найти как произведения, близкие к художественной литературе, так и весьма от нее далекие.

Важно отметить появление новых жанровых дефиниций, сходных с «изящной прозой», например, «мэйвэнь» (букв. «красивая словесность»), а также «саньвэньши» («стихотворения в прозе»). Так, «мэйвэнь», по предположению Голыгиной, появляется в поле зрения китайских теоретиков литературы начала XX в. благодаря теоретическим трудам японских современников. В разное время под термином «мэйвэнь» понимались образцы изящной бессюжетной прозы, включая «вэнь» древности и даже классические каноны, иногда в рамках «мэйвэнь» появлялись образцы сюжетной прозы и поэзии за исключением драмы, бытует трактовка «мэйвэнь» как кальки с французского «belles lettres» - беллетристики и тем формам литературы, которые можно отнести к этому сегменту [2, с. 211-212]. «Саньвэньши» считается гибридным жанром, возникшим под влиянием западной литературной традиции. Его отличают лирическое начало, ритмичность, краткость прозаической бессюжетной формы и комплекс художественно-изобразительных средств, характерный для поэтического произведения.

Зачастую попытка провести четкие границы между перечисленными жанровыми образованиями оказывается проблематичной. Главной причиной является противоречивость теории, в рамках которой порой трудно провести грань между схожими по форме и содержанию произведениями, отнесенными автором или издателем к разным жанрам. Если, к примеру, обратиться к популярному сборнику «Избранные китайские мэйвэнь малых форм» за 2015 г., с помощью репрезентативного метода можно выделить как «саньвэнь» с превалирующим рефлексивным началом и более крупным размером, так и лирические краткие «саньвэньши» [1].

Таким образом, исследование «изящной прозы» в китайской современной литературе подразумевает важность восприятия того или иного произведения сразу в нескольких пластах,

где важным аспектом работы может выступить как обращение к традиционной поэтике, так и к разным этапам формирования теории современной литературы.

Литература:

- [1] Ван Цзяньбин. 2015 нянь чжунго цзиндуань мэйвэнь цзинсюань (Избранные китайские мэйвэнь за 2015 год). Ухань, 2016. – 324 с.
- [2] Голыгина К.И. Теория изящной словесности в Китае. М., 1971. – 291 с.
- [3] Манифест Лю Баньнуна «Мой взгляд на литературную реформу» // Проблемы современных социокультурных исследований. №10. 2020. С. 25-33.

«Новый стиль» (*tarz-i taza*) в образном языке персоязычной газели XVI — начала XVIII века

Рейснер М.Л.

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры иранской филологии

marinareys@iaas.msu.ru

В средневековой персидской поэзии, основанной на заимствованной арабской поэтике, важную роль в приспособлении ее норм к особенностям местной стихотворной практики сыграли мотивы авторской рефлексии. Мотивы этого тематического блока, генетически связанные с жанровыми клише самовосхваления (*faxr*), реализовались и в виде пространственных рассуждений о собственном мастерстве в произведениях крупных и средних форм эпической и лироэпической поэзии (маснави и касыда), и в виде отдельных высказываний разной степени развернутости в малых лирических формах (газель, кыт'а).

В газели периода «поздней классики» (XVI — начала XVIII в.), называемого также постклассическим, наблюдается способ выражения литературных взглядов, унаследованный от предшествующей традиции: мотивы «поэта и поэзии» группируются в основном в завершающем стихе (*maqta'*), в котором автор в соответствии со сложившейся нормой должен был упомянуть собственное литературное имя (*tahallus*) [2]. Этот тип рамочного текста позволяет судить о критериях совершенства поэтического слова в оценке самих создателей газели. В течение длительного периода развития персидской газели (XII–XV вв.), объединившего фазы «ранней» и «зрелой классики», наблюдается единство всех участников литературной практики (поэтов, теоретиков, знатоков и критиков) в характеристике стилистически идеального языка газели. Ключевым словом для них являлся эпитет «сладостный» (*širin*). Его использовали по отношению к своим стихам и придворные мастера газели, и поэты, творившие вне покровительства двора и принадлежавшие к религиозно-

мистическому крылу персидской литературы. Монолитность стилистической парадигмы начинает разрушаться в XV веке в творчестве 'Абд ар-Рахмана Джами, которого в науке принято считать завершающей фигурой Золотого века персидской литературы. Именно в его газелях наряду с похвалой сладостным стихам впервые встречается новая характеристика совершенства поэтической речи с применением эпитета «красочный» (*rangin*): «Стоит ли Джами печалиться, что его [сердце] кровоточит ради сочинения красочных стихов (*ši'r-i rangin*), // если однажды ты вспомнишь о нем благодаря этим речам? [1, с. 42]. После Джами в поэтическом языке газели этот эпитет прилагается к разным терминам, обозначающим содержательную и формальную стороны стиха – «красочные мотивы» (*ma'ani-yi rangin*), «красочные фантазии» (*xiyalat-i rangin*), красочная речь (*suxan-i rangin*), «красочный смысл» (*mazmun-i rangin*).

Поэты того времени, ощущавшие себя реформаторами стиха, стали применять по отношению к своему творчеству выражение «новый стиль», «новая манера» (*tarz-i taza, tarz-i naw*). Образы, выражающие новое видение совершенства поэтического слова, объединяют персоязычных поэтов всего так называемого Большого Ирана на огромных территориях Ирана, Средней Азии, Северо-Западной Индии. Развитию обозначенных тенденций в литературе способствовали сдвиги в социально-культурной сфере, рост общественной активности городских торгово-ремесленных слоев. Распространенным типом объединения поэтов становятся «кружки» (*mahfil*), собиравшиеся в кофейнях. Сформировавшаяся модель литературных сообществ свидетельствует о постепенном разрушении иерархических связей, в течение долгого времени господствовавших в среде поэтов, подвизавшихся при дворах правителей. Между участниками таких кружков устанавливаются равноправные дружественные отношения. На изменения в характере общения поэтов указывают примеры взаимных восхвалений и упоминаний в этом контексте имен друг друга. Корифей поэзии XVII в. Саиб Табризи (Исфахани), к примеру, упоминает в своих газелях Талиба Амули, Калима Кашани. Одну из газелей Саиб завершает так: «Я помню, как клянутся новым стилем, Саиб: // «Место Талиба Амули — в Исфахане» [3, с. 404].

В среде приверженцев «новой манеры» формируется общий слой лексики, отражающей их представление о красоте поэтической речи, и, по существу, наделенной функцией поэтологических терминов. Поэзия должна быть не только «красочной», но и «удивительной» (*ġarib*), «незнакомой» (*bigana*), «утонченной» (*nazuk*), «изоощреннной» (*pičida*). Таким образом, в творчестве персоязычных поэтов XVI — начала XVIII в. наметился первый шаг к выработке общей «литературной платформы». Образный язык, оформляющий мотивы авторской рефлексии, представляет специфический тип «литературного манифеста» и моделирует новые

стилистические предпочтения участников поэтической практики. Это своего рода надстройка над нормативной поэтикой, которая оставалась неизменной на протяжении веков.

Литература:

[1] *Джами, Абдаррахман*. Три дивана. Второй и третий диваны. Критический текст и предисловие. А. Афсахзода. М.: Главная редакция восточной литературы, 1980. – 486 с.

[2] *Рейснер М. Л.* Мотивы авторского самосознания в персидской газели XI – начала XVIII вв. // Памятники литературной мысли Востока М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 250–334.

[3] *Саиб Табризи*. Диван. Сост. Дж. Мансур. Т. 1. Тегеран: Мо‘сесе-йе энтешарат-е негах, 1372 (1994). – 656 с.

Фантастические коллизии прозы Догу Юджеля

Репенкова М.М.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой тюркской филологии

mmrepenkova@rambler.ru; repenkova@iaas.msu.ru

Догу Юджель (род.1977) – известный современный турецкий писатель-фантаст, один из создателей национальной Ассоциации искусства фэнтези и научной фантастики (ФАБИСАД). Д. Юджель является автором фантастических романов и рассказов, самые известные из которых роман в субжанре городской фэнтези «Книга-привидение» (Nayalet Kitap, 2002) и сборник рассказов «Похитители Солнца» (Güneş Hırsızları, 2014).

Композиция «Книги-привидения» построена по рамочному принципу. Рамку составляют несколько часов (с 7 утра до 13 часов дня 28 апреля 1998 г.), которые главная героиня Гюльдем провела у себя в комнате за письменным столом, читая странное послание. Это послание она получила по почте от молодого человека по имени Гёкальп, который был безнадежно в нее влюблен и на почве неразделенной любви совершил самоубийство. В послание входило предсмертное письмо Гёкальпа, в котором он раскрывал свои чувства к Гюльдем, и главы романа, в которых он описывал то, что якобы должны были пережить Гюльдем и ее друзья – студенты выпускного курса экономического факультета Университета 9 сентября, встретившись ровно через год (с 28 апреля 1999 г. по 23 июля 1999 г.) с призраком Гёкальпа. В романе три главы («Привидение», «Страх», «Одиночество»), действие которых разделено на подглавы с четкой временной определенностью, вынесенной в подзаголовки. Повествование ведется как от третьего лица (безличного повествователя), так и от первого лица (Гюльдем ведет дневник, ее записи выделяются курсивом).

Рамку завершают размышления героини по поводу того, что делать с полученным посланием, в какое издательство отнести. Гюльдем мучают сомнения, а роман ли это вообще, поскольку сам писавший его признается, что он призрак, он лишь мечтал написать роман, поэтому из-под его пера вышел лишь «призрак книги», «книга-привидение» [2, с. 366]. Погруженная в свои мысли Гюльдем внезапно ощущает дуновение холодного ветра и видит перед собой призрак Гёкальпа: «Всё, как в его романе. Холодный ветер и тень. Привидение! Привидение вернулось, к тому же в реальной жизни. Гюльдем сначала испугалась, потому что в реальной жизни она должна была впервые встретиться с привидением. Но испытанный ею страх сразу же уступил место счастью. Она была счастлива, потому что приключение должно было продолжиться с того места, где оно остановилось, ее мечты и ее кошмары, властвовавшие над ее снами, еще раз должны были высвободиться и стать реальностью. Гюльдем снова должна была стать главной героиней приключения, должна была постараться справиться с рутинной повседневностью. Ее черно-белая жизнь должна была заиграть новыми красками» [2, с. 367–368].

Собственно, роман Гёкальпа, вставленный в рамку, и представляет собой «городскую фэнтези» с присущими ей описаниями города Измира и кампуса Университета 9 сентября. В подробностях рассказывается о корпусах университетских зданий, о скверах, парках и площадях. На одной из площадей стоит огромная, под три метра ваза, значение которой никто не понимает. Более того, эта ваза буквально сводит на нет величие памятника Ататюрка, находящегося неподалеку. Ваза выполняет в романе свою функцию: в нее привидение помещает ненавистного преподавателя эконометрии Альпаарслана Дюнебакана, из-за которого в свое время Гёкальп был вынужден продлить обучение в университете еще на год. Преподавателя из вазы достает пожарная машина, после чего он уходит из университета, не выдержав насмешек студентов, ставших свидетелями его позора. Небольшой лесок на территории кампуса студенты прозвали Шервудским лесом, в котором прячутся от посторонних глаз влюбленные парочки.

Необычайные события происходят и в рассказах сборника «Похитители Солнца». Их сюжетику самая разнообразная – от общения людей с потусторонними силами (привидениями, музами, ангелами) до их встреч с инопланетянами. Действие большинства рассказов разворачивается в Стамбуле. Городские пейзажи вписываются в фэнтезийный видеоряд, что придает городу особое звучание. В сборнике преобладают рассказы, в которых повествование ведется от первого лица, от лица главных героев. В новелле «Описание снов» молодая девушка рассказывает, как внезапно обнаружила в себе невероятные способности – связывать сны с употребляемой людьми пищей, т.е. она могла определить, от какой еды зависит тот или иной сон [1, с. 156]. В рассказе «Те, кто ходят в кино в одиночестве» от лица молодого человека

повествуется, как он, оказавшись в разное время один в залах стамбульских кинотеатров на просмотре фантастических картин, превращался в одного из киногероев и участвовал в фантастическом кинодействии [1, с. 157]. В рассказе «Мой дом, мой прекрасный дом» описывается как известный стамбульский сценарист купил дом на берегу Босфора и боролся в нем с посещающими его музами [1, с. 158]. Рассказы «Мы посмотрели на хозяев Земли», «Чрезмерно близкие отношения с третьим родом», «Вызывающий сомнения смысл жизни», «Похитители Солнца» написаны в научно-фантастическом стиле, поскольку в них появляются инопланетяне.

Литература:

[1] *Yücel D.* Güneş Hırsızları. İstanbul: Doğan Kitap, 2016. – 296 s.

[2] *Yücel D.* Hayalet Kitap. İstanbul: Can Sanat Yayınları, 2020. – 368 s.

Представления о пещерах в японской народной мифологии

Садоква А.Р.

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры японской филологии

sadokova@list.ru

В японской мифологической и фольклорной традиции особое место издавна занимали природные объекты, которые наделялись божественной силой. Каждая гора или река, а также склоны, холмы, пруды и водопады имели своего бога, который считался не только хозяином данного объекта, но и выступал как вершитель людских судеб.

В ряду природных объектов важное место занимали пещеры, которые выполняли в японской мифологии несколько значимых функций. Как и у многих народов мира, они воспринимались как место «перехода» в иной мир, и потому наделялись не только магической, но и демонологической функцией. Уже сам облик пещер, темных и холодных, указывал на то, что они связаны с переходом в другое время и пространство. Кроме того, в пещерах, как правило, находились озера, которые, как считали японцы, входили в общую систему всех водоемов.

Существовало представление о том, что все водоемы страны связаны между собой, и это давало возможность обитателям рек, озер и прудов беспрепятственно передвигаться внутри этой системы. Обитателей представляли себе в основном в облике змеев или драконов. Чаще всего эти персонажи, как повествуют японские легенды и предания, появлялись именно в пещерных озерах и считались их богами-хозяевами.

Особое внимание уделялось цвету пещерных озер. Необычность цвета всегда свидетельствовала о божественном покровительстве водоему и частом появлении в нем бога-хозяина. Показателем особой магической значимости пещер и их озер издавна считалась вода синего/голубого/ фиолетового цветов или ярко-зеленого.

Существовал целый ряд пещер, в которых, как считали, появлялся Дракон – повелитель водной стихии, податель влаги. О его «пребывании» свидетельствовали разного рода отметки на стенах пещер, нередко напоминающие силуэт бога Дракона. Также японцы придавали значение «отражению» Дракона в струях воды пещерных водопадов.

Культ пещер, таким образом, был тесно связан с культом Дракона. Пещерам в этом смысле придавалось огромное значение, потому что «следы пребывания» бога Дракона в других природных объектах можно было обнаружить с большим трудом. И пещеры становились важным источником для «правдивости» мифолого-фольклорных историй о Драконе.

Теоретическое осмысление литературных процессов Таиланда в Новое и Новейшее время в зарубежном и отечественном научном дискурсе⁶

Саенгнатесванг В.А.

ИМЛИ РАН, старший научный сотрудник, НИУ ВШЭ, старший преподаватель

ivanova_vera-alex@mail.ru

Постижение и фиксация динамики развития литературы Таиланда (Сиам — до 1939 г. и в 1945–1949 гг.), её движущих внутренних сил и взаимосвязей, взятых в теоретической и историко-литературной перспективах, начиная с XIII в. — времени появления тайской (сиамской) письменности и создания первых письменных памятников посредством тайской (сиамской) графики — и до сегодняшнего дня, показывают, что в масштабах мирового литературного процесса искусство слова тайцев (сиамцев) являет собой тип молодой литературы, прошедшей «ускоренный путь» развития [2].

В силу длительного периода средневековья в таиландской (сиамской) литературе, завершение которого относят ко второй половине XIX в., осмысление словесности традиционалистского типа тайцев (сиамцев) или, иначе, классической литературы этого народа, находит довольно подробное освещение в отечественном и зарубежном научных дискурсах, последний из которых занимает лидирующую позицию как в численности

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00110).

исследовательского состава, так и в более раннем начале изучения этой страны Юго-Восточной Азии.

Последующие процессы, происходившие в литературе Таиланда в рамках её «ускоренного развития» со второй половины XIX в., сопряженного со сменой «литературного самосознания» [1, с. 3] тайских (сиамских) авторов под влиянием европейской культуры, представлены в отечественной восточной филологии избирательно, недостаточно исследованы, обнаруживают лакуны, в частности в освещении тайской литературы после 80-х г. XX в. и до настоящего времени, тем самым уступая англоязычной и таеязычной традициям изучения тайской литературы на современном этапе её развития. Показательно: на сегодняшний день в русскоязычном научном дискурсе существует только два исследования, в которых фрагментарно освещаются некоторые аспекты литературного творчества тайских авторов в XX–XXI вв. В первой работе [3] в рамках четырехстраничного подраздела главы кратко рассматривается поэтический жанр *нират* в XX–XXI вв. (на материале произведений А. Канлаянапхонга (1927–2012 гг.)) сквозь призму оказанного на него влияния средневековой поэмой «Камсуан Сипрат». Во втором исследовании [4] внимание всецело сконцентрировано на прозаическом материале XXI в. На сегодняшний день это единственная работа в русскоязычной таиландистике, посвященная произведениям исключительно современных тайских авторов. На этом фоне результаты деятельности зарубежной научной мысли, исчисляемые десятками опубликованных исследований, воспринимаются недостижимыми.

Восполнение обозначенных пробелов в отношении теоретического осмысления тайской литературы Нового и Новейшего времени в отечественном научном дискурсе, а также актуализация, пополнение и расширение данных, доставшихся российскому таиландоведу по наследству от советских исследователей литературы Таиланда В.И.Корнева и Ю.М.Осипова, требуют обращения к зарубежному научному опыту (главным образом, к тае- и англоязычному), его внимательному, беспристрастному осмыслению с последующим сопоставлением знаний иноязычных традиций с национальной, советско-российской, для достижения обозначенных выше задач. Видится, что метод сравнительно-сопоставительного анализа наиболее выявит специфику изучаемого явления — теоретического осмысления литературных процессов Таиланда в Новое и Новейшее, выветив его рельеф прежде всего через расхождения научных представлений каждой из обсуждаемых национальных научных традиций.

Литература:

[1] *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. — М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

[2] *Гачев Г. Д.* Неминуемое: Ускоренное развитие литературы / Г.Д. Гачев. – М.: Художественная литература, 1989. – 431 с.

[3] *Иванова В. А.* Лирическая поэма «Камсуан Сипрат» (2-я половина XVII в.) и становление жанра тайской литературы *нират*: дисс. канд.филол.н.: 10.01.03 / В. А. Иванова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 162 с.

[4] *Острянина А. О.* Рассказ в литературе Таиланда XXI века на материале произведений Прабды Йуна, Ватчары Саттясансина и Тядета Камтёндета: дис. ... магистр: 41.04.03 / А. О. Острянина. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2017. – 124 с.

Описание природы в китайских одах о различных искусствах (I в. до н.э. – III в. н.э.)

Семененко И.И.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии

yise@yandex.ru

Оды *фу* о различных искусствах занимали в древней и раннесредневековой одической традиции Китая заметное место. Их своеобразная классика была выделена уже в VI в. включением в антологию «Литературный изборник», тоже вскоре ставшую классикой среди антологий, семи од, к которым относятся три оды эпохи Хань: «Ода о свирели» Ван Бао (90 – 51 гг. до н.э.), «Ода о танце» Фу Учжуна (I в. н.э.) и «Ода о длинной флейте» Ма Жуна (79 – 166 гг.), и четыре оды периодов Троецарствия и Западной Цзинь: «Ода о лютне» Цзи Кана (223 – 262 гг.), «Ода о губном органе» Пань Юэ (247 – 300 гг.), «Ода а свисте» Чэнгун Цзыаня (231 – 273 гг. н.э.) и «Ода о литературе» Лу Цзи (261 – 303 гг.).

Описание природы – а оды в данном случае предстают как описательные эпидейктические поэмы – зависело от трех основных факторов: предмета описания (музыкальный инструмент, танец или литературное произведение), степени осознания авторской индивидуальности и меры выделения эстетической стороны в искусстве.

Наиболее развернуто природа изображается в одах о музыкальных инструментах. В основном, по ним же можно выяснить различия в ее описаниях на протяжении нескольких веков. И с самого начала в этих описаниях стал складываться определенный стереотип, канон. Его основа была заложена в первой сохранившейся оде о музыкальных инструментах – «Оде о свирели» Ван Бао. Музыкальные инструменты классифицировались в традиционном Китае по материалу их изготовления, в случае со «свирелью и «длинной флейтой» использовались разные виды бамбука, для «губного органа» к ним еще добавлялась тыква-горлянка, а китайская лютня или цитра, *цин* делалась из древесины деревьев утун. Природа в указанных

одах и представала в виде того или другого из этих растений со своим природным окружением, охватывающим горы и воды, образцы флоры и фауны, отдельные минералы, дополняемые характеристикой климатических особенностей. Такие описания со временем становились все более полными и подробными, но могли даваться и в сокращенном виде, оставляя неизменным центральное положение растения как материального источника инструмента. В своей основе стереотипна и логика изложения, раскрывающая значение природы или ее части для музыки. Это тоже было задано с самого начала «Одой о свирели»: в ней исходными природными достоинствами наделяется бамбук, затем к ним уже как к материалу свирели добавляются достоинства ее искусного изготовления, те и другие, в свою очередь, дополняются достоинствами игры на ней музыканта, и все они находят соответствующее воплощение в музыке, под воздействием которой их в той или иной форме воспринимают слушатели. Эта общая для од схема могла изменяться в содержательном плане в результате развития авторской индивидуальности и усилении акцента на эстетической стороне искусства. Так, в «Оде о свирели» Ван Бао и «Оде о длинной флейте» Ма Жуна музыкант соотносится с изображаемой природой не прямо, а косвенно, по сути, через инструмент, непосредственно на нее своими чувствами и мыслями не откликается, хотя в его музыке отмечается и подражание явлениям природного мира. Положение меняется в послеханьской «Оде о лютне» Цзи Кана, у которого сама лютня и игра на ней предстают как результат вдохновения, испытанного создателем этого инструмента и в то же время музыкантом от хождения в горы и созерцания открывшихся перед ним видов природы. Здесь гораздо большее место занимает музыкальный субъект. Сравнение тех же од показывает последовательное усиление эстетического критерия в их описаниях природного мира. Ван Бао подытоживает нарисованную им картину бамбуков общефилософским выводом о том, что они «следуют естественности неба и земли». У Ма Жуна природная среда рисуется враждебной бамбукам, но эту враждебность он представляет как условие, необходимое для закалки бамбуков и укрепления их способности «следовать своей природе, не изменять своих изначальных свойств», реализацию которых обеспечивают талант и мастерство флейтистов-виртуозов. А Цзи Кан уже вполне четко определяет эстетический аспект в изображаемой природе как ее главный признак: «Причина, почему вблизи утунов бродят и общаются, на самом деле – в их естественной духовной красоте (*цзыжань шэнь ли*), достаточной, чтоб вызвать к себе восхищение и любовь».

В особую группу можно выделить три оды – о «танце» Фу Учжуна, «свисте» Чэнгун Цзыаня и «литературе» Лу Цзи. Их объединяет гораздо большая близость создаваемого и исполняемого произведения к его создателю и исполнителю, между ними нет, как в инструментальной музыке, посредника в виде музыкального инструмента. Эту особенность на примере свиста отмечает Чэнгун Цзыань: «для него не прибегают к инструментам», «не

используют какие-либо вещи», а «берут вблизи из собственного тела». И танец китайцы с древности определяли по телодвижениям танцора, а писатель в оде Лу Цзи, прежде чем взяться за кисть и дощечку для письма, создает произведение в своем сознании и передает устно, давая возможность ему «истокон литься через зубы и уста». Эта особенность по-своему проявлялась в общей для этих од с одами о музыкальных инструментах эволюции в сторону усиления авторского начала и эстетического аспекта в искусствах. «Ода о свисте» начинается не с описания природы, а с характеристики мастера по свисту, и в «Оде о литературе» тоже прежде всего, до природной зарисовки, определяется медитативная позиция писателя в мире. О художественном воображении также впервые заходит речь в «Оде о танце», и эта категория получает уже достаточно систематическую разработку в «Оде о литературе».

Диалог с мировой литературой в прозе современного китайского писателя Сунь Ганьлу
Семенюк М.В.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии
novembertune@yandex.ru

Современный китайский писатель Сунь Ганьлу (1959 г.р.) – один из видных представителей китайского «авангарда» (先锋派). Критики называют его прозу «чистой лирикой в прозе, наслаждением от постмодернистской языковой игры», но отмечают «размытость персонажей и сюжета» [2]. Ключевой темой произведений этого автора является собственно литературное творчество [3]. Пытаясь изобразить самую сущность творческого процесса, Сунь Ганьлу нередко отсылает читателя к различным произведениям мировой литературы, причем не просто цитирует образы или художественные приемы, а буквально вступает в диалог с их авторами: заимствует персонажей и сюжетные ветки, предлагает альтернативные концовки, воссоздает внутренние монологи авторов и даже вступает с ними в беседы.

Одним из таких авторов для Сунь Ганьлу (как, кстати говоря, и для многих других представителей китайского авангарда, к примеру, Цань Сюэ) является Ф. Кафка. Особенно ярко это заметно в повести «Письмо посыльного» (信使之函), главным героем которой является один из эпизодических персонажей романа Кафки «Замок» - посыльный Варнава. В этой повести посыльный продолжает свое путешествие, но уже на просторах мифического «города Шепота».

Очень характерна в этом плане и повесть «Путешествие в страну снов» (访问梦境), эпиграф к которой принадлежит персонажу рассказа Х.Л. Борхеса «Бессмертный» – Жозефу Картафилу. В повести автор предлагает свою версию «сна», который мог бы присниться герою рассказа. Что интересно, к этому же рассказу Борхеса Сунь Ганьлу обращается и в другом своем известном произведении – «Попросим женщин отгадать загадку»(请女人猜谜), в котором герой сочиняет историю о пистолете Карелли, и признает, что «эта история – дерзновенное подражание одному из произведений аргентинского писателя Борхеса: центральная метафора этого произведения перекликается с метафорой Борхеса, причем в самом оптимистичном смысле» [1].

Помимо переключек с творчеством Кафки или Борхеса, на страницах прозы Сунь Ганьлу можно найти отсылки ко множеству других авторов, которых нечасто встретишь на просторах китайского литературного ландшафта. Так, главный герой рассказа «Думы циньской девы» ведет на страницах рассказа беседу с Кларенсом, главным героем рассказа «Рукописи Гонзаги» С. Беллоу, одновременно пишет статью о «Письмах Асперна» Г. Джеймса и «Салли Боулз» Ишервуда, по ходу действия рассказа оказывается на страницах «Завтрака у Тиффани» Трумена Капоте, при этом говорит словами Т.С. Эллиота и Э. Ионеско. А главный герой рассказа «Попросим женщин отгадать загадку» читает роман «Ревность» Роб-Грийе, и сочиняет по мотивам свой роман, но при этом то и дело цитирует Э. Паунда, О.Эллиотиса, а также роман Ф. Саган «Здравствуй грусть», размышляя, не сошла ли героиня его книги со страниц этого романа.

Таким образом, для творчества Сунь Ганьлу крайне характерно изображение мира как текста, цитатность, широкое использование приема «романа в романе» и частое обращение к различным произведениям мировой литературы, которые нередко становятся не только источником сюжетных ходов, но и фактически участниками изображаемого писателем акта творчества.

Литература:

[1] *Сунь Ганьлу*. Думы циньской девы. — М.: Нестор-История, 2022; с. 105

[2] *Чэнь Сяомин*. Убяньдэ тяочжань — чжунго сяньфэн вэньсюэдэ хоудайсин (Безграничный вызов – постмодернизм в китайской авангардной литературе). — Гуанси: Шифань дасюэ чубаньшэ, 2004; с 134

[3] *Го Чуньлин*. Вэйшэнмэ яо ду Сунь Ганьлу (Почему нужно читать Сунь Ганьлу). — Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2014; с. 290.

Писатель хинди Гурудатта и особенности его прозы

Стрелкова Г.В.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии

gstr@iaas.msu.ru

Писатель хинди Гурудатта (1894 – 1989) был врачом, специализировался на аюрведе, при этом внес большой вклад в литературу хинди, написав около 200 книг, среди них была не только художественная проза, но и жизнеописания выдающихся людей, воспоминания, исследовательские статьи, посвященные истории Индии, религии, науке, культуре, социологии. Он был разносторонней личностью, интересовался самыми разными проблемами. Гурудатта был и преподавателем Национального колледжа в Лахоре, но главным его делом была литература, согласно данным ЮНЕСКО, в 1970-е годы он был самым читаемым автором, писавшим на хинди. Родился он в Лахоре, в состоятельной семье кшатриев. Его отец был членом просветительского общества «Арья самадж», главная цель которого была вернуться к истинному индуизму. Это повлияло на становление мировоззрения Гурудатты, он был приверженцем традиций, что отразилось в его творчестве. Он был и специалистом по традиционной индийской медицине, был ею так увлечен, что писал о ней и в своих романах. В романе «Плутовство» он описывает, как к заболевшей героине Шанти приглашают врача, использующего аюрведические способы лечения, и он сразу её излечивает. Об аюрведе Гурудатта писал и в других своих романах. В романе «Сватовство» (Panigrahan) одна из героинь, англичанка Эмили, увлекается аюрведой, которая произвела на неё большое впечатление, так как, несмотря на возражение родственников прибегать к этому методу лечения, именно он и может быть самым действенным. Персонажи этого романа Вайдьярадж и его отец, землевладелец Наваб Заде Анвар вынуждены прибегнуть к аюрведе, хотя прежде относились к ней с недоверием. Один из персонажей, который является идеальным героем романа – доктор Раджани. Он постоянно лечит бедняков и не берет с них платы. Ему противостоит врач Калавати, который может выписать неверный рецепт, но берет за визит 20 рупий, что в те времена было большой суммой. Автор отмечает, что особой вины врачей нет, но нет знаний аюрведы. Гурудатта, хорошо знакомый с аюрведой, не настаивает на том, чтобы традиционные лекари – вайды критиковали врачей, придерживающихся европейской системы здравоохранения. Одним из работодателей Гурудатты был Кунвар Сахиб, придерживавшийся идеологии общества «Арья самадж». У него Гурудатта работал несколько месяцев, переехав в город Аметхи, и именно в этом городе он и написал свой первый рассказ «Невидимый человек». В то же время он написал еще несколько рассказов, один из них «Проклятие любви» был опубликован. Его первый роман «Мои боги», написанный в 1929 году по неизвестным причинам не был опубликован. По словам Гурудатты «Мунши Премчанду, работавшему в это время в журнале «Мадхури», рассказ понравился. Я с ним встретился в

редакции, он меня заверил, что рассказ будет опубликован, но вскоре он покинул журнал, книга так и не была опубликована, рукопись не вернули». В 1942 году, когда ему было 38 лет, он опубликовал свой первый роман «На пути к свободе». Книга имела успех, вдохновленный им Гурудатта продолжал писать всю свою жизнь. Большинство из его 200 произведений посвящены злободневным проблемам. Он был мыслителем и полагал, что лишь индуистское мировоззрение может помочь Индии сохранить единство. Его романы изображают общество, политику, культуру и экономическую жизнь древней, средневековой и современной Индии. Они дают представление о том, что волновало героев его произведений, отражают политические, социальные и нравственные нормы описываемого времени. Романы Гурудатты сосредоточены на том, чтобы религиозные традиции и установления сохранялись, это послужит тому, чтобы разногласия, царящие в мире, были устранены. В романах Гурудатты упор делается на том, что необходимо следовать религиозным заветам, независимо от вероисповедания. Он исследовал жизнь Индии на разных этапах истории, показал, как личность и общество развивались. Его произведения были увлекательны и поучительны, возможно, за это его и ценили читатели. Литературоведы Е. Чельшев и Л. Аганина в статье «Зарубежный Восток. Литература 1970-х годов» [1, с. 82] писали: «Реакционно-традиционалистская литература в Индии, связанная с коммунализмом – идеологией, утверждающей превосходство индусской религиозной общины над религиозными меньшинствами Индии, – ставит перед собой задачу воспитания истинных «хинду», которые могли бы стать основой сильной и организованной «индусской нации». Отсюда и отрицание возможности социалистической ориентации для Индии – страны, которая, по мнению одного из наиболее известных литературных пропагандистов коммуналистских идей Гурудатта, представляет идеальную основу для теократической монархии, опирающейся на власть высшей касты брахманов». Но в Индии произведения Гурудатты переиздаются. Их ценность заключается в том, что они отражают свое время.

Литература:

[1] Аганина Л., Чельшев Е. Зарубежный Восток. Литературы 70-х годов // Вопросы литературы, N 6, 1982.

Второе рождение литературной классики: восприятие «Поэмы о Кие» в интеллектуальной среде Вьетнама в XIX – первой половине XX века

Сюннерберг М.А.

Доклад посвящен демонстрации коллизии между формой и содержанием, главным сюжетным противоречием «Поэмы о Киеу», которые сыграли важнейшую роль в неоднозначном восприятии этого произведения вьетнамской интеллектуальной элитой XIX – первой половины XX в. Показано, что развернувшаяся в колониальный период полемика вокруг поэмы выходила за рамки собственно литературы, став важнейшим элементом проблемы зарождения вьетнамского национализма и пересмотра традиционных культурных ценностей.

«Поэма о Киеу» Нгуен Зу (1765–1820) считается центральным произведением вьетнамской литературы, ее ценнейшем сокровищем и главным экспортным продуктом. Переведенная к настоящему моменту на более чем 30 иностранных языков (на русский язык в 2015 г. – [см. Нгуен Зу 2015]), поэма является визитной карточкой вьетнамской культуры, выступая в качестве важнейшего инструмента репрезентации Вьетнама за рубежом. Значение произведения выходит за собственно литературные рамки – по данной книге производятся гадания, снимаются фильмы, она же в колониальный период стала маркером национальной идентичности.

Такая судьба тем более удивительна, что литературный труд Нгуен Зу не отличается оригинальностью сюжетной линии. История основана на китайской повести (малоизвестной даже в самом Среднем государстве) периода династии Мин (XVII век), которую Нгуен Зу обнаружил, когда служил в дипломатической миссии в Китае в 1813 г.

Его оригинальность заключается в передаче истории во вьетнамскую поэзию. Поэма была написана в стихотворной форме лук-бат (*вьет. – lục bát*) на национальной письменности ном (*вьет. – chữ nôm*) – также иероглифической, но отражающей и вьетнамское звучание. Как отмечает один из ведущих западных вьетнамистов К. Тэйлор, «возможно, самый большой успех перевода Нгуен Зу заключается в звучании: ритмичное ударение, месмерическая тональная структура, искусные сочетания слов — в результате для вьетнамского слуха получилась по-настоящему словесная музыка» [Taylor 2020: 2021].

Наиболее примечательное в сюжете «Поэмы о Киеу» – это противоречие между фундаментальными конфуцианскими понятиями: сыновьей (в данном случае – дочерней) почтительностью и женским целомудрием; между семейными обязательствами и личной добродетелью. В XIX веке «Поэма о Киеу» была хорошо известна среди образованных вьетнамцев, которым нравились ее поэтические качества, но которые не испытывали чувства признательности автору за историю как повествование о событиях. В результате произведение имело сомнительную репутацию не совсем подходящего для благородного чтения – из-за

подробных описаний проституции, любовных отношений, женской ревности и в принципе эксцентричной для своего времени идеи солидарности угнетенных женщин.

Бытование «Поэмы о Киеу» в эпоху колониализма и зарождения национализма в первой половине XX века послужило интересам обоих явлений. Колониальные власти поощряли распространение произведения за то, что они считали его наполненным полезным, с их точки зрения, моральным содержанием. В 1911 г. Э. Нордеманн, начальник Службы образования Французского Индокитая, представляя очередное алфавитное издание Ким Ван Киеу, подчеркнул: «В этой жизни человек должен рассматривать свое поведение по отношению к другим как фундаментальный моральный долг... писатели всех наций выбирают образцы патриотизма и сыновней почтительности, верности моральным обязательствам и надлежащего воспитания... и из этих образцов сочиняют романы для назидания» [Nouvelle histoire ... 1911]. «Поэма о Киеу» была названа именно таким образцовым романом.

Эту идею горячо поддержали те вьетнамские деятели, которые ратовали за сотрудничество с Францией. Наиболее показательным был пример известного публициста Фам Куиня, редактора влиятельного журнала «Южный ветер». Подобный взгляд нашел отклик и среди вьетнамских «новаторов». В то же время традиционалисты и менее благосклонно настроенные к Франции националисты полагали, что восхваление произведения, посвященного «добродетельной проститутке», есть не что иное как попытка оправдать сотрудничество с колониальными властями якобы заботой о судьбе страны и ее народа.

Таким образом, в первые десятилетия XX в. «Поэма о Киеу» пережила свое второе рождение – в виде многочисленных переизданий и переводов на иностранные языки, а также посредством бурных дискуссий вокруг ее места во вьетнамской культуре.

Литература:

- [1] *Нгуен Зу*. Повесть о Киеу. Перевод Ву Тхе Кхоя. М., 2015.
- [2] *Nouvelle histoire de Kim, Van et Kieu*. Hanoi. 1911.
- [3] *Rato M*. Filial piety and chastity in Nguyen Du's the Tale of Kieu // *MANUSYA: Journal of Humanities*, Special Issue No.14, 2007. P. 66–75.
- [4]. *Taylor K.W*. Translating Content and Form from Vietnamese into World Literature. The Case of Kiêu. // *A Companion to World Literature*. Edited by Ken Seigneurie. 2020. P. 2217–2227.

Прозаический фольклор индонезийских провинций Папуа: проблемы собирания и изучения

Фролова М.В.

*ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и
Монголии*

m.v.frolova@gmail.com

Актуальность выбранной темы обеспечивает современный поворот индонезийской внутренней политики от яванцентризма к децентрализации, отказ от гегемонии Яванского мира и принятие максимальной автономии регионов. В 2022 году на карте республики Индонезия появились 4 новые провинции Папуа (Южный, Центральный, Юго-Западный и Горный Папуа, помимо уже существующих Папуа и Западного Папуа). Согласно этой стратегии, административно-территориальное дробление должно способствовать интеграции проблемного региона, так как этот процесс все еще продолжается, начиная с присоединения территорий Папуа в 1963 г. С 1960-х, индонезийское правительство столкнулось с трудностями в новом регионе, в котором экономическая отсталость и расовые предрассудки до сих пор обостряют внутренние конфликты. Помимо силовых мер осуществлялась политика мягкой силы. Частным случаем ее реализации было знакомство жителей других островов и регионов страны с традициями и обычаями папуасов, в том числе, с их фольклором.

Основным источником данного исследования послужила книга «Народные истории Ириан Джаи» (старое название территории современных папуасских провинций Индонезии) 1978 г. Пересказ выполнил Суяди Пратомо (судя по имени, яванец). *Цель* данного исследования – типологическое описание специфики прозаического фольклора народов Папуа. В силу ограниченности материала, эта работа не претендует на исчерпывающий характер. Содержание источника – 10 папуасских «народных историй». Изучение прозаических текстов, изложенных на индонезийском языке с некоторыми вкраплениями местных языков, позволяет сделать следующие *предварительные выводы*.

При типологическом подходе к изучению фольклора следует отслеживать два важных параметра: его устойчивость и изменчивость. Чтобы отделить архаичное и новое, следует развести по разные стороны архаические черты и намеки на принадлежность Папуа к большому миру – республике Индонезии, о чем ярко свидетельствует финальная фраза последнего текста: «К тому времени Ириан уже будет развиваться по всем направлениям и войдет в большое унитарное государство, станет процветающим и великим (Jaya)» [Cerita rakyat Irian Jaya, 1978:108]. При попытке определить жанр этих текстов, мы возвращаемся к термину Е.М. Мелетинского *мифологическая сказка*, так как слои инноваций перемежаются с наиболее древними, архаичными пластами. Этиологизм, каннибализм, тотемизм, культ предков, фетишизм, магия и ритуалы, инициальные обряды, взаимодействия героев с миром

духов, хождения в подземный мир, трикстерные черты некоторых героев и культуртрегерство других, запутанность сюжета и «странные слова» без пояснений – все это говорит о глубокой архаике представленных текстов. Так как текст дан в пересказе, в нем отсутствуют характерные для сказочного фольклора языковые приемы – формульность, тавтологии, устойчивые эпитеты, повышенная предикативность, редупликации, ономотопея, синонимы. Вряд ли мы можем причислить «Народные истории Ириан Джаи» к детской литературе, так как сами тексты оказываются тяжелыми для чтения – они перегружены именами и названиями, их сюжетные повороты часто нелогичны, развитие конфликтов лишено стремительности, много «темных моментов» и т.д. Практически отсутствуют или крайне редко встречаются диалоги героев. Все вышеперечисленное – признаки архаичности изначального устного текста, скорее всего, записанного со слов сказителей, на что указывают некоторые вставки целых реплик персонажей на неизвестных папуасских языках, данных с «переводом» на индонезийский. Очевидно, индонезийские собиратели 1960-х не ставили задачу максимально сохранить запись «сказок» строго по устному оригиналу. Личности информантов остались неизвестными. Такая небрежность к материалу объясняется характерной для сухартовской Индонезии тяги к созданию паниндонезийской культуры (с преобладанием яванской). В силу очевидной вторичности текста, его «фильтрации» и «индонезианизации», невозможно рассмотреть подробно его языковые аспекты – неизвестно, на каких языках изначально шло повествование. Несмотря на достаточное присутствие реалий и терминов на местных языках, которые поясняются через индонезийский, этот вопрос пока что остается в стороне исследования. Несмотря на отсутствие важнейшей детали, собственно записи этих текстов со слов информанта и их публикации без «улучшений», книга может быть полезной в качестве первой ступени на пути к изучению фольклора народов Папуа. Дальнейшие шаги представляются следующими – связаться с индонезийскими коллегами-фольклористами, изучить архивы и библиотеки университетов, найти информантов и т.д.

Литература:

[1] *Cerita Rakyat Irian Jaya*. Disajikan kembali oleh Suyadi Pratomo. PN Balai Pustaka, Jakarta, 1978.

Африканистика

Суахили как метаязык науки в Восточной Африке

Громова Н.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры африканистики

gromova@iaas.msu.ru

Метаязык – это язык, предназначенный для описания другого естественного языка, который называется объектным языком. При этом естественный язык может являться своим же метаязыком. Так, например, для описания суахили используется тот же самый объектный язык суахили. Реальная картина функционирования естественного языка в речи оказывается сложной и противоречивой, и для ее адекватного отражения необходим метаязык, обладающий достаточно гибкими и разнообразными средствами выражения. Метаязык отличается от естественного языка лишь частично специальной терминологией, однако именно термины являются стержнем метаязыковой системы.

Научное описание языка суахили начинается в 1930 году с издания первых Бюллетеней Восточноафриканского межтерриториального языкового комитета. Одной из основных задач этого комитета было достижение единообразия в использовании существующей и вновь создаваемой общеупотребительной и терминологической лексики. Периодические ежегодные бюллетени содержали списки предлагаемых терминов, но метаязыком был английский, поскольку членами Межтерриториального комитета языка суахили (с 1954 года – Восточноафриканского комитета языка суахили) были европейцы, в основном англичане. И вплоть до 1954 года в бюллетенях не было ни одной статьи на языке суахили.

С созданием в 1964 году Института исследования суахили, преемника Восточноафриканского комитета языка суахили, стал издаваться научный журнал, в котором публикуются статьи как на суахили, так и на английском. Этот Институт продолжает традицию публикации разнообразных терминологических списков, словарей и специализированных словарей. Терминологическая деятельность Института, как и других организаций, имеющих непосредственное отношение к развитию языка суахили, координируется государственным учреждением – Национальным советом языка суахили (ВАКИТА). Совет подготовил выпуски так наз. «Стандартных переводов» (Tafsiri sanifu), содержащих предлагаемые термины в различных областях науки и социально-экономической сфере, в общей сложности около 12 тысяч терминов.

Принципы, официально декларированные Национальным советом в первые годы его существования, остаются неизменными: в первую очередь используются словообразовательные средства собственно языка суахили, затем возможен поиск

соответствующего термина из языков банту или других африканских языков, и в крайнем случае допускается возможность заимствования из неафриканских языков.

В содружестве Института исследования суахили и Национального совета суахили был издан целый ряд терминологических словарей: словарь лингвистических терминов (*Kamusi ya isimu na lugha*, 1990), литературоведческих (*Kamusi ya fasihi*, 2003), биологических, физических и химических (1991), медицинских (*Kamusi ya tiba*, 2003), юридических (*Kamusi ya sheria*, 1999), компьютерных (*Jifunze kompyuta*, 2006) и других специализированных словарей, таких как словарь названий птиц (*Kamusi ya ndege kwa picha*, 2006), животных (*Kamusi ya wanyama na nyoka wa Tanzania*, 1982) или словарь синонимов (*Kamusi ya visawe*, 1998), пословиц (*Kamusi ya methali*, 2001) и многие другие.

При всем разнообразии терминотворческой деятельности в Восточной Африке, в основном в Танзании и Кении, можно констатировать три ведущих направления: пуристическое направление ('коронавирус' > *uviko = ugonjwa wa virusi vya korona*), псевдопуристическое (замена английских терминов арабскими: 'проза' > *prozi > nathari*), интернациональное, т.е. унификация терминологии на основе единого источника, имеющего четкие и однозначные дефиниции в разных языках ('онкология' > *oncology > onkolojia*). При этом следует отметить, что при создании терминологических словарей активное участие принимают лингвисты.

Лингвистическая терминосистема, составляющая основу метаязыка, аккумулирует результаты исследований других научных направлений и, таким образом, метаязык является энциклопедией знаний о языке. Выдающимся достижением лингвистов Восточной Африки стало издание двух объемных, толковых энциклопедических словарей: словарь группы кенийских лексикографов *Kamusi ya karne ya 21* ('Словарь 21-го века', 2011, 2013, 2014, 2015; 621 с.) и словарь танзанийских лексикографов *Kamusi Kuu ya Kiswahili* ('Главный словарь суахили', 2015, 2016, 2017, 2022; 1264 с.). Лингвистическая терминология Восточной Африки в основном взаимопонимаема, но метаязык лингвистики и те средства языка суахили, с помощью которых ведется метаязыковое описание языка, все еще далеки от совершенства и нуждаются в унификации.

Причины и последствия тыграйского кризиса 2020-2022 годов

Емельянов А.Л.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры африканистики

emeljanov.andrej@yandex.ru

Причинами войны в регионе Тыграй стало давнее противостояние между правительством Абия Ахмеда Али и властями автономного региона в лице правящей там партии Народный фронт освобождения Тыграй (НФОТ). Абий Ахмед Али с самого начала своего премьерского срока прилагал усилия для снижения влияния НФОТ. В ответ НФОТ игнорировал отдельные федеральные акты и указания на территории региона. 9 сентября 2020 года власти региона Тыграй провели всеобщие региональные выборы в Совет представителей Тыграя, несмотря на запрет федерального правительства, которое отменило проведение выборов в регионах из-за пандемии COVID-19. Парламент Эфиопии признал выборы неконституционными. Это решение спровоцировало осложнение отношений между центральным правительством и властями автономии. На выборах в Тыграе победил НФОТ.

Боевые действия между НФОТ и федеральным правительством начались с нападений 4 ноября на базы Северного командования и штаб-квартиры сил национальной обороны Эфиопии в районе Тыграй силами безопасности НФОТ и с наступления эфиопской армии на Тыграй в тот же день. Наступление на мятежную провинцию со стороны правительственных войск в конце 2020 года сменилось контрнаступлением повстанцев и тяжёлым поражением правительственной армии в 2021 году. Но к концу 2021 года повстанцы, испытывая трудности со снабжением, стали терять ранее захваченные территории. Вооруженный конфликт вышел за пределы мятежного Тыграя. Боевые действия распространились на соседние регионы Афар, Амхара, Оромия, и в итоге конфликт превратился в полномасштабную гражданскую войну. При посредничестве Африканского союза 2 ноября 2022 года представители эфиопских властей и НФОТ в Претории подписали соглашение о прекращении боевых действий. Соблюдение соглашения контролирует группа экспертов АС.

Другой причиной конфликта стало завершение основных работ на эфиопской плотине «Возрождение» (ГЭС «Хыдасе»). Дело в том, что Каир и Хартум выступают против строительства этого сооружения, они опасаются, что новая плотина на эфиопской части Нила лишит их необходимых водных ресурсов, а это больно ударит по экономике, приведет к засухе, перебоям в работе Асуанской ГЭС, а, следовательно, к потере урожая и рабочих мест. Пока не будет достигнута договоренность между Египтом, Суданом и Эфиопией, тыграйский конфликт будет оставаться основным рычагом давления на Аддис-Абебу. Только при полной ликвидации внешней помощи эфиопское руководство имеет возможность привести к покорности мятежный регион.

Литература:

[1] https://ria.ru/?utm_source=vsesmi_online

[2] https://regnum.ru/?utm_source=vsesmi_online

[3] <https://addisfortune.news>

Гендерные аспекты отношения к насилию в африканском обществе

Касимовская Е.Н.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономгеографии

kasim@iaas.msu.ru

Толерантность и отношение к насилию в современном обществе представляют собой ключевые поведенческие характеристики и безусловно характеризуют доминантную систему общественных ценностей. В философском понимании толерантность – «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодстойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [1, т. 4, с. 363]. В этой связи гендерные аспекты толерантности приобретают особое звучание. Отношение к женщине, ее роль в обществе принято связывать с общим уровнем развития страны. Принято считать, что чем более развита страна, тем более активную роль играет женщина в общественной жизни. Однако сюжеты, связанные с применением насилия в отношении женщин стоят особняком и не имеют непосредственного отношения к уровню экономического развития страны, что многократно доказано на примере развитых стран. Очевидно, истоки, питающие толерантное отношение к насилию в обществе, в том числе и в современном африканском, надо искать в сфере человеческих взаимоотношений, отражающих местные понятия добра и зла и семейные ценности. Опросы населения, проведенные международной группой исследователей в рамках долгосрочного социологического проекта «Всемирный обзор ценностей» в 2010-2019 г.г., охватили три африканские страны – Кению, Эфиопию и Зимбабве [2]. В опросник был включен целый ряд позиций, затрагивающих отношение к насилию, а именно: оправданность мужского насилия как средства завоевания авторитета в обществе, приемлемость мужского насилия в семье и терпимость (толерантность) женщины в отношении такого насилия. В трех странах в опросе приняли участие 3711 человек, примерно поровну в каждой из трех стран. Анализ ответов респондентов показал, что ни в одной стране мужское насилие как средство завоевания авторитета не считается оправданным: так считает более 80% опрошенных. Однако если в Эфиопии и Зимбабве на долю тех, кто допускает необходимость такого насилия, приходится 11-12%, то в Кении этот уровень несколько выше и составляет более 18%. Насилие на уровне семьи («Мужчина может прибегнуть к насилию, чтобы держать жену в узде») оправдывают в Эфиопии 18.6%, в Кении – 24.5% и в Зимбабве – почти 40%. Это дает основание предположить, что гендерная составляющая играет решающую роль в отношении степени толерантности в африканском обществе. Дальнейший анализ подтвердил данное

предположение при исследовании ответов респондентов относительно отношения женщины к насилию, их готовности мириться и принимать его. Опросник включал в себя следующий пункт: «Женщина должна терпеть насилие в целях сохранения семьи». В целом, в трех странах с данным утверждением согласились 40% опрошенных. Однако страновые результаты говорят о заметных различиях между странами. В Эфиопии толерантность в отношении насилия в семье принимается почти 80% опрошенных. А в Кении и Зимбабве – лишь 23%. Можно предположить, что такие социально-демографические характеристики респондентов, как уровень образования, уровень дохода, тип поселения (сельское или городское) и принадлежность к той или иной религиозной конфессии могут существенно влиять на отношение к насилию. Дальнейший анализ показал, что важнейшей из перечисленных характеристик является религия. Были исследованы ответы респондентов с учетом их распределения между доминирующими в стране религиозными конфессиями. В Эфиопии это – православные, протестанты и мусульмане, в Кении – католики, протестанты и мусульмане, в Зимбабве – католики, протестанты и иудеи. Корреляционный анализ с использованием Хи-квадрат теста, позволяющего сопоставлять качественные параметры, показал, что принадлежность к религиозной конфессии является статистически значимой для формирования отношения к мужскому насилию в семье в Эфиопии и Кении, но незначимой – в Зимбабве. Сходные результаты характеризуют и женскую толерантность к насилию. Фактор религиозной принадлежности оказался значимым для Эфиопии и Кении, но не для Зимбабве. Очевидно, данный факт можно объяснить наличием в обеих странах доминирующих конфессий: ортодоксального православия в Эфиопии и католицизма в Кении. В Зимбабве наблюдается гораздо более пестрая картина принадлежности участников опроса к религиозным конфессиям. Таким образом, отношение к насилию в отношении женщин в современном африканском обществе носит двойственный характер. Гендерная составляющая проявляется одновременно как в неприятии насилия в целом, так и в толерантности к таковому на уровне семьи. Религиозный фактор продолжает играть решающую роль в формировании общественных предпочтений и национального менталитета.

Литература:

- [1] *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001
- [2] *World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile Version*: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>. Madrid: JD Systems Institute.

Особенности функционирования конструкций с именем действия в амхарском языке

Кравченко С. Л.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры африканистики
slkravchenko@gmail.com*

Среди непредикативных форм в системе амхарского глагола наиболее употребительными по сравнению с другими отглагольными именами являются имена действия и состояния. Эта особая форма образуется от каждого структурного типа глагола по определенным моделям.

В амхарском языке существует несколько конструкций с именем действия: в сочетании с предлогами, с предлогами и послелогоми и т.д. Одни из этих конструкций соответствуют русским деепричастиям, другие синонимичны придаточному предложению причины. Некоторые конструкции выражают намерение сделать что-либо или действие, которое должно произойти в ближайшее время, а также обозначают действие, происходящее в данный момент.

В амхарском языке можно выделить разновидность придаточного изъяснительного предложения – придаточное подлежащее предложение, в котором имя действия в сочетании с притяжательным местоименным суффиксом выполняет функцию отсутствующего в главном предложении подлежащего.

Обычным способом передачи подчинительных отношений между главным и придаточным предложениями являются союзы. В амхарском языке существует несколько подчинительных союзов, которые связывают придаточное подлежащее предложение с главным: «что»: *ändä* (глагол-сказуемое придаточного подлежащего предложения стоит в прошедшем времени); *ändämm* (глагол-сказуемое обозначает настоящее или будущее время), «чтобы» *ändə*, а также для связи употребляются союзные слова.

Но возможна и бессоюзная связь придаточного подлежащего предложения с главным. Такая бессоюзная связь осуществляется при помощи имени действия с притяжательным местоименным суффиксом. В этом случае придаточное дополняет главное предложение, занимая позицию подлежащего.

Несколько примеров:

Ato taddäsä baddis yastädadär mäwwaqər wəst yägänzäb ministr hono mäšomu tägälläčä.

Сообщается, что господин Таддэсэ назначен министром финансов в новой администрации.

Marta yähulätäñña dărăja tēmhərt bet mälqäqiya fätäna maläfwa yənnäggäral.

Говорят, что Марта сдала выпускные экзамены за среднюю школу.

Yaityopia yäwəčč gudday ministr käsudanu aččaččaw gar səmməmännät mäfärarämaččow tawqwal.

Известно, что министр иностранных дел Эфиопии и его суданский коллега подписали договор о сотрудничестве.

Как видно из приведенных примеров, притяжательный местоименный суффикс при имени действия является своеобразным средством согласования сказуемого главного предложения с подлежащим в числе и лице. Что касается времени, выражаемого именем действия в придаточном предложении, то, в основном, имя действия передает прошедшее время.

Сказуемое главного предложения в подлежащих придаточных предложениях обычно требует ответа на вопрос именительного падежа **что?** и выражается глаголами, обозначающими сообщение, предположение, оценку какого-либо действия или события в придаточном подлежащем предложении, а также оборотами и конструкциями, близкими им по смыслу (говорят, сообщается, известно, подтверждается, доказано, было заявлено, необходимо, было решено и т.д.). Глагол в главном предложении согласуется с подлежащим, выраженным именем действия с притяжательным местоименным суффиксом, в 3-ем л.ед.ч. В соответствии с грамматикой амхарского языка придаточное подлежащее обычно предшествует главному.

Наиболее часто подлежащие придаточные предложения употребляются в общественно-политических текстах.

Патриарший-Экзархат Африки: итоги работы в 2022 – март 2023 гг.

Львова Э.С.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры африканистики

eleonora.lvova39@yandex.ru.

Российское православие в Африке насчитывает сравнительно недолгую историю. Попытки, ввести русское православие еще в XIX и начале XX вв. не имели успеха. Первые храмы и общины появились лишь в Северной Африке и были инициированы эмигрантами после ухода Черноморской эскадры из Советской России. На Сейшелах и в ЮАР храмы появились уже в начале XXI в. И в первом, и во втором случае прихожанами их были русские, работавшие там либо обосновавшиеся на новой родине. В Африке же южнее Сахары с конца XIX в. возникали православные общины из местного населения, принадлежавшие Александрийскому Патриархату в греческой церкви.

Положение резко изменилось после 2019 г., когда единоличным решением Патриарха Варфоломея было одобрено «отложение от общего православного церковного тела» Православной церкви Украины. Русская православная церковь в отличие от Александрийского Патриархата не приняла его как неканоническое и осудила как раскол православия. Многие африканские священники и прихожане, принадлежавшие к Александрийскому Патриархату («греки»), также не согласившиеся с решением Варфоломея, начали обращаться к деятелям РПЦ с просьбой о перекрещении и окормлении в рамках русского православия. В ответ в декабре 2021 г. Синодом РПЦ был создан Африканский Экзархат (или Патриарший Экзархат Африки) во главе с епископом Клинским Леонидом для работы в Африке, в основном в странах южнее Сахары. Экзархат включает два диоцеза: Северо-Африканский (31 страна) и Южно-Африканский (24 страны). В целом ряде стран он уже получил официальную регистрацию. Местные правительства, как правило, положительно относятся к деятельности священников РПЦ, одобряются планы строительства храмов и школ.

Основная масса новообращенных – выходцы из греческого православия, из других христианских деноминаций (католиков и протестантов разного толка – единицы, не встречаются сведения о крещении мусульман и «язычников»). Российские священники за истекшее время работали там, откуда поступали просьбы об окормлении. Они привозили церковную утварь, иконы, облачения; проводили службы (литургию, крещения и бракосочетания); вели социальную работу: основывали школы, подсобные хозяйства, медицинские пункты, оказывали гуманитарную помощь и т.п. Для желающих посвятить себя священническому служению («ставленников») организовывали курсы и направляли в Санкт-Петербургскую и Троице-Сергиевскую духовные академии. Появились и первые монахи. Делаются попытки проведения служб на местных языках, начаты переводы священных текстов, например, на суахили, а Пасхальные послания (22 апреля 2023 г.) были сделаны на 7 языках (3-х европейских, африкаанс, суахили, арабском, армянском). По утверждениям самого Экзарха, сейчас в Африке насчитывается 192 священника-африканца, 11 обучаются в духовных академиях России, прихожан же – несколько десятков тысяч.

Эта деятельность вызывает недовольство служителей греческого православия. У перешедших под руку РПЦ отбираются церковные помещения, облачения священников, закрываются школы или детей не допускают к занятиям и т.п. В некоторых странах возбуждаются судебные дела. Пока русское православие не имеет своих храмов, и службы проводятся либо под открытым небом, либо под тентами или в арендованных помещениях. Нередко таковыми становятся российские культурные центры либо помещения при наших посольствах – в таких случаях на них присутствуют и послы, и наши соотечественники, работающие в странах Африки.

Работа эта рассматривается не только как чисто церковная, но как часть государственной. Церковное сотрудничество проходит в интересах текущей политики России, а деятельность священников проводится при поддержке МИД, посольств в странах Африки и Русских культурных центров.

Глаголы с адвербиальным значением в современном амхарском языке

Ренжин А.П.

*МГЛУ, ст. преподаватель кафедры переводческого и педагогического
мастерства института непрерывного образования*

a

Одну из характерных особенностей современного амхарского языка составляют глаголы с инкорпорированным обстоятельственным сирконстантом, а конкретно, обстоятельством образа или способа действия, которые получили название адвербиальных. Отличительной чертой адвербиальных глаголов является то, что их семантика выражает не только действие, но и характер его протекания, на пример:

gelammete - смотреть с неодобрением

tegollete- сидеть сложа руки *e*

Сема обстоятельного характера основного глагольного действия не имеет формального выражения, а представляет неотъемлемую часть значения глагола, являясь конкретизирующей адвербиальной семой и денотативно закреплена в словарных дефинициях этих глаголов:

n

azeggeme = qess ayuale hede – медленно идти

tengoraddede = wadiyanna wadih behalet tengoraddede – ходить взад и вперед

Кроме глаголов с денотативно закреплённой адвербиальностью в современном амхарском языке существует ряд глаголов, которые приобретают такое дополнительное значение, описывающее характер действия, в сочетании с дополнением или обстоятельственным словом, в контекстах на пример:

wəgəwwəgə кидать, бросать → ayūn wəgəwwəgə бегло взглянуть, бросить взгляд

same целовать → əgər same смиренно приветствовать

sergeqe красть → ləbbun sergeqe постоянно думать о чем-то конкретном

boššeqe звать (зубами) → təmhərtun betənnəšu boššeqe заниматься урывками

Среди адвербиальных глаголов в амхарском языке можно выделить группу звукоподражательных глаголов с инкорпорированными адвербиальными признаками:

ale пить мелкими глотками

həmhəmm ale надоедливо ворчать, брюзжать

quṭiṭṭ ale присесть на корточки

Семантические компоненты, представленные ингерентно в семантике адвербиальных глаголов, могут соотноситься с признаками способа действия (čelleṭe выпить до дна, осушить), образа действия (alazzenе громко кричать, громко рыдать), интенсивности действия (geseggeṣe быстро идти, торопиться), оценки действия (pezenneze надоедать, докучать) и др.

Глаголы с семантическим признаком качественной характеристики действия в современном амхарском языке занимают первое место. Внутри этой группы глаголов можно выделить следующие основные подгруппы:

- глаголы движения, которые предполагают манеру, способ передвижения:

tengedaggede идти спотыкаясь, tewɔzawwɔze идти шатаясь, teṭaddefe идти быстрым шагом, торопиться,

- глаголы говорения: ašokeššoke говорить шепотом, tentebattebe говорить невнятно, tekolattefe шепелявить,

- перцептивные глаголы: anqwareṣe хрюхтеть от боли, atekkoṣe пристально смотреть,

- эмотивные глаголы: tenefarṣeṣe громко плакать, haqqə səqq ale всхлипывать, судорожно вздыхать при плаче, (aynun) ankebellele таращить глаза,

- глаголы потребления: lemeseṣe жадно есть, čelleṭe выпить до дна.

Семантической инкорпорации в современном амхарском языке противостоит процесс своеобразной экспликации инкорпоранта в поверхностную структуру предложения. В семантическом плане сущность «вытеснения» инкорпоранта состоит в том, что реализуется семантическая редупликация, представляющая собой употребление различных средств выражения одного и того же содержания. В роли экспликатора инкорпоранта употребляется деепричастная форма или соотносимая с деепричастием форма (əuuṣe + перфект) адвербиального глагола, которые в современном амхарском языке находятся на периферии класса наречий, поскольку сохраняют свое спряжение, например:

atekkore пристально смотреть → atekkuro temeḷkkete (atekkuro пристально посмотрев + temeḷkkete смотреть)

azeggeṣeṣe (азеггесе́се) – адвербиальное причастие (азеггесе́се – музика́льские инструменты́) широко распространенным явлением. Они очень разнообразны по дополнительным семантическим признакам, которые инкорпорированы в них, или которые они приобретают в контексте.

Основной материал работы составили глаголы с лексикографически закрепленными семами адвербиальной характеристики, отобранные из толковых словарей.

Использование местных языков в школьном образовании в Нигерии

Суетина Ю.Г.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры африканистики

kaduna20072@mail.ru

Нигерия находится на первом месте в Африке по численности населения, которая по последним данным достигает 210 миллионов человек. Жители Нигерии говорят на 500 языках. Государственным языком Нигерии является английский. Наряду с ним в стране функционирует пиджин-инглиш.

Вопрос об использовании местных языков в школьном обучении на уровне шестилетней начальной школы поднимался неоднократно. В соответствии с последним законом о школьном образовании, принятом в Нигерии 1 декабря 2022 года, обучение в начальной школе должно вестись исключительно на местных языках. Как заявил министр образования Нигерии Адаму Адаму, это решение было принято в связи с тем, что некоторым языкам малочисленных народов Нигерии грозит исчезновение. Министр добавил, что решение вступает в силу с этого дня, однако для его реализации потребуется определенное время, так как необходимо подготовить преподавателей и создать учебные материалы [1].

Согласно закону, обучение в начальной школе должно вестись на языке, на котором говорит большинство жителей района. В штатах Кадуна, Кано, Сокото большинство населения говорит на хауса. Так, в штате Кано, где помимо английского языка, официальным языком является хауса, обучение будет вестись на хауса. Но в этом штате проживает и большое количество фульбе, чей язык также используется в органах власти. В округе Догува этого штата большинство населения составляют представители народов каинджи-моро, курама и мал, использующие хауса как язык межэтнического общения. Встает вопрос: на каком же языке должно вестись обучение в начальной школе в этом округе?

Еще в конституции 1979 года было записано, что государственными языками Нигерии должны быть, наряду с английским, три основных автохтонных языка – хауса, йоруба и ибо. Но на момент принятия конституции только на севере страны, где проживает большинство хауса, имелись предпосылки для использования хауса в качестве официального языка.

Новый закон вызвал неоднозначную реакцию в среде преподавателей начальных школ. Большинство из них считает, это решение неправильно, так как ухудшит владение английским языком, которое и сейчас находится на недостаточно высоком уровне. Это создаст для обучающихся сложности при сдаче экзаменов в средней школе, в которой преподавание будет вестись на английском языке, а также при сдаче WAEC, т.е. западноафриканского экзамена по английскому языку, дающему право на поступление в университет. Недостаточное знание

английского языка может помешать выпускникам нигерийских школ продолжить свое образование за границей.

Отношение к этому закону и в самом нигерийском обществе неоднозначно. Авторы статьи [2] обратились к преподавателям начальных школ с вопросом, приветствуют ли они принятие нового закона об образовании? Все опрошенные высказали свое отрицательное отношение к замене английского языка местными языками. Но при этом отмечали, что ученики лучше усваивают учебный материал, если он преподносится на их родном языке. И сами учащиеся, которые также выступали за сохранение преподавания на английском языке, признавались, что им проще учиться на своем родном языке.

Вместе с тем различные авторы отмечают, что уровень преподавания английского языка в школах Нигерии, как в государственных, так и в частных, весьма низок. Газета "Gaskiya ta fi kwabo" [3] писала в 2014 году, что около 20% преподавателей английского языка были не в состоянии выполнить задания Западноафриканского экзамена.

Язык хауса издавна служил языком межэтнического общения и его позиции на севере Нигерии продолжают укрепляться. Об этом свидетельствует и тот факт, что в штатах Борну и Йобе с преобладанием народа канури все больше жителей изъясняются на хауса. Но на юго-востоке страны, где подавляющее население говорит на языке ибо, многие родители не хотят, чтобы их дети учили язык ибо. Как указал министр образования Нигерии, существуют многочисленные трудности на пути выполнения решения правительства Нигерии о преподавании в начальных школах на местных языках. Это и отсутствие необходимого количества квалифицированных преподавателей и учебных материалов. Все это требует больших денежных средств, которыми в настоящее время Федеральное правительство, вынужденное вести борьбу с террористами из Боко Харам, не располагает. Нельзя сказать, что ничего не делается: в 2018 году Центр изучения национальных языков при университете Байеро в Кано осуществил перевод на хауса учебников по физике и химии для средней школы.

Федеральное правительство заявило о решимости претворить в жизнь принятую им программу, так как исчезновение языка какого-либо народа влечет за собой исчезновение его культуры и истории.

Литература:

[1] <https://hausa.legit.ng/news>

[2] *Jalaudeen Ibrahim & Sadiya A. Gwandu* Language Policy on Education in Nigeria. In: *American Research Journal of English and Literature*, vol. 3, 2016.

[3] <https://hausa.leadership.ng>

Современная лексикография языка венда

Урб М.Р.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры африканистики

urb@iaas.msu.ru

Язык венда (чивенда или лувенда) является местным «малым» языком и одним из 11 государственных языков Южно-Африканской Республики. Венда функционирует и сосуществует с двумя доминирующими языками, английским и африкаанс, которые являются государственными языками всего региона, а также с 8 африканскими языками – «официальными» на региональном уровне. В списке африканских языков ЮАР самую высокую позицию занимает язык зулу (около 22%), а венда оказывается на последнем месте, замыкая этот список (около 2%).

Ареал распространения языка венда охватывает северную часть провинции Лимпопо (преимущественно район Вхембе), а также юг Зимбабве. Общая численность говорящих на венда составляет примерно 1,3 млн. человек, из них в ЮАР – 1,122 млн. человек, а в Зимбабве – 130 тыс. человек (2011).

После обретения языком венда в 1994 году статуса государственного стало ясно, что для выполнения всех многообразных функций необходимо преодолеть ряд серьезных языковых проблем, и прежде всего, проблему терминологической бедности языка. В настоящий момент едва ли можно говорить о способности языка венда выполнять сложные функции официального языка даже на уровне провинции.

Языковая политика ЮАР *de jure* направлена на поддержку всех государственных языков страны, однако *de facto* на повестке дня по-прежнему остается актуальным вопрос: возможно ли сделать африканские языки, в частности язык венда, способными осуществлять функции государственного языка? Объявление 9 африканских языков государственными, наряду с английским и африкаанс, было декларировано политическими соображениями без предварительного анализа социолингвистического профиля страны и не подкреплено экономическими мерами.

Языковая политика в ЮАР неоднократно видоизменялась за последние 30 лет, в зависимости от этого языковые реформы то активизировались, принимая лихорадочный характер, то несколько замедлялись, протекая сравнительно спокойно. С середины 1990-х годов под руководством Пан Южно-Африканского языкового совета, занимающегося обширным кругом вопросов, связанных с языковой политикой правительства, началась активная лексикографическая работа по основным языкам страны. В этот период для развития официальных языков регистрируются национальные лексикографические союзы с целью создания толковых словарей, подготовки и распространения периодических изданий и

литературы. На региональном уровне деятельность этих союзов контролировалась Национальными языковыми советами. Так, в Северной провинции был создан лексикографический союз языка венда, который активно занимался созданием учебно-методического комплекса, включая составление учебных словарей, для общеобразовательных программ среднего образования. Серьезным этапом в лексикографической деятельности стал проект о создании толкового словаря языка венда и совершенствовании существующих немногочисленных двуязычных словарей и справочников венда. Для реализации проекта были приглашены известные южноафриканские лингвисты Н. ван Вармелоо, Д. Принслоо, Л. Лоуренс, Х. Поулос, М. Мафела. Деятельность этого творческого коллектива принесла свои плоды: за короткий период был аккумулирован и систематизирован словарный фонд языка венда, обработаны источники информации для толкового словаря, подготовлена начальная картотека. Одновременно с этим были внесены изменения, дополнения и сокращения в двуязычный словарь Н. ван Вармелоо (*N. J. van Warmeloo Venda Dictionary: Tshivenda-English. Pretoria, 1989*). В перспективе рассматривалась возможность создания электронных версий будущих словарей.

С 2004-2005 гг. наблюдался определенный регресс в ходе языкового строительства. Многие языковые проекты, в частности, работа над словарями венда, были заморожены из-за трудностей материального характера.

В настоящий момент следует признать, что языковая политика не является одним из приоритетных направлений в деятельности органов власти ЮАР. В сложившейся кризисной политической и экономической ситуации ЮАР нет оснований полагать, что в обозримом будущем когда-то намеченная программа по развитию африканских языков будет выполнена.

Языковой комитет и лексикографический союз языка венда функционируют лишь как органы контроля на уровне среднего образования, регулируя издание немногочисленных школьных учебников, пособий и справочников. Отсутствие практически какой-либо поддержки со стороны государства тормозит развитие лексикографической практики венда, что приводит к языковой стагнации. Позитивным моментом является лишь то, что в научном сообществе, и не только южноафриканском, язык венда продолжает вызывать активный интерес и является объектом лингвистических исследований.

Суахили в образовательной среде Танзании

Шатохина В.С.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, преподаватель кафедры африканистики

Viktoria_mamaafrika@mail.ru

Образование для танзанийцев, как и для представителей любой страны, является неизменным ключом к светлой жизни. Суахилийская пословица *Elimu ni bahari* ‘Образование – это море’ ярко отражает привлекательность и неизведанность, которые таят в себе новые знания, надежды и перспективы, ожидаемые в будущем. До наступления периода миссионерства наиболее образованной частью населения современной Танзании были мусульмане, проживавшие преимущественно на побережье и на острове Занзибар. Занимаясь торговлей и по роду своей деятельности сталкиваясь с представителями других стран и культур, именно эти представители восточно-африканского общества несли свет знаний. Однако скорее арабский, как язык Корана, нежели суахили отождествлялся тогда с образованностью. Для большей части населения, говорившей на суахили, образовательный процесс имел лишь устную форму и воплощался по большей части в публичных комментариях Корана на языке суахили.

Возможность получать образование исторически воспринималась представителями Восточной Африки как некое духовное благо, поскольку «преподавание (в европейском понимании) началось в Африке с середины XIX века в миссионерских школах» [1], т.е. доступность образования была сопряжена для жителей этой части континента с появлением христианства. В то время система образования была далека от стандартизации, но уже тогда обучение преимущественно велось на языке суахили. Священное Писание также было переведено на суахили, что еще более способствовало стремлению местных жителей овладеть чтением и письмом. «Во времена немецкой и английской колонизации Восточной Африки, когда впервые стали создаваться стандартные государственные школы, возникла проблема единообразной системы школьного образования. Выбор пал на язык суахили, не маркированный в этническом отношении» [1: 256].

Однако еще более значимым стал выбор суахили как языка образования в период обретения независимости. В тот момент, когда будущий первый президент Танзании обратился к своему народу на суахили, стало очевидно, что именно суахили станет общим для всех инструментом для самоидентификации, борьбы с трайболизмом и одновременно «билетом в свет». В 1967 году правящей партией TANU был опубликован документ “Education for self-reliance”, который четко излагал философию опоры на собственные силы в образовании, а значит именно языку суахили отводилась главенствующая роль.

Система образования современной Танзании базируется на “Education Act” 1969 года, который провозгласил единую, интегрированную систему общедоступного государственного школьного образования [2: 257], которая действует по образцу Британской образовательной структуры 7-4-2-3. При этом первые 7 лет обязательного бесплатного образования обучение

школьников ведется на языке суахили. Дальнейший процесс обучения ведется исключительно на английском.

В целом выбор в пользу суахили как главного языка образования сыграл огромную роль для становления танзанийцев как единой нации. Однако последующий переход к преподаванию на английском языке в среднем звене становится серьезным вызовом как для школьников, так и для учителей. Эта проблема приобретает еще большую актуальность в свете всеобщей глобализации и растущей конкуренции на мировом рынке труда, который для современных танзанийцев сулит привлекательные перспективы в случае блестящего владения английским.

Литература:

- [1] *Громова Н.В.* Настоящее и будущее языка суахили в Восточной и Тропической Африке (этнолингвистическая ситуация) // Изучение Африки в России и за рубежом: этапы, тенденции, перспективы. Материалы международной конференции. Отв. ред. А.С. Балезин. М.: Наука, 2012. С. 255- 263.
- [2] *Ekpo-Eloma E.O.* Education in Tanzania// Introduction to Comparative Education, Dar-es-Salaam. PP. 48-54.

1960 год – год Африки (из опыта борьбы с колониализмом)

Щербаков Н.Г.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ведущий научный сотрудник кафедры африканистики
tarusan@list.ru*

По окончании Первой мировой войны существенно изменился баланс сил на международной арене. Версальско-Вашингтонская система международных отношений теперь должна была учитывать стремление к самостоятельности народов, прежде существовавших в составе исчезнувших империй. Началось своеобразное «соревнование» между отказывавшейся от традиционного изоляционизма американской администрацией В.Вильсона и правительством Советской России/СССР, стремившихся заручиться пониманием многочисленных «малых народов» и, тем самым, ослабить позиции главных бенефициаров войны.

В ходе подготовки и осуществления передела мира по итогам Первой мировой войны и процессе формирования мандатной системы Лиги Наций Вильсон и Ульянов-Ленин каждый по-своему трактовали ставшее необыкновенно актуальным и востребованным право малых народов на самоопределение. Сегодня эту заочную полемику и правоприменительную

практику Лиги Наций и европейских метрополий в межвоенный период все отчетливее интерпретируют как основу базовых принципов деколонизации, развернувшейся по-настоящему уже после Второй мировой войны. Правоведы, политологи и историки пристально изучают связи и взаимное влияние требований участников Движения неприсоединения относительно предоставления независимости колониальным странам и народам и позиций стран-лидеров ООН в этом отношении. Ключевым моментом, когда принципы деколонизации смогли быть институализированы через одобренные инициативы ООН, стал 1960 год – год принятия Res 1514 (XV), вошедшей в корпус важнейших решений ГА ООН под названием « Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам».

Появлению этого документа предшествовала напряженная борьба основных противников в Холодной войне и многих стран, стремившихся не быть вовлеченными в это противостояние, но использовать для получения независимости помощь и поддержку основных участников глобального противостояния. Начиная с Бандунгской конференции в 1955 г. и в ходе трудных обсуждений, прежде всего – на конференциях в Аккре (1958 г.), Монровии (1959 г.), Аддис-Абебе (1960 г.), были постепенно уточнены совместные позиции ряда стран Африки, Ближнего Востока и Азии относительно принципов уже начавшейся масштабной деколонизации. Дискуссия по проекту «Декларации о деколонизации», предложенному осенью 1960 г. главой советской делегации на 15-ой сессии ГА ООН Н.С. Хрущевым, таким образом, была основательно подготовлена. Проект СССР, как известно, не был безоговорочно одобрен и за основу столь знаменитой сегодня Декларации был принят проект группы афро-азиатских стран. Тем не менее, история претворения в жизнь принципов самоопределения, начавшаяся по-настоящему в межвоенный период, была продолжена после появления документа ООН 1960 года во многом как история деколонизации, испытывавшей очень сильное влияние прежде всего со стороны стран Восточного блока. Опыт этого давнего противоборства может существенно помочь сегодня в ходе дальнейшего развития и применения принципов самоопределения, столь важных для многочисленных народов, продолжающих отстаивать свои права в постколониальном мире.

Литература:

- [1] *Старушенко Г.Б.* Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства, М., Наука, 1960
- [2] *Jochen von Bernstorff and Philipp Dann*, eds., *The Battle for International Law in the Decolonization Era.* Oxford: Oxford University Press, 2018

[3] *Bowring, Bill*, Positivism Versus Self-Determination: The Contradictions of Soviet International Law (February 5, 2007). *INTERNATIONAL LAW ON THE LEFT: RE-EXAMINING MARXIST LEGACIES*, pp.133-168, Susan Marks, ed., Cambridge University Press, 2008.

[4] *Johannes Socher*, *Russia and the Right to Self-Determination in the Post-Soviet Space*. Oxford University Press, 2021

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Трактат Цзи Чэна "Устроение садов" (*Юань* 园冶, XVII в.) - уникальный источник по традиционному садово-парковому искусству Китая

Бобрикова Е.А.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, преподаватель кафедры китайской филологии

eabobrikova@gmail.com

Трактат Цзи Чэна "Устроение садов" (园冶 Юань, XVII в.) – единственное в китайской традиции "руководство" по созданию садов - уникальный источник не только по садово-парковому искусству, но и по истории культуры Китая. Уникальность его обусловлена как социально-историческими обстоятельствами его появления, его культурным и литературным "контекстом", так и неоднозначным характером текста.

Трактат "Устроение садов" был завершён в 1631 г. и опубликован в 1635 г. Его появление относится к последним годам империи Мин (1368-1644) - периоду "великой смуты". В истории искусства Китая на него приходится расцвет садово-паркового искусства, связанный с таким явлением, как частный сад, или сад ученого.

Первый в своем роде, трактат "Устроение садов" имел все предпосылки к тому, чтобы стать громким событием культурной жизни минского общества. Однако в итоге его публикация прошла нехаметной. При Цин (1644-1912) трактат Юань оказался в списке запрещенных книг, а повторное издание было осуществлено только в 1933 г.

Судьбу первого издания Юань определило предисловие издателя - знаменитого драматурга и чиновника Жуань Дачэна (1587–1646), снискавшего печальную славу на политическом поприще в период могущества придворного евнуха Вэй Чжунсяня (1568- 1627). Цзи Чэн не избежал подозрений в том, что пользовался покровительством Жуань Дачэна, и его труд был предан забвению [Чжунго лидай юаньлинь тувэнь цзинсянь, 2005, с. 6].

О жизни автора трактата Цзи Чэна (1582 – после 1637) почти ничего не известно. Основным источником сведений о нем – его предисловие и послесловие к Юань. Цзи Чэн рассказывает, что он много путешествовал, но большую часть своих садов создал на родине, в области Цзяннань (буквально "к югу от реки [Янцзы]). В молодости он уже прославился как художник, а к созданию садов приступил в зрелые годы, и начинал он с возведения искусственных гор. Цзи Чэн прошел тот путь, который китайские "мастера возведения гор" (*дешаньши* 叠山师) преодолели за несколько столетий, от простых ремесленников при Южной Сун (1127-1279) до первых профессиональных ландшафтных архитекторов в позднюю Мин [Liu, 1982, с. 109]. В их среде и произошло зарождение культурной и профессиональной рефлексии, которая нашла свое воплощение в трактате Цзи Чэна Юань.

Наибольшее развитие и распространение минский “сад ученого” получил в области Цзяннань - на родине автора *Юанье*. Экономическое процветание и уникальные природные условия привлекли сюда немало влиятельных политиков и деятелей искусства. Поскольку частные сады традиционно считались атрибутом конфуцианского ученого или даосского отшельника, они пользовались особенной популярностью в среде *nouveaux riches* Цзяннани, стремившихся попасть в среду культурной и интеллектуальной элиты. Вероятно, трактат “Устроение садов” был адресован именно им [The craft of gardens, 1988, с. 9].

Юанье имеет немало литературных предшественников. Описания садов встречаются уже в *Шицзине* («Каноне песен»). Расцвет садово-паркового искусства при Тан и Сун (618-1279) повлек за собой расцвет литературы о садах - многочисленные повествования и стихи составляют отдельный жанр *юаньцзи* 园记 («записки о садах»). В XVII в., помимо *Юанье*, появляется еще два трактата, в значительной степени посвященные китайскому саду: *Чжан у чжи* 长物志 («Трактат о лишних вещах», 1621) Вэнь Чжэньхэна и *Сяньцин оуцзи* 闲情偶寄 («Случайное пристанище праздных дум», 1671) Ли Юя. Все они посвящены эстетике сада, язык этих произведений - классический *вэньянь*.

Текст *Юанье* и в плане содержания, и в плане языка повествования неоднороден. Он состоит из двух частей: «теоретической» («О строительстве» и «О садах») и «практической» («Выбор участка», «Заложение основания», «Постройки» и т.д.) «Теоретическая» часть составляет менее 1/10 от общего объема трактата. По критерию стиля и языка текст также распадается на две части: одна написана на «высоком» *вэньяне*, вторая – на более простом языке, близком к разговорному, но с некоторыми атрибутами *вэньяня*. Такое смешение стилей наводит на мысль о том, что *Юанье* создавали два человека: ремесленник Цзи Чэн, написавший главы, в которых преобладает «вульгарный *вэньянь*», и некий другой человек, написавший все остальное, который владел классическим китайским. Это предположение подкрепляется распределением стилей в тексте: простой язык преобладает в разделах о горках и камнях, а как известно, сооружение искусственных гор (устроение садов – уже во вторую очередь) и было основным занятием Цзи Чэна.

Литература:

- [1] *Чжунго* лидай юанлинь тувэнь цзинсюань. Ян Гуйхуй бяньчжу. – Шанхай, 2005.
- [2] *Liu Dunzheng*, Wood Francis. The traditional gardens of Suzhou.//Garden History. – 1982. - Vol. 10 No. 2, p. 108-141
- [3] *Ji Cheng*. The Craft of Gardens: tr. Alison Hardie. - New Heaven & London: Yale University Press, 1988.

Нанака, монета Древней Индии

Вигасин А.А.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, профессор кафедры Истории Южной Азии

alexey.vigasin@gmail.com

Согласно «Яджнавалкья-смрити» (II.240-241), тот, кто изготовит фальшивую *nāṇaka* или пустит ее в оборот, подлежит суровому наказанию. И такого же наказания заслуживает контролер (*nāṇakaparīkṣin*), который фальшивую *nāṇaka* объявит подлинной или подлинную фальшивой. В драме «Глиняная повозка» (I.23) один из героев уподобляет куртизанку похитителю *nāṇaka* (пракритское *nāṇakamūṣi*). Этими двумя случаями исчерпывается употребление *nāṇaka* в древнеиндийской литературе (есть еще пара цитат неопределенного времени в средневековых комментариях). На санскрите и на пали использовались иные слова для обозначения монеты. В «Артхашастре» (II.5.10 и др.) контролер монетного двора именуется не *nāṇakaparīkṣin*, а *rūpadarśaka*. Видимо, слово *nāṇaka* имело хождение непродолжительное время и на ограниченной территории.

Датировка «Яджнавалкья-смрити» может быть установлена довольно точно. Составитель этого памятника активно использовал тексты I-II вв. («Артхашастра», «Ману-смрити»). С другой стороны, соотношение «Яджнавалкьи» с другими дхармашастрами не позволяет относить ее ко времени позже IV в. Датировка драмы вызывает споры, но вряд ли можно сомневаться, что ее автор Шудрака был непосредственным предшественником Калидасы (конец IV в.). Радикальный пересмотр хронологии (Б. Салеторе) и отнесение «купеческой драмы» к VIII в., с точки зрения историка, представляется совершенно невероятным. Расцвет городского театра не мог быть в эпоху глубокого упадка городов! Оба текста с упоминанием слова *nāṇaka* синхронны, они относятся к III-IV вв.

Действие драмы происходит в Уджаини. Вряд ли речь может идти лишь о сценической условности. Автор проявляет осведомленность в топографии области Аванти - это заставляет предполагать, что он сам жил в том районе. Шастры имеют общеиндийский характер, но не исключено, что «Яджнавалкья-смрити» также была составлена в Западной Индии. В ней находят влияние греческой астрологии, а именно Уджаини был центром древнеиндийской астрономии, где изучали соответствующие сочинения греков. Этимология слова *nāṇaka* не бесспорна. Старинное (А.Ф. Штенцлер) сопоставление с именем кушанской богини Нана не имеет оснований. Предположение Х. Лассена о дравидийских корнях слова оспаривается Т. Барроу и М.Б. Эмено: тамильское *nāṇayam* – позднее заимствование из индоарийского. Родственные *nāṇaka* слова обнаруживаются в новых индоарийских языках синдхи, гуджарати, маратхи, то есть исключительно в Западной Индии.

По мнению М. Майрхофера, *nāṇaka* происходит из иранского языка. В таком случае приходится думать о той монете, которую в Персии эпохи Ахеменидов называли *dānaka* (она составляла десятую часть сикля). В греческом языке это слово стало обозначением мелкой монеты *δανάκη* (так называемый «обол Харона»). Фонетические трудности перехода *d* в *n* не кажутся непреодолимыми – мы видим это неоднократно в юго-восточной группе иранских языков: из *dānaka* происходит *nāngə* (в языке пашто), *папоуо* (в языке йидга). Район Гуджарата и Северной Махараштры в конце I-IV вв. составлял территорию индо-скифского государства Западных Кшатрапов. Столицей династии Кардамаков был город Уджаини. Возможно, из языка среднеазиатских скифов (саков) в Западную Индию и проникло название монеты *nāṇaka*. Судя по эпиграфическим источникам и обилию монет Кшатрапов, это было время развитой городской экономики.

Иранское слово *dānaka* (*dānag/dāng*) вторично проникло в индийские языки, видимо, иными путями. В санскритских текстах середины I тыс. («Нарада-смирти» XIX.66-67, «Чарака-самхита», фрагменты шастр Брихаспати и Катьяяны) встречается упоминание монеты *dhānaka*, стоимость которой составляет четыре медных каршапаны. Эта монета имела хождение в Панджабе. На основе *dānaka/dhānaka* затем появляется слово *ṭaṅka/ ṭaṅkaka*, означающее не только денежный знак определенного номинала, но и любую монету. Нечто подобное известно в нашем собственном языке: слово «денга», происходящее, в конечном счете, от *dānaka*, когда-то было обозначением мелкого монетного номинала (половина копейки) и в то же время обобщающим словом (деньги, богатство - «И барину денга господин»). Когда средневековый комментатор Притхвидхара истолковывал *nāṇaka* в драме Шудраки как *ṭaṅkaka*, он вряд ли мог осознавать, что эти слова имеют общее происхождение.

Борьба с пьянством государственных служащих и запрет пиров «сё:би ко:тин» в эпоху

Хэйан

Грачев М.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории и культуры Японии
grachev@iaas.msu.ru*

Традиция винопития в древней и раннесредневековой Японии, вне всякого сомнения, многообразна, ибо сакэ было не только целительным снадобьем, способным врачевать всевозможные недуги, но и неотъемлемым компонентом повседневности, обладающим уникальными качествами, позволяющими хотя бы на время вырваться за пределы социальных условностей, достигнув состояния внутреннего освобождения. Однако сакэ не только благоуханный нектар, прославляемый в качестве главного элемента того или иного

ритуального действия, но и вполне реальный, обладающий вкусом и запахом напитков, чрезмерное увлечение которым способно нанести значительный вред.

Пьянство в стародавней Японии было широко распространенным явлением, от которого не был свободен ни один слой населения, а потому императорский двор, заботясь об организации досуга государственных служащих, не мог не столкнуться с этим пороком, приносящим злополучия и способным разрушить нравственные устои людей, призванных регулярно, эффективно и основательно выполнять сложную деятельность, направленную на поддержание стабильности в государстве.

Знаковым примером, проливающим свет на специфику борьбы с пьянством, может служить запрет пиров «сё:би ко:тин», проводимых по случаю назначения чиновника на новую должность. Пиршество «сё:би ко:тин» (досл. «пьяная гульба [во время церемонии] сжигания хвоста») было общепринятым среди ранжированного чиновничества мероприятием, поскольку считалось некой инициацией, экзаменом, без должного проведения которого в глазах других придворных вновь назначенный государственный служащий не смог бы стать полноценным чиновником, а его начальник вряд ли был бы способен в дальнейшем проникнуться к подчиненному каким-либо расположением.

Поскольку для государей, как и просвещенных мужей, «образ-идеал» чиновника был объектом постоянного беспокойства и представлял средство контроля над бюрократическим аппаратом, то пиршество «сё:би ко:тин» с его излишествами и экстравагантностями попало под запрет. Наиболее ранний, насколько позволяют судить сохранившиеся письменные источники, запрет пиров «сё:би ко:тин» был обнародован в 866 г. Составителей этого документа настораживало проявление девиантного поведения на почве употребления алкоголя представителями чиновничества, которые «ведут себя непотребным образом»: одни «бесстыдно поносят священного государя»; другие, «напившись допьяна, безобразничают и затевают драки». Все это неизбежно вело к «действиями, идущими вразрез с самими основами поддержания государства». Дабы пресечь недостойное поведение должностных лиц, способное привести к вседозволенности и ненадлежащему исполнению служебных обязанностей, предлагалось усилить надзор над времяпрепровождением чиновников. Отныне для проведения «сё:би ко:тин» требовалось специальное императорское повеление, если же во время самого действия «нарушались достойные обычаи», возмутителей спокойствия надлежало подвергать суровым наказаниям. Жестко регламентировалось и количество участников пиршества.

Каков же был эффект от этих сомнительных начинаний? Справедливости ради надлежит констатировать - высокая частотная встречаемость запретительных указов о

чрезмерном употреблении сакэ (о чем нам красноречиво свидетельствуют источники IX-XII вв.) позволяет усомниться в их результативности.

Закономерно, что традиция празднеств «сё:би ко:тин» не была забыта, ибо именно «сё:би ко:тин» стали истоком такой своеобразной разновидности пиршеств, как «эндзуй» (досл. «омут, пучина пьянства»), участники которых путем обильного винопития достигали состояния «беспредельного блаженства за чаркой» (яп. «фусо: ракукан», досл. «безграничное счастье от питья вина, словно утка-кряква ликующе голосит среди водорослей»), когда сопричастникам пира открывались ранее недоступные инструменты познания окружающего мира.

Литература:

- [1] *Нихон* киракю [Краткие записи о Японии] Т.1-2. Токио: Ёсикава кобункан, 1965.
- [2] *Руйдзю* сандай кяку [Классифицированные указы трех государей] Т.1-2. Токио: Ёсикава кобункан, 1998.
- [3] *Сёюки* [Записи министра [Фудзивара Санэсукэ]] Т.1-11. Токио: Иванами сётэн, 1959–1986.
- [4] *Тююки* [Записи министра [Фудзивара Мунэтада]]. Т.1-7. Токио: Найгай сёсэки, 1934-1935.
- [5] *Хонтё* мондзуй [Литературный стиль нашей династии]. Токио: Иванами сётэн, 1996.

"Новый мир" в Транкебаре (миссионеры и "малабарцы" в начала XVIII в.)

Никольская К.Д.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры Истории Южной Азии

sniff0210@gmail.com

С начала XVIII в. на Юге Индии в Транкебаре существовала Датская королевская миссия, состоявшая, главным образом, из немцев, выпускников университета саксонского г. Галле. Они вели работу по обращению местных жителей в христианство, а также изучали языки, составляли словари и грамматики, переводили христианскую литературу, создавали школы и т.д. При всем обилии литературы на эту тему ряд аспектов все еще остается непроясненным. В частности, все еще нет понимания конечной цели, к которой стремились работники миссии. Для ответа на этот вопрос важными представляются два обстоятельства: характер взаимоотношений лютеранских миссионеров с их паствой и специфика мировоззрения самих служителей церкви, прибывших в Транкебар из Галле.

Важный источник наших сведений о работе миссии – письма и отчеты ее первого руководителя, Бартоломеуса Цигенбальга (1682-1719). Живо интересуясь «малабарской» (т.е. тамильской) культурой и традициями, он полагал, что «малабарский язык», как, и другие языки региона, должно изучать в европейских университетах наряду с персидским, арабским и еврейским, восхищался индийскими науками и пытался обратить на них внимание ученого

сообщества Европы. Одновременно с этим Цигенбальг гневно высказывался по поводу «малабарских суеверий» и абсурдности языческих верований (что, кстати говоря, совершенно не мешало ему прекрасно в них разбираться!). С другой стороны, отношение его к европейцам, прежде всего тем, которые в Индии жили бок о бок с «малабарцами», кажется не вполне однозначным. Портрет европейского поселенца в Индии выглядит крайне непривлекательным. Европейцы, по мнению Цигенбальга, развращены, распущены и открыто демонстрируют презрение к местным жителям, относясь «как к собакам» даже к тем, кто принял крещение. Именно в безнравственности «белых христиан» (*blanke Christen*) он видел первейшее и главное препятствие деятельности миссионеров. Во многих отношениях принявшие крещение индийцы оказывались миссионерам ближе, чем переселенцы из Европы. В письмах пастор даже называет их «новыми христианами», противопоставляя тем самым «христианам старым» (европейским). Эти взгляды были созвучны распространенному в эту эпоху в Европе мифу о «добродетельном дикаре» (фр. *bon sauvage*).

Большая часть работников миссии первых лет являлись в прошлом студентами Галльского университета. В эту эпоху многие его преподаватели, а вслед за ними и их студенты, были последователями пиетизма (от лат. *Pietas* – «благочестие») – течения внутри лютеранской церкви. Пиетисты, сторонники религиозного обновления, с одной стороны уделяли большое внимание внутренним переживаниям и личным отношениям с богом, с другой же предлагали идеи практического переустройства жизни, придавали особое значение «христианскому образу жизни» и выдвигали идею активности в добрых делах. Это перемещало акцент с учености (доктринальные споры и догматика) на реальную жизнь, предлагая формат, своего рода, «деятельного благочестия».

Многие стороны деятельности миссионеров в Транкебаре перекликались с идеями, выдвинутыми идеологом пиетизма Ф.Я. Шпенером. Так, источники ясно демонстрируют, какое значение они придавали проповеди, обращенной к простым людям, произносимой понятным для этих простых людей языком. Многократно отмечалось, что пиетизм всегда был тесно связан с педагогикой, внимание к которой мы можем видеть и у миссионеров Транкебара: на создание и развитие школ для местных детей тратилось наибольшее количество средств. В этих школах детям прививали практические навыки, которые в дальнейшем могли превратить их в ценных работников: и в самой миссии, и за ее пределами. Повседневная жизнь в общине была подчинена железной дисциплине, а быт оставался крайне аскетичным.

Одной из важнейших идей пиетистского учения было «упование на лучшие времена» («*Hoffnung besserer Zeiten*»), что было принципиально отлично от обычной протестантской эсхатологии. Шпенер предпочитал не ждать времени Страшного суда и конца света, а

предполагал возможность обновления и улучшения земной жизни, к участию в чем он и призывал своих сторонников. Влияние этих идей ясно прослеживается в работе миссионеров Транкебара.

Разделение христиан на старых (неправедных, европейских) и новых (истинных, новообращенных «малабарцев») конструировало в картине мира пасторов из Галле новую общность, в которую входили и они сами, и их паства. С этой новой общностью и связывались надежды на лучшие времена и преобразования, призванные возродить первоначальные идеалы христианства. Именно «малабарские новые христиане» должны были оказаться главными творцами того «нового мира», который, согласно пиетистским представлениям, мог и должен был появиться на земле, не дожидаясь Второго пришествия и Страшного суда. Пусть этот «новый мир» и существовал бы первоначально лишь в масштабах маленького южноиндийского городка.

Экспедиции Чжэн Хэ в «Хрониках Семаранга и Чиребона»

Попова Г.С.

Институт востоковедения РАН, отдел Китая, младший научный сотрудник

gmercury@rambler.ru

Чжэн Хэ (1371-1433) – китайский адмирал, совершивший в 1405-1433 гг. семь экспедиций в страны Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки. Одним из результатов стала более интенсивная исламизация ЮВА. Будучи мусульманином, Чжэн Хэ стремился заручиться поддержкой китайских мусульманских общин, которые возникли в результате двух крупных волн миграций китайских мусульман из Южного Китая в середине и конце XIV в.

Маршрут каждой из экспедиций проходил через ЮВА. Флот Чжэн Хэ нуждался в лояльности местных правителей, а также в создании сети опорных пунктов для ремонта кораблей и пополнения запасов провизии. Для этого он использовал уже существующие китайские мусульманские общины. При этом он расширял уже существовавшие китайские мусульманские общины и создавал новые. Этот аспект его деятельности охарактеризован как «религиозная дипломатия», т.е. использование религии для установления торгово-дипломатических отношений. Она привела к увеличению численности китайских мусульман в регионе. Данная сторона его деятельности мало освещена в китайских письменных памятниках, но некоторые сведения об этом содержатся в яванских хрониках, в частности, в «Хрониках Семаранга и Чиребона».

«Хроники Семаранга и Чиребона» – это название для документов, изъятых нидерландским чиновником К.Портманом из китайских храмов в яванских городах Семаранг и Чиребон в 1925 или 1928 гг. Они были опубликованы М.О.Парлиндунганом в монографии об исламизации Явы в 1964 г. Хронологические рамки «Китайских хроник Семаранга»: 1407-1546 гг., «Китайских хроник Чиребона» – 1415-1585 гг.

«Хроники Семаранга и Чиребона» связывают исламизацию Явы с именем Чжэн Хэ и основанными им китайско-мусульманскими общинами. Оригинальные рукописи хроник неизвестны. Многие содержащиеся в них сведения противоречат другим известным источникам, что вызывает сомнения относительно истинности содержащихся в них сведений, но с другой стороны служит показателем того, что они могли отражать представления, возникшие после посещения флота Чжэн Хэ. «Хроники» считаются значимым источником для исследования влияния этих экспедиций на процесс исламизации ЮВА.

Наибольшее количество сведений об экспедициях Чжэн Хэ содержится в «Хрониках Семаранга». Назовем их. В 1407 г. китайский флот захватил Палембанг, бывший в то время базой китайских пиратов. Их главарь Чэнь Цзу-и был доставлен в Пекин и обезглавлен. В том же году в Палембанге была основана первая в Индонезии китайская мусульманская община ханафитского толка, а затем и на Калимантане. «Хроники Семаранга» свидетельствуют, что до прибытия флота Чжэн Хэ китайских мусульманских общин там не было, однако другие источники, в частности, «Полное обозрение океанских берегов» (*Ин-я шэн-лань* 瀛涯胜览) Ма Хуаня (ок. 1380-1460) утверждает обратное: китайские мусульманские общины существовали на Яве. В 1413 г. флот Чжэн Хэ в течение месяца стоял в порту Семаранга. Чжэн Хэ, Ма Хуань и Фэй Син неоднократно приходили молиться в местную мечеть. К 1416 г. на Яве были созданы новые общины: в Джакарте, Чиребоне, Ласеме, Тубане, Гресике, Индрамаю, Семаранге и др. В 1419 г. Чжэн Хэ назначил знатного чампанца Бонг Так Кенга (кит. Вэнь Дэ-цин 文德庆) главным над уже созданными общинами. В 1423 г. Бонг Так Кенг передал свои обязанности Ган Энг Ку (кит. Янь Ин-юй 颜英裕). В 1430 г. Чжэн Хэ занял территорию в восточной части Явы, назначив управляющим младшего брата Ган Энг Ку – Ган Энг Вана (кит. Янь Ин-вань 颜英萬). Впоследствии эти земли были подарены им Маджапахиту.

Не все сведения «Хроники Семаранга» подтверждаются синхронными источниками. Например, различаются дата смерти Чжэн Хэ (1431) и время возникновения первой китайской мусульманской общины. Представляются сомнительными сведения о созданной Чжэн Хэ административной структуре из руководителей мусульманских общин и др.

Количество городов, которые посетил Чжэн Хэ, также не подтверждается другими источниками. По свидетельству Ма Хуаня, он посетил только Тубан, Сурабаю, Гресик и

столицу Маджапахита. Однако Ма Хуань сопровождал его не во всех экспедициях. Также, поскольку корабли не всегда шли единой флотилией, отдельные члены экспедиции могли посещать города, о которых Ма Хуань не знал. Поскольку хроники могли быть составлены позднее описанных в них событий, число упомянутых городов может говорить о значимости фигуры Чжэн Хэ для истории острова, поэтому ему приписывается посещение большего числа мест, чем было в действительности.

Ряд сообщений «Китайских хроник Чиребона» содержат схожие сведения с «Хрониками Семаранга», однако их значимость ниже, поскольку посещение Чжэн Хэ Чиребона ставится под сомнение. В частности, в них говорится о том, что в 1415 г. некий китайский мусульманин построил маяк на вершине Гунунг Джати, а также основал три мусульманские деревни, которые впоследствии были использованы флотом Чжэн Хэ для остановок и ремонта кораблей.

В целом данные «Хроник Семаранга и Чиребона» заслуживают внимания, но содержащиеся в них сведения следует использовать с осторожностью.

Категория *ьет ны* в репрезентации женщин в историческом нарративе традиционного Вьетнама

Сюннерберг М.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран ДВ и ЮВА

hongik@mail.ru

Доклад посвящен реконструкции репрезентации женщин в историческом нарративе традиционного Вьетнама, т.е. преимущественно доколониального и начального колониального времени. Источниковая база — исторические хроники и официальные придворные издания «Биографии деятелей Дайнама» и «Единые записи об империи Дайнам». Особое внимание уделено рассмотрению категории *ьет ны* — эволюции наполнения этого термина в сравнении с классическим китайским текстом «Жизнеописания знаменитых женщин» Лю Сяна.

В морально-этической составляющей общественной мысли конфуцианского Вьетнама особое внимание уделяется понятию женской добродетели. Чтобы считаться «добродетельной», женщина должна была обладать набором определенных качеств, а также совершить должные деяния на своем жизненном пути. Для рядовой вьетнамки добродетельное поведение было источником получения общественного уважения и в принципе единственным

шансом быть отмеченной государственными почестями и остаться в исторической памяти народа за счет упоминаний в разного рода официальных хрониках.

Выделим произведение, которое, став вехой в развитии конфуцианской морали, оказало важнейшее влияние на историографическую традицию жизнеописания достойных женщин и шире – на умонастроения образованных слоев стран конфуцианского культурного ареала, в т.ч. и во Вьетнаме. Речь идет о сочинении 16 г. до н.э. известного китайского историка-библиографа эпохи Западная Хань Лю Сяна, которое было посвящено ранжированному описанию биографий образцовых женщин: «Жизнеописания [знаменитых] женщин» (кит. *Ленюй чжуань* 列女传). Анализ содержания, демонстрирует, что на рубеже эр китаянки могли быть признаны интеллектуальной средой и быть занесенными в исторические сочинения благодаря довольно широкому спектру своих человеческих качеств.

Вьетнамская историография, чье становление и развитие происходило одновременно с укреплением во Вьетнаме позиций неоконфуцианства, переняла из китайской исторической традиции в первую очередь ее дидактические функции. В силу этого обстоятельства в официальные издания была вынесена деятельность женщин, которая могла служить дидактическим примером именно добродетельности.

Женская добродетель мыслилась как важнейший элемент морального воспитания народа, призванного путем улучшение семейной жизни улучшить государственное управление. Однако сами добродетели были значительно редуцированы – видимо, для государственного управления наиболее важным из них показалась женская верность и послушание мужу. Это вполне соотносится с высказыванием императора Ле Тхань Тонга: «Сила мужчины крепка, женское послушание безгранично».

Изучение женских жизнеописаний двух официальных изданий XIX в. показывает, что в официальной историографии имперского Вьетнама ценилась только та добродетель женщин, которая была непосредственно связана с сохранением верности мужу, – как при его жизни, так и особенно после его смерти. Это позволяет сделать вывод, что если в Китае эпохи Западная Хань термин *liè nǚ* можно воспринимать как указание на «образцовых» или «знаменитых» женщин, чья добродетельность обладала весьма широким спектром личностных характеристик (не говоря уж о «грешных и развратных женщинах»), то, будучи включенным во вьетнамскую официальную историографию, он редуцировался до «известной целомудренной женщины».

Литература:

[1] Лю Сян. Жизнеописания знаменитых женщин. Пер. Б.Л. Рифтина. // Проблемы Дальнего Востока, № 6. М. 1990. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/I/Woman_zizn/text.php

[2] *Đại Nam liệt truyện*. Tập 1–4. [Биографии деятелей Дайнама. Том 1–4]. Huế, 1993.

[3] *Đại Nam nhất thống chí*. Tập 1–5. [Единые записи об империи Дайнам. Том 1–5]. Huế, 2006.

К истории нидерландского индонезиеведения и малайзиеведения XIX в.: учебные заведения для подготовки колониальных служащих

Ульянов М.Ю.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой китайской филологии
ultm@mail.ru*

Индонезиеведение и малаистика, единое направление в нидерландском востоковедении, нацеленное на изучения языков, истории, культуры народов Индонезии и Малайзии, складывалось в Нидерландах в течение XIX в. В его структуре можно выделить три составные части: **религиозную** (Нидерландское библейское общество), **2. научно-педагогическую** (академическую, Лейденский и Утрехтский университеты); **3. чиновничье-страноведческую** (практическую, учебные заведения для подготовки колониальных чиновников в Бреде и Делфте). А в Батавии (совр. г. Джакарта), административном центре Нидерландской Ост-Индии, действовало «Батавское общество искусств и наук» (*Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen*), которое объединяло представителей всех индонезиеведов и малаистов.

Выделим этапы истории специальных учебных заведений для подготовки колониальных чиновников и назовем основных преподавателей малайского и яванского языков.

1. 1828-1842 гг. Создание «индийского курса» в г. Бреда

В 1828 г. в Королевской военной академии (Koninklijke Militaire Academie, КМА) в г. Бреда для офицеров колониальных войск началось преподавание малайского и яванского языков. С 1828 г. по 1843 г. основным преподавателем был **Филипп Роорда ван Эйсинга** (Roorda van Eysinga, 1796-1856), специалист по малайскому языку и литературе, один из немногих знатоков яванского, который он начал преподавать позднее, с 1836 г. Упор им делался на малайский язык. В том же году он стал первым нидерландским профессором малайского языка и изучения «географии и этнографии Нидерландской Индии» (*Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indie*).

Одновременно, с 1832 г. по 1843 г. на Яве существовал Суракартский институт яванского языка, но он был закрыт из-за низкой эффективности.

2. В 1842 – 1850 гг. «Индийский курс» в Делфте. Существование двух учебных заведений в Бреде и Делфте

Делфт. В январе 1842 г. в г. Делфт на базе местной Королевской военной академии, была начата подготовка будущих колониальных чиновников в рамках «индийской образовательной программы» (нид. *indische opleiding*). Срок обучения: четыре года. Направление обучения и кафедра назывались «Курс для государственных служащих в Ост-Индии» (*Een cursus voor Oost-Indisch ambtenaar*). Руководителем программы и заведующим кафедрой был назначен выдающийся яванист **Тако Роорда** (1801-1874), преподававший яванский язык. Малайский язык с 1846 г. преподавал его ученик Ян Пейнаппел (Jan Pijnappel, 1822-1901).

На первом и втором курсе в программу обучения входили базовые для подготовки колониального служащего предметы: механика, геодезия, строительство, химия и физика, три европейских языка, бухгалтерский учет, экономика, естественная история, рисование и геология. И только на третьем курсе начиналось интенсивное обучение яванскому и малайскому языкам, а также читались лекции по мусульманскому и местному праву. Приоритет отдавался яванскому, но наиболее востребован был малайский язык.

Число учащихся было сравнительно велико, например, в 1859 г. из 217 зачисленных курсантов на курсе для колониальных служащих училось 79 человек.

Бреда. В 1843 г. Роорда ван Эйсинга отбыл в Индонезию, его место занял **Йохан Холландер** (J.J. de Hollander, 1817-1886), выдающийся малаист и яванист, автор большого числа учебных пособий по языкам и истории, а также переводчик малайских памятников. В 1845 г. увидело свет первое издание составленного им учебного пособия по малайскому языку для военных.

Между двумя этими школами сохранялась конкуренция. Делфт получал большую государственную поддержку, но Бреда постоянно наращивал уровень образования. Содержать два училища было сочтено нерентабельным, в 1850 г. курс в Бреде был закрыт.

3. 1851-1863 гг. Делфт - основной центр для подготовки чиновников для Ост-Индии

Делфт стал центром подготовки чиновников для Ост-Индии. Для усиления академической составляющей в 1851 г. там был открыт «Королевский институт языков, географии и этнологии» (*Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde* (KITLV)). А с 1853 г. начали издавать научный журнал «*Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*» («Журнал по языкознанию, страноведению и этнографии»). Внимание к малаистике ослабевало. Однако в 1863 г. «индийский курс» в Делфте был закрыт, поскольку правительство посчитало, что в подготовке служащих колонии академическая составляющая должна возрасти, и такое учебное заведение необходимо сблизить с классическим университетом в Лейдене.

4. 1864-1901 гг. Два центра подготовки чиновников: «Индийский институт» в Лейдене и «Индийское училище» в Делфте

Лейден. В 1864-1891 гг. на базе Лейденского университета действовал «Королевский институт обучения индийским языкам и литературе» (*de Rijksinstelling van Onderwijs in Indische Taal- en Letterkunde*). Им руководил яванист *Тако Поорда* (до 1874 г.), затем Х. Керн и другие. Приоритет отдавался изучению яванского языка. В 1891 г. попытка сближения практического востоковедения с академическим была признана удачной, и ... «Институт индийских языков» был слит с Лейденским университетом.

Делфт. Одновременно, в 1864-1901 гг. в г. Делфте существовало муниципальное «Индийское училище». Обучение там имело сугубо практическую направленность. Была предпринята попытка восстановить малаистику. В силу прагматизма среди будущих чиновников школа в Делфте пользовалась большей популярностью, чем Институт в Лейдене. Однако в 1900 г. из-за претензий к качеству образования школа была закрыта.

Литература:

[1] *Ульянов М.Ю.* Этапы складывания классической яванистики в Нидерландах XIX в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Тезисы докладов научной конференции (Москва 2021). М., 2021.

[2] *Fasseur C.* De indologen. Ambtenaren voor de Oost 1825-1950. Amsterdam. 1993..

[3] *Baudet H.* De lange weg naar de Technische Universiteit Delft I: De Delftse ingenieursschool en haar voorgeschiedenis. Oegstgeest. 1992.

Правление вана Вонджона (1259–1274) и превращение государства Корё в вассала монгольской империи Юань

Хазизова К.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преподаватель кафедры истории стран ДВ и ЮВА, ведущий методист Международного центра корееведения МГУ

minari@yandex.ru

24-й правитель государства Корё Вонджон (Ильсин, Ван Джон (здесь Ван – фамилия правящего рода, в отличие от титула *ван*), 1219–1274, правил в 1259–1274) вступил на престол в разгар очередного витка внутривосточного кризиса. Начиная с 1170 г., когда в результате мятежа военные чиновники практически вытеснили правителей Корё из сферы государственного управления в сакральную сферу, ни один из пятерых предшественников вана Вонджона не оказывал заметного влияния ни на внутреннюю, ни на внешнюю политику государства. Вонджону удалось во многом изменить ситуацию, когда после падения рода Чхве

(1196–1258, четыре поколения военных соправителей, подробнее см. [4, 63-71]) власть в стране стала оспаривать гораздо более слабая группировка военных чиновников под предводительством Ким Джуна и Лим Ёна, причем все происходило на фоне усиления давления со стороны монголов.

Вонджон был старшим сыном вана Коджона (1213–1259), провозглашен наследным принцем в 1235 г. с одобрения военного диктатора Чхве И (был у власти в 1219–1249 гг.). В летописях Вонджона называют «последним великим ваном Корё», поскольку он успел получить храмовое (посмертное) имя *мёхо* с традиционным окончанием *-чон/-джон*, а все последующие правители династии, вплоть до ее падения в 1392 г., после смерти получали имена, содержавшие иероглиф «преданность» (кор. *чхун*, кит. *чжун*) и принижавшие их статус. Однако, поскольку Вонджон умер уже после признания сюзеренно-вассальных отношений (кор. *садэ*) с монгольским государством, его храмовое имя содержит иероглиф *вон* (кит. *юань*), т.е. демонстрирует преклонение перед Юань; а его почетный титул *сихо*, обычно не упоминающийся в официальной историографии, звучит как «ван Чхунгён» [1, (1)]. Также Вонджон стал последним ваном, чья именная табличка была помещена в главный храм династии Чонмё. Супруга Вонджона королева Сунхё также была признана «последней великой королевой Корё, соблюдавшей древние обряды» [2].

Еще до вступления на престол, в 1259 г. принц Ван Джон по собственной инициативе отправился к монгольскому двору с намерением заключить мир и тем самым обезопасить страну от нового нападения. Он был радушно принят ханом Хубилаем, который согласился признать вассалитет Корё и в знак укрепления отношений выдал за сына принца Ван Сима (будущего вана Чхуннёля, 1274–1308) свою младшую дочь. С этого времени и до падения империи Юань в 1368 г. все корёские правители брали в жены монгольских принцесс. Важно отметить, что хан согласился на условие, выдвинутое принцем: в отличие от ряда других государств, покорившихся монголам, Корё сохранило все свои традиции и обычаи, свою национальную идентичность.

Во время пребывания наследного принца в Юань умер ван Коджон, так что он был вынужден спешно вернуться на родину и занять престол. Основной проблемой правления Вонджона было примирение враждующих придворных группировок, как военных, так и гражданских, в том числе по вопросу нового статуса государства. Не все были согласны с решением нового вана, и в первые годы правления было осуществлено несколько неудачных покушений на него. Отдельное беспокойство новому правителю доставляли военные кланы, сотрудничавшие с монголами, например, намъянские Хоны во главе с Хон Дагу [подробнее см.: 1 (4), 3, 88-92], которые были решительно настроены проводить в отношении соседнего государства собственную политику. Тем не менее, Вонджону удалось отстоять свою позицию,

и после восстановления гражданской администрации в 1270 г. статус монгольского вассала закрепился за Корё окончательно.

Литература:

[1] *Корёса* (История [государства] Корё). (1) Сведения о [ване] Вонджоне; (2) Год восшествия [на престол вана] Вонджона (1259); (3) Первый год [правления вана] Вонджона (1260); (4) Биография Хон Богвона. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624225&categoryId=62161&cid=62131> (дата обращения: 24.02.2023).

[2] *Корёса чорё* (Дополнения к «Истории [государства] Корё»). Вонджон Сунхё тэван. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://db.itkc.or.kr/dir/item?itemId=BT#/dir/node?dataId=ITKC_BT_1294A_0190_010 (дата обращения: 24.02.2023).

[3] *Пироженко О.С.* Роль местных сил в политике монголов на Корейском полуострове (на примере клана Намъянских Хонов) // *Корея: история и современность. К 90-летию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей.* Москва–Сеул: Намо комьюникейшнс, 2008. С. 78–103.

[4] *Хазизова К.В.* О некоторых особенностях периода военной диктатуры в государстве Корё в первой половине XII в. // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* – 2011. – Т. 13, № 2. – С. 63–71.

Как и почему страны Запада стали активнее сдавать, а развивающиеся страны Востока и Юга - усиливать свои позиции в глобальной экономике?

Мельянцева В.А.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор, член-корр. РАН, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки
vamel@iaas.msu.ru*

В докладе, основанном на ряде авторских расчетов, индексов и моделей [исчислено по: 1, с. 16, 19; 2, с. 64-65; 3, с. 6, 13, 24-25; 4; 5], представлены результаты исследования важнейших трендов и факторов экономического прогресса развивающихся стран (РС) на фоне развитых государств (РГ; речь преимущественно идет о странах Запада, в которых сконцентрировано ~ 9/10 ВВП РГ).

Показано, что если в РГ, несмотря на сохранение ими лидирующих позиций во многих сегментах сферы инноваций и современных технологий, происходит - вследствие утраты ими ряда конкурентных преимуществ, в т.ч. демографического дивиденда, относительной деиндустриализации производства, снижения доли инвестиций (в ВВП) в реальный сектор экономики - *каскадное замедление темпов прироста* подушевого ВВП (ПВВП) и совокупной факторной производительности (СФП; в среднем с 2,5% в год в 1950-1980 гг. до 1,6% в 1980-2000 гг. и 0,7% в 2000-2022 гг.), то *в целом* по РС ситуация более оптимистичная.

Хотя (а) многие РС переживают весьма острые финансово-экономические, экологические и социальные проблемы, (б) РГ проводят в отношении ряда из них политику сдерживания их роста, *в целом* они (РС), вследствие реализации прагматичных реформ, успехов в инновационной политике и осуществлении экспортоориентированной индустриализации в таких странах, как Китай, Индия, Индонезия, азиатские НИС, добились существенного прогресса.

По нашей модели, *более чем пятикратное опережение* динамичными азиатскими РС ведущей шестерки РГ по среднегодовому темпу прироста (СГТП) ВВП в 2000-2021 гг. (7,4% vs 1,4%) объясняется: (а) на 2/5 – в среднем более низким у первой группы *исходным уровнем ПВВП* (в 2000 г. соотв. 4,4 тыс. долл. и 45,4 тыс. долл. в ППС 2017 г.), (б) на 1/5 - более высокой у первой группы *долей вложений в физический и человеческий капитал в ВВП* (в среднем за период соотв. 43% и 29%); (в) более чем на 1/4 - более *высоким СГТП физического объема экспорта товаров и услуг* (соотв. в среднем 8,7 и 2,4%); (г) на 1/10 - разницей в приросте за период показателя *качества институтов* (среднее невзвешенное индикаторов эффективности государства и верховенства закона (соотв. (+) 16 и (-) 3 п.п.)).

В результате *доля РС в приросте мирового ВВП* выросла с 2/5 в 1950-1980 гг. почти до 1/2 в 1980-2000 гг. и 3/4 (!) в 2000-2022 гг. (доля Китая – свыше 1/4, а США ~ 1/10). Отставая *по ПВВП* от ныне РГ в среднем в 1800 гг. в 1,5 раза, в 1950 г. – в 5, в 1980 г. – в 6,6 и в 2000 г. – в 7,3 раза, РС в последние два десятилетия - на фоне резкого спада в динамике ПВВП в РГ – *в целом* сократили свое относительное отставание по уровню ПВВП в 2022 г. до четырехкратной величины.

В 2000 - 2021/2022 гг. РС в целом опередили РГ *по эффективности капиталовложений* 2,5 раза, по СГТП *промышленного производства и СФП* – соответственно в пять и два раза.

Доля РС в мировом ВВП (измеренном в ППС 2017 г.), выросшая с 38% в 1950 г. до 42% в 1980 гг. (на 4 п.п., СГТП 0,3%), 45% в 2000 г. (соотв. на 3 п.п., 0,35%) и 60% в 2022 г. (на 15 п.п., 1,3%), может, по имеющимся прогнозам, увеличиться к середине века до $\frac{3}{4}$. Примерно такой была «пропорция превосходства» по экономической мощи стран Востока и Юга в целом над странами Запада в период, предшествующий экономическому подъему последних в результате промышленной революции и колониального освоения мира.

Литература:

[1] Мельянцеv В.А. Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 14-28. DOI: 10.31857/S032150750018791-2.

[2] Мельянцеv В.А. Глобализация, ее плоды и тени. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2022. ISBN978-5-907543-58-4. С. 53-67.

[3] Мельянцеv В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М.: Издательство «Ключ-С», 2015. ISBN 978-5-906751-33-1. - 80 с.

[4] Gedminas T., Kevin D. The Path to 2075: Slower Global Growth, but Convergence Remains Intact. *The VoxEU*. 04.01.2023.

<https://cepr.org/voxeu/columns/path-2075-slower-global-growth-convergence-remains-intact> (accessed 04.01.2023).

[5] *World DataBank*. <http://databank.worldbank.org>. (accessed 04.01.2023).

О некоторых итогах борьбы с бедностью в рамках Целей устойчивого развития ООН

Карамурзов Р. Б.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор, кафедра экономики и экономической географии стран Азии и Африки
karamourzov@gmail.com

Цели устойчивого развития, без преувеличения, можно считать одной из главных международных инициатив в период с 2015 по 2030 гг. Несмотря на то, что авторы Резолюции ООН A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» неоднократно называли все цели одинаково важными и равными по значимости, сложно не счесть символичным, что первый порядковый номер был присвоен цели «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах». В соответствии с её задачами, к 2030 г. запланировано «ликвидировать крайнюю нищету для всех людей во всем мире». На момент принятия инициативы крайняя нищета определялась в соответствии с международной чертой бедности, которая на тот момент равнялась потреблению на уровне 1,25 долл. США (в ценах 2005 г.) в день.

Ниже перечислены важные события, произошедшие за 7 полных лет, прошедших с начала принятия ЦУР на высоком международном уровне.

1. Корректировка количественной характеристики крайней бедности.

Практически одновременно с принятием 17 ЦУР в октябре 2015 г., был установлен новый уровень международной черты бедности в размере 1,9 долл. США (в ценах 2011 г.). Это было

продиктовано, главным образом, объективными макроэкономическими факторами, а именно инфляцией цен и изменением покупательной способности доллара США. В сентябре 2022 г., в связи с аналогичными обстоятельствами, уровень международной черты был поднят до 2,15 долл. США (в ценах 2017 г.).

2. **Введение дифференцированного подхода к оценке бедности для стран с разными уровнями доходов.** Исключительно важным стоит считать принятие Всемирным банком – ключевой организацией в осуществлении мониторинга изменений в сфере международной борьбы с крайней нищетой – двух границ бедности 3,65 долл. США (для стран из группы с ниже-средними доходами) и 6,85 долл. США (для стран из группы верхне-средними доходами), в ценах 2017 г. Не заостряя внимания на конкретных расчётах и оценках, стоит отметить, что сам факт введения дифференцированного подхода к оценке бедности может рассматриваться как безусловно положительный, т.к. позволяет получить более адекватное представление о истинном уровне благосостояния жителей различных регионов Земли.

3. **Заявления о невозможности достижения ЦУР №1 в срок до 2030 г.** Рост числа жителей планеты, оказавшихся за чертой бедности в период пандемии COVID-19, дал основания для заявлений ряда официальных лиц о невозможности достижения ЦУР №1 к 2030 г. Внимательное изучение материалов по рассматриваемой проблеме, впрочем, позволяет сделать вывод, что пандемия, в некотором смысле, была использована как «общественно приемлемое» оправдание неудач, в то время как истинная их причина кроется, скорее, в преждевременном принятии соответствующих ЦУР к реализации, без учёта реальных экономических возможностей отдельных правительств и международного сообщества в целом.

Внешняя торговля арабских стран: основные каналы нелегальных денежных потоков

Бочарова Л. С.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии
стран Азии и Африки
bocharovaludmila@mail.ru*

Растущий объем литературы по нелегальным денежным финансам проливает свет на масштабы ущерба, наносимого развивающимся странам. По некоторым оценкам, за период с 2004 г. по 2013 г. развивающиеся страны потеряли 7,8 трлн долл. Эти потери, как утверждается, растут со скоростью 6,5% в год, т. е. почти в два раза быстрее глобального производства. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на каждый доллар официальной помощи в целях развития приходится три доллара нелегального оттока из развивающихся стран. Сегодня власти конфискуют менее 1%

глобальных нелегальных финансовых потоков. При этом мировая теневая экономика оценивается в 650 млрд долларов, а стоимость контрафактной продукции к 2015 году достигла 1,7 трлн долларов.

Ключевым каналом нелегальных финансовых потоков является внешняя торговля, а точнее, некорректное выставление счетов-фактур. Поскольку международная торговля все чаще осуществляется в рамках сложных сетей поставок и цепочек создания стоимости, большая часть сырьевых товаров переваливается и хранится на складах, а затем разделяется и распределяется. Нередко комбинированные, переупакованные, перемаркированные, подвергнутые изменению тарифной позиции они доставляются к месту назначения. В таких условиях искажение отчетности и неправильное выставление счетов-фактур может иметь и действительно имеет место на любом этапе. Специалисты считают, что неправильное выставление счетов является движущей силой бегства капитала и коррелирует со структурным и циклическим дефицитом счета текущих операций. Утверждается, что увеличение на один процентный пункт отношения дефицита счета текущих операций к ВВП приводит к оттоку капитала из-за неправильного выставления счетов на 0,15–0,26 процентных пункта. Эта ситуация усугубляет неравенство между странами и регионами.

Из-за неправильного выставления торговых счетов в арабском регионе в период с 2008 г. по 2015 г. государства «недосчитались» почти полтриллиона долларов (а точнее 482,7 млрд), что эквивалентно пятой части совокупного ВВП в 2016 году. В среднем ежегодно в исследуемый период «уходило в тень» таким образом 60,3 млрд долларов. При этом незаконный отток финансовых средств достигал 27,8 млрд долларов в год, что составляло более половины объема притока прямых иностранных инвестиций, полученных арабскими странами в период 2008–2015 гг. Здесь преобладало завышение импортных счетов-фактур (17,8 млрд долларов в среднем в год). Нелегальный ежегодный приток составлял 32,5 млрд долл. (на 17% больше, чем отток). Он более, чем в два раза превышал объем официальной помощи развитию (за исключением внутрирегиональной). Преобладала практика занижения счетов за импорт (25,1 млрд долл. в среднем в год). В семи арабских странах незаконный отток финансовых средств через торговлю превысил приток. На долю шести арабских стран (Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта, Туниса, Алжира и Иордании) приходится 80% нелегальных денежных потоков в регионе, связанных с неправильным выставлением торговых счетов.

Максимальное количество ошибочных счетов-фактур в регионе достигло своего пика в 2014 году - 11,1% от общего объема торговли, не связанной с нефтью, или 112,8 млрд долларов. В 2009 г. в связи с мировым экономическим кризисом произошло их падение до 5,7%. Относительно стабильными эти показатели оставались в период 2010–2013 гг. (7,0–7,4%).

Если говорить о страновых различиях объема операций с неправильным выставлением счетов, то ситуация будет следующей. На Тунис приходится 16,2%, за ним следуют Ливан (13,2%), Иордания и Египет – (по 11,7%). Ниже зафиксированы индикаторы в КСА (11,2%), Бахрейне (6,2%), Омане (8,5%), Катаре (6,2%) и ОАЭ (5,4%). Таким образом, страны, не связанные преимущественно с экспортом природных ресурсов, больше подвержены практике некорректного выставления счетов (10,4%), чем государства с ресурсозависимой экономикой (7,4%).

Согласно унифицированному международному классификатору продукции, половина ошибочных счетов-фактур в период с 2008 г. по 2015 г. приходилась на шесть основных

категорий товаров: машины и механические устройства, электрооборудование, транспортные средства, изделия из пластмассы, драгоценные камни и металлы, а также органические химикаты. В их структуре чаще всего фигурируют портативные компьютеры, мобильные телефоны, детали и устройства для приема, преобразования и передачи голоса, изображений и данных. В категории транспортных средств около половины ошибочных счетов-фактур приходится на легковые автомобили с объемом двигателя 1500–3000 куб. см, аксессуары и запасные части к ним. Ювелирные изделия, необработанное золото и бриллианты являются причиной подавляющего большинства выставления ошибочных счетов в соответствующей категории. Согласно данным ЮНКТАД в экспорте сырьевых товаров из Африки золото составляет 77%, бриллианты 12%, платина 6%.

Таким образом, борьба с незаконными финансовыми потоками в сфере внешней торговли может сэкономить региону арабских стран миллиарды долларов и стать важнейшим компонентом для обеспечения эффективной мобилизации внутренних ресурсов.

Новые тренды в торговле Турции и ЕС как отражение роста возможностей экономики страны

Ульченко Н.Ю.

ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент, зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки

Ulchenko-n@rambler.ru

1996 г. ознаменовался вступлением отношений Турции и ЕС в новое качество – страна стала членом таможенного союза европейских государств. Прежде всего, это означало окончательное вступление в эпоху беспошлинной взаимной торговли. Кроме того, Турции надлежало полностью перейти к использованию в отношении импорта из третьих стран единых для ЕС ставок таможенной пошлины.

Случай Турции должен был стать знаковым экспериментом, призванным ответить на вопрос, способна ли тесная торговая интеграция со странами более высокого уровня развития обеспечить экономический рывок для крупного, но при этом более слабого государства или же приведет к краху его экономики.

Для Турции успешный ответ на вызов в условиях сохранявшейся для нее актуальности импорта из стран ЕС означал встречное повышение экспорта и преодоление в перспективе дефицита в торговле со странами Евросоюза.

В первые годы резкое обострение дефицитного характера торговли для Турции было ожидаемо. Не вызывает удивления и некоторое смягчение дисбаланса в последующий период в связи с постепенной адаптацией Турции к новым условиям. Что выглядит во многом парадоксальным, так это привело двустороннюю торговлю в последние несколько лет к сбалансированному состоянию и даже некоторому профициту в пользу Турции.

Сравнительно устойчивые позиции Турции на рынке ЕС объясняются, во-первых, качественными (структурными) сдвигами в турецком экспорте.

Сегодня Турция, в первую очередь, значимый поставщик продукции транспортного машиностроения, автозапчастей, механических и электрических машин и инструментов. При этом не только повысился технологический уровень экспортных товаров, но и снизился

уровень его концентрации при более равномерном распределении долей между более многочисленными и при этом сравнительно более равноправными лидерами.

Общие направления структурных сдвигов в турецком экспорте нашли заметное отражение как в структуре торговли Турции с ЕС в целом, так и торговых отношений Турции с отдельными наиболее крупными странами Евросоюза. Ведущие экспортные статьи сегодняшней Турции, например, автомобили и автозапчасти, лидируют в поставках в страны ЕС. При этом, в первом случае Турция является нетто-экспортером. Аналогична ситуация по некоторым видам машин и оборудования, бытовой технике, продукции черной и цветной металлургии – они не только в списке лидеров, но и баланс торговли в пользу Турции. При этом актуальными остаются и поставки Турцией различных видов одежды и текстиля, значительно преобладающие над закупками из европейских стран.

Во-вторых, изменение состояния внешней торговли между Турцией и странами ЕС, очевидно, оказалось бы невозможным без изменения состава стран-членов ЕС – речь идет о процессе расширения европейской группировки в результате нескольких кампаний приема новых членов, пришедшихся на период действия таможенного союза с Турцией.

Сам процесс расширения начался в 2004 г., то есть спустя несколько лет с момента создания таможенного союза с Турцией. Спустя почти два десятилетия большая часть «старых членов» ЕС имеет либо существенный профицит, либо незначительный дефицит в торговле с Турцией. В то же время из 13 новых стран членов 6 имели несущественный профицит в торговле с Турцией, тогда как для остальных торговля была дефицитной.

Таким образом, конкурентоспособность Турции, если ее измерением считать способность к поддержанию положительного внешнеторгового сальдо, главным образом проявляет себя в отношениях с новыми странами-членами ЕС, характеризующимися сравнительно более низким или более близким к самой Турции уровнем экономического развития. Иными словами, более равноправный характер торговли отмечается у Турции со странами, которые согласно классификации турецких авторов З.Ониша и М.Кутлая относятся к «европейской периферии» [1].

В долгосрочной перспективе удержание сбалансированного характера торговли Турции и ЕС будет определяться, во-первых, скоростью осуществления и результатами структурной модернизации турецкой промышленности, а, во-вторых, темпами экономического подъема в «новых» странах ЕС и их приближения по уровню развития к ядру группировки. Оба процесса довольно длительные с не совсем однозначными перспективами.

Литература:

[1] *Öniş Z. and Kutlay M. Global Shifts and the Limits of the EU's Transformative Power in the European Periphery: Comparative Perspectives from Hungary and Turkey/Government and Opposition, Volume 54, Issue 2, April 2019. Pp 226-253.*

Российская Федерация в глобальных цепочках добавленной стоимости стран ЮВА

Бойцов В.В.

Страны ЮВА (Юго-Восточной Азии) относятся к группе экономик с достаточно высокой включенностью в систему глобальных цепочек добавленной стоимости как в сфере производства, так и внешнеторговых отношений. Индекс участия региона и большинства его стран в глобальных цепочках добавленной стоимости превышает, в частности, достигнутый в ЕЭС, Северной, Южной и Центральной Америке и Восточной Азии. В то же время удельный вес торговли, реализуемой с помощью глобальных цепочек добавленной стоимости в экспорте этих стран в Россию, согласно данным ОЭСР, в начале 2020-х гг. почти во всех этих странах, за исключением Лаоса, уступал соответствующему показателю для всей их международной торговли. С другой стороны, доля стран ЮВА в экспорте Российской Федерации, осуществляемого ею за счет глобальных цепочек добавленной стоимости, как правило, напротив, превышала вклад этих цепочек в ее международную экспортную торговлю. Таким образом, очевидно, что степень интегрированности стран ЮВА в глобальные цепочки добавленной стоимости с Россией заметно слабее, чем России в соответствующие международные структуры со странами ЮВА. Все это может свидетельствовать о разной мере заинтересованности сторон (Российской Федерации и стран ЮВА) в развитии экономических связей, в данном случае в форме глобальных цепочек добавленной стоимости, и одновременно сделать предположение о наличии у России достаточно успешных конкурентов.

Отмеченная сравнительно слабая заинтересованность стран региона в участии в глобальных цепочках добавленной стоимости с Российской Федерацией проявляется также и в исключительно низком абсолютном и относительном объеме их взаимной экспортной торговли, ведущейся ими в рамках этих цепочек. Так, удельный вес экспортной торговли этих стран с Россией, осуществляемой за счет глобальных цепочек добавленной стоимости, по данным на 2020 г., находилась в пределах от 0,1% (в Брунее) до 1,0% (во Вьетнаме). Еще меньшими масштабами эта торговля отличается в самой Российской Федерации (от менее, чем 0,001% в Камбодже и Лаосе до 1,0% во Вьетнаме). Исключительно низкий абсолютный и относительный объем экспортной торговли, связанной с глобальными цепочками добавленной стоимости стран ЮВА и России, во многом предопределяет и более чем скромные масштабы их взаимной торговли в целом. Так, доля товарного экспорта из всех стран ЮВА в Российскую Федерацию, за исключением Брунея, насчитывала в 2020 г. меньше 1,0%. Соответственно и вклад товарного экспорта из России в те же страны в том же 2020 г. находился в пределах от 0,01% в Лаосе до 0,7% в Индонезии и только во Вьетнаме превышал 1,0%, составив 1,75%.

Так как практически во всех странах региона глобальные цепочки добавленной стоимости с участием Российской Федерации носят нисходящий или так называемый «пассивный» характер, т. е. имеют исходную точку за пределами ЮВА, как правило в России, масштабы этих цепочек, их отраслевая структура, протяженность и распределение выгоды предопределяются прежде всего Российской Федерацией и ее инвестициями в экономику этих стран – их величиной и другими особенностями. Будучи крайне незначительными по своим размерам, эти инвестиции не позволяют хоть сколько-нибудь заметно интенсифицировать процесс формирования и развития глобальных цепочек добавленной стоимости с участием России и стран ЮВА. Так, прямые российские инвестиции, размещенные в этих странах за период с 2011 по 2020 гг., включительно, достигли всего 0,098% общего объема всех прямых иностранных капиталовложений, инвестированных в страны региона за тот же период. Низкая эффективность российских инвестиций в формировании глобальных цепочек добавленной стоимости со странами ЮВА, предопределяемая незначительностью их масштабов, еще больше усиливается некоторыми особенностями их отраслевой структуры. Дело в том, что основная часть этих инвестиций, по крайней мере в последние годы, направляется не столько в сферу производства товаров и производственных услуг, сколько в операции с недвижимостью. Например, в 2020 г. в недвижимость было направлено 66,5% всех российских прямых инвестиций в эти страны, а двумя годами ранее, в 2018 г., еще больше — 98,7%, т.е. почти целиком.

Как следует из вышесказанного, масштабы сотрудничества России со странами ЮВА в этой сравнительно новой сфере внешнеэкономических связей (глобальных цепочках добавленной стоимости), также как и в сферах внешней торговли и перемещения прямых частных инвестиций, остаются весьма незначительными, а перспектива расширения этих цепочек в регионе с участием Российской Федерации представляется, по крайней мере в обозримом будущем, весьма проблематичной.

Литература:

- [1] *World Integrated Table Solution/gvc/visualisation*. Available at <https://wits.worldbank.org/gvc-data-visualisation.html> (accessed February 21, 2023).
- [2] *OECDStat*. Available at <https://stats.oecd.org> (accessed February 21, 2023).
- [3] *ASEAN*. ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021, P. 138.

Проблемы международной конкурентоспособности японского бизнеса – в стратегии формирования «новой формы капитализма»

Тимонина И.Л.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
timonina2000@yahoo.com*

В начале третьего десятилетия XXI века Япония, экономика которой уже длительное время находится в состоянии стагнации, столкнулась с новыми внутренними и внешними вызовами, что предопределило необходимость принятия новой стратегии социально-экономического развития страны, которая была обнародована в 2022 г. и получила название «Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism». Стратегия позиционируется как «ориентированная на миссию» (т.е. направленная как на решение фундаментальных социальных и экономических проблем в средне- и долгосрочной перспективе) и обеспечение экономического роста и имеет временной горизонт до 2030 и 2050 гг.

В числе главных сфер и проблем, обозначенных в стратегии, – изменение климата, цифровизация, экономическая безопасность и глобализация, инклюзивность, здравоохранение, стартапы и инновации, корпоративная трансформация, и совершенствовании инструментов государственного регулирования и форм государственно-частного партнерства. При этом беспрецедентно большое внимание уделяется проблемам конкурентоспособности японского бизнеса, прямо заявляется о необходимости его реформирования и «создании компаний конкурентоспособных на мировом уровне» [1].

В основных документах Министерства экономики, торговли промышленности Японии (МЭТП), где изложена стратегия формирования «новой формы капитализма» [1, 3], содержатся выводы относительно текущей ситуации в японском бизнесе и проблем, мешающих японским компаниям эффективно функционировать в современных условиях.

Эти проблемы, по мнению авторов стратегии, сосредоточены главным образом в трех сферах – капитал (эффективность использования, распределение, стоимость компаний), трудовые ресурсы и технологическое развитие.

В 2020-е годы одной из важных управленческих задач для многих японских компаний является повышение эффективности использования капитала. Сравнение японских и американских/европейских корпораций на основе финансовых показателей оказывается не в пользу японских компаний: их капитальная эффективность низка (например, с точки зрения рентабельности активов – ROA), что может быть следствием неэффективного контроля за деятельностью менеджмента компаний со стороны акционеров, что в свою очередь определяется сохранением системы перекрестного владения акциями. Выделяется также и проблема отставания роста стоимости акций на фондовых рынках Японии (TOPIX 500) по сравнению с США (S&P500) и Европой (STOXX 600) [1].

Правительственных экспертов также беспокоит и структура распределения прибыли и денежного дохода японскими компаниями. Доля прибыли, распределяемая на дивиденды у них, практически сравнялась с долей, идущей на инвестиции. По результатам опроса, многие японские компании признают, что инвестиций для роста было недостаточно, а конкурентоспособность снизилась. По мнению же правительства, для создания «долгосрочной ценности» необходимо идти на риск и осуществлять крупномасштабные и долгосрочные инвестиции. Задержка инвестиций в перспективные области, такие как противодействие изменению климата и цифровизация, может привести к дальнейшей стагнации экономики и промышленности Японии [2].

По поводу распределения финансовых потоков корпораций в широком смысле слова (структура издержек, инвестиции, доходы) в стратегии содержится еще один важный посыл. Правительственные эксперты считают, что в разгар крупных волн перемен необходимыми и приоритетными становятся инвестиции в людей [3]. Кроме того, в документах содержится и рекомендация о повышении уровня оплаты труда в контексте вопроса о социально справедливом распределении результатов деятельности компаний, что вписывается в предлагаемую общую концепцию построения социально ориентированной экономической модели, а также ожидаемо связывается с возможностью расширения внутреннего рынка.

В качестве основных направлений обновления корпоративного менеджмента правительство предлагает модель «управления, создающего ценность», нацеленную на получение прибыли и инвестирование в перспективные области, решение глобальных проблем, развитие человеческого капитала.

Литература:

[1] Creating Companies with Global Competitiveness.

URL:https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/0331_001.pdf

[2] Current Situation: Low Potential GDP Growth.

URL:https://www.meti.go.jp/english/press/2021/pdf/1116_Current_Situation.pdf

[3] Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. Investing in People, Technology, and Startups. URL:https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf

Основные этапы формирования зеленой экономики в Республике Корея

Андреанов В.Д.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
andrianov_vd@mail.ru*

Новый зеленый курс для корейской экономики был провозглашен в 2008 г. президентом **Ли Мён Баком** (2008 – 2012) во время его речи, посвященной 60-тилетию образования Республики Корея. Президент предложил рассматривать «низкоуглеродный зеленый рост» в качестве новой национальной парадигмы развития страны.

Тогда руководство Республики Корея поставила перед собой весьма амбициозную цель уже к 2020 г. стать одной из семи ведущих в мире зеленых экономик.

Позднее в июле 2009 г. правительством Южной Кореи была принята **«Национальная стратегия зеленого роста»** на период до 2050 г. В рамках этой стратегии в Южной Корее разработан очередной **пятилетний план экономического развития** (2009–2013 гг.), который обеспечивал комплексный подход к реализации стратегии зеленого роста.

Важную роль в финансировании и реализации плана зеленого роста сыграл созданный совместно с Всемирным банком **«Корейский доверительный фонд зеленого роста»** («Korean Green Growth Trust Fund»). Этот фонд, а также «Глобальный институт зеленого роста», «Центр зеленых технологий» образовали своеобразный **зеленый треугольник**,

который и стал основным финансовым институциональным драйвером развития зеленой экономики в Южной Корее.

При смене политического руководства с приходом к власти в 2012 г. нового президента Республики Корея **Пак Кын Хе** (2012-2017), зеленый рост остался составной частью парадигмы устойчивой экономики и получил дальнейшее развитие во **«Втором пятилетнем плане зеленого роста»** (2013-2018).

Чтобы достичь показателей плана и осуществить глобальный энергетический переход, в таких отраслях экономики как автомобильная, химическая, и сталелитейная основные корейские «Чеболи», разработали и приняли «дорожные карты» по развитию водородной энергетики.

Дальнейшее построение зеленой экономики Республики Корея продолжилось в рамках **«Генерального плана цифровой трансформации»**, принятого в 2020 г. Важным составным элементом этого плана стал – **«Новый зеленый курс»**, который направлен на превращение экономики Республики Кореи в экономику с нулевым выбросом вредных веществ в атмосферу или как говорят **экономику с нулевым карбоновым следом**.

Поставленная руководством Республики Корея в начале текущего столетия весьма амбициозная цель по превращению страны в **одну из семи ведущих в мире зеленых экономик** практически достигнута.

Первым и основным результатом проводимой Республикой Корея политики зелёного роста является **общее оздоровление окружающей среды и решение многих острых экологических проблем**.

Значительно повысилась **энергоэффективность экономики**, что является одним из ключевых результатов перехода на альтернативные источники энергии, в том числе водородное топливо. Соответственно это дало возможность снизить **энергозависимость** от импорта высокоуглеродного топлива и достижению энергетической безопасности страны.

Благоприятные перспективы также создает **синтез политики озеленения отраслей с социальной политикой**. В частности, в сфере вторичной переработки отходов растет количество социальных предприятий. Они обеспечивают работой тех, кто имеет низкую квалификацию и находится в невыгодном положении на рынке труда.

Поскольку новый зелёный курс делает ещё больший акцент на **инклюзивное социальное развитие**, можно ожидать снижения уровня безработицы, в том числе, среди молодежи, и общее повышения уровня жизни населения. Зеленый рост снижает риски возникновения негативных экономических и социальных потрясений, связанных с экологическими факторами.

Благодаря успешной реализации долгосрочной стратегии, планов и программ зеленого роста Республика Корея значительно **повысила свой международный авторитет** и встала в авангарде ведущих держав мира, которые активно борются с изменением климата. Республика Корея взяла на себя ведущую роль в **оказании помощи развивающимся странам** в разработке и реализации стратегии зеленого роста, используя свой успешный опыт.

Литература:

[1] *Андрианов В.Д.* Эволюция политики зеленого роста в Республики Корея сб. «Зеленая экономика проблемы и перспективы развития». Кыргызско-Российский-Славянский Университет, г. Бишкек 2022 г., 142 с.

[2] Андрианов В.Д. «Зеленые» тренды в деятельности коммерческих банков и финансовых институтов развития, газета, «Бизнес и банки», № 3, февраль 2013 г.

[3] «Global Green New Deal - A Policy Brief», UNEP (United Nations Environment Programme), Mach, 2009.

[4] VISION 2025. Korea`s Long-Term Plan for Science and Technology Development [Electronic resource]. – 178 p. <https://thediplomat.com/2020/06/south-koreas-digital-new-deal/>

Операции с криптовалютой как альтернативная форма сбережений в странах Тропической Африки

Касимовская Е.Н.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
kasim@iaas.msu.ru*

Большинство стран Тропической Африки отличаются низкой нормой внутренних накоплений. К основным причинам принято относить, прежде всего, низкий уровень подушевых доходов населения, недостаточное развитие финансовых рынков, институциональные факторы. Согласно данным МВФ, медианный показатель нормы валовых внутренних накоплений в странах Тропической Африки в 2009-2022 гг. в среднем составлял 16% в этот период, а индикатор банковского проникновения не превысил 40% при существенном разбросе значений между странами [1]. Институциональные факторы находят свое проявление, прежде всего, в качестве бизнес-среды. Один из таких факторов связан с доверием населения национальным финансовым институтам. В этой связи внутренняя экономическая политика и реформы, направленные на укрепление финансовой инфраструктуры и обеспечение ее большей доступности, должны способствовать и росту доверия со стороны населения. Согласно опросам, проведенным в Кении, Эфиопии, Нигерии и Зимбабве в 2017-2022 годах, степень удовлетворенности финансовым положением оценивается населением по-разному. В Эфиопии довольны своим финансовым положением в той или иной мере всего около 30% опрошенных, а доля полностью недовольных составляет 15%. В Кении наблюдается схожая ситуация: 16% полностью недовольны и 36% довольны своим финансовым положением. Примечательна ситуация в Зимбабве. Как известно, в конце 90х-начале 2000х годов здесь наблюдалась беспрецедентная гиперинфляция. Земельные реформы и конфискация частных ферм, международные санкции и массированная денежная эмиссия привели к фактическому разрушению денежного обращения в стране. Ожидаемо, что согласно данным опросов населения в этот период 60% населения были недовольны своим финансовым положением. Некоторый спад инфляционного давления в 2010-2014 годах нашел свое отражение в росте доли тех, кто считал свое положение приемлемым и удовлетворительным (50%). Однако уже в следующем десятилетии темпы роста цен значительно ускорились: согласно данным Национального статистического бюро, уровень инфляции в годовом исчислении превысил 800% в 2022 году. В этих условиях упало и доверие населения к финансовым институтам. Согласно опросам, более 50% полностью

недовольны своим финансовым положением. В Нигерии наблюдается схожая ситуация. По сравнению с 2010-2014 годами доля недовольных своим финансовым положением выросла с примерно 30 до 50% в 2017-2022 годах [2]. В этих условиях экономические агенты стараются найти иные альтернативные формы сбережений и защиты своих, в большинстве своем, скромных финансовых активов. Согласно данным аналитической платформы Chainalysis, в странах Тропической Африки наблюдается заметный рост участия экономических агентов в сделках с криптовалютой. В целом, доля африканских стран на глобальном рынке криптовалют невелика: в 2022 году она составила 1.7%. Для сравнения, на США приходится 19% мирового крипторынка, на страны Восточной Азии, включая Китай - почти 13%. Причем большая часть годовой криптостоимости приходится на три страны – ЮАР, Кению и Нигерию. В абсолютных цифрах годовой криптовалютный оборот стран Тропической Африки превысил 100 млрд. долл. и продемонстрировал годовой прирост в 16%

Несмотря на довольно скромные размеры по сравнению с другими странами, операции с криптовалютой в странах Тропической Африки характеризуются целым рядом особенностей, позволяющих отнести региональные рынки криптовалюты к категории развитых и обладающих большим потенциалом. В частности, африканцы гораздо более активно стали использовать операции с криптовалютой как средство защиты своих скромных сбережений и как инструмент международного перевода финансовых средств. Так, доля небольших по объему сделок на крипторынке (менее 10 тыс. долл.), совершаемых физлицами с целью трансферов, превышает 80%. Еще одной важной особенностью африканского рынка стал рост использования P2P протоколов. Если в странах Западной Европы на них приходится менее одного процента крипто-транзакций, то в странах Тропической Африки – 6%. Международные переводы в условиях ужесточения валютного контроля во многих африканских странах также приобретают крипто-форму: за 2021-2022 годы они выросли на 14% и вплотную приблизились к 50 млрд. долл. Можно ожидать, что в условиях роста волатильности ключевых глобальных валют, жесткой государственной политики в области валютного контроля, сохраняющихся высоких темпов инфляции в африканских странах и оживления трансграничной региональной торговли на африканском континенте операции с криптовалютой будут быстро расширяться, а африканские крипторынки динамично расти.

Литература:

[1] *Sub-Saharan Africa: a new shock and little room to maneuver*. World Economic and Financial Surveys. Washington, DC: International Monetary Fund, Apr. 2022

[2] *World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile Version*: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> Madrid: JD Systems Institute.

[3] *The 2022 Geography of Cryptocurrency Report*. <https://blog.chainalysis.com/reports>

Цифровизация в Кении: новые возможности и риски для социально-экономического развития

Сучкова А. А.

Цифровизация, как процесс использования и распространения цифровых технологий, имеет два измерения. Во-первых, это доступность и возможность использования различных технологий для подключения к Интернету. Во-вторых, это степень, в которой экономическая деятельность, социальное взаимодействие и государственная политика осуществляются за счет онлайн-овых, взаимосвязанных автоматических систем. В настоящее время страны Тропической Африки, в том числе Кения, отстают от стран других регионов по обоим измерениям. Однако за последнее десятилетие им удалось уменьшить разрыв с остальным миром. Так доля населения, использующего Интернет в странах Тропической Африки увеличилась с 6,15% в 2010 г. до 30,04% в 2020 г. Кения является одним из лидеров региона по проникновению Интернета с показателем в 65% пользователей среди кенийцев старше 15 лет [1]. Распространению Интернета способствовало развитие мобильной связи: в Кении на 100 чел. приходится 114,2 SIM-карты, что превышает аналогичный показатель для США.

Определенный прогресс в Кении был достигнут и с точки зрения глубины процессов цифровизации: 27% кенийцев пользуются госуслугами в электронном виде, 13% используют платформы электронной коммерции, 20% используют социальные медиа. Самое широкое распространение получило использование мобильных платежей через систему M-Pesa. Таким образом, цифровизация в Кении стала фактором экономической и социальной жизни, и темой настоящего доклада является предварительная оценка возможностей и сопутствующих рисков, возникающих по мере углубления процессов цифровизации. Доклад опирается на данные национальных исследований и опросов, а также публикации международных организаций (ООН, ВБ и др.).

Потенциально цифровизация может повлиять на производительность, занятость и рост экономики. Она создает возможности преодоления гендерного разрыва, сокращения коррупции и повышения уровня государственного управления. Наши расчеты показывают, что пока не существует значимой связи между приростом пользователей Интернетом и темпами роста ВВП Кении. Вместе с тем рост сектора ИТ со среднегодовым темпом в 10,6 % увеличил его долю в структуре ВВП до 7% и сделал его второй по привлекательности сферой для ПИИ [2]. Опросы кенийцев во всех 47 округах страны показали, что 84% опрошенных уверены, что цифровые устройства и услуги делают их жизнь лучше [1]. Эти же опросы фиксируют увеличение числа пользователей среди фермеров, которые используют онлайн сервисы для маркетинга своей продукции, поиска информации по удобрениям, пестицидам и ветеринарным вакцинам.

По степени развития государственных электронных услуг Кения входит в группу стран, обеспечивающих своим гражданам достаточно широкий набор онлайн сервисов. Однако относительно слабая телекоммуникационная инфраструктура и уровень подготовки пользователей не позволяют пока говорить о возможном вкладе электронного правительства в сокращение коррупции, которая представляет в Кении серьезную проблему: в 2021 г. 23,2 % обратившихся за государственными услугами сталкивались с вымогательством, задержками в предоставлении услуг и оскорбительным поведением служащих [3].

Среди рисков, связанных с цифровизацией, помимо очевидных (киберпреступность, мошенничество и др.), существуют опасения по поводу неравного доступа к цифровым устройствам и знаниям. В настоящее время в Кении только 35% женщин пользуются

передовыми цифровыми услугами по сравнению с 54% мужчин. Более того, гендерный разрыв в использовании мобильного Интернета в 2020 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом с 34% до 42%. Существует опасность того, что финансово и социально уязвимые группы населения, а также жители географически удаленных и плохо связанных территорий окажутся исключенными из цифрового общества. От преодоления этих рисков и перехода к более продвинутым цифровым технологиям значительной части населения зависит реализация возможностей, заложенных в цифровой трансформации Кении.

Литература:

[1] *Kenya's Digital Economy. A People's Perspective. Full Report, August 2021.*
https://www.digitaleconomy.ke/assets/download/Kenyas_Digital_Economy_Full_report_Aug_2021.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[2] *Securing Future Growth. Policies to Support Kenya's Digital Transformation.* Kenya economic update, October 2019, edition No 20, World Bank Group.
<https://documents1.worldbank.org/curated/en/968481572468094731/pdf/Kenya-Economic-Update-Securing-Future-Growth-Policies-to-Support-Kenya-s-Digital-Transformation.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

[3] *National Ethics and Corruption Survey 2021.* EACC Research Report No. 13, May 2022.
<https://eacc.go.ke/default/wp-content/uploads/2022/12/National-Ethics-and-Corruption-Survey-2021-EACC-30-Dec-2022.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа

Некоторые аспекты возвышения представителей племени кунграт в Хивинском ханстве в XVIII в.

Вдовин С.С.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
sergey11vdovin@gmail.com*

В Хивинском ханстве (или в Хорезме) в XVIII в. произошли серьезные изменения. Династия Шибанидов (другое название – «Арабшахиды»), правившая здесь с момента образования ханства в начале XVI в., перестала играть первостепенную роль в его политической жизни. Все большую власть в Хорезме на протяжении второй половины XVIII в. стали обретать представители племени кунграт, а уже в 1804 г. официально было положено начало одноименной династии. О некоторых обстоятельствах процесса возвышения кунгратов в Хорезме и пойдет речь в рамках данного доклада.

Процесс возвышения носил длительный характер и проходил с переменным успехом. В хивинской хронике [1, 92] можно найти сведения о кунграте Умбае, получившим статус инака при Ануша-хане (1663-1685 гг.). На определенный срок в XVIII в. лидирующие позиции в политике Хорезма удалось занять другому племени – мангытам. Это произошло после гибели инака кунграта Иш Мухаммад-бия и других сановников в ходе завоевания ханства шахом Ирана и основателем династии Афшаридов Надиром [1, 103], а также при поддержке самого шаха Надира и мангытов соседней Бухары [3, 167].

Возвращение кунгратов в «большую политику» связано с именем сына Иш Мухаммад-бия – Мухаммад Амин-инаком (1763-1790 гг.). Он, хотя и правил от имени подставных ханов, обладал реальной властью. К последним годам своего правления ему удалось объединить Хорезм, все территория которого признала авторитет инака [4, 351-354].

Существенную роль в процессе возвышения кунгратов в Хивинском ханстве в XVIII в. сыграли сарты – представители местного оседлого населения. Именно они занимались воспитанием Мухаммад Амина (будущего инака) после гибели его отца и всячески поддерживали его на протяжении третьей четверти XVIII в. Это было связано с тем, что позиции сартов в Хорезме были непрочными, а длительное отсутствие политической стабильности негативно сказывалось на их экономических интересах [2, 135-136; 3, 167]. Впоследствии, на протяжении всей первой половины XIX в., именно сартов назначали на пост мехтера [2, 137].

Середина и третья четверть XVIII в. для властителей Хивинского ханства были временем испытаний. Страна находилась в состоянии хозяйственного упадка после

завоевания шаха Надира. Случался голод, распространялись болезни. Для восстановления хозяйственно-экономической жизни ханства и заселения некогда опустевших земель Мухаммад Амин-инак дал право на поселение в пределах Хорезма каракалпакам из племени коулдаулов. Им было разрешено осесть в восточной части дельты Амударьи. Помимо этого, Мухаммад Амин-инак призвал в Хорезм туркмен-йомудов и расселил их около Ак-Сарая и Муз-Кумгана [3, 168]. Они стали его опорой в борьбе со своими политическими противниками.

Процесс усиления позиций кунгратов в Хивинском ханстве продолжился при Аваз-инаке (1790-1804 гг.) – сыне Мухаммад Амин-инака. Однако только внук последнего, Эльтузар (1804-1806 гг.), смог первым отказаться править от имени подставного хана и де-юре основать новую династию – Кунгратов.

Литература:

[1] *Мунис ва Огоҳий*. Фирдавс ул-икбол. - Тошкент: «Янги аср авлоди», 2010. 520 б.;

[2] *Фирдаус ал-икбал* // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том II, XVI — XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Пер. с чаг. П.П. Иванова. Под ред. акад. В.В. Струве. М.-Л. 1938. 700 с.;

[3] *Хорезм в истории государственности Узбекистана* / - Ташкент: Издательство «Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти», 2013. 336 с.;

[4] *Bregel Yuri*. The Sarts in the Khanate of Khiva // *Journal of Asia History*, Vol. 12, No 2 (1978). Pp. 120-151.

Особенности коннотаций зоонимов в казахском и русском языках (на материале фразеологических единиц с зоонимами ‘лошадь’ и ‘верблюд’)

Гаджиева А.А.

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД РФ, доцент кафедры «Языков стран Ближнего и Среднего Востока»

niapan@yandex.ru

Как известно, фразеологизмы с компонентами-зоонимами обладают особыми эмоционально-оценочными значениями и являются ярким примером выражения национально-культурного сознания. В основе коннотаций и переносных значений зоонимов лежат, как правило, не реальные признаки, а особенности восприятия того или иного животного носителями определенного языка, которые зачастую формировались под влиянием исторических или случайных факторов [4, 157].

Указывая на важность и значимость домашних животных в жизни казахов, Ч.Валиханов писал: «Кочевой степняк есть и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие у них начинается фразой: “Здоров ли твой скот и твое семейство?”. Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников больше, нежели целые страницы описаний» [1,324].

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом *ат* ‘лошадь’ являются самыми многочисленными в казахском языке. Лошадь для казаха является в некотором смысле священным животным, незаменимым помощником в быту и хозяйстве. На протяжении веков богатство у казахов измерялось количеством лошадей, а самых почитаемых гостей потчевали деликатесной пищей из мяса лошади - казы, карта, жал, жая. Лошадь является главным животным в национальных конных играх - кыз куу, бэйге, көкпар. Еще знаменитый арабский поэт IX в. аль-Джахиз говорил: “...Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли” [1: 326]. Зооним *ат* в казахских ФЕ имеет положительную оценочную коннотацию: *ат жалын тартып міну* - (букв. ‘сесть на лошадь, взявшись за гриву’) ‘возмужать, повзрослеть’; *ат құлагында ойнайды* - (букв. ‘играет на ушах лошади’) ‘очень ловкий и шустрый человек’; *атқа жеңіл телпекбай* - (букв. ‘легок на лошади’) ‘легок на подъем’. Отрицательная характеристика деятельности человека чаще всего выражается действиями через нанесение вреда или совершения каких-либо действий в отношении лошади. Например: *ат кекілін (құйрығын) кесісу* - (букв. ‘взаимно подрезать челки или хвосты лошадей’) ‘враждовать, разорвать отношения’; *ат сабылтты* - (букв. ‘измучить лошадь’) ‘испытывать хлопоты, неудобства, измучиться’; *ат бауырына алды* - (букв. ‘положить под лошадь’) ‘избить,сыпать’. В русском языке лошадь типичный символ трудолюбия, благородства и силы: *укатали сивку крутые горки, ломовая лошадь, рабочая лошадка, устал как лошадь, въехать на белом коне, ход конем*. В то же время фразеологизмы с компонентами-зоонимами *мерин, кобыла* имеют отрицательные коннотационные значения: *бред сивой кобылы, врет как сивый мерин, пришей кобыле хвост и т.д*. Считается, что «наличие коннотации может быть никак не связано с основным значением. Слова, обозначающие одно и то же животное, могут иметь разные коннотации» [3,139].

Для казахов *түйе* ‘верблюд’ чаще всего является олицетворением силы и могущества. В то же время зооним *түйе* может характеризовать различные физические и психологические качества человека: *түйенің жарты етіндеі* - (букв. ‘с половины туши верблюда’) ‘тучный, тяжеловесный человек’; *түйе үстінен ит қабу* - (букв. ‘даже сидя на верблюде, быть укушенным собакой’) ‘быть неосторожным, неприспособленным к жизни’. В русской языковой культуре лексема *верблюд* используется чаще всего в сравнениях, когда речь идет об упрямом или крупном и неуклюжем человеке. Говорят также: *легче верблюду пройти*

сквозь игольное ушко’ (о полной невозможности постижения или совершения чего-либо); *‘плевать как верблюд*’; *‘доказывать, что ты не верблюд*’. Небольшое количество ФЕ с этой лексемой в русском языке можно объяснить тем, что верблюд не является типичным животным в хозяйстве у русского народа.

Таким образом, вышеизложенные языковые факты позволяют сделать вывод о том, что формирование сопутствующих и вторичных значений названий животных обусловлены своеобразием культур, быта, образа жизни и верований создавших их. Удивительно красочные, живые и запоминающиеся выражения, придающие этим языкам яркую эмоциональную окраску позволяют окунуться в духовный мир этих народов.

Литература:

[1] *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата: «Рауан», 1992.

[2] *Кожухметова К.Х., Жайсакова Р.Е., Кожухметова Ш.О.* Казахско-русский фразеологический словарь. - Алма-Ата: «Мектеп», 1988.

[3] *Кронгауз М.А.* Семантика. - М.: Изд-во РГГУ, 2001.

[4] *Напольнова Е.М.* Коннотации и вторичные значения названий животных в русском и турецком языках // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. - Вып. XI. - С. 157-167. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, 2016.

Азиатский комитет (1820-1850): из истории формирования среднеазиатской политики Российской империи

Ганич А.А.

ИРИ РАН, снс Центра истории народов России и межэтнических отношений

astganich@gmail.com

Интересы Русского государства на Востоке были продиктованы как внутривнутриполитическими соображениями, так и стремлением усилить и закрепить свои позиции во внешнеполитическом пространстве. Для этих целей она поддерживала с ними оживленные торговые связи, развивала политические отношения, осуществляла обмен посольствами и миссиями. По мере расширения этих связей усиливался практический интерес к т.н. «Азиатским государствам». Получаемые сведения об этих государствах и населявших их народах подготавливали почву не только для экономического, политического и впоследствии военного продвижения в регион, но и стали основой для развития отечественного

востоковедения. Уже с начала XIX в. правящие и коммерческие круги России рассматривали Среднюю Азию и Казахскую степь как перспективный с торгово-экономической точки зрения регион. В марте 1813 г. Комитет министров принял официальное решение о необходимости интенсификации торговли со странами Востока, в том числе среднеазиатскими ханствами. Для улучшения организации этих отношений в 1819 г. в структуре Министерства иностранных дел был создан Азиатский департамент. В том же году Комитет министров принял решение о создании Особого комитета для рассмотрения проблемы безопасности подвластных России казахов и караванных путей, пролежавших по Казахской степи. К этому подтолкнули неоднократные обращения оренбургских военных властей на посылку в Степь воинских отрядов для охраны торговых караванов [3]. В связи с чем, было необходимо определить характер действий в регионе, которые бы, с одной стороны, защищали торгово-экономические интересы империи, с другой – поддерживали стабильность в отношениях со среднеазиатскими ханствами Бухарой, Хивой и Кокандом.

Сформирован новый Комитет, получивший наименование Азиатский, был лишь в январе 1820 г. Он представлял собой межведомственный орган, в состав которого первоначально вошли министры иностранных дел (К.В. Нессельроде), финансов (Д.А. Гурьев), внутренних дел (В.П. Кочубей) и начальник Главного штаба (П.М. Волконский). В последствии, в зависимости от обсуждаемых тем и вопросом, состав Комитета менялся и расширялся за счет высших чинов других ведомств. Азиатскому комитету было «поставлено в обязанность вникнуть в настоящее положение дел Оренбургского края, и сообразя все бывшие о нем предположения, представить виды к принятию мер, согласных с государственной пользой, как для улучшения нашей торговли с Верхней или Средней Азией, так для охранения караванных путей и самих мирных киргизов» [1, л. 11 об.].

Первое заседание Азиатский комитет провел 8 февраля 1820 г. Последнее состоялось в июле 1850 г. Протоколы заседаний фиксировался в специальных «Журналах», в которых уточнялось количество присутствующих, излагался предмет обсуждения, фиксировались мнения членов заседания, указывались особые мнения и решение по вопросу. «Журналы» утверждались императором. Для различных заинтересованных ведомств составлялись отдельные выписки из его решений. Злободневные вопросы, где участники заседания не могли сойтись в едином решении, рассматривались очень тщательно, с изучением всех имеющихся дел в архивах различных ведомств. Отдельно к журналу прилагались иногда уточняющие документы, своего рода справочный материал, который представляли различные ведомства и департаменты государственных учреждений Российской империи. На заседаниях Азиатского комитета обсуждались вопросы управления и инкорпорации казахских жузов, торговые и

дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами, Ираном и Китаем, а также военно-политические планы России в регионе. Значимыми мероприятиями, подготовленными Комитетом в начале 1820-х гг., стали реформа управления Средним и Младшим жузами и новые правила торговли. Со второй половины 1830-х гг. управление казахами было полностью изъято из ведения МИД. С этого времени Азиатский комитет сосредоточился на обсуждении дипломатических и торговых отношений с Хивой, Бухарой, Кокандом и сопредельными государствами, а также вопросом о принятии в российское подданство туркмен [2].

За 30 лет Азиатский комитет провел 200 заседаний, а в его работе в качестве официальных членов приняли участие 27 высших чиновников империи [3]. Комитет был тем органом, в заседаниях которого формировалась среднеазиатская политика империи: выявлялись и согласовывались ведомственные интересы, вырабатывалась единая политическая стратегия.

Литература:

[1] *Архив* внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819—1828. Д. 488.

[2] *Васильев В.Д., Васильев С.Д.* Туркменские и хивинские дела на заседаниях Азиатского комитета // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии // Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н.Ф. Демидовой. Уфа, 2021. С. 32—37.

[3] *Куликов В.И.* «Для рассмотрения всех вообще азиатских дел составить Особый комитет». Документы об Азиатском комитете. 1819—1848 гг. / Исторический архив, № 1. 2009. С. 174—185. // https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Azia_komitet/text1.htm?ysclid=laaxzna9p2593935533 (access: 05.12.2022)

К вопросу о взаимодействии Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках ШОС

Гао Юе

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
gaoyue199412@gmail.com*

Отношения между Россией и Китаем за последние годы вышли на новый, более перспективный уровень. Отличительными чертами современной системы российско-

китайских связей на данный момент являются беспрецедентный рост взаимного политического доверия, всестороннее стратегическое партнерство, взаимная координация сфер политики, экономики, торговли, финансовых инвестиций, гуманитарных наук и совместное урегулирование военных вопросов. Также внутри этой системы отношений происходит процесс расширения возможностей для стратегического развития на местах.

На наш взгляд, ключевым элементом специфики отношений России и Китая является сложившаяся геополитическая обстановка. Так, Россия – крупнейшее в мире государство, обладающее сильным научно-техническим и военным потенциалом. Китай, в свою очередь, занимает в мировом рейтинге третье место по величине, и первое – по населённости. Общая граница между двумя странами составляет более 4300 километров. Сам факт соседства двух огромных держав неизбежно создаёт уникальное геополитическое пространство.

Отметим, что 1996 г. можно считать ключевым в развитии этих отношений: по инициативе председателя КНР Цзян Цзэминя был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве двух стран. РФ, КНР, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана на ряде встреч в Шанхае и Москве подписали ряд соглашений. Так было официально региональное объединение «Шанхайская пятерка» [5].

15 июня 2001 г. на заседании Совета глав государств в Шанхае было принято единогласное решение о подписании Декларации о создании ШОС, что придало региональному объединению статус международной организации, насчитывающей шесть государств-членов (помимо стран-участниц «Шанхайской пятерки» к ШОС присоединился Узбекистан). Одним из приоритетных направлений члены ШОС провозгласили борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. 7 июня 2002 года на заседании Совета глав государств ШОС в Санкт-Петербурге была принята «Хартия Шанхайской организации сотрудничества», где были четко зафиксированы главные принципы и цели организации [4].

Одним из основных факторов функционирования и развития ШОС является поддержание стабильных отношений между двумя главными участниками объединения – КНР и РФ. Согласно декларации, ШОС является организацией, обеспечивающей региональную безопасность, в которой и Россия, и Китай определяются как ведущие страны. В последние годы стабильные российско-китайские отношения стали одним из факторов устойчивого развития политико-экономической сферы в регионе Центральной Азии.

Хотя оба государства, возглавляющие ШОС, имеют собственные стратегические цели, многие из них могут быть достигнуты только благодаря активному взаимному сотрудничеству. И Россия, и Китай в настоящее время переживают важные перемены – Китай в сфере развития стратегических возможностей, а Россия – в связи с политической трансформацией общества и попыткой восстановления экономики страны. Именно изучение

сходств и различий в стратегических интересах двух стран в рамках общей для них межгосударственной организации может помочь определить границы возможностей их сотрудничества, а значит и стать материалом для прогнозирования перспектив развития организации в той форме, в которой она существует на данный момент. Значение российско-китайских отношений, таким образом, не ограничивается сферой их односторонних связей, но может быть расширено в связи с их ролью в достижении стабильности мировой международной политики и сохранения мира во всем мире.

С самого основания ШОС и на сегодняшний момент Российская Федерация и Китайская Народная Республика являются центральными участниками этой организации, способными влиять на её решения. Отношения между двумя крупнейшими евразийскими государствами в течение довольно длительного времени привлекали внимание как международных политиков, государственных служащих и учёных специалистов, так и простых граждан различных государств, поскольку они напрямую влияют и способны продолжать влиять не только на политику на континенте, но и на мировой политической климат. В большинстве случаев достижение собственных национальных интересов требует дипломатических переговоров и внешнего сотрудничества. ШОС для России и Китая является именно такой платформой повышения эффективности скоординированных действий; она также занимает активную позицию в политической жизни Центральной Азии, оказывающейся в зависимости от развития собственно российско-китайских отношений и индивидуальных интересов этих государств.

Литература:

- [1] *Ангафонов А.В.* «Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы», Москва, 2000.
- [2] *Воронцов А.В.* «Взаимодействие России с восточно-азиатскими партнерами», Москва, 2017.
- [3] *Каменнов П.Б.* Военно-техническое сотрудничество государств-членов ШОС. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. 2006.
- [4] <http://rus.sectsco.org/docs/about/faq.html>. Дата обращения: 01.03.2023
- [5] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/09/16/samarkandskaia-deklaraciia-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva.html> Дата обращения: 01.03.2023

Особенности гендерной политики в современном Казахстане

Досова Б.А.

КарУ имени Е.А. Букетова, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений

bibigul.dosova@mail.ru

Для укрепления института гендерного равенства и эффективного проведения гендерной политики, Казахстан в 1995 г. присоединился к Пекинской декларации и взял курс на формирование гендерной политики. В 1998 г. была создана Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике. В 2015 г. Казахстан принял на себя обязательства по выполнению ЦУР ООН, большая часть из которых имеет прямое или косвенное отношение к гендерной проблематике. Приняты и реализованы Концепция гендерной политики до 2006 года, Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006 - 2016 годы. Гендерная политика в современном Казахстане основывается на Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г.а, утвержденная Указом Президента РК в 2016 г. и внесенными изменениями в 2022 г. (далее Концепция). В самом названии Концепции отражается одна из особенностей казахстанской гендерной политики – это неразделимость семейной и гендерной политики. Хотя семейная и гендерная политика являются составными частями социальной политики, все же есть существенные различия. Например, большая часть Концепции посвящена укреплению института семьи, в том числе в ее традиционной форме. Приводится статистика о том, что каждый третий брак в стране распадается. Расписаны мероприятия, в которых традиционная роль мужчины и женщины четко очерчивается в соответствии с вековыми традициями. При этом, в Концепции среди важных проблем указывается нарушение прав женщин в семьях, созданные в результате "гражданских" и междоусобных браков и зарегистрированные в религиозных организациях. В результате, женщина сталкивается с неприемлемыми для современности семейными ценностями, теряет социальную активность и ущемляется в юридических правах при расторжении брака. В Концепции также отражена еще одна особенность положения женщин в Казахстане – это сохранение традиции похищения и насильственной выдачи девушек замуж, что в светском и правовом государстве считается преступлением против личности. Вот здесь как раз мы видим, что в рамках раскрытия семейной политики, затрагиваются проблемы нарушения прав женщин, которые являются объектом гендерной политики. Также можно отметить раскрытие роли мужчины в казахстанском обществе. Прослеживается озабоченность общества и государства о не должном выполнении мужчинами своих прямых обязанностей мужа и отца. В частности, говорится о том, что отцы недостаточно вовлечены в процесс воспитания детей. Опять же речь не идет о том, что они по законодательству обязаны больше

времени проводить с детьми, а речь идет о констатации проблемы. Это говорит о том, что до сих пор в казахстанском обществе традиционное мышление не допускает даже мысли о том, что отец может взять декретный отпуск вместо матери его детей, что наравне с женой должен заниматься бытом и т.д., то есть делать все то, что в традиционном обществе делала жена и мать. Хотя все-таки о равноправии полов идет речь. Например, в 2020 г. в Трудовой кодекс РК внесены изменения, по которым предоставляется неполный рабочий день беременным женщинам и одному из родителей, имеющего ребенка в возрасте до 3 лет. Также в Концепции признается гендерный разрыв и дисбаланс. В первую очередь, указывается низкий уровень продолжительности жизни мужчин – 67,1 против 75,5 лет. И одной из главных причин указывается отсутствие должного внимания к мужскому здоровью как самостоятельному направлению в казахстанском здравоохранении. Опять же, традиционное мышление в отношении роли и места мужчин в обществе, не позволяет признать за мужчинами право на должное внимание к их проблемам. В результате, по статистике в Казахстане суицид среди мужчин в 5 раз больше, чем среди женщин. Это следствие завышенных требований к модели поведения мужчин, которым в тяжелые минуты своей жизни даже не полагается обратиться к психологической помощи. Одной из причин бытового насилия 22,7 % казахстанских респондентов назвали как раз стереотипные установки и убеждения. Хотя в Концепции целями государственной гендерной политики провозглашается "достижение паритетных прав, выгод, обязанностей и возможностей мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества, преодоление всех форм и проявлений дискриминации по половому признаку" [1], акцент делается на повышении возможностей женщин во всех сферах общественной жизни, расширение их представленности в политике и бизнесе [2].

В целом, особенности гендерной политики в современном Казахстане заключаются в синтезе наследия советской гендерной политики, влияния на нее западных тенденций и существования на ментальном уровне традиционного понимания роли и места мужчины и женщины в развитии семьи и общества.

Литература:

[1] *Концепции* семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384> (дата обращения 05.03.2023)

[2] *Еньшина И.* Гендерная политика: поэтапно и комплексно URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39578626&pos=5;-88#pos=5;-88 (дата обращения 08.03.2023)

Московская рукопись памятника казахской исторической литературы XIX в. (толгау Муса-бая о Жанкоже Нурмухаммедове)

Зайцев И.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ilyaAugust@yandex.ru

Текст толгау Мусы-бая о героической смерти батыра Жанкожи издавался несколько раз. Впервые произведение увидело света в оригинале и русском переводе Н.Ф. Катанова в 1894 г. в двух публикациях Н.И. Веселовского и И.В. Аничкова [1]. Казахский вариант этого текста был опубликован в №5 журнала «Жана мектеп» в 1926 году. Кроме этого, рукопись толгау Мусабая о Жанкоже хранится в Центральной научной библиотеке АН Казахстана [2]. Одним из первых ученых, давших свою оценку этого произведения, был академик АН КазССР С.Муканов, который писал о поэтической слабости варианта И.В. Аничкова [3, 109]. Однако по мнению современных исследователей, «данное произведение не лишено ценности. Оно интересно как поэтический документ, в котором через восприятие казахов тех времен показана картина страданий и борьбы в тот момент, когда земледельцев Сыр-Дарьи стали притеснять российские колонизаторы и хивинцы (между 1840-1860 годами). В произведении вспоминаются три события: борьба земледельцев Сыр-Дарьи против Хивинского ханства и против российских колонизаторов и смерть батыра. Авторские размышления о дружбе людей, происхождении героев на основе устных летописей попутно передаются с этими событиями» [4].

В 2010 г. текст толгау с учетом рукописных версий был издан в одном из томов грандиозного стотомного собрания казахского фольклора [5]. Московская рукопись толгау из архива Н.И. Веселовского, которая выполнена в Казалинске и датирована 1894 г., до сего времени известна не была.

Литература:

[1] *Веселовский Н.И.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб., 1894; Материалы исторические. Рассказ о батыре Джанходже Нурмухаммедове. Текст и перевод И.Аничкова с предисловием Н.Катанова // Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Т. XII, вып.3. Казань, 1894.

[2] Рукопись фонд ЦНБ АН Казахстана. Шифр П.1320.

[3] *Муканов С.* Қазақтың XVIII-XIX ғасырдағы әдебиетінен очерктер. Алматы, 1942.

[4] *Тлепов Ж.Ж.* Историзм казахской литературы XVIII-XIX веков. Алматы: Қазақ университеті, 2015.

[5] *Бабалар сөзі. Жұзтомдық.* Астана: Фолиант, 2010. Том 62. Тарихи жырлар.

**Пословицы и поговорки как отражение национального характера (на примере
азербайджанского языка)**

Исмайлова Л.Г.

ВУ, ст. преподаватель кафедры «Языков и культуры народов СНГ и России»

Leylaxanum@mail.ru

Как говорил Гумбольдт: «Нет ничего внутри человека настолько глубокого, настолько тонкого и всеобъемлющего, что не переходило бы в язык и не было бы через его посредство познаваемым». [2, 57]. Большая сила кроется в языке. По речи человека можно определить характер, его намерения, его мысли. Немецкий философ М. Хайдеггер писал: «Сущность человека покоится в его языке. И поэтому чтоб понять природу языка, нужно понять природу человека и его мир». [3, 101].

Проблема взаимосвязи языка и культуры нашла свое всестороннее обоснование в трудах И. Бодуэна де Куртене, В. фон Гумбольта, А. Поттебни, Ф де Соссюра, Г. Штейнталя, В. Н. Телия и др. В статье были использованы русско-азербайджанский фразеологический словарь (М.Т.Тагиев, Баку,1974); Азербайджанско-русский фразеологический словарь (А.А. Оруджев, Баку, 1976).

Азербайджанцы древний народ, который испокон веков высоко ценил такие нравственные качества, как терпимость, преданность, доброта, правдивость, верность, храбрость, трудолюбие, чувство долга, вежливость, сдержанность, сопереживание, дружелюбие. С большим уважением относятся к старшим, гостеприимны, преданны домашнему очагу.

О гостеприимстве азербайджанского народа говорит само устное народное творчество. «*Gözüm üsta yerin var*» [букв.: всегда есть место для тебя] // просим к нашему хлебу и соли.[1, 176]

Например, про общительного, обаятельного человека могут сказать: «*Canlara dəyən*» // душа общества. О человеке, обладающем даром красноречия, говорят: «*Ağzından bal tökülür* / [букв.: изо рта мед льется] // сладкоречивый. Мудрого и уважаемого пожилого человека в Азербайджане называют аксакалом. Про человека, который может выйти из любой ситуации, опираясь на глубокие знания и опыт, говорят: «*elm dəryası*» / [букв.: океан знаний] // семи пядей во лбу. Сдержанность – качество, присущее мудрому человеку. Про такого говорят: «*Özünü saxlaya bilmək*» / [букв.: уметь себя держать] // держать себя в руках.

Обходительного человека могут в разговоре охарактеризовать так: «*Baş əymək*» [букв.: склонить голову] // снимать шляпу.

Выражение **«Halal süd əmmiş»** / [букв.: человек, сосавший честное молоко] // благочестивый, *держат себя в рамках приличия*, употребляют, когда речь идет о воспитанном, соблюдающем нормы поведения, человеке.

Про человека, который четко знает свои цели, сам добивается их, находит выход из трудного положения, говорят: **«Öz əli, öz başı»** / [букв.: своя рука, своя голова] // сам себе хозяин. Про целеустремленного человека говорят: **«Özünə yol açmaq»** / [букв.: открывать себе дорогу] // *самому себе пробивать дорогу*

Про человека, который всегда следует своим принципам, говорят: **«Sözün üstündə durmaq»** / [букв.: стоять на своем слове] // *стоять на своем*.

Про авторитетного человека говорят: **«Sözünün kəsəri var»** / [букв.: у его слова есть нож] очень влиятельный человек // *птица высокого полета*.

Чтобы охарактеризовать трудолюбивого человека, существует много фразеологических единиц. Например: **«Həl kimi qabıq qoymaq»** / [букв.: кожа стала как у змеи] // *лезть из кожи вон, слишком много работать*. **«Özünü əldən salmaq»** / [букв.: уронить себя из рук] // *падать с ног*; **«Alın təri ilə»** / [букв.: с потом лица] // *в поте лица*, **«Qan-tər tökmək»** / [букв.: проливать кровь-пот] *слишком много трудиться* // *в поте лица*, **«Şirin cana qəsd etmək»** / [букв.: на сладкую жизнь покушаться] *работать без отдыха, не покладая рук, работать усердно*.

О коварном человеке в языке существует выражение **«Birisinə quyu qazmaq»** / [букв.: рыть могилу кому - то] // *рыть другому яму*; **«İşini burmaq»** / [букв.: закрутить его дело] // *подложить свинью*;

Когда говорят про поведение подлого человека, употребляют выражение: **«Ayağının altını qazmaq»** / [букв.: копать под ногой] *рыть яму (кому)*.

Мудрость народа проявляется в его пословицах и поговорках. Изучение их способствует пониманию характера народа, его менталитет.

Пословицы и поговорки создавались в языке годами, они связаны с бытовыми, обрядовыми, традиционными моментами. Поэтому каждая пословица имеет свою историю происхождения. Они откладываются в сознании и остаются в памяти поколений.

Литература:

[1] Гамидов И.Г., Ахундов Б.Г., Гамидова Л.И. Азербайджанско-русский, русско-азербайджанский словарь пословиц и поговорок. – Баку, 2009. – С.560.

[2] Гумбольд В. Избранные труды по языкознанию: пер.с нем / В.Гумбольдт. - М. 1984.-400 с.

[3] Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления / М. Хайдеггер. - М. : Республика, 1993. - 447с.

Государство Саманидов и мусульманская культура Мавераннахра

Кадырбаев А. Ш.

*Институт востоковедения РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
kadyr_50@mail.ru*

Арабские халифы, не полагаясь только на силу оружия, после завоевания оазисов Центральной Азии(ЦА) привлекали к управлению местную знать, обращая ее в ислам и назначая на высокие посты, что уже к началу IX века привело к заметной самостоятельности их среднеазиатских владений от власти халифа. В Мавераннахре - междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи к власти пришла династия Саманидов по имени их предка Самана - правителя одной из областей Балха на территории нынешнего Афганистана. Сначала дети и внуки Самана были наместниками в основных оазисах юго-запада Центральной Азии, известных в советское время как Средняя Азия, а затем создали обширное и могущественное государство, де-факто самостоятельное, со столицей «Бухара-йи-Шариф» - «Благородная Бухара». Империя Саманидов (875-999) в период своего наивысшего могущества в первой половине IX века простиралась от степных кочевий за Сыр-Дарьей, до земель у Персидского залива, от Каспийского моря до Индии, включая в свой состав и земли. В 900 году саманидский правитель Исмаил присоединил к своему государству северо-восток Персии - провинцию Хорасан. Государство Саманидов формально признавало верховенство арабских халифов, но фактически было независимо. Ядром его был Мавераннахр (т.е. земли между реками Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей) и города Бухара и Самарканд. Населяли эти земли преимущественно ираноязычные народы, а также тюркские кочевые и полукочевые племена. Государственным языком империи Саманидов был фарси. Хотя, предположительно, фарси как литературный язык, пользующийся арабским письмом, сложился в IX веке на востоке Персии, расцвета он достиг в столице Саманидов, в Бухаре. Земли державы Саманидов считались собственностью государства, хотя существовала собственность мусульманских религиозных учреждений и частная земельная собственность. Предоставлялись земли в собственность за военную и государственную службу, которые с X века передавались по наследству. В конце X века из-за усиления сепаратизма удельных владетелей и междоусобиц в правящей верхушке Саманидов, государство стало приходить в упадок. Ведущую роль стали играть военачальники тюркской гвардии гулямов, выходцы из воинов-рабов, начавшие к тому времени оспаривать трон у своих повелителей Саманидов. В 962 году один из тюркских военачальников Алп-Тегин основал независимое от государства Саманидов владение в городе Газни в Афганистане, к XI веку превратившееся в обширное государство Газневидов, в состав которого вошли нынешний Афганистан и некоторые районы Средней Азии. В 999 году держава Саманидов пала под

натиском тюркского государства Караханидов, образовавшегося в Семиречье и Прииссыккулье [1, 84-86].

В эпоху Саманидов на юго-западе ЦА и сопредельных с ней землях нынешнего Афганистана и Персии имел место экономический подъем. В итоге крупных ирригационных работ, проводившихся в X веке, расширился ареал земледелия, выращивались пшеница, ячмень, рис, хлопчатник. Развивались города, где происходил быстрый рост ремесленного производства и имел место прогресс в технике ремесел. В горах Тянь-Шаня и Ферганы добывались золото и медь. Процветало оружейное дело, изготавливались изделия из железа, меди и бронзы. В ювелирном деле использовались серебро, золото, слоновая кость. Бухара, Самарканд, Гургандж стали центрами производства шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, которые шли на экспорт в дальние страны. Развивалась караванная и морская торговля. Важным центром караванной торговли был город Мерв (Мары). В истории культуры эпоха Саманидов в Центральной Азии характеризуется возрождением среднеазиатских традиций, устоявших перед арабизацией, и повышением роли языка фарси во всех областях жизни державы Саманидов, прежде всего, духовной, особенно в поэзии той эпохи, олицетворением которой являются классики литературы на фарси - великий лирик Абу Абдаллах Джафар Рудаки из Самарканда, Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад Дакики, и гениальный автор эпопеи "Шах-наме" Абу-л-Касим Фирдоуси.

Несмотря на различия в уровне общественной жизни, традиций и исторических судеб народов, втянутых в орбиту ислама, в результате их сложного взаимовлияния, а, в конечном итоге, и синтеза их культур, создавалась во многом общая для ряда народов мусульманская культура. Утверждение на всей территории Центральной Азии литературного арабского языка привело к тому, что многие выдающиеся ученые стали творить на этом языке. К их числу относятся ученые - выходцы из Хорезма - Мухаммад Муса ал-Хорезми, Абу Райхан ал-Бируни - астроном, математик, географ, историк, филолог, этнограф; бухарец Абу Али ибн Сина, известный в Европе как Авиценна, знаменитый философским трудом «Китаб аш-Шифа» – «Книга исцеления» и особенно медицинской энциклопедией «Канон», которая и поныне настольная целебная книга врачей. При этом следует сказать, что если арабский язык был тогда языком точных, гуманитарных и естественных наук, то фарси, наряду с арабским, являлся языком поэзии. Большую работу по созданию на фарси научной терминологии для адекватной передачи понятий, употребительных в арабской научной литературе того времени по математике, философии, логике, теории музыки проделал Ибн Сина, написавший первое энциклопедическое сочинение на фарси «Даниш-наме» - «Книга знания» [2, 67-70].

Литература:

[1] *Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С.* От Кара-Кум до предгорий Копет-Дага. Очерки истории Туркменистана с древнейших времен до начала XXI века. – Серия «История стран Центральной Азии». М., 2021.

[2] *Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С.* Страна в Междуречье (Очерки истории Узбекистана).- Серия «История стран Центральной Азии». М., 2017.

Толерантность как фактор политической стабильности в странах Центральной Азии и Закавказья

Касимовская Е.Н.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономгеографии стран Азии и Африки

kasim@iaas.msu.ru

В современных условиях нарастания политической нестабильности в мире, обострения противостояния различных групп стран ситуация в постсоветском пространстве вызывает пристальный интерес. Терпимость к альтернативным взглядам на социально-политическое и экономическое развитие страны, готовность критически осмыслить предложения оппонентов, отказ от применения насилия становятся важнейшими элементами общественного устройства и отражают степень готовности к переменам без применения насилия. В то же время не прекращаются попытки дестабилизировать ситуацию в странах пост-социализма с целью использовать их как плацдарм для расширения альтернативного влияния на общественное сознание. В этих условиях необходимо постоянно отслеживать тенденции в изменении общественных настроений относительно политической толерантности.

В течение 20 лет, с 2010 по 2022 годы, международная группа социологов в рамках проекта World Values Survey проводила обследования на территории таких стран, как Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Армения [1]. Вопросы политической толерантности нашли свое отражение в нескольких позициях анкеты. А именно: оправдание политического насилия (10 градаций), оправдание любого насилия по отношению к другому человеку (10 градаций), а также вопрос о том, на сколько часто избиратели подвергались давлению в ходе голосования. Средний размер выборки составил от 1200 до 1836 респондентов. Опросы проводились в две волны: первая – 2010-2014гг., вторая – 2017-2022 гг. В указанные периоды политическая и социально-экономическая ситуация в указанных странах менялась, в некоторых случаях принимая формы явной политической нестабильности и противостояния. Повлияло ли это на степень политической толерантности населения? На

современном этапе (7-я волна обследований 2017-2022гг.) опросы населения свидетельствуют о неприятии насилия в политической сфере в вышеозначенных странах в разной степени: полностью отвергают таковое 71% в Азербайджане, 92% в Армении, 63% в Казахстане и 24% в Таджикистане. Для сравнения в РФ этот показатель составил 51.5%. Заметим, что Таджикистан выбивается из общего ряда. Однако если принять во внимание, что более 50% опрошенных выбрали ответ о неприятии насилия в целом, то и эта страна характеризуется высокой степенью политической толерантности по данному показателю.

Ожидаемо, что насилие в отношении других людей в этих странах отвергает схожий процент опрошенных: категорически не приемлют никакого насилия в отношении других людей 87% в Армении, 62% в Казахстане, 80% в Кыргызстане и лишь 20% - Таджикистане. Однако при объединении первой и второй градаций в неприемлемости насилия картина заметно меняется: в Армении 90% населения в целом против насилия, в Казахстане – 74%, в Кыргызстане -84% и в Таджикистане – почти 75%. Для мониторинга устойчивости общественных предпочтений в отношении толерантности был предпринят сравнительный анализ данных опросов по двум периодам (6-я волна опросов в 2010-2014 гг. и 7-я волна опросов в 2017-2022 гг.) методом однофакторного дисперсионного анализа. Его результаты свидетельствуют о сохраняющейся устойчивой политической толерантности населения во всех указанных странах несмотря на сложности социально-экономического характера. Вопрос о том, на сколько часто избиратели подвергались давлению в ходе голосования, предполагал 4 градации: от «очень часто» до «совсем не подвергался». Дополнительно присутствовали графы «не знаю» и «нет ответа». Последний опрос показал, что первые две позиции («очень часто» и «часто») в сумме составили более 20% в Казахстане, в Кыргызстане – 36%, в Армении – почти 16%. На этом фоне выгодно выделяются Азербайджан (около 5%) и Таджикистан (8.6%). Для сравнения в России данный показатель составил 13.7%. К сожалению, степень доверия к этим замерам вызывает некоторые сомнения. В частности, в Казахстане и Азербайджане чрезвычайно велика доля тех, кто выбрал варианты «не знаю» и «нет ответа»: таковых оказалось 27% и 33% соответственно. Картину дополняют ответы на вопрос об удовлетворенности политической системой страны (satisfaction with the political system performance): на долю полностью удовлетворенных (9-10 позиции) приходится в Таджикистане 45.4%, в Азербайджане – более 20%, в Казахстане – 18.2%. В то же время респонденты в Армении (менее 2%) и Кыргызстане (3.4%) демонстрируют низкую степень доверия существующей политической системе.

Таким образом, можно сделать вывод, что согласно данным опросов в странах Центральной Азии и Закавказья сформировались достаточно устойчивые предпочтения толерантного политповедения. В условиях, когда отношение людей к национальным

политическим системам заметно разнится, это может стать решающим фактором обеспечения политической стабильности как в рассматриваемых странах, так и в регионе в целом.

Литература:

[1] *World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile Version*: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>. Madrid: JD Systems Institute.

Обретение древности: реинтерпретация доисламской эпохи в национальных историографиях советской Средней Азии

Кораев Т.К.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
timur-koraev@mail.ru*

С первых десятилетий советской власти фундаментальные изменения в историческом сознании обществ центральноазиатского региона затронули отнюдь не только представления о современности как порою эпохальных перемен, по сути – начале новой эры. Существенное влияние оказала стремительная (чаще всего – принудительная) секуляризация мусульманского социума бывших Туркестанского края, Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

На смену безоговорочному доминированию суннитского (у сравнительно немногочисленных меньшинств – шиитского) ислама пришла революционная идеология, предполагавшая радикальный слом предшествующих моделей самоидентификации. Вместе с тем, она носила подчеркнуто интернационалистский характер, что обуславливало наличие в ней выраженной симпатии к многообразию, признание которого понималось, прежде всего, как предпосылка к единению различных этнокультурных групп (понимаемых как «народы» в категориях европейской общественной мысли XIX в.) в общем деле – строительстве нового (в идеале – наднационального) общества. В данном контексте прошлое могла и должно было переосмысливаться как достояние трудящегося большинства – масс, а не правящих классов или религиозных авторитетов. Неслучаен повышенный интерес к этнической истории (воспринимаемой, в том числе, и через призму физической антропологии), который демонстрирует уже в 1920-х – 1930-х гг. русскоязычная наука в региональном и всесоюзном масштабах.

Затушевывание, а затем и отрицание конфессионального фактора как ключевого в самоотождествлении граждан СССР – будь то в народных советских республиках, сменивших

ханство и эмират, или в автономиях РСФСР, преобразованных в ходе национально-территориального размежевания в союзные республики – требовало в качестве противовеса и компенсации выработки альтернативного базиса для консолидации в рамках нового государства, мыслившегося как идеальная федерация. Такой базис должен был, в духе господствующей идеологии, представляться также как научно обоснованный. В этих условиях особую роль было призвано сыграть укоренение новых секулярных идентичностей на исторической почве, начиная, по возможности, с самых ранних этапов становления раннегосударственных объединений.

Описываемый сдвиг создавал достаточно выраженный контраст с тем видением прошлого, которое существовало в центральноазиатских обществах до начала XX в. Судить о нем, разумеется, можно только на основе источников, либо отражающих мировоззрение сравнительно немногочисленной образованной элиты (почти исключительно суннитских интеллектуалов – выпускников медресе), либо носящих по преимуществу фольклорный характер (эпосы как устные, так и письменные – «книжные» и т.д.). Ни в том, ни в другом случае оно, это видение, не могло избежать мощнейшего воздействия «священной истории» ислама и летописей первых веков его распространения в «Мавераннахре» и «Туркестане». Ведущую роль в нем призваны были играть образы, связанные с арабским завоеванием и суфийской проповедью.

Такому мусульманскому историографическому комплексу новая эпоха и ее наука должны были противопоставить иные акценты в периодизации, иной образный ряд и исторических героев, более того – иную ценностную картину.

Литература:

- [1] *Абашинов С. Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.
- [2] *Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю.* Культурная сложность Советской России. Идеология и практики управления. 1917 – 1941 гг. М., 2020.
- [3] *Кадыров Ш.Х.* Клятва на «крови». Этнологика нациостроительства. М., 2016.
- [4] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923 – 1939. М., 2011.
- [5] *Халид А.* Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. М., 2022.

Стремление Узбекистана к субъектности в процессе глобализации

Махаматов Т.М.

Начало XXI века ознаменовалось началом качественно нового этапа объективно-исторического процесса глобализации – неоглобализации, которая также носит объективный и неизбежный характер [1]. Объективность ее наступления обусловлена интенсивным углублением и расширением самой глобализации, носящей «многоаспектный» характер и появлением в ее структуре новых центров и субъектов. Интернационализация капитала, использование передовых технологий в странах периферийного капитализма, универсализация, цифровизация образования, глобальная торгово-экономическая конкуренция приводят к развитию человеческого и интеллектуального капитала, расширению слоя креативной молодежи в странах, которые до недавнего времени были пассивными участниками процесса глобализации.

Интенсивно развивающиеся страны Латинской Америки, Африки и Азии, в том числе Центрально-Азиатские республики, стремятся приобрести субъектность в процессе глобализации, преодолеть свое усиливающееся финансово-экономическое, технологическое и социальное неравенство со странами-центрами глобализации [3]. Главным результатом такой практики является тенденция перехода от западно-центрической глобализации [2] к полицентричной, т.е. к неоглобализации.

Однако, наступлению многополярной и много-субъектной нео-глобализации отчаянно сопротивляются нынешние ключевые субъекты, агрессивные сторонники сохранения прежнего однополярного и прозападного этапа глобализации, что проявляется в потоке санкций, военно-политических угрозах против «непослушных» бывших недавно периферийных стран в сочетании щедрых финансово-экономических и других обещаний.

В такой ситуации молодым постсоветским республикам очень трудно добиться и сохранить своей субъектности в сфере международной политики, что видно в деятельности руководства Республики Узбекистан. Свою задачу в решении этого вопроса Узбекистан видит, во-первых, в совершенствовании своей политической системы, во-вторых, в определении приоритета во внешней политике.

Во внутренней политике высшее руководство Узбекистана учитывает горький опыт национальной политики Украины и стран Прибалтики. 30 апреля 2023 года будет референдум по внесению изменений в Конституцию Республики. В ней будет закреплено положение о равенстве прав всех национальностей, проживающих в Узбекистане, а также практика обучения в школах и вузах на семи языках. Принцип толерантности возведен в ранг общенародной ценности.

Особое место в Конституции отводится молодежной политике. Это и естественно, так как, несмотря на сравнительно не плохое развитие экономики республики, темпы демографического роста намного опережает темпы увеличения рабочих мест. Более двух миллионов молодых людей Узбекистана в настоящее время работают в различных городах Российской Федерации. Немало молодых узбеков ищут работу в Южной Корее, Китае, Турции. Сохранение их политической лояльности к нынешнему режиму имеет большое значение в обеспечении стабильности в стране.

Во внешней политике Узбекистан свою субъектность стремится добиться через членство в Объединении стран неприсоединения, улучшение и расширение делового сотрудничества с своими соседями - Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, активизацией в решении афганского вопроса в Центральной Азии. Несмотря на сильное давление Европейского союза и США, высшее руководство страны сохраняет и расширяет политические и экономические сотрудничество с Российской Федерацией, что свидетельствует, о том, что можно осторожно сказать, об определенном успехе в становлении субъектности Узбекистана в бурном и противоречивом процессе глобализации.

Литература:

[1] *Махаматов Т.М.* (2017). От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект. //Век глобализации. 2017. № 4 (24). С. 55-61.

[2] *Махаматов Т.Т.* Запад и Восток: генетика духовного пути. //Век глобализации. 2018. № 1 (25). С. 60-67.

[3] *Understanding the Dynamics of Global Inequality Social Exclusion, Power Shift, and Structural Changes*, 2015/ Albert-Ludwig-University of Freiburg, Freiburg, Springer, Germany

Модели развития общества и государства в программе туркестанских джадидов

Раимов Р.И.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

Mr.raimow@yandex.ru

В докладе рассматривается вопрос формирования политических взглядов джадидов относительно преобразований туркестанского общества к 1918 году. Материалами по изучению поставленного вопроса служили труды видных деятелей джадидизма в Средней Азии – М.К. Абдурашидханова, Ф. Ходжаева, С. Айни, А. Авлони, А.З. Валидова и др.

Рассматриваемая проблема получила недостаточное освещение в историографии и поэтому остается актуальной.

К моменту советизации Средней Азии Туркестанского края в регионе в среде джадидизма сформировался широкий спектр различных взглядов и идей, конституирующих видение моделей социально-политического развития туркестанского общества. Однако можно определить по целому ряду особенностей некий общий взгляд туркестанских джадидов на данный вопрос. Предварительно к ним отнесем:

Туркестанский тюркизм. В источниках присутствуют неоднократные упоминания понятий «Туркестан», «туркестанцы», «миллат» (нация). Джадидами был сформирован новый политический дискурс, в центре которого находились тюрки, объявленные главным и автохтонным народом Туркестана, а сам Туркестан – национальной территорией и родиной тюрков. Под этим названием джадида в своей политической программе видели строительство независимого национального государства.

Элиминация арабо-персидского и исламского влияния на туркестанскую культуру. Будучи прогрессивными по взглядам, джадида считали арабо-иранскую традицию рудиментарной и устаревшей. Она ассоциировали ее с традиционализмом и клерикализмом, которые мешают туркестанскому народу двигаться вперед в развитии. Негативное отношение к персидской традиции было навеяно, прежде всего, влиянием османского пантюркизма со стороны турок, которые традиционно имели напряженные отношения с персами суннитами. Как результат, джадида в своих художественных, публицистических, научных и политических произведениях стремились к устранению из тюркских языков персидских и арабо-мусульманских лексических заимствований, заменяя их чисто тюркскими. Во многом, за это современная таджикская историография называет джадидов «пантюркистами» в пейоративном смысле, считая их главным врагом таджиков в рассматриваемое время.

Антиклерикализм. Будучи мусульманами, джадида встречали непонимание со стороны реакционного, противившегося всему новому духовенства, которое условно можно отнести к фундаменталистам. На раннем этапе проникновения джадидизма в Туркестан возникла четкая дихотомия «джадидия» (прогрессисты) – «кадимия» (традиционалисты). Социальной базой джадидизма традиционно были интеллигенция и образованная прослойка торговцев и предпринимателей, которые продвигали и поддерживали джадидские светские идеи реформизма. Обострение этого противостояния особенно явно произошло в годы Гражданской войны в Средней Азии с возникновением басмачества.

Идея «революции», национализм и патриотизм. Уже в ранних работах туркестанских джадидов 1900-х гг. наблюдается новый нарратив готовности пожертвовать жизнью за свою нацию и родину – Туркестан. Идея революции получила распространение в джадидской среде

под влиянием опыта успешных революций 1917 года в России. Особую популярность эта идея обрела среди бухарских и хивинских джадидов, которые находились в непримиримом противостоянии с властями, опорой которых было консервативное духовенство.

Грузинское общество истории и этнографии

Рахаев Дж.Я.

ИРИ РАН, старший научный сотрудник

jamal_rv@mail.ru

После Первой русской революции, в июне-сентябре 1907 г. в Тифлисе были открыты «Высшие курсы по кавказоведению», «Грузинское общество истории и этнографии» и «Общество любителей грузинской культуры». 20 сентября 1907 г. состоялось учредительное собрание Общества истории и этнографии, на котором приняли участие 38 членов. Согласно уставу, целью Общества было «собрание, хранения и научная разработка памятников истории, археологии, антропологии, литературы и этнографии как преимущественно древней Грузии, так и всего Кавказа и сопредельных с ним стран» [1, 3–4]. Общество состояло из членов следующих категорий: попечителей, почетных, действительных, корреспондентов и соревнвателей. Тайным голосованием был избран Совет Общества. Председателем Совета стал Е.С. Такаишвили, товарищем председателя Д. Каричашвили, секретарем С. Горгадзе, хранителем музея и библиотеки – И. Перадзе. Члены: А. Кипшидзе, П. Карбелашвили, М. Джанашвили, Ю. Абеладзе. Кандидаты в члены: К. Цинцадзе, И. Мдивани, К. Кекелидзе. Ревизионная комиссия: И. Абхази, Г. Кипшидзе и К. Макашвили. 8 ноября 1907 г. состоялось второе заседание общества, в работе которого приняли участие 207 новых членов. Среди них: ученые – Н.Я. Марр, В.М. Петриашвили, А. Хананашвили, И.А. Джавахишвили, З.Д. Авалишвили, П.Г. Меликишвили, И.Р. Тархнишвили и др.; писатели – А.Р. Церетели, Л.П. Разикашвили (Важа-Пшавела), Е.Р. Габашвили, В.З. Барнов (Барнавели), Д.С. Клдиашвили, А.Г. Эристави-Хоштария и др.; композиторы – Д.И. Аракишвили, З.П. Полиашвили и др.; епископы – Александр, Леонид, Кирион, Георгий, Пётр, Давид; архимандриты – Пирос Окропиридзе и Досифей Бердзенишвили. В это же время была создана комиссия Общества по делам музея в составе Э.С. Такайшили, А. Сараджишвили и Г. Цецхладзе, которой было поручено разработать план создания музея и библиотеки. 1 января 1908 г. Общество насчитывало 250 действительных членов, а 1 января 1909 г. в Обществе числилось уже 456 членов и фактически объединило всю грузинскую патриотическую интеллигенцию. Для ведения планомерной работы Общество учредило собственную канцелярию, начало формирование библиотеки.

Грузинское общество истории и этнографии с 1908 г. уполномочивало специальных агентов для работы в регионах Кавказа и России для пополнения археологических и этнографических коллекций, привлечения новых членов, сбора членских взносов и пожертвований. Такими агентами были: в Тифлисе – И. Мерквиладзе и В. Гамбашидзе, в Кутаиси – И.И. Одихели и Р.К. Доташидзе, в Батуми – И.И. Перадзе, в Артвини – Н.Ф. Эристави-Ширвашидзе, в Боржоми – П. Никитин-Виноградов и Г. Хмаладзе, в Баку – И.С. Элиашвили, в Ереване – Я. Пхакабзе, в Сигнахи – А.Л. Джорджадзе, в Чиатуре – Г. Мухадзе, в Цаленджиха – С. Твалтвадзе, во Владикавказе – Я.М. Лордкипанидзе, в Москве – А.Н. Джавахишвили. Особенную активность проявила грузинская патриотическая интеллигенция в г. Кутаиси, где в феврале 1913 г. было основано Общество истории и этнографии. Уставные задачи Кутаисского общества состояли в выявлении и приобретении археологических и этнографических предметов, создании музея, выставочной деятельности и материальной помощи студентам. В 1916 г. Кутаисское общество как отдел вошло в Грузинской общество истории и этнографии.

Пожертвования в фонд библиотеки среди первых сделали Е. Хизанишвили (подарила свыше 70 книг), П. Туманишвили (подарил Обществу библиотеку, состоящую из 2502 книг), епископ Кирион (подарил библиотеку грузинских рукописей и печатных книг, нумизматическую коллекцию, состоящую из 2700 монет), С.Л. Авалиани (подарил 793 книги и 37 альбомов), наследники А. Кипшидзе (передали 532 книги), московский купец, меценат и коллекционер искусства Д.И. Щукин (подарил несколько ценных книг) и др. Генерал-майор В.А. Макашвили рукопись «Псалмов» 1641 г. и «Часослов» 1738 г. В дар Обществу систематически передавали предметы материальной культуры. Например, тифлисец П. Туманишвили передал Обществу много археологических и этнографических экспонатов, кутаисец Р. Датешидзе прислал печать, предназначенную для закрепления грамот царицы Родам, «колхидки» и другие серебряные и золотые вещи. Князь Г.Д. Эристави – шерсть перстней, арабские монеты, створку складной иконы из кости и др. Княгиня М.В. Джамбакур-Орбелиани – оправленный в серебро ленчик (от седла), позолоченную икону, серебряные удила, шитый золотом женский платок, священническую ризу, стихарь, пояс, епитрахиль и вышитые жемчугом нарукавник для облачения священника и т.д.

К февралю 1917 г. в библиотеке Грузинского общества истории и этнографии было собрано 9875 книг (в их числе: 8380 книг – на русском и других языках, 1495 – на грузинском), 160 альбомов, 1427 рукописей и более 8000 грамот XII–XIX в. В музейной коллекции имелось 2432 археологических и этнографических экспонатов, 440 образцов вязания и шитья, 62 скульптуры, 582 художественных произведения. Обществу удалось сделать 73 копии (факсимиле) фресок из храмов Бетания, Сапара, Мцхета, Кинцвиси, Тимотесубани, Набахтеви, Челеви, Накуралеша, Вани, Гареджи, Бертубани, Хахули, Ошки, Ишхани, Табакини, Некреси и Сабуге. В нумизматической коллекции имелось 3893 монеты, в том числе 1081 – серебряных, 2794 – медных и 4 бронзовых

монет. Грузинское общество истории и этнографии продолжало функционировать и в большевистской Грузии вплоть до 1932 г.

Литература:

[1] Устав грузинского общества истории и этнографии. Тифлис: Скоропечатня «Братство», 1907.

Национальная организация уйгуров в Центральной Азии при Среднеазиатском бюро: проблема консолидации и взаимодействия

Сапрынская Д.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, научный сотрудник кафедры стран Центральной Азии и
Кавказа*

saprynskayadv@my.msu.ru

В докладе рассматривается проблема нациестроительства в среде представителей миноритарных групп населения, в частности уйгуров. Отметим, что для советской власти решение национального вопроса приводило к демонтажу существующей религиозной идентичности, а также изменения статуса «инородца», распространенного среди большинства нехристианских народов. Советским руководством в лице Среднеазиатского бюро был решен ряд проблем, связанных с началом национально-территориального размежевания, школы, «мусульманского вопроса» и др. Важно указать на терминологическую схожесть всех документов того периода, относящихся к проблеме нациестроительства, как например, использование синонимичного ряда в документах: народность, народ, нация. А также коренные или некоренные народности и пр. термины, указывающие на этнический фактор, а также имеющие политический запрос на субъектность.

Так, проведение национально-территориального размежевания не отменяло вопроса с национальными меньшинствами, которые национальные республики не образовывали. Поэтому уйгуры (представленные тогда сообществами таранчи, кашгарлык, алты-шахарцы, джунгаринцы, а также указываются и дунгане, не представляющие тюрков) обращались к советской власти с просьбой о «преодолении культурной отсталости» и «приобщения к общей пролетарской жизни».

В своем обращении к властям уйгуры используют очень симптоматичные паттерны, свидетельствующие о развертывании советского конструкта по отношению к этой народности.

«Мы трудящиеся происходим из граждан областей «Алтыншагар» и «Джунгария», проживаямы в Средней Азии Советской Власти, язе не в удовлетворительной степенни мы уйгуры достигли тех правовых отношений, которые Советская власть дала трудящимся. Во всех отношениях были оторваны от научной и культурной жизни с одной стороны под властью собственной буржуазии, которые имели больше прав от империалистической Китайской власти, были пленными и вели таковую жизнь, с другой стороны, если сравнить наше право с правом которое дала Советская власть трудящимся, то мы уйгурцы жили бесправными в темноте» [1, 2].

В ответ на обращение уйгуров советская власть провела съезд в июне 1921 г. среди местных «таранчи, алты-шахарцев и дунган», по итогам которого была создана организация «уйгур» [1, 19]. Съездом избран Центральной Революционный комитет в составе 9 человек. Ответственным секретарем был назначен из таранчинцев тов. Рузыбакиев, после месячной работы поехал за семейством в Джетысу, оставив на свое место их турецких революционеров Сабина Эфенди Ахмедова. При этом как следует из архивных материалов, «Тов. Рузыбакиев от этой поездки не вернулся. Весь состав ЦК Уйгура в отсутствии тов. Рузыбакиева перешло в сторону Анвера-паше, а после чего ЦУ Уйгура был разогнан с оставленным лишь Джетысуйскую (Семиреченскую) областную организацию уйгурцев» [1, 19]. Эта организация работала до 1922 г. В конце 1922 года 2-й съезд уйгурцев Джетысуйской (Семиреченской) области постановил организацию ликвидировать, а членов передать в Союз Кошчи.

Таким образом, складывались первые этапы функционирования национального объединения в форме организации «уйгур».

Литература

[1] РГАСПИ, Ф 62. Оп. 27 Д. 407. С.2-19

Основные тенденции исторических исследований в Казахстане

Сактаганова З.Г.

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, д.и.н., профессор-исследователь кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории

zauresh63@mail.ru

В настоящий момент в казахстанской исторической науке следует выделить ряд тенденций, корреляции в которых объясняют закономерности современного состояния и развития исторических исследований.

Во-первых, историческая наука современного Казахстана находится в процессе усвоения концептуального опыта мировой науки и преодолевает трудности транзитного периода, когда научный поиск совмещается с обретением исторической субъектности.

Во-вторых, наступил период, когда происходит определенная синхронизация устремлений элит и широких масс. Формируется, обретает смыслы историческая субъектность, преодолевающая культурные и гуманитарные травмы предыдущих веков, наполняя символами места исторической памяти для национальных элит и широких масс.

В-третьих, идет процесс модернизации исторического сознания, результаты которого станут условиями формирования поликультурного казахстанского общества, чья историческая память и субъектность, как предполагается, будет основана на научном знании.

В-четвертых, в современной казахстанской историографии и в исторической памяти казахстанского социума все более актуализируется деколониальная парадигма.

В-пятых, в период с 1991 года по настоящий момент процессы глорификации и виктимизации достаточно четко и контрастно проявляются в современных исторических исследованиях и в исторической памяти казахстанского общества. [2]

В-шестых, в исторических исследованиях актуальным является осмысление феномена исторической мифологии, поскольку современная казахстанская историческая наука не избежала «подводных рифов», когда строительство независимых государств и формирование коллективной социокультурной памяти сопровождается (при обращении к историческому прошлому) бумом мифотворческих интерпретаций. Ведь, как отмечают исследователи, исключительно комплиментарная историографическая парадигма возможна только посредством мифологизации прошлого [1, 7-8]. Следует согласиться с тем, что современная казахстанская историография проходит этап «экспансии мифотворчества», неизбежный для всех национальных историографий, включая, как западные, так и восточные научные школы.

В-седьмых, на наш взгляд, исторические исследования и историческое знание все еще не освободились от политических и идеологических пут современной конъюнктуры. Процесс деидеологизации исторической науки, ставший возможным после ухода в прошлое тоталитарного сознания и мышления [3, 11], должен был генерировать новое поколение историков. Но ряд конъюнктурных идеологических конструкций сдерживали развитие исторической науки Казахстана.

Еще одна из тенденций, характерных для современного состояния казахстановедения — процесс активной публикации, введения в исследовательское поле архивных и других документальных материалов. В отличие от ряда других постсоветских государств процесс рассекречивания архивных фондов и документов приобрел только в последние годы масштабный характер. В силу данной обозначенной тенденции наиболее популярными

сюжетами монографических, диссертационных исследований, документальных сборников и т.п. стали проблемы советского периода истории Казахстана: национальные движения, история партии и автономии «Алаш», голод 20-х — 30-х годов XX века, политические репрессии и т.д.

Одной из важнейших перспектив и основожных тенденций развития казахстановедения является необходимость развития теоретических, концептуальных, методологических проблем исторической науки, преодоления кризиса, характерного для гуманитарных наук последних десятилетий. На современном этапе старения исторических кадров казахстанской советской школы это возможно лишь при условии роста становления и качественной генерации молодых исследователей из академической научной среды, которая будет нести ответственность за сохранение и развитие подлинных научных тенденций историографической школы Казахстана [1, 9].

Литература:

[1] *Масанов Н.Э, Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 296 с.

[2] *Крупко И.В.* Семиозис нарративов исторической памяти казахстанского общества (1991 – 2021 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора PhD. — Алматы: КазНПУ имени Абая, 2023. — 168 с.

[3] *Современное состояние* и перспективы развития исторической науки Казахстана и России: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Алматы: Тарих тағалымы, 2008. — 424 с.

Евразийское пространство в новых геополитических условиях

Сыздыкова Ж.С.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доктор исторических наук, профессор.

ссса-iaas@yandex.ru

В начале XX века лидеры классических евразийцев, среди которых были Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Н.П. Савицкий поставили вопрос о геополитическом будущем Евразии. «Будущего-континентального, мессианского, духовного и религиозного» [1, 9]. Обращая внимание на постоянное желание России догнать Запад, евразийцы отмечали, что этот путь не имеет перспективы, считали такой путь трагической ошибкой, отмечая, что это стремление к воображаемой модели и это ведет к потере самобытности и своего места в мире.

Время показало, что евразийцы еще в тот период сумели обозначить место и особый путь развития России-Евразии как самобытного культурного, государственного и геополитического единства и все это было включено в понятие «Евразия». Н.П. Савицкий одним из первых широко использовал понятие «геополитика» и в своих трудах «Геополитические заметки по русской истории», «Географические и геополитические основы евразийства».

Программы евразийцев по геополитике за основу брали идеи полицентризма, которая на сегодняшний день имеет особенно актуальный характер в силу того, что мир быстро меняется, претерпевая колоссальные перемены. Начиная с Н.Я Данилевского, который писал: «Развитие человечества происходит не от замены множества цивилизаций одной, а от реализаций всех возможностей, заложенной каждой из них. И лишь сумма общих достижений в прошедшем, настоящем и будущем составляет цивилизацию мировую» [2, 144]. Безусловно, «реализация подобного мегапроекта может открыть дорогу к осуществлению единения всей Евразии как крупнейшего в мире региона». [3, 144].

Евразийцы обосновывают идеи о том, что мир не имеет единого мирового центра, а состоит из целого ряда равноправных центров, центров-цивилизаций и к таким относится Россия-Евразия. Такие центры имеют самодостаточный характер, при этом отличаясь от других своей самобытностью, своим историческим опытом и выражаясь словами Н.С. Трубецкого имеет «свое назначение на Земле».

В современном мире, когда США настойчиво пытается установить свою гегемонию, построив однополюсным мир и центром объявляют себя. Россия стоит за многополярность с учетом того, что есть и другие центры, как, например, Китай, Европа, исламский мир, азиатский мир, Латинская Америка и т.д. При таком геополитическом раскладе Россия выполняет функцию «моста» между Западом и Востоком. Важно также отметить, что народы бывшего СССР объединяет также и месторазвитие -Евразия, что и является основой интеграции Содружества Независимых Государств. Президент РФ Владимир Путин отмечал, что Россия «в известном смысле это страна-цивилизация, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и при этом сохранила, что очень важно, единство живущих в ней народов».[4].

Это единство на протяжении веков позволяла России противостоять историческим вызовам, угрозам, агрессиям, что в итоге обеспечивала безопасность и стабильность всего Евразийского пространства. Из теории концепция евразийства стала реализовываться и становится реальной политической практикой и подтверждением этого стали: Таможенный Союз, Евразийский союз. Говоря, об идеологии Евразийского союза в рамках СНГ можно сделать вывод о том, что именно ЕврАзЭС проявляет близость к классическому евразийству и

это проявляется в отстаивании самобытности евразийской цивилизации. Итак, речь идет о признании значимости геополитического места и роли Евразии –СНГ. Евразийское геополитическое пространство важно сохранить не только для России, но и для всего мира.

Таким образом, Евразийское геополитическое пространство –это как гарант равноправного сосуществования самых разных цивилизаций. В современных условиях, когда мир переживает турбулентность, обращение к концепции евразийства и при чем вызывает особый интерес не только теоретико-историческое наследие, а также видение сторонников евразийства о будущем мира с учетом пристального внимания к модели Евразийского пространства с учетом новых геополитических условий.

Литература:

- [1] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия.-М.:АГРАФ, 2007. С.9.
- [2] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа.-М.:1991.С.144.
- [3] *Евразийство: истоки, концепция, реальность./* Под ред М.С. Мейра, В.А. Михайлова, Ж.С. Сыздыковой. М.: Паблис. 1014. С.44.
- [4] <https://tass.ru/politika/6960727>

Некоторые аспекты социально-экономической положения Кокандского ханства

Тождинов Фаррухжон Кобулжон угли

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры Центральной Азии и Кавказа

mr.farruhjon@gmail.com

Кокандское ханство, о котором идет речь в нашей статье, было основано в Ферганской долине. Ферганская долина сохранила свою особенность быть одним из важнейших регионов географии Центральной Азии в истории и сегодня со своей геополитической особенностью, водными ресурсами и пахотными землями. В нем находятся самые плодородные и стратегически важные земли Средней Азии. Искусственное орошение с древних времен занимало важное место в Ферганской долине. Кокандские ханы в период своего господства в регионе расширили сельскохозяйственную зону Ферганы крупными ирригационными сооружениями и приложили заметные усилия для развития городской жизни [1, 150] В долине Алая и Туркестана Широко использовалась вода реки Нарын, вытекающей из горного хребта. Большое значение имели также реки Акбура, Араван, Исфайрам, Шахимардан, Сох и Исфара. В то же время важное место в развитии земледелия занимали реки Падшаата, Касансай и Гавасай, вытекающие из Карадерьи и ее рек Куршаб, Карагульджа, Тар, Яссы, Кегерт,

Майлысай и Чаткал. Сырдерья, образовавшаяся в результате слияния Нарына и Карадерьи, стала крупнейшим водным источником региона [4, 57].

В Ферганской долине особое значение придавалось искусственному орошению во времена Ирданабея. В частности, Ирданабей создал новые сельскохозяйственные районы, извлекая дуги из реки Сох. Алим-хан прорыл шесть каналов и привел к образованию большой деревни под названием Алтыарик. Мухаммадали-хан также вырыл дуги из Соха. Создание канала Улутнахр Хюдаяр-ханом дало возможность превратить обширные территории вокруг Асака в сельскохозяйственные угодья [3], 186.

Развитие искусственного орошения дало возможность земледелию, наряду с развитием производительных сил долины в целом, к хлопководству в сельском хозяйстве. Благодаря своей природе это культивируемое растение заняло важное место в обеспечении рабочих мест во многих областях ремесленничества. Помимо выращивания хлопка, шелка и табака, в сельском хозяйстве развивалось овощеводство и виноградарство. другие виды продукции выращивались в сельском хозяйстве. Было создано много удивительных и приятных связей [6, 122]. Имеются сведения о широком распространении ремесленничества в городах и селах. XVIII. век XIX. До середины 19 века определенное место в хозяйственной жизни народа занимали такие традиционные занятия, как ремесла. Ремесленники составляли большую часть населения городов и занимали важное место в жизни страны. В крупных деревнях работали и ремесленники. Кокандцы прославились как мастера-торговцы и ремесленники и торговали с Индией, Китаем, Россией и другими странами. развивались и другие формы ремесленничества. В городах образовались ремесленные районы. В этих местах занимались кузнечным, деревообрабатывающим, ткацким, кожевенным и гончарным делом. Широкое распространение в стране получило также гончарное дело, изготавливались кувшины, тарелки, миски, чашки, подносы и другие предметы быта. Живопись ценилась как отдельная профессия [5, 14]. Бумажное производство - еще один вид ремесла, которым занимались в ханстве. Из хлопка и шелка ткали различные ткани. Ткани окрашивались в различные цвета, среди которых высокое значение имели качественные ткани. До наших дней сохранились предметы, относящиеся к обычным ремеслам, таким как ковроткачество, кожгалантерея, латание. Выращивалось большое количество шелковых коконов, покрывавших всю Ферганскую долину. сети, как и в других Туркестанских ханствах. Производство шелка усилилось в Маргилане и Коканде [1, 150].

Кокандские ханы придавали большое значение политике защиты торговли и купцов. С середины XVII века кокандские ханы придерживались политики, согласно которой они могли удерживать политическую и военную власть в Ферганской долине, контролируя торговые пути. Из-за этой идеи размеры торговли распространились на очень широкие области. Коканд, Андижан, Маргилан, Наманган,

Ош, Ташкент, превратились в крупные торгово-ремесленные центры. В это время купцов Кокандского ханства можно было встретить во многих частях других Туркестанских ханств. Они также торговали с Китаем, Индией, Османской империей, Россией, Аравией и другими зарубежными странами. Торговые связи между Россией и Кокандским ханством также распространялись на обширную территорию через Казахстан и Сибирь и приносили большие выгоды обеим сторонам. С середины XVII века значительно увеличилось количество русских товаров, поступающих на рынки Средней Азии. Основными продуктами, ввозимыми из России, были серебро, обработанная кожа и промышленные товары. Хлопок занял первое место среди продукции, экспортируемой Кокандом в Россию. [5, 14].

Кокандское ханство стало важным экономическим центром, соединяющим Западный Туркестан с Восточным Туркестаном. Хлопководству придавалось большое значение в ханстве, имевшем очень плодородные земли. Благодаря системе искусственного орошения ежегодно достигается большой прирост производства. Это культурное растение, широко выращиваемое в стране, играет важную роль в обеспечении рабочих мест во многих областях ремесла. Потому что ремесленники удовлетворяли потребности внутреннего и внешнего рынка страны, производя разнообразную продукцию на основе сельскохозяйственного сырья. Кокандское ханство день ото дня крепло благодаря своей экономической политике. С середины XVIII века до середины XIX века важное место занимала торговля с Россией. В первой половине 19 века на российский рынок поступали всевозможные сельскохозяйственные продукты, выращенные в Кокандском ханстве.

Литература:

[1] *Абдуллаев*. Фаргона водийсида - Абдуллаев У Фаргона водийсида этнослараро жараёнлар (XIX-XX аср бошлари). Тошкент: Янги аср авлоди, 2005.

[2] *Асадуллоев*. Абчад ва тарищо - Асадуллоев С. Абчад в тарихдо. Душанбе: Дониш, 1972.

[3] *Атаев*. Мажд ад-дин ал-Уструшани - Атаев М. Р. Мажд ад-Дин ал-Уструшанининг Мовароуннадр фикд илми тарихида тутган урни. Т. ф. н. диссертацияси Тошкент, 2009 184 б.

[4] *Бабабеков*. Народные движения - Бабабеков Х. Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVII-XIX вв.). Ташкент: ФАН, 1990

[5] *Бейсембиев*. «Байан-и таварих» - Бейсембиев Т. К. «Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд» как исторический источник // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, Нукус, 1977, № 4

[6] *Бобобеков*. Кузон тарихи - Бобобеков Х.Н. Кузон тарихи. Тошкент: Фан. 1996.

[7] *Водидов*. Кукон хонлигида тарихнавислик - Водидов Ш. Кукон хонлигида тарихнависликнинг ривожи. XIX аср XX асрнинг бошлари (тарих фанлар доктори унвонини олиш учун тақдим этилган диссертацияси), Т., 1998.

«Аджарский вопрос» в турецко-грузинских отношениях на современном этапе

Чедия А.Р.

ФМЭиМП НИУ ВШЭ, Научный сотрудник Департамента зарубежного регионоведения

chedia@inbox.ru

С момента выхода Грузии из состава СССР Турция начинает стремительно наращивать связи и увеличивать свое влияние в республике. Анкара одной из первых, признала независимость страны, а также установила с ней дипломатические отношения. Распространение влияния в постсоветской республике, могло увеличить роль Турции как региональной державы. США поддерживали Турцию рассматривая ее в качестве противовеса России и Ирану. В этой связи, Анкара начала активно проникать в регион по нескольким направлениям: культурном, торгово-экономическом, политическом, социальном [1].

Одним из главных субъектов Грузии, где Турция продолжает расширять свое влияние является Аджарская Автономная Республика. В общественно-политическом дискурсе Анкары этот регион неоднократно назывался «ключом к Кавказу» [2]. Также, в 2017 году Президент Турции Реджеб Тайип Эрдоган, выступая с речью в университете в городе Ризе заявил: - «Наши физические границы отличаются от границ нашего сердца... Можно ли отделить Ризе от Батуми⁷?» [3]. Вероятнее всего, подобные заявления связаны с тем, что территория Аджарии напрямую управлялась из Стамбула в период османского присутствия на Кавказе в XVI-XIX вв. Впоследствии, Аджария находилась в составе Российской империи, а затем Грузинской ССР. На сегодняшний день республика является автономией в составе Грузии.

Важнейшей формой расширения влияния Турции в Грузии является политика «мягкой силы», которую Анкара начала применять с 1990-х. гг. Проводниками интересов Турции в Грузии являются государственные агентства, НКО и другие организации такие как «Турецкое агентство по сотрудничеству и координации», фонд имени Ю. Эмре и некоторые другие. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации осуществляет проекты в Грузии с 1994 года. Они направлены на сотрудничество в сфере образования, гуманитарной помощи, туризма, культуры и др. С участием фонда Ю. Эмре проводятся культурные мероприятия, дни

⁷ Главный город Аджарской Автономной Республики

Турции и турецкого языка, реализуются научные проекты, проводятся учебные курсы по тюркологии. Другой инструмент турецкого влияния диянет- управление по делам религии в Турции. Этот орган внедряет в Грузии, в частности в Аджарии, исламские проекты. У диянета прочные связи с мусульманским населением автономии. В настоящее время в Турции проживает субэтническая группа грузин чвенебури. У этой этнической группы крепкие связи в Аджарии, благодаря чему Анкара рассматривает чвенебури как важнейший инструмент своей политики «мягкой силы» в регионе.

Таким образом, Турция продолжает стремительно реализовывать стратегию «мягкой силы» в отношении Грузии. Постепенное внедрение турецкого бизнеса в страну, увеличение экономических связей посредством международного транспортного коридора «Баку-Тбилиси-Карс» и расширение разновекторной проектной деятельности на территории Аджарской Автономной республики, демонстрирует нам сохранение приоритетности грузинского направления во внешней политике Турецкой республики на современном этапе.

Литература:

- [1] *Аватков В.А.* Турция – новый покровитель Грузии? [Электронный ресурс]. // Говорят эксперты МГИМО, 24.09.2013. Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document241733.phtml> (дата обращения: 08.03.2023)
- [2] *İzzetgil E.*, Kafkasya'nın Jeopolitiği ve Rusya'nın Bölgeye Yönelik Stratejisi, <http://dergipark.gov.tr/download/article-file/210245>, 25.04.2018 (дата обращения: 08.03.2023)
- [3] *Presidency Of The Republic Of Turkey*: “We Are Present in the History of Mosul” (tccb.gov.tr) (дата обращения: 08.03.2023)

Китай на Великом Шелковом Пути: история и реальность

Цзян Ланьхуэй

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, докторант Шанхайского университета международных отношений, стажер кафедры стран Центральной Азии и Кавказа

С

Шелковый путь на самом деле не является неизменным понятием, которое можно точно описать, его можно только обобщить как серию безопасных проходов, соединяющих Европу и Восточную Азию. Но как бы ни менялись начальная и конечная точки Шелкового пути, районом, через который он должен пройти, является Центральная Азия. [1, 9] Поэтому можно сказать, что Европа и Восточная Азия являются двумя точками Шелкового пути, а основная

область Шелкового пути находится в Центральной Азии. История Центральной Азии — это история Шелкового пути, а история Шелкового пути — это также история Центральной Азии.

Китай называет Центральную Азию «Сию», означает земля, расположенная на Западе. При династии Западная Хань Чжан Цянь отправился с миссией в Сию, а при династии Восточная Хань Бань Чао снова отправился в Сию, все для того, чтобы объединить Центральную Азию для борьбы с угрозой хунну.

Однако с миграцией гуннов на запад и интеграцией цивилизации центральных равнин и кочевой цивилизации, роль Центральной Азии для Китая начала снижаться во времена династии Тан.

Соответственно, экономическое значение Шелкового пути стало возрастать. Из-за огромного населения и экономической совокупности, Китай нуждается в большом количестве драгоценных металлов для поддержки своей внутренней экономической системы. Шелковый путь является для Китая важным каналом получения серебра и золота через торговлю. Во времена династии Тан появилось большое количество согдийских купцов, которых в Китае называли «Чжаоу Цзюсин», и они отвечали за внешнюю торговлю Китая через Центральную Азию. [2, 1]

Затем Арабская империя и Османская империя перекрыли сухопутный Шелковый путь. Для поддержания внутреннего экономического развития, во времена династии Мин, Морской шелковый путь процветал. Миссия Морского шелкового пути заключается в использовании китайского фарфора, чая и шелка в обмен на большое количество серебра. Некоторые китайские ученые назовут его «Серебряным путем» [3, 12]

При династии Цин, после восстановления Тайваня и победы над Джунгарским ханством, морской и сухопутный Шелковый путь пережил период процветания. Правительство Цин обменяло большое количество лошадей по сухопутному Шелковому пути и обменяло большое количество серебра по морскому Шелковому пути. [4, 104] Но в конце династии Цин, правительство боялось внешнего вторжения, поэтому проводило политику запрет морской и сухопутной торговли, и сухопутные и морские Шелковые пути были заброшены. Китай был отделен от развития мира и изолирован сам. Проводимая Китаем внешняя политика также вела к изоляции страны, а также высокомерный небесный менталитет привели к тому, что Китай стал сильно отставать от Запада.

История Шелкового пути на протяжении более 2000 лет показывает, что подъем и падение Китая тесно связаны с Шелковым путем. Когда Шелковый путь развивается стабильно, тогда и Китай всегда находится в состоянии процветания, но, когда Шелковый путь блокируется, Китай идёт к упадку. [5, 12] Это одна из важных причин, почему современный Китай предлагает инициативу «Один пояс, один путь» — Китаю необходимо поддерживать связь с миром, чтобы поддерживать собственное устойчивое и стабильное развитие.

Литература:

Питер Франкопан. Шелковый путь: Новая всемирная история//Издательство БОМБОРА. 2019

Сюй Сюя. Отношения между империей Тан и согдийцами: сосредоточимся на дань Тану//Журнал «Исследования Сию». 2015

Ван Мин. Переход от эпохи Индийского океана к эпохе Тихого океана: исследование на основе династии Мин и морского Шелкового пути//Журнал «Новый шелковый путь».2019

Цю Цзе. Экспорт шелка провинции Гуандун и морской шелковый путь во времена династии Цин//Журнал «Академические исследования».2017

Ма Лиронг. Исследования Шелкового пути: интерпретационная основа на гуманистической дипломатии Китая//Издательство «Текущие события». 2014

Культура Востока

«Главный мотив» и «три императива»: пропагандистско-просветительская работа в КНР после 2012 г.

Адамс О.Ю.

МГУ, Факультет глобальных процессов, доцент кафедры политологии Востока

oyadams_98@yahoo.com

В любой политической системе политическая коммуникация играет центральную роль в процессе целеполагания и выработки конкретных методов достижения намеченных целей, а также интернализации идеологических ориентиров. В реформенном Китае «до интернетного» периода, примерно до начала 2000-х гг., политическая коммуникация функционировала в русле традиционной для авторитарных политических систем «униполярной», однонаправленной модели пропаганды «сверху вниз». Некоторые исследователи, включая китайских, сегодня даже не называют это политической коммуникацией – явлением, предполагающим обратную связь между транслятором и реципиентом, подчеркивая, что отсутствие такой связи превращает «политическую коммуникацию» в «одностороннее распространение политической информации».

«Главный мотив» («лейтмотив») 主旋律 – термин, обозначающий идеологическое направление, задаваемое КПК в качестве сердцевины пропагандистской работы. Термин вошел в политический дискурс на национальной рабочей конференции по созданию художественных фильмов в марте 1987 г. Тогда было впервые предложено разнообразить художественные формы и образы, задействованные в идеологической работе, в соответствии с требованиями времени: традиционные формы пропаганды начали терять эффективность, одновременно бурно развивалось производство телевизионного контента. В быстро коммерциализирующейся сфере массовых развлечений КПК было необходимо сохранить ведущую роль политико-идеологического нарратива. Требовалось «подчеркнуть «лейтмотив», разнообразив художественные формы».

С распространением Интернета к задаче повышения эффективности пропагандистско-просветительской работы добавился вызов ее проведения в условиях быстрого распространения социальных сетей – альтернативных платформ обмена информацией и явления «мы-медиа» или «я-медиа» (self-media, 自媒体). Традиционная однонаправленная форма политической коммуникации, к которым относится пропаганда, окончательно ушла в прошлое. Бурно развивающиеся Интернет-технологии в сочетании с огромным числом пользователей (более 1 млрд человек в 2021 г.) превратили китайские онлайн-СМИ и социальные сети в главный способ политического информирования и коммуникации.

Традиционные СМИ тоже нашли свою нишу в Интернете, социальные сети стали важным каналом обратной связи.

Осознавая важность роли, которую играют Интернет-технологии в социально-политической жизни страны, китайское руководство неоднократно подчеркивало необходимость в полной мере задействовать их потенциал в просветительских, воспитательных усилиях, усилить их контролируемую функцию. В опубликованной в 2010 г. «Белой книге о состоянии Интернета в Китае» подчеркивается, что «Интернет предоставил народу беспрецедентное удобство и прямой канал для того, чтобы люди могли пользоваться правом на информацию, участие, выражение своего мнения и контроль. Он играет возрастающую роль, помогая правительству понять желания людей, удовлетворить их нужды и защищать интересы. Руководство Китая будет неуклонно защищать свободу слова в Интернете, которой пользуются граждане в соответствии с законом» [2].

В содержательном аспекте просветительской работы сегодня заметно стремление показать историческую преемственность и легитимность выдвигаемых нынешним руководством ценностных ориентиров. «Изначальная цель и миссия», «три императива», «опыт Фэнцяо» – все эти идеологемы уходят корнями в прошлое КНР, напоминая общественности о революционном опыте, «душевном порыве масс» и их самоотверженности в трудные годы истории КНР. Выдвигаются еще более строгие требования к партийно-государственным работникам: «три императива» (三个务必), упомянутые Си Цзиньпином в отчетном докладе XX съезду КПК в 2022 году, требуют от представителей власти «не забывать изначальную цель и ни на минуту не забывать о нашей миссии» [создания КПК] (不忘初心, 牢记使命); «быть отважными и способными к борьбе» (敢于斗争、善于斗争); а также быть «скромными, рассудительными и готовыми к трудностям борьбы» (谦虚谨慎, 艰苦奋斗). Соответствуя революционным идеалам 1950-х гг., эти требования вписываются в логику построения «неподкупного правительства», что, в свою очередь, является неотъемлемой частью курса на «управление государством на основе закона», «правительство страны на службе граждан» и т.д.

Литература:

[1]. 推动主旋律电影进步的，是时代和观众。 - 文汇报.04.08.2017 (То, что является главной движущей силой в кино – это эпоха и зритель. – Вэньхуэй бао. 04.08.2017).

[2]. 中国政府十分重视互联网的监督作用 (Китайское правительство придает большое значение надзорной роли Интернета – http://www.gov.cn/zwhd/2010-06/08/content_1622898.htm. – Дата обращения 20.02.23.

Арабская вязь в истории и пространстве

Арсанова Т.Е.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии
tat.evg.iaas@yandex.ru*

Вязь – это соединение, сплетение смежных букв в один сложный знак [1, с. 108]. Исходя из этого определения становится понятным, что речь пойдет о письменности. Письмо возникло как отражение устной речи. Его назначение не только призвано обслуживать нужды современников, но и обеспечить передачу информации от поколения к поколению.

Считается, что арабская письменность возникла в результате развития набатейского письма, которое развилось из арамейского письма на территории Nabatei во II веке до н.э. Арамейская письменность, в свою очередь, была заимствована у финикийцев. Финикийское письмо – одна из первых засвидетельствованных в истории человечества систем фонетического письма (вид письма, в котором графический знак (графема) привязан к определённом звучанию). Система появилась около XV века до н.э. и стала родоначальницей большинства современных алфавитных и некоторых других систем письма. Имела консонантный принцип, то есть для записи слов использовали только согласные звуки. Значение гласных оставляли на понимание читателя, а основанием этого понимания предполагали общий жизненный опыт всех тех, кто этой письменностью пользовался. Текст записывали справа налево. Таким образом набатейцы создали свою письменность, и она спустя века оформилась в арабское письмо. С его помощью с середины VII века н.э. начали записываться айаты Корана.

Но к началу восьмого века арабский язык еще не имел диакритических знаков, то есть точек (на письме могли быть зафиксированы только согласные, некоторые из которых писались абсолютно одинаково, а наличие точек и их расположение (над или под буквой), как сейчас, позволяло бы их различать) и огласовок (значков, которые используются для обозначения кратких гласных). В 705 году халиф ‘Абд ал-Малик провел административную реформу и реформу языка, в результате которой были введены точки и огласовки. В итоге сформировалась современная арабская письменность в том варианте, который мы видим сегодня.

Арабская письменность служит не только для целей передачи информации от поколения к поколению. Арабская письменность является основным выразительным средством одного из видов изобразительного искусства – арабской каллиграфии. Арабская каллиграфия получила особенное развитие именно в исламской культуре в силу существующего запрета на изображение Аллаха, пророка Мухаммеда и живых существ вообще (так называемого аниконизма). Искусство арабской каллиграфии особо почитается в мусульманском мире, являясь средством сохранения и распространения «божественного послания», заключённого в Коране. В 2021 году арабская каллиграфия была включена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Обращаясь к истории арабской письменности, ко времени зарождения каллиграфии, мы встречаем упоминание четырёх «первописьменностей»: маккий, маданий, басрий и куфий, названия которых происходят от места их распространения – Мекка, Медина, Басра и Куфа. В каллиграфическом письме выделяется 6 основных почерков, каждый из которых применяется для различных целей, например: как декоративный в заголовках и вывесках, в рекламе; как основа современной арабской печати; для написания судебных документов; в декоративных целях, то есть для каллиграмм – художественных произведений каллиграфов.

Отмечая, что каллиграфия считается особым видом искусства и ценится очень высоко, естественно представить использование средств письма и сами «буквы» в качестве объекта сравнения при описании героев в литературе. Носители арабской письменности воспринимают такие приемы с удовольствием, отдавая должное изысканности арабского литературного стиля.

Кроме того, каллиграфия использовалась в качестве орнамента в архитектуре. Визуальное представление арабского языка через каллиграфию считается высшим художественным достижением исламской культуры. Но со временем каллиграфия стала появляться в уличном пространстве. Это стало возможным только в первой половине 20 в. когда зародилось движение альхуруфийа. В его основу легла идея освободить каллиграфию от правил и дать возможность художникам создавать абстракции. Данное название происходит от слова «харф», т. е. буквы как основы графического элемента. Это движение создало почву для возрождения каллиграфии в новом качестве, благодаря глобализации уличного пространства.

Эволюцией таких видов искусства как каллиграфия и граффити стало направление, вызревшее в недрах альхуруфийи и получившее название каллиграффити. Оно ценится значительной частью современных обществ, что, в свою очередь, свидетельствует о гибкости каллиграфии как искусства в разных пространствах и неизменном интересе к ней на протяжении многих веков.

Литература:

[1]. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык. 1986.

[2]. Саван В., Вильчинская-Бутенко М.Э. Ремейк арабской каллиграфии: каллиграффити в пространстве города. – Научный электронный журнал Артикульт, 2021, № 43.

Феномен “Вавилонской башни” в зодчестве Востока и Запада

Зайцев В.Н.

ИСАА МГУ, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока.

zalexa93@mail.ru

И сказали они: построим себе город и башню, высотой до неба; и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли.

Бытие, 11:4.

История сосуществования и взаимодействия культур свидетельствует о том, что при всём их разнообразии и несомненной самобытности многих из них им присущи общие черты, в которых прослеживаются характерные константы и закономерности. Проявления последних наиболее заметны в объектах материальной культуры разных эпох и регионов, постоянно присутствующих в поле нашего зрения. Прежде всего это относится к архитектуре, поскольку она визуально организует пространство для обитающей в нём популяции. В бесчисленных строениях, разделённых во времени и пространстве, мы наблюдаем сходные или аналогичные материалы, строительные приёмы, пластические и композиционные решения, выбор которых в основном определяется местными природными условиями. Эти свойства, которые можно назвать *гомологическими*, присущи даже объектам, созданным культурами, чьё взаимодействие не прослежено (например, древнеегипетская и мезоамериканские).

Одним из универсальных феноменов всего мирового зодчества видится устремлённость ввысь, тяга к вертикальным доминантам. О древнем происхождении этого явления свидетельствуют как письменные источники, так и сохранившиеся памятники прошлого. Из семи античных “чудес света” три – египетские пирамиды, Фаросский маяк и Колосс Родосский – попали в это число, несомненно, из-за их высоты. Ветхозаветный сюжет о строительстве высокой башни в Вавилоне (по-видимому, отражающий практику возведения в древней Месопотамии многоярусных зиккуратов) получил широкую известность у народов Евразии в основном как символ непомерной гордыни людей, которая привела к разделению языков. Но понятие “Вавилонская башня” (ВБ/ВТ) может быть использовано и как метафорическое обозначение указанного феномена мировой архитектуры, а именно,

рукотворной вертикальной доминанты обжитого ландшафта, превосходящей по высоте все другие постройки.

Начиная с античной эпохи и вплоть до наших дней, такие высотные сооружения имели разные назначения: символические, функциональные или же те и другие одновременно. То были святилища и другие сакральные объекты (мegalиты, пирамиды и зиккураты, индуистские храмы, буддийские ступы, пагоды, церкви, соборы и колокольни, мечети и минареты); постройки оборонного и хозяйственного назначения и объекты инфраструктуры (донжоны в средневековых крепостях, т.н. “семейные” башни в средневековой Италии и на Кавказе, трансляционные и метеорологические вышки, маяки и т. п.); колоссальные статуи (Колосс Родосский, римский Sol Invictis, статуи Будды в китайском Лэшане, афганском Бамиане, Лечжун-Сасачжа в Мьянме, Статуя Свободы в Нью-Йорке, статуя Родина-мать в Волгограде, наконец, самая высокая в мире статуя – памятник Пателю в индийском штате Гуджарат). С конца XIX в. во всём мире непрерывно растут число и высота жилых и административных зданий-небоскрёбов, что превратило феномен ВБ в господствующее направление современной архитектуры и градостроительства. Из многовековой предыстории, можно сделать следующие выводы:

– Феномен ВБ был присущ зодчеству многих, если не большинства известных культур. Например, в русской архитектуре он наиболее ярко проявился в деревянных шатровых строениях, которые своими острыми силуэтами, организуя относительно плоский ландшафт среднерусской равнины, визуальным контрастом с ним подчёркивают его самобытную красоту. Эти же шатры, позднее перешедшие в каменное строительство (пример: церковь Вознесения в Коломенском) создавали неповторимые панорамы старинных русских городов. Их аналоги в готике (корни которой также, вероятно, восходят к деревянной культовой архитектуре дохристианской эпохи,) свидетельствуют о глубинном родстве культур европейских народов.

– Важнейшим импульсом к возведению высотных строений наряду с практической потребностью в них всегда было честолюбие заказчика, рассчитывавшего на повышение благодаря им своего авторитета, или, по библейскому выражению, – стремление “сделать себе имя”. Сложнейшие технические задачи, которые решались по ходу созидания таких объектов, служили мощным стимулом развития строительных технологий, которые в наши дни способствуют ускорению “гонки в небеса”.

Если пирамида Хеопса была самым высоким строением в мире (146 м) в течение 4500 лет, а в Европе соборы во Флоренции (114,5 м), Страсбурге (142 м) и Ульме (161 м) держали первенство в течение 6 столетий, то рекорд Эйфелевой башни (324 м) продержался всего 42 года до появления в 1931 г. в Нью-Йорке небоскрёба Эмпайр стейт билдинг (443 м. со шпилем). А ещё через 42 года, в 1973 г в

Чикаго был выстроен небоскрёб Сирс-тауэр высотой 442 м. (без шпиля). В соревнование включились советские зодчие и строители, которые возвели в 1969 г. Останкинскую телебашню (540 м). В течение 10 лет она была самым высоким зданием в мире и до настоящего времени остаётся им в Европе. В конце XX в. в этой гонке впервые отметились страны Азии: башни Петронас-тауэрс в малайзийском Куала-Лумпуре были самыми высокими зданиями Азии в 1998-2003 гг. Затем включился Тайвань с небоскрёбом Тайпей101 (509 м.), силуэт которого вызывает ассоциации с пагодой. В 2015 г. его превзошла Шанхайская башня (128 этажей, 632 м). К марту 2023 г. в мире насчитывалось 84 небоскрёба выше 350 м (больше всего в Китае, где, впрочем, в 2020 г. из соображений безопасности было запрещено строить здания выше 500 м). Среди них пока лидирует построенная в 2010 г. в Дубае (ОАЭ) Бурдж Халифа – 163-этажная башня высотой 828 м., самое высокое сооружение в мире. К этому следует добавить, что из всех “Вавилонских башен” нашего времени она расположена ближе всего к тому месту, где когда-то находился Вавилон.

Китайская трапеза как культурный феномен

*Кириллов А.В.*⁸

Руководитель представительства ТАСС в КНР, г. Пекин,

pekines@hotmail.com

Можно ли рассматривать питание народа как часть его культуры? Казалось бы, еда, прием «пищи насущной», скорее, относится к сфере быта, в более широком смысле – к сфере экономики: что едят, сколько, достаточно ли производят и т.д. Однако нас интересует трапеза как этнокультурный комплекс, т. е. как относятся к питанию, в чем особенность национального стола и как это отношение менялось на протяжении веков. В этом плане мы можем с легкостью назвать характерные приметы кулинарии французской, немецкой, итальянской, русской. Хотя нередко здесь преобладают сложившиеся в общественном сознании стереотипы, которые лишь отчасти соответствуют действительному положению. Так, при мысли о немецкой еде на ум приходят пиво и сосиски, колбаски, французской – сыр, вино, круассаны и лягушки с улитками. Итальянцы едят пасту и пиццу, русская еда в восприятии иностранцев включает блины, икру и водку. Китайцы, кстати, при вопросе о русском столе непременно вспомнят борщ и салат «Оливье». В свою очередь, если спросить, среднестатистического россиянина, как он представляет себе китайскую кухню, то он ответит

⁸ Автор книги «Кормление дракона. Тайны китайской кухни (2021 г.), в переводе на китайский язык "Моя любимая китайская еда" (2023).

что китайцы потребляют в основном рис, овощи и не брезгают всякими «таракашками». Реальная картина всегда богаче. В особенности, когда речь идет о трапезе такого древнего, богатого традициями народа, как китайский.

1. Из-за многочисленности китайского населения, которому почти всегда не хватало пищи, в Поднебесной сложился своеобразный культ еды, поэтому до сих пор в деревнях люди приветствуют друг друга фразой «Ни чифаньла ма», что значит «Ты поел?».

2. Китайская трапеза необыкновенно богата и разнообразна, отличаясь как от региона к региону, так и в плане социальной стратификации. При этом постоянно происходили перемещения популярных блюд, как из одних частей страны в другие, так и по социальной лестнице. Простонародное кушанье могло оказаться и на императорском столе.

3. На характерные особенности региональных кухонь влияли, в частности, природные факторы. В приморских районах распространен «хайвэй» – пицца морского происхождения, а во внутренних провинциях преобладает мучная пища.

4. Китайская еда трансформировалась также под воздействием внешних влияний. Традиционно китайской считается, к примеру, лапша, которая пришла в страну, скорее всего, по Шелковому пути. Большие вопросы вызывает происхождение пельменей.

5. Происходило и постоянное обновление национального стола за счет творчества поваров. Скажем, характерные для сычуаньской кухни «гунбао цзидин» («курица с орешками») и «мапо доуфу» («соевый творог конопатой тетушки») возникли только во второй половине XIX века, примерно в то же время появились разнообразные «гоубули» – особые пельмешки с разнообразной начинкой, с которых начинается день жителя северного Тяньцзиня.

6. Кстати, китайская кулинарная терминология плохо переводится на русский язык. Например, «баоцзы» называют и пельмешками, и пирожками из тонкого теста на пару. В московском ресторанном обиходе они фигурируют под названием «бао».

7. При всем разнообразии региональной кулинарии все же сформировались и общенациональные черты, которые позволяют говорить о еде китайской. Но и здесь мы обращаем внимание, опять-таки, на способы потребления еды: китайцы едят палочками и постоянно пьют чай.

8. О китайской кулинарии как тесно связанной с китайской культурой мы также говорим, когда вспоминаем о знаменитых блюдах, авторами которых были литераторы или государственные деятели. Например, Су Дунпо известен не только своими стихами, но и жирной свиной «дунпо коужоу».

9. В наши дни китайский стол быстро меняется под воздействием, опять-таки, внешних влияний и «идеологических» факторов. Из-за принятого закона об охране диких

животных со стола исчезли змеи, бамбуковые крысы, панголины, ранее почитавшиеся не столько за питательность, сколько за свои лечебные качества. Еда как лекарство – отдельная тема.

10. Китайский стол в его торжественной подаче не только разнообразен, но и красив. Мы можем говорить о его особой поэтике. Это неременный элемент китайской дипломатии. В этом плане вспоминаются кулинарные экскурсии, которые устраивают друг для друга российский и китайский лидеры. И это правильно: без познания кухни невозможно говорить о более глубоком понимании народа и его специфики.

***Мэйбуцу-гирэ* - именные узоры на тканях в традиции «Пути Чая»**

Кудряшова А.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

nasubi.kalavinka@gmail.com

В традиции *Тяною* – японском чайном искусстве широко используются различные виды тканей с узорами, имеющими богатую и давнюю историю. Сфера использования тканей достаточно широка: это и мешочки-оплетки *сифуку* для чайной утвари, и салфетки *кобукуса* из плотной ткани, на которые ставят чаши, и салфетки *фукуса* из шелковой однотонной ткани для использования в самой процедуре приготовления чая. Свиток с дзэнскими изречениями, стихами или картинами, который можно видеть в нише *токонома* в чайной комнате, также содержит в себе элементы, сделанные из ткани. Среди них можно видеть и шелк, и парчу, и даже золотое или серебряное шитье.

Роль ткани в чайном действе достаточно значима и, по большому счету, сводится к двум основным целям. Первая цель – чисто утилитарная: уберечь хрупкую и ценную утварь от возможных повреждений (трещин, сколов), как можно бережнее сохранить ее. Особо ценные чаши и чайницы хранятся в деревянных ларцах, будучи упакованы в специальные мешочки-оплетки, сшитые вручную по специальным лекалам. При подаче таких чаш во время самой церемонии их ставят на плотные салфетки *кобукуса*, чтобы предотвратить повреждения и подчеркнуть их особую ценность. Вторая цель – эстетико-художественная. Она заключается в том, чтобы дать возможность гостю полюбоваться на произведение искусства из ткани, взять его в руки, осязая его, получив удовольствие от прямого «общения» с этим предметом.

Основные типы тканей в искусстве *Тяною* имеют следующие наименования: *кинран*, *гинран*, *донсу*, *нисики*, *канто*., *фу:цу*., *сё:ха*, *мо:ру*, *сараса*. Они отличаются способом ткачества, направлением ниток основы и утка, использованием шелковых, золотых или

серебряных нитей. Большинство из них относится к «именным тканям» (дословно *мэйбуцу-гирэ*), то есть имеют узор, за которым закреплено определенное историческое название, и считаются особо ценными артефактами. Большинство тканей *мэйбуцу-гирэ* пришли в Японию из Китая, стран Юго-Восточной Азии или из Европы в 12-16 вв. (начиная с эпохи Камакура вплоть до эпохи Эдо). Они имеют четко выраженный рисунок, представляя собой либо орнамент из цветов, листьев, животных, фигурок людей, геометрических узоров (круг, ромб, квадрат, треугольник, полосы, решетка) [1, с. 33].

Наиболее известны и ценятся особенно высоко такие именные узоры, как: *Араисо-донсу*, *Сасадзуру-донсу*, *Футаэдзуру-ботан-каракуса-кинран*, *Аоки-канто*., *Итоя-фу:цу:*, *Компару-кинран*, *Бо:ё:-донсу*, *Арисугава-нисики*, *Футари-Сидзука-кинран*, *Дзюко:-донсу* и многие другие [3, с. 66]. Всего насчитывается около двух сотен наименований *мэйбуцу-гирэ*. Многие из них получили свои названия из простого описания рисунка. Например, название *Футаэдзуру-ботан-каракуса-кинран* можно перевести как «золотое шитье с узором двойной лозы, пионами и китайскими травами». Другие названы по имени владельца или торгового дома. Например, *Итоя-фу:цу:* (плотная ткань с изображением белого кольца на сером фоне с поперечным плетением) – по имени Итоя Со:ю:, ученика Сэн-но Рикю (1522-1591). Именная ткань *Дзюко:-донсу* названа по имени знаменитого чайного патриарха Мурата Дзюко (1422-1502). На ней изображен узор «цветы, китайские травы и дракон с тремя когтями». В рисунке золотой парчи «*Футари-Сидзука-кинран*» использован мотив одежды актеров японского театра Но для пьесы «Футари Сидзука» («Две Сидзуки») [2, с. 19].

Знание наименования, особенностей шитья и рисунка, истории, стоящей за тем или иным именным узором, совершенно необходимо чайному мастеру во время проведения чайного действия. Общаясь с гостями, хозяин делится информацией об именном узоре на ткани для чайной утвари, отвечает на вопросы, дает пояснения. Гости, в свою очередь, помимо съедобных угощений, чая и сладостей, наслаждаются беседой с хозяином, получая эстетическое удовольствие от особого «угощения» в виде возможности прикоснуться к редким художественным артефактам. Большинство современных тканей *мэйбуцу-гирэ* представляют собой копии старинных образцов, полностью повторяющих рисунок на оригинале, однако в ряде случаев на особо значимых чайных встречах гостям предоставляется возможность полюбоваться на оригинальные шедевры, имеющие более чем двухсот или трехсотлетнюю историю.

Литература:

[1] *Мэйбуцу-гирэ* хандобукку (Путеводитель по миру именных тканей). – Киото: Танко:ся, 2013. 183 с.

[2] *Нагаи Юрико*. Сифуку о цукуру. Тяки но фукуромоно (Как пошить сифуку. Мешочки-оплетки для чайниц). – Токио: Нитибо:-сюппанся, 1995. 115 с.

[3] *Цутида Ю:ко*. О-тя но кирэдзи. Нью:мон (Ткани для Пути Чая. Вводный курс). – Киото: Танко:ся, 1996. 156 с.

Роль культуры в Инициативе «Один пояс, один путь»: традиции или мягкая сила?

Кузнецова В.В.

ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры мировой экономики и управления

внешнеэкономической деятельностью

vkuz_55@mail.ru

Китайские традиционные представления и культура играют важную роль в реализации Инициативы «Один пояс, один путь» (далее – Инициатива), являясь идейным обоснованием, важным направлением ее проектов и, возможно, одной из приоритетных целей – формирование общего культурного пространства «Пояса, пути» или «Цивилизации Пояса, пути».

1. Официально провозглашаемые КНР фундаментальные ценности Инициативы [а) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности стран-участниц; б) взаимная неагрессивность; в) невмешательство во внутренние дела друг друга; г) равенство и взаимная выгода; д) мирное сосуществование] уходят корнями в традиционные китайские философские представления и многовековую деловую этику. На протяжении всей истории в Китае противоположные и разнородные элементы философских представлений и культуры (конфуцианство, буддизм и даосизм) объединялись и образовывали общее философско-культурное пространство. На протяжении более 2500 лет китайская культура основывалась на их общих категориях: любить мир, стремиться к спокойной жизни и гармонии, уважать природу, избегать крайностей, не участвовать в межэтнических и религиозных войнах, уважать государство и правительство и т.д.

2. Традиционные представления о гармонии, включающие положения конфуцианства, даосизма и буддизма, применительно к современным условиям можно интерпретировать как идеологическую концепцию добросовестности, согласия, миролюбия и мягкости [1, с.10]. Китайское восприятие положений конфуцианства, даосизма и буддизма делает возможной идею одной цивилизации, реализация которой зависит от взаимности и динамики «бесконечной игры» стран-участниц, стратегически взаимодействующих для достижения своих идеальных результатов.

3. Китай активно использует культурную дипломатию, в которой аспекты культуры (культурные обмены, обучение китайскому языку, выставки) выступают в качестве инструмента «мягкой силы». Растущая популярность и расширяющееся международное признание китайской культуры и традиций уже показывают эффективность политики, нацеленной на изменение глобального восприятия страны как жесткого торгового конкурента на стратега мягкой силы и проводника дружелюбной дипломатии [2, с.103]. Рост осведомленности стран-участниц Инициативы о китайских культурных традициях способствует распространению и продвижению идей построения гармоничного общества, наряду с удовлетворением текущих экономических интересов.

4. В ареале Инициативы расположены страны с разными культурными традициями и стилями общения, что зачастую подрывает партнерские отношения, упор на которые неизменно делает КНР. Как показывает практика реализации ряда проектов Инициативы, например, в Индонезии [3, с.105], Шри-Ланке, Пакистане, именно культурные и религиозные различия становятся серьезными барьерами продвижения гармоничного развития и общей выгоды.

5. Инициатива изначально предполагала многовариантность возможных взаимодействий между странами-участницами, использование наследия прошлого как средства создания конкурентных преимуществ во все более сетевой китаецентричной экономике.

Литература:

- [1]. *Asif M., Ling Yang Bo.* Belt and Road Initiative: A Spirit of Chinese Cultural Thought // International Journal of Business and Management, 2018, Vol. 13, № 12, p.9-17.
- [2]. *Sterling D.P.* A New Era in Cultural Diplomacy: Promoting the Image of China's "Belt and Road" Initiative in Asia // Open Journal of Social Sciences, 2018, № 6, p. 102-116.
- [3]. *Yuniarto R.* Opportunities and Challenges of Socio-Cultural Cooperation in China's Belt and Road Initiative in Indonesia // Jurnal Hubungan Internasional ((Journal of International Relations), Oct. 2020 – March 2021, Vol. 9, № 2, p. 98-111. URL.: <https://journal.umy.ac.id/index.php/jhi/article/view/8232>.

Социальная стратификация и культурные различия в современном Китае

Машкина О.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии

mashkina@iaas.msu.ru

1. Социальная дифференциация и мобильность в КНР за последние 30 лет представляют собой процесс драматических социальных изменений, которых ни одна другая страна или регион не переживали за столь короткий промежуток времени. Вслед за постепенным ослаблением системы жесткой постоянной прописки и расширением возможности перемещения людей и капитала, в китайском обществе набирает темпы процесс миграции из внутренних регионов в приморские районы, из малых и средних городов в мегаполисы, из деревень и сельских поселков в уездные города.

2. Трансформация структуры китайского общества сопровождается сменой социального статуса его членов при переходе из крестьян в разряд промышленных рабочих, от низших "синих воротничков" к рабочим среднего и высокого уровня, от менеджеров низкого уровня к менеджерам среднего и высокого класса, от наемных работников в разряд самозанятых и работодателей.

3. Современный социолог Лу Сюэи в качестве критериев стратификации в современном китайском обществе использует классификацию профессий вкупе с такими дополнительными показателями, как владение организационными, экономическими и культурными ресурсами. Он делит нынешнее китайское общество на следующие страты: (1) управленцев в государственном и общественном секторах; (2) менеджеров; (3) владельцев частных предприятий; (4) специалистов и технический персонал; (5) офисных клерков; (6) индивидуальных промышленно-торговых предпринимателей; (7) персонал сферы услуг и торговли; (8) промышленные рабочие; (9) сельскохозяйственные рабочие; (10) незанятые в городе и деревне, полностью и частично безработные [2, с.11].

4. Интересы и запросы различных социальных слоев и групп продолжают непрерывно эволюционировать, становятся все более многообразными. Усиливающийся приток трудовых мигрантов и новой рабочей силы в мегаполисы и развитый восточный регион, с одной стороны, создает новый импульс их ускоренному дальнейшему развитию. С другой стороны, он порождает ряд социально-культурных дисбалансов, воздействует на образ жизни, привычки и интересы граждан. Одно из проявлений дисбалансов – стремление местных жителей отгородиться от мигрантов и тех, кто не вписывается в привычный образ жизни местного сообщества, что находит отражение в формировании пространственно-замкнутых сообществ, отделенных от «чужих» пропускным режимом, заборами, стенами и пр. Одновременно и внутри общего жилого пространства развиваются процессы социальной дифференциации. В последнее время сходные процессы наблюдаются в производственных коллективах, а также в сферах потребления и развлечений.

5. Отгороженность в социальном и пространственном плане в свою очередь приводит к ментальной и психологической отчужденности людей, относящихся к различным слоям китайского

населения. Психологическая сегрегация может привести к обострению социальных противоречий и конфликтов. А это в свою очередь ставит под угрозу социальную гармонию, которая является одной из важнейших традиционных ценностей китайской культуры.

6. Возникающий дисбаланс интересов различных слоев населения, относящихся к доиндустриальному, индустриальному и постиндустриальному обществу, обуславливают настоятельную необходимость разработки новых механизмов усиления национальной интеграции, в том числе, через культурную идентификацию и вовлеченность в совместное творчество жизни. В этой связи особую актуальность приобретает поиск ответов на ряд вопросов: какие факторы будут способствовать вовлеченности представителей разных слоев в творческую деятельность в социальном секторе? Каким образом сети социальной поддержки могут способствовать социальной и культурной интеграции маргинальных слоев общества? Как обеспечивается равный доступ к ресурсам личностного развития и культурным благам? Эти вопросы носят универсальный характер и актуальны в том числе и для нашей страны [1].

7. Одним из наиболее эффективным механизмов смягчения формирующихся дисбалансов представляется использование культурной координации для воздействия на восприятие и действия людей, их ценностные представления и нормы поведения. Этим обусловлено то огромное внимание, которое в последние годы китайское руководство уделяет нравственному воспитанию и продвижению традиционных норм китайской культуры в школах и вузах.

8. В последние годы китайская традиционная культура находит яркое воплощение в массовой культуре развлечений, через которую КНР продвигает свои традиционные ценности и национальные приоритеты не только внутри страны, но и за рубежом.

Литература:

[1]. Бузгалин А. В. Творческий человек в экономике будущего. // Экономическое возрождение России. 2022. № 1(71), с. 48-55.

[2]. Zhang Wenhong. Social Stratification and Class Harmony in Contemporary China. – Beijing: Social Science Literature Press. 2021, Pp.460. – на кит. яз.

Традиционная китайская культура в современном искусстве анимации

Мяо Чунь

ИСАА МГУ им. Ломоносова, ст. преподаватель кафедры китайской филологии

miaochun16@gmail.com

В настоящее время в Китае усиливается интерес общества к истокам традиционной народной культуры и это является фактором сохранения идентичности народа, защиты его самобытности и уникальности в глобальном мире. В этом плане актуальны анимационные проекты, в фокусе внимания которых находятся собственно традиционно-народные ценности. Созданный в 1960-х гг. мультфильм «Где наша мама» интересен своей живописностью и мастерством "оживления" рисунков гохуа, выполненных в стиле великого китайского художника Ци Байши. Иероглифы 国画 в переводе означают «живопись страны», или «китайская живопись». Другой мультфильм «Муди» можно воспринимать как "окно" в мир традиционной китайской культуры, где интегрированы живопись и национальная музыка. Можно сказать, что появление мультфильмов в стиле китайской живописи стало кульминацией в развитии китайской анимации. В 1988 г. появляется главный шедевр анимационного искусства: "Впечатления от гор и вод". К живописи гохуа и традиционной музыке, автор добавляет еще один элемент национальной культуры – древнекитайскую мудрость. Сочетание этих трех элементов, по мнению критиков, получилось истинно гениальным [1].

Содержание и персонажи китайской анимации черпаются из классических сюжетов китайских классических романов, мифов и легенд, народных сказок и пр. Например, в классическом китайском романе "Путешествие на Запад" переплетены буддийская и даосская мифология. Мифический персонаж Король обезьян лег в основу мультфильма «Переполох в Небесных чертогах» (часть 1-2) в 1961 г. и 1964 г. и стал классикой в истории китайской анимации. В конце 1970-х гг. вышла еще одна анимационная работа, имеющая важное историко-культурологическое значение, это – «Нэчжа Наохай» (Начжа покоряет морского дракона).

На протяжении всего развития анимационного искусства в мире «китайские элементы» использовались в анимации многих стран, в первую очередь, в США и Японии. Например, мультфильмы «Мулан» и «Кунг-фу Панда» насыщены китайской спецификой и несут в себе элементы богатой китайской культуры. «Кунг-фу Панда» использует панду и китайское боевое искусство кунг-фу в качестве основной линии сюжета. Однако сюжет «Кунг-фу Панда» о секретах кунг-фу отличается от философии традиционных китайских боевых искусств, потому что в китайских боевых искусствах придается особое значение институту наставников и учеников, наследованию и постижению мастерства и секретов учителей.

Китайское классическое произведение – написанная в VI в. поэма «Песнь о Мулань» была преобразована компанией Дисней в анимационный фильм «Мулан». Фильм демонстрирует нам западные культурные ценности, которые отличаются от ценностей

традиционной китайской культуры. В диснеевской версии стремление Мулан к самоидентификации – лейтмотив сюжета. Этот «акцент на личности» присущ именно западной культуре и лежит в основе западных цивилизационных ценностей и критериев общественного развития, а традиционное китайское конфуцианское общество делает упор на ином типе человеческих отношений. Система ценностных ориентаций формирует национальное сознание. Китайское общество отмечает ценность связей и группового начала в общественном устройстве и повседневной жизни, чтобы сформировать неразрывное целое индивида и группы, поэтому индивидуум должен поддерживать отношения между собой и группой путем проявления абсолютной верности и послушания, следовать определённым догмами и критериям.

В национальной культуре, которая по определению известного нидерландского социолога Г. Хофстеде имеет структуру «луковицы», внутренний слой, его ядро – это ценности, а внешний слой – символы, поэтому наиболее зримой культурной формой национальной группы является интуитивный символ. Китайская анимация является не только основным источником национальной культурной идентичности, но и одной из главных сил в формировании и распространении национального образа мышления и ценностей, формирования национальной самоидентификации в условиях мировой глобализации.

Литература:

[1] 孙立军. 中国动画百年：技术与艺术的对话，文化与审美的交响. - 潇湘晨报 01.08.2022 (Сунь Лицзюнь. Сто лет китайской анимации: диалог технологий и искусства, симфония культуры и эстетики. – Сяоян Чэньбао. 01.08.2022).

Культурный фактор в принятии политических решений в Японии

Романова И.А.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономгеографии стран Азии и Африки
ira.lambi@yandex.ru, iaromanova@iaas.msu.ru*

Процесс и механизмы принятия решений органами государственной власти в Японии пронизывают специфические черты ее политической культуры. В Японии существуют определенные традиционные нормы и стандарты, формирующие способы принятия политических решений.

Прежде всего нужно отметить, что модель принятия политических решений в Японии построена по **патерналистскому принципу**. То есть, между вышестоящими и нижестоящими лицами, принимающими решения, формируются отношения, близкие к семейным: старшие члены семьи берут под защиту младших. «Младшие» же, выполняя большую часть работы по

принятию решений, стремятся всяческим образом продемонстрировать свою верность «старшим», принимая решения, отвечающие интересам и ожиданиям последних [2]. При этом нужно отметить, что уровень информационного обмена между вышестоящими и нижестоящими лицами высокий.

Принятие решений в Японии происходит по **линейной модели**. Существует четкая иерархическая вертикаль: министерство (*сё*), департамент (*кёку*), сектор (*ка*). Каждое ведомство обладает высокой степенью управленческой самостоятельности. Часто интересы и мнения между структурными единицами не совпадают, что приводит к возможности возникновения конфликтов. Как уже было упомянуто, большую часть работы по принятию решений выполняют нижестоящие лица. При линейной модели в такой роли выступает сектор (*ка*). Этот орган занимается документально-процессуальным оформлением проекта решения и координацией процесса его дальнейшего согласования. Нормативных документов, которые бы регламентировали распределение обязанностей между сотрудниками, в секторе нет, поэтому ответственность за подготовку решений внутри сектора размывается. Эта особенность политической культуры Японии получила название «**синдрома больших комнат**». Суть заключается в следующем: все члены одного подразделения работают в одном помещении, включая руководителя, у которого тоже нет собственного кабинета, и вся документация находится в свободном доступе для всех. В таких условиях ответственность за подготовку решений несет весь коллектив [1, р.37]. В целях поддержания **гармонии** (*ва*), что является важной особенностью японской традиционной культуры, члены одного подразделения предпочитают высказывать не субъективную оценку, а ту, что была согласована в ходе консультаций всем коллективом. Далее проект решения поднимается в другие структурные единицы – департамент (*кёку*) и министерство (*сё*). При этом, при линейной модели нет ярко выраженного звена, принимающего решение. Алгоритм принятия решений по такой схеме обеспечивается системой **ринги**. Дословно этот термин можно перевести как утверждение проекта через круговой письменный опрос всех ответственных лиц. *Ринги* – это механизм, при котором проект решения последовательно проходит через различные министерства и иные структурные подразделения. С помощью *ринги* обеспечивается коллегиальность принимаемого решения.

Наряду с *ринги* в японской политической культуре существует еще один механизм, обеспечивающий консолидацию мнений – **нэмаваси**. *Нэмаваси* переводится с японского языка как «окучивание корней» и означает обязательность неформального согласования мнений всех причастных лиц и организаций в целях принятия приемлемого для большинства компромиссного решения, а также во избежание противоречивости проекта решения. Целью *нэмаваси* является не только достижение консенсуса, но и внушение всем ощущения

сопричастности к процессу принятия решения и поддержания духа корпоративной солидарности.

Для японского способа принятия решений также характерно так называемое **закулисное маневрирование**. Политические решения в Японии, как правило, принимаются лидерами парламентских фракций в ходе консультаций с представителями политической элиты и деловых кругов не на официальных мероприятиях, а «за кулисами», где-нибудь в ресторанах или местах отдыха, а затем уже формально подтверждаются голосованием в парламенте или правительством. Закулисное маневрирование в Японии так же освящено традициями постоянного поиска консенсуса, стремлением избежать явных противоречий и конфликтов.

Таким образом, особенности политической культуры, в основе которой лежат черты национального менталитета, играют значимую роль в процессе формирования и принятия политических решений в современной Японии.

Литература:

- [1] *Democracy in Japan* / ed. by T. Ishida, E. Krauss, University of Pittsburgh Press, 1990.
- [2] *Doi Takeo. The Anatomy of Dependence*. London: Kodansha Europe, 1978.

Современная китайская молодежь: тренды и субкультуры

Сергеева А.А.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, с.н.с. кафедры китайской филологии
unanimity-sa@hotmail.com*

Современная китайская молодежная субкультура стала активно формироваться на рубеже XX-XXI вв. в связи со значительными трансформационными социально-политическими и культурными процессами в КНР. Большинство рассматриваемых новых трендов наметились в начале 2000-х гг. В рамках данной формы организации молодежь решает для себя проблему самоидентификации, выбора модели поведения, ценностей и вариантов решения жизненных проблем. Для кого-то это – одна из форм протеста против установленного образа жизни, опеки со стороны старших, иногда это – своего рода неудовлетворенность мейнстримом, попытка его деконструкции, преобразования. В последние годы молодежной субкультуре в Китае уделяется гораздо больше внимания, поскольку молодежь (около 28% населения) представляет собой индикатор состояния общества и определяет тенденцию и потенциал социума, а также повышенное внимание

связано с усилением идеологического контроля со стороны КПК. Молодое поколение Китая формируется в эпоху новых глобализационных процессов, нестабильности и противоречивости, в условиях трансформации традиционных социальных институтов воспитания и обучения.

Китайскими исследователями выделяется до нескольких десятков (от 10 до 72) видов молодежных субкультур, перечислим основные из них: любители музыкальных направлений техно, рэп, брэйк-данс, инди-культура «сяо цинсинь», «культура траура» или «паралич Гэ Ю», «буддийская молодежь» или «созерцатели», поклонники стиля традиционной одежды ханьфу движение «ницигэнь» или косплэй, готы, «люди общества», «вкус земли» или «низший класс», «дьявольские видео», уличная мода, «шаматэ», граффити или «туя», «эгао», «дяосы» или «неудачники» и др.[1, 2].

Характерной чертой данных субкультур является их урбанистический характер. Основой для формирования послужили иностранные субкультуры, которые претерпели процесс отбора, «коллажа», локализации, приобретая национальные особенности. Не получили дальнейшего развития в Китае фанатская культура и культура «цзу‘ань» из-за агрессивного поведения и нецензурной речи их представителей. Большая часть представленных субкультур носит развлекательный, потребительский характер. Члены молодежных сообществ связаны, прежде всего, интернет-коммуникацией, однако существует и обратный процесс – желание встречаться в формате оффлайн, выход и уединение «на природе, в сельской среде». Мощным импульсом для дальнейшего развития являются продолжающиеся процессы модернизации, интеграция китайской культуры в мировое культурное пространство [3].

Литература:

- [1] *Чжунго* циннянь ван (Официальный государственный сайт «Молодежь Китая») [Электронный ресурс]- <https://www.youth.cn/>
- [2] *Китайские* молодежные субкультуры и тренды. [Электронный ресурс]- <https://ekd.me/2020/03/kitajskie-molodezhnye-subkultury-i-trendy/>
- [3] *Котельникова Н.Н.* «Молодежные субкультуры в медиаурбанистическом пространстве современного китайского города» [Электронный ресурс] - [molodezhnye-subkultury-v-mediaurbanisticheskom-prostranstve-sovremennogo-kitayskogo-goroda \(1\).pdf](#)

Культурный код в фильмах Чжан Имоу: интерпретация традиционной китайской культуры и современной идеологии

Юй Цзе

В период каникул по случаю Праздника весны – с 21 по 27 января – новая лента режиссера Чжана Имоу «Полноводная красная река» («*满江红*») стала самым кассовым фильмом в китайском прокате, собрав 2,7 млрд. юаней, или 39% от общего объема проката. Новый успех режиссера вновь свидетельствует о его широкой популярности в КНР и за ее пределами. В влиятельной российской газете «Известия» 7 марта 2019 г. было написано: «Чжан Имоу для всего мира – главный представитель китайского кинематографа. ... лучшие актеры мечтают сыграть у него хотя бы маленькую роль». Феноменальная всемирная известность китайского кинорежиссера заслуживает пристального внимания исследователей из разных стран. В этой статье мы также предпримем попытку проанализировать феномен популярности Чжана Имоу, рассматривая его кинокартины как текст культуры. Как и любой другой национально и культурно обусловленный, обладающий социально значимым дискурсом текст, кинотекст создается с помощью знаков и знаковых систем, содержащих разного рода коды: визуальный, кинетический, вербальный, аудиальный, идеологический и др. Они предназначены как для кодирования, так и сохранения, передачи и дешифровки культурной информации, доступной определенному национальному сообществу и потенциальной аудитории. Участвуя в создании образности языка кинодискурса, эти культурные коды дают о себе знать и выполняют разные функции в зависимости от аудитории.

Для китайской аудитории фильмы Чжана Имоу предназначены прежде всего для национально-культурной идентификации современного китайского общества в условиях глобализации и вестернизации, нарастающей с середины 1980-х гг. Для ранних работ Чжана Имоу, представленных «Красной трилогией» («Красный гаолян» («*红高粱*», 1987), «Цзюй Доу» («*菊豆*», 1990), «Зажги красный фонарь» («*大红灯笼高高挂*», 1991) лейтмотивом стали приобщение к традиционной и фольклорной форме китайской культуры, поиск и сохранение системы ключевых национально-культурных ценностей, цементирующих китайскую цивилизацию в течение более двух тысяч лет. Неудивительно, что на его кинокадрах этого периода запечатлены типичные образы китайского народного жилища (глиняные или кирпичные дома, соединенные квадратными дворами с высокими, толстыми стенами *四合院*), мастерские кустарного производства национальной продукции, утварь бытовой жизни. Красочно созданные кинотропы с помощью яркого цветового кода (традиционно любимый китайцами красный цвет и темно-синий цвет, символизирующий власть мужчины над женщиной) направлены на выявление противоречий между сильными и слабыми, иерархическим обществом и одиноким индивидом, на выражение надежды и отчаяния простых людей, подавленных ортодоксальной конфуцианской и

чиновничьей системой ценностей. Такая социальная и идеологическая установка гарантировала успех молодому режиссеру на раннем этапе его профессиональной деятельности.

В последующих работах Чжан Имоу традиционная культура остается главной темой кинодискурса, но она направлена на реализацию разных стратегий в зависимости от аудитории – китайской или зарубежной. В качестве примеров можно привести две картины «Герой» («英雄», 2002) и «Полноводная красная река» («满江红», 2023). В обоих фильмах, снятых в жанре Уся, усиленно использованы графический и вербальный коды китайского языка. В первой работе этот подход дает о себе знать в виде искусства иероглифической каллиграфии. Через этот код, являющийся знаком определенного метаязыка китайского текста, транслируется устойчивость китайских национальных ценностей: гуманность, гармония, терпеливость, стремление к «золотой середине» и постоянному изменению. Во второй работе акцент сделан на вербальный код – стихотворение «Полноводная красная река» («满江红»), написанное Юэ Фэй (1103-1141), полководцем и национальным героем династии Южной Сун. Это стихотворение почти тысячу лет выступает символом преданности Родине, любви к национальным героям и ненависти к инородным захватчикам.

В условиях сегодняшней глобальной конкуренции озвученная Чжан Имоу идеология соответствует государственной культурной политике, что объясняет общий позитивный резонанс, вызванный этой лентой в КНР. При этом следует отметить, что графический и вербальный код в кинодискурсе Чжана Имоу для зарубежной аудитории работает иначе. Языковые коды с помощью аудиальных и визуальных приемов создают образы иной культуры, структурируют ожидания и представления иностранной аудитории о загадочной, древней и вечно свойственной китайской культуре субстанции. Иероглифы на свитках, будучи для зарубежных зрителей многозначными символами чужой цивилизации, в первую очередь призваны вызвать внешнее удивление и восхищение и не рассчитаны на углубленное понимание сути закодированной традиционной китайской культуры. Для зарубежной аудитории за кинотворчеством Чжана Имоу закреплена задача пропагандировать славную китайскую историю и официальную идеологию, продвигать имидж дружественного, благонамеренного, процветающего Китая.

Ломоносоведение в Китае: состояние и перспективы развития

Ван Цзиньлин

Чанчуньский университет, профессор, директор института иностранных языков (КНР),

elizaveta@163.com

В Китае большое внимание на труды М.В. Ломоносова, российского и мирового гения, выдающегося ученого, начали обращать только после образования Нового Китая. Первые публикации об ученом в КНР появились в 1951 г. Путем сплошной выборки китайских публикаций в самом популярном китайском поисковом сайте «Байду» на слово «Ломоносов» мы получили 763 результата. Как оказалось, многие опубликованные статьи касались событий, связанных с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, а также конкурсов по разным дисциплинам наук, именуемым в честь ученого. Публикаций, посвященных самому М.Ломоносову, обнаружилось всего 64. Среди них 28 статей посвящены его биографии, годам учебы и успехам в процессе обучения, 22 статьи о его открытиях и достижениях в естественных науках, 9 статей, посвящены исследованию вопросов, связанных с языковыми, литературными и философскими проблемами в истории русской филологии, 5 статей – о достижениях М.В. Ломоносова в области педагогических наук.

Что касается жанров статей, то большинство из них являются научно-популярными текстами ознакомительного характера. Многие публикации посвящены рассказу о его настойчивости в преодолении трудностей в процессе учебы и его открытиях в разных отраслях науки. Хочется подчеркнуть, что эта черта характера русского ученого особенно ценна с точки зрения китайской традиционной культуры, в которой способности и достижения людей, независимо от их статуса, являются залогом их жизненного успеха. Публикации о жизненном пути и годах учебы Ломоносова, хотя и имеют в основном повествовательный характер, но, что характерно для китайской культуры, преследуют дидактическую цель нравственного воспитания китайских школьников путем поиска ответа на вопрос: «как закаляться и как стать ученым и патриотом своей страны?». Научно-популярные тексты в основном публиковались в учебных журналах, которые в свою очередь имеют цель популяризации общенаучных знаний среди китайских школьников. Эти публикации как правило, являются переводными текстами с русского языка. В области изучения российской педагогики китайские ученые в основном ограничивались представлением о вкладе М.В. Ломоносова в развитие образование в качестве одного из основателей Московского университета.

Среди исследований о вкладе великого ученого в формирование русского языка, опубликованных в КНР, три статьи освещают вопросы классической риторической теории, теории стилей и стилистики на лексическом и грамматическом уровнях. В КНР также опубликованы три статьи, посвященные лингвофилософским аспектам теории М.В. Ломоносова. В этих статьях авторы указывали, что «Российская грамматика» Ломоносова играла важную роль в формировании общенационального русского язык и оказала существенное влияние на становление российской лингвистики.

Переводческое ломоносововедение в Китае до недавнего времени было представлено лишь в двух публикациях перевода известным китайским переводчиком Ян Кайсянем двух поэтических произведений М.В. Ломоносова: «Вечернее размышление о Божием Величестве» и «Утреннее размышление о Божием Величестве». Эти два стихотворения остаются единственными опубликованными в КНР переводами поэтических произведений М.В. Ломоносова. Тем знаменательнее, что на состоявшейся в 2021 г. в Северном Арктическом федеральном университете (САФУ) научной конференции, посвященной 310-летию М.В. Ломоносова, дан старт новому проекту по переводу поэзии М. В. Ломоносова на китайский язык. Китайский лектор САФУ Сунь Янань перевела часть «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

На данный момент в Китае недооценены взгляды Ломоносова на переводоведение и опыт его перевода литературных произведений.. В этом мы видим возможность и актуальность исследования творчества М.В. Ломоносова в Китае в качестве стимула развития культурного взаимодействия между нашими двумя странами. На наш взгляд, аналитический метод и сравнительное изучение грамматики Ломоносова и истории стилистики русского языка имеют особое значение в рамках подготовки высококачественных русистов.

Теория и практика управления на основе закона в контексте традиционной китайской культуры

Сун Лэй

*Пекинский Политехнический Институт (Университет ППИ), доцент Института марксизма
759220970@qq.com*

В древней китайской философии управления мы находим такие категории, как «человеколюбие и почтение к старшим», «единство ритуала и закона», «главное – добро, кара – второстепенна». Важное значение взаимосвязи власти и народа прослеживается и в «теории воды и лодки»: «вода может как нести лодку, так и опрокинуть её». Еще в период до легендарных династий Ся, Шан и Чжоу (2070–247 г. до н.э.) в китайских трактатах появляются комментарии на тему закона. В те давние времена основной целью идеи закона было прославление священной власти монарха, чтобы смягчить противоречия между правителями и подданными и обеспечить сохранность сословной системы общества и правления. Период Весны и Осени (770–476 до н.э.) и Сражающихся царств (475–221 до н.э.) – это время установления так называемого «расцвета сотни цветов и сотни школ» в китайской культуре. На эти два периода приходится формирование таких идеологических течений, получивших основополагающее значение для последующих поколений Поднебесной, как конфуцианство, даосизм, моизм, легизм. Трактовки концепции закона и практики общественного управления создали фундамент китайской традиционной управленческой мысли на основе закона [1].

Суть представлений об управлении на основе закона заключается в категории *личжи* – «управления [страной] с помощью ритуалов». «*Ли*» здесь охватывает правила поведения и ритуалы времен династий Ся, Шан-Инь и Чжоу. Развитие ритуалов вплоть до периода Чжоу привело к созданию совершенной системы государственных торжественных ритуалов и кодекса правил общественного поведения. Разработку *личжи* продолжили конфуцианцы, которые видели в ритуалах основное средство регулирования государства и надеялись на этой основе сформировать устойчивую систему стратификации высших и низших классов и патриархальной морали. При этом конфуцианцы доциньской эпохи полагали, что «церемонии и музыка [пришли] в упадок», а общество как раз потому пребывало в упадке, что люди отбросили указанные атрибуты цивилизованного государства. Конфуцианцы были намерены воспроизвести культуру церемоний и ритуалов, предшествующих трех династий и в целом систему церемоний и ритуалов, дабы достигнуть конечной цели – возвращения к приличиям. В период правления ханьского императора У-ди (140–87 гг. до н. э.) придворный философ Дун Чжуншу выдвинул предположение о необходимости «всецело изучать Конфуция и вытеснить множество иных авторов». Сам У-ди выступил за искоренение ста школ и прославление конфуцианского канона, распространяя дух ритуала на все аспекты общественной жизни, внедряя ритуал в закон и добиваясь единства ритуала и закона. Таким образом, управление на основе ритуалов было официально признано в качестве основы традиционной мысли государственно-общественного управления. Так, постепенно складываются специфически китайские строй и культура на основе ритуалов и законов.

Что касается личности правителя и его роли в государстве (*человеколюбивое правление – жэньчжи*), следует отметить, что по поводу этой древней философской категории в разные эпохи сложились разные интерпретации. Так, бытует мнение, что несмотря на отсутствие у конфуцианцев категории *жэньчжи*, фактически мыслители этой традиции выступали именно за человеколюбивое правление [2]. Сторонники конфуцианства всегда отстаивали политику добродетельных мудрецов, то есть управления государством, исходя из мудрости отдельного правителя. Вспоминаются такие конфуцианские афоризмы, как «когда в государстве мудрые люди, тогда и управление государством может процветать» и «управление процветает благодаря людям и чахнет в их отсутствие». Мы видим, как философ прослеживает связь между подъемом и упадком государства с фигурой просвещенного правителя. Мэн-цзы ратовал о следующем: «Если правитель будет гуманным, то все будет гуманным. Если правитель будет справедливым, то все будет справедливым. Если правитель будет правым, то все будет правым. Если правитель все приведет в соответствие, то все государство будет скреплено соответствием». Сюнь-цзы не только выступал за *жэньчжи*, но и дал наиболее подробные комментарии по данной категории. В трактате «*О пути правителя*» мыслитель

четко отмечает: «если главой правления является человек, то правлению не нужны законы». Ключ к надлежащему управлению государством следует искать в людях, а не законах. Сюнь-цзы подчеркивает, что «закон есть предел правления», «правитель же есть источник закона». В делах государственного управления упор необходимо делать на нравственном воспитании людей, чтобы правитель в своих действиях руководствовался милостью и убеждением. В первую очередь здесь подразумевается, что в отборе чиновников важно руководствоваться принципом «возвышать достойных и способных», чтобы на местах были люди высоких моральных качеств, а на постах – люди с талантами; в народных массах также следует распространять нравственное воспитание, а не уголовные наказания [2].

Конфуцианская мысль *жэньчжи* (как и *дэчжи* – управление милостью и убеждением) неизменно занимала доминирующее положение в течение более 2000 лет в китайском обществе и продолжает действовать и в отдаленной от тех времен перспективе.

Литература:

[1]. Сун Лэй. Теоретические вопросы управления государством на правовой основе и на основе нравственных норм: китайский опыт. // Вестник СПбГУ Право. № 1. 2018. Сс. 102-111, 120.

[2]. 付子堂。法理学初阶。北京：法律出版社 Фу Цзытан. Азы юриспруденции. - Пекин: Law Press, 2013. Сс. 219, 338.

МеТоо и рост антифеминистских настроений в Южной Корее

Ким Н.Н.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, директор Международного центра корееведения МГУ
nkim@iaas.msu.ru*

1990-е годы в Южной Корее стали рубежом в развитии феминистского движения и формировании гендерно-ориентированной социальной политики. Общество стало более восприимчиво к вопросам, о которых ранее можно было только тихо рассуждать. Теперь женские организации регулярно устраивали общественные кампании: требовали отменить «ходжу» и систему начисления отслужившим в армии мужчинам дополнительных баллов на экзаменах для госслужащих, ввести «женские» квоты на выборах с целью расширить представительство женщин в выборных органах. Оценив их активность, политические партии начали прислушиваться к требованиям феминисток и включать те или иные вопросы феминистской повестки в свои программы.

Лоббирование требований женских организаций происходило посредством политических партий прогрессистского толка, министерства по делам женщин и семьи (с 2001 г.), а также многочисленных гражданских кампаний в 2000-е гг. В результате в начале 2000-х гг. женскому движению удалось добиться принятия ряда важных законопроектов, значительно расширивших права и возможности корейских женщин. Так, в 2000 г. были введены квоты для женщин, выдвигаемых от политических партий на выборах в законодательные органы власти. В 2001 г. отменили систему преференциальных баллов для мужчин, отслуживших в армии. В 2007 г. отменили систему семейного регистра «ходжу», которая делала положение женщины в семье неравным мужчине. Одновременно с этим появились разные государственные программы социально-экономической поддержки женщин, а также программы защиты жертв домашнего и сексуального насилия [1].

Переломным событием в развитии женской повестки в Южной Корее стало движение MeToo. В январе 2018 г. прокурор Со Чжи Хён выложила во внутреннюю рабочую сеть открытое письмо, в котором рассказала о домогательствах со стороны своего начальника Ан Тхэ Гына, а затем выступила в эфире телеканала JTBC. Со Чжи Хён поддержали сотни корейских женщин, которые публиковали в социальных сетях истории с хештегом #MeToo. MeToo усилило эмоциональное напряжение вокруг феминистского движения в южнокорейском обществе. Действия феминисток часто воспринимаются как агрессия против мужского пола. Ситуацию усугубляет ценностный конфликт между молодыми мужчинами, которые воспитывались в «стандартной корейской семье» (где мать занималась домохозяйством, ухаживала за детьми и мужем) и разделяют традиционные ценности, и женщинами, которые все чаще предпочитают не вступать в брак и в сексуальные отношения с мужчинами, настаивают на равных с ними правах при трудоустройстве, в оплате труда, при продвижении по карьерной лестнице. С точки зрения первых, феминизм – это идеология, ведущая к неадекватному социальному поведению и требованиям последних. Точками разногласий, в частности, являются вопросы обязательной военной службы, преференций женщинам при трудоустройстве, позитивная дискриминация мужчин в обществе в целом [2].

Текущие социально-экономические проблемы делают уязвимыми и мужчин, и женщин в Южной Корее. Все они испытывают стресс в связи с безработицей, низкой оплатой труда, отсутствием возможностей для карьерного роста. Наложение ценностного конфликта и социально-экономической нестабильности порождает антифеминистские настроения среди части корейского общества. Тем, кто не чувствует себя защищенными, кажется, что, проводя политику гендерного равенства, правительство оказывает преференции женщинам.

Литература:

[1]. *Ким Н.Н.* Женщины и власть в Южной Корее: политическое участие и лидерство // Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: от традиционного общества к современному / М. А. Бакланова, А. Л. Верченко, Н. Н. Ким, Э. А. Синецкая, М. А. Сюннерберг; отв. редактор Н. Н. Ким. - М.: Наука, 2019. С. 161-200. ISBN 978-5-02-0402011

[2]. *Ким Н.* Извиниться за стрижку: почему олимпийские рекорды лучницы из Южной Кореи подняли волну хейта // Forbes Woman, 12.08.2021. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/437077-izvinitnya-za-strizhku-pochemu-olimpiyskie-rekordy-luchnicy-iz-yuzhnoy-korei>

Корейский конфуцианец Чон Дасан о «восточных варварах»

Ермаков К. В.

Институт востоковедения РАН, лаборант-исследователь

hanguksa_kirill@yahoo.com

Среди поэтических самоназваний Кореи, известных с давних времен и по наши дни, существует такой эпитет как Тонбан ейдджигук, что можно перевести как «Страна на востоке, где строго соблюдаются правила этикета». В научной литературе встречаются и другие варианты перевода, например, «Восточное государство с нравственными понятиями». Слово *еый* (禮儀, «ритуал и долг») часто фигурирует в переводах как «этикет», но, по сути, включает в себя такие понятия, как «вежливость», «учтивость», «нормы поведения», «благопристойность». Причем необходимо помнить, что в странах конфуцианского культурного ареала следование правилам этикета рассматривается как внешнее проявление внутренней нравственности на уровне индивида, а также как своего рода «индекс» общественной морали в масштабах государства. С другой стороны, «Восток» здесь присутствует не как антитеза абстрактному «Западу», а в привязке к «Центру» – политической и культурной доминанте, коей тысячелетиями в этом регионе являлся Китай. Таким образом, вышеупомянутое самоназвание можно расшифровать так: Корея – это страна высокой нравственности, расположенная к востоку от Китая.

Представление о самих себе, отраженное в этом самоназвании, проходит красной нитью через всю корейскую культуру и ментальность. В частности, подобная картина мира отражена в коротком трактате «Тонхорон» («Рассуждение о восточных варварах»), написанном конфуцианским мыслителем Чон Дасаном (1762–1836). В начале своего эссе автор цитирует изречение философа сунского Китая Лу Цзююаня (псевд. Лу Сяншань, 1139–1192), дошедшее в пересказе Ли Чжицзао (1565/1571–1630) – ученого эпохи Мин, а

впоследствии одного из «трех столпов китайского католицизма». В изложении Чон Дасана фраза звучит так: «На Восточном море и на Западном море разум и принципы одинаковы». Говоря проще, по своей природе все народы похожи. Однако, по мысли корейского конфуцианца, местные особенности накладывают отпечаток на обычаи и нравы. Дальнейший текст трактата строится на примерах из китайской истории, призванных доказать правоту суждений конфуцианского эрудита о том, что сяньбийцы, кидани, чжурчжэни и маньчжуры являли собой образец добронравия. Не зря, считает Чон Дасан, историки хвалили восточных варваров за великодушие и доброту. Что касается Кореи, подчеркивает мыслитель, то она расположена строго на востоке. Благодаря этому здесь в почете этикет и осуждается военная сила: мы скорее предпочтем быть беззащитными, нежели воинственными. Если бы Конфуцию не суждено было родиться в Китае, – восклицает автор в конце своего рассуждения, – то он непременно был бы по происхождению восточным варваром [2].

Трактат «Тонхорон» заслуживает анализа с самых разных ракурсов. Во-первых, обращает на себя внимание своего рода конфуцианский пацифизм: отказ от грубой силы и военной агрессии трактуется как признак цивилизованности государства. Во-вторых, примечательно, что автор ощущает культурную общность с неханьскими народами, населявшими Восточную Азию. Некоторые южнокорейские исследователи даже склонны видеть в этом своего рода прообраз современного дискурса о мире и сотрудничестве в Восточной Азии [1]. В-третьих, нельзя не отметить, что текст, написанный классиком корейского конфуцианства, являет собой прекрасную иллюстрацию самоназвания Кореи, о котором говорилось в начале.

Следует заметить, что в настоящее время от южнокорейских интеллектуалов можно услышать критические оценки этой альтернативы официальному названию страны. В частности, указывается на то, что подобный эпитет принижает корейский народ, ставит его в положение «младшего брата» по отношению к «сюзерену». В такой самооценке, отмечают исследователи, сквозит желание угодливо выставить себя таким «образованным дикарем», доказать метрополии и самим себе, что «мы хоть и варвары, но варвары окультуренные, со знанием этикета».

Однако представляется, что за внешней «сервильностью» в данном названии можно найти проявление характерной черты корейского менталитета: стремление к паритету с военно-политическим гегемоном в области духовности и культуры, и даже скрытое желание превзойти «учителя». Кроме того, просматривается попытка зафиксировать свое привилегированное положение в иерархии государств, включенных в орбиту китаецентричного мира.

Литература:

[1]. *Пэк Минджон*. Стоя перед лицом военной силы, обернуться назад к цивилизованности. [무력 앞에서 문명을 돌아보며]. // Рассказы об идеях сирхак в доступном изложении. [풀어쓰는 실학이야기]. 21.11.2022. — URL: http://www.edasan.org/sub03/board08_list.html?bid=b38&ptype=view&idx=10054 (Дата обращения: 10.03.2023).

[2]. *Чон Ягён*. Тонхорон (Рассуждение о восточных варварах). [東胡論]. // Ёюдан чонсо (Полное собрание сочинений Ёюдана). Сб. 1, т. 12. [與猶堂全書 第一集 第十二卷]. — Сеул: Син Чосон са, 1934 – 1938.

Языкознание

К вопросу применения японского падежа ДЭ

Бессонова Е.Ю.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

olesyaelena29@gmail.com

К служебным словам японского языка относят *какудзёси* 格助詞: класс приакцидентных коннекторов [1, с. 236], в рамках которых рассмотрим агглютинативный падежный аффикс *て* ДЭ, обычно обозначаемый в учебной литературе как показатель творительного падежа [1, с. 163]. Данный коннектор обладает расширенной функциональностью, при этом в учебной и научной литературе его значения бывают описаны по-разному. Среди справочных материалов по данной тематике, опубликованных на японском языке, наиболее широко значения коннектора представлены в «Справочнике по грамматике японского языка (для преподавателей начального курса)» *Нихонго бумпо: хандобукку (сёкю: о осиезу хито но тамэ но)* 日本語文法ハンドブック (初級を教える人のための) [3, с. 21], в котором приводится семь функций падежа *て* ДЭ, а именно значения 1) места *басё* ばしよ; 2) материала *дзайрё*: 材料; 3) способа, орудия *сюдан*, *до:зу* 手段、道具; 4) причины *гэнъин*, *рию*: 原因、理由; 5) временных рамок *ханъи* 範囲; 6) обобщения *матомари* まとまり; 7) содержания *найё*: 内容. Среди работ российских ученых отметим труд «Грамматика японского языка» И.В. Головнина [1], в котором автор также выделяет семь значений коннектора ДЭ: 1) дополнение места активного действия или проявления состояния; 2) дополнение – абстрактное место действия; 3) дополнение – орудие, средство, материал; 4) дополнение причины; 5) дополнение времени; 6) обстоятельство места – наименование организации, учреждения, в котором совершается действие; 7) приакцидентное определение (образ действия) [1, с. 242]. Необходимо отметить, что при столь подробном описании функций данного падежа наблюдаются расхождения в подаче материала, а также трудности в использовании коннектора ДЭ в значении «места». Во многих случаях падеж ДЭ необходимо рассматривать в контексте следующего за ним глагола, а именно по расширенному значению предиката, которое соответствует восприятию глагола носителями языка, а не через буквальному перевод. Именно глагол обычно влияет на выбор между падежом ДЭ и НИ, а также падежом ДЭ и О. Например, вызывает вопрос использования ДЭ или НИ с глаголом *мацу* (ждать) [1, с. 242], с другой стороны, в предложении *томоякун ва гакко: дэ нингё: о цукутта* ともくんは学校で人形を作った [4, с. 20] «Томоя сделал в школе куклу» использование ДЭ перед глаголом *цукуру* «делать, создавать» не вызывает затруднение, указывая на место действия, но при этом падеж ДЭ не используется с тем же глаголом *цукуру*

в предложении *соситэ хинанингё: но сугата дэ, тайикукан ни цукуруарэта хинамацури но тамэ но оокина дай ни суваримасита* そしてひなにんぎょうのすがたで、体育館に作られたひな祭りのための大きな台に座りました。 [3] «Потом в образе кукол сели на большой подиум, который был сделан в спортивном зале для праздника Хинамацури». Отдельно отметим, что падеж ДЭ приводит к наиболее заметным ошибкам среди студентов, изучающих японский язык, так как вводится обычно на начальном этапе обучения, когда у учащихся ограничен словарный запас и нет возможности понять нюансы использования данного падежа, что в дальнейшем приводит к системным ошибкам, которые могут распознаваться носителями языка как маркер «языковой неестественности». Основным выводом определяем необходимость углубленного изучения падежа ДЭ в комплексе со значением глагола. При обучении японскому языку считаем необходимым возвращение к теме значений и применения падежа ДЭ и на продвинутых этапах изучения языка.

Литература:

[1] Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. – М.: Издательство Московского университета, 1986.

[2] Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих. Часть I. – М.: Московский Лицей, 2018.

[3] NHK News web easy. (Адаптированный новостной контент NHK). Электронный ресурс <https://www3.nhk.or.jp/news/easy/k10013996671000/k10013996671000.html>. Режим доступа свободный. Дата обращения 03.03.2023.

[4] 庵功雄, 高梨信乃, 中西久実子, 山田敏弘. 日本語文法ハンドブック (初級を教える人のための). – 東京: スリーエーネットワーク, 2000. (Иори Исао, Таканаси Сино, Наканиси Кумико, Ямада Тосихиро. *Нихонго бумпо: хандобукку (сёкю: о осиеру хито но тамэ но)*. – Токио, Суру:э-тэнно:ва:ку, 2000).

Лексика айнского происхождения в японском языке

Быкова С.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой японской филологии
sbykova@iaas.msu.ru*

Айны, или айну, как свидетельствуют данные различных источников, в далёкие времена населяли не только остров Хоккайдо, на котором и в наши дни сохраняется айнское население, но также Хонсю, а, возможно, и Кюсю. Косвенным свидетельством может служить то, что даже одна из гипотез происхождения топонима Эдо, прежнего названия столицы Японии Токио, отсылает нас к айнскому языку. В современной Японии численность айнов не превышает примерно 25 000 человек, проживающих на Хоккайдо, самом северном острове страны. В это количество не включаются те представители айнского народа, которые по причинам экстралингвистического характера уже давно обладают японскими именами и фамилиями. Дело в том, что освоение Хоккайдо в самом начале сопровождалось практически

вытеснением и уничтожением как самих айнов, так и их культуры. В течение долгого времени, включая послевоенный период, среди айнов насильственно насаждался японский язык и искоренялись национальные традиции. В среде айнов, живших в айнских посёлках, царили безработица и невозможность получить хорошее образование. Именно этим объясняется, что айны нередко меняли фамилии и имена, чтобы получить возможность сделать карьеру. Лишь в последние десятилетия ситуация изменилась. Ныне существуют школы и курсы, где преподают айнский язык, выходят учебники и учебные пособия по айнскому языку, на местных каналах телевидения ведутся передачи на айнском языке. В парламенте Японии представлены депутаты-айны. В то же время, несмотря на существовавшее когда-то негативное отношение к айнскому языку, японский и айнский язык взаимодействовали. Ярким примером может служить процесс заимствования японским языком айнских лексических единиц. Заимствования из айнского языка в японском языке могут быть разделены на две категории: обширную категорию топонимов и значительно меньшую по количеству входящих в неё единиц категорию слов, не являющихся топонимами.

Топонимы айнской этимологии следует рассматривать как наиболее древние топонимические образования в японском языке. Так, Сибата Такэси, проводя обследование топонимов острова Хоккайдо, установил, что топонимов айнского происхождения на Хоккайдо насчитывается 5059 против 7035 японского происхождения. К тому же существуют топонимы (376 единиц), которые представляют собой перевод на японский язык или аккомодацию к фонетике японского языка айнских названий [1, с.274-275]. Сохраняются айнские топонимы и в северо-восточной части Хонсю, районе Тохоку и некоторых других: Саппоро, Отару, Титосэ и т.д.

Другая категория заимствований из айнского языка включает в себя чуть более десятка слов, которые представляют собой существительные, обозначающие за редким исключением в основном представителей флоры и фауны, прежде всего морской [2, с.5]. Подобная «тематика» объясняется тем, что и айны с древних времён, и первые переселенцы-японцы на Хоккайдо занимались морским промыслом, поскольку прибрежные воды были богаты рыбой, моллюсками и пр. Для айнов ещё до прихода японцев охота и водный промысел были главными источниками существования. Примерами таких слов могут служить *комбу* ламинария, *бурая водоросль*; *тонокай* «северный олень», *ракко* «морской бобр», *этобирика* «кулик», *хоккагай* «белая ракушка», *руйбэ* «мороженая красная рыба», которую употребляют в пищу в замороженном виде. В современной Японии существует даже журнал мод «Нонно», что в переводе с айнского языка означает «женщина». Можно предположить, что употребляя те или иные слова айнского происхождения, носители японского языка вряд ли осведомлены о их происхождении.

Литература:

[1] *Быкова С.А.* Топонимы айнского и диалектального происхождения в японском языке // Там, где цветёт мугунхва и распускается сакура. Слово об учёном. Казань: Изд-во «Бук», 2019, С.273-278.

[2] *The Encyclopedia of Japanese Linguistics, Nihongogaku daijiten.* Токио: То:кё:до: сьуппан, 2018, 1287 с.

**Слова-классификаторы в путунхуа. Релевантность и иррелевантность использования.
Экспериментальное исследование.**

Вихрова А.Ю.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ведущий научный сотрудник ЛЭФ
avikhrova@gmail.com*

1) Счетное слово – это слово, которое указывает на дискретность вводимого им объекта (предмета или действия). Счетные слова в китайском языке подразделяются на два класса: классификаторы для существительных (名量词 míng liàng cí) и показатели кратности для глаголов (动量词 dòng liàng cí). В исследовании речь идет именно о классификаторах для имен существительных.

2) Классификатор в лингвистике (не только в путунхуа) – это слово или морфема, используемые для выражения принадлежности существительного к какому-либо семантическому классу. На определенном этапе развития, в обществе возникает стремление считать разные предметы по-разному. В разных языках это явление находит неодинаковое отражение. Так, например, в русском языке в, так называемых, счетных словах “нуждаются” неисчисляемые существительные (например, “две головки чеснока”, “три стакана молока” и т.д.). В китайском языке, в отличие от русского, счетные слова используются со всеми существительными.

3) Счетные слова в путунхуа делятся на 2 группы: специальные счетные слова (носят обязательный характер) и временные счетные слова. Специальные счетные слова группируют существительные по их специфическому признаку (把 bǎ “рукоятка” для ножей, линейек, стульев, зонтиков и т.д.; 口 kǒu “рот” для членов семьи, ящиков, свиней). Временные счетные слова образуются от существительных – любых предметов, которыми может производиться измерение. К ним относятся слова, например, 杯 bēi “стакан”, 碗 wǎn “пиала”, 车 chē “телега, машина” и т.д. Такие счетные слова называют также метонимическими классификаторами.

4) Счетные слова – явление, характерное для путунхуа. Оно не встречалось в вэньяне, где в конструкции счета числительное напрямую примыкает к существительному (предшествует ему), а уже в байхуа между числительным и существительным появляется специальное слово, которое характеризует его относительно принадлежности к классу предметов.

5) Несмотря на видимую облигаторность счетных слов, в разговорной речи они нередко опускаются для экономии времени. Так, например, вместо того, чтобы сказать 我喝了两杯可乐 wǒ hē le liǎng bēi kělè. “Я выпил 2 стакана колы”, говорят 我喝了两可乐 wǒ hē le liǎng kělè. Или же используют так называемое универсальное счетное слово 个 gè “штука”. Наш

эксперимент как раз был направлен на выявление степени релевантности и иррелевантности употребления счетных слов в путунхуа.

6) Эксперимент состоял из 5 этапов: 1. Подбор необходимого материала (10 предложений, содержащих специальные счетные слова):

我有三张桌子 Wǒ yǒu sān zhāng zhuōzi “У меня есть три стола”, 我家有五口人 Wǒ jiā yǒu wǔ kǒu rén “В моей семье 5 человек”, 十辆车比八辆车多 Shí liàng chē bǐ bā liǎng chē duō “10 машин больше, чем 8 машин”, 面条七块钱一碗 Miàntiáo qī kuài qián yī wǎn “Лапша (стоит) 7 юаней за одну пиалу”, 一只兔子白白的 Yī zhī tùzi báibai de “Один заяц белый-белый”, 屋子里面有一百个人 Wūzi limiàn yǒu yībǎi gèrén “В комнате сто человек”, 妈妈买了四条裙子 Māma mǎile sì tiáo qúnzi “Мама купила 4 юбки”, 爸爸一头牛也没有 Bàba yì tóu niú yě méi yǒu “У папы нет ни одной коровы”, 学生吃了两块蛋糕 xuéshēng chī le liǎng kuài dàngāo: 我一句话也不会说出来 “Я не мог вымолвить и слова”. 2. Запись предложений при участии носителя китайского языка (*путунхуа*), 3. Обработка (удаление) счетных слов из этих предложений, используя программу для обработки речи Praat, 4. Прослушивание полученных искусственных предложений (без счетных слов) носителями китайского языка, 5. Анализ полученных данных.

7) Анализ материалов показал, что несмотря на стремление к экономии языковых средств в устной беглой речи, китайские слова-классификаторы все же являются важной частью языкового культурного кода, поскольку все аудиторы признали необходимость постановки счетных слов, пусть даже не индивидуальных, а универсального счетного слова 个 gè “штука”.

Просодема в арабском языке

Герасимова А.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры арабской филологии

arina.one.flow@gmail.com

Арабские лингвисты высказывают различные точки зрения на артикуляторный механизм и акустические характеристики словесного ударения, выделяя различные параметры ударного слога, такие как, усилие, объём выдыхаемого воздуха, интенсивность, тон, длительность и отчетливость. В работе рассматриваются теоретические труды Ибрагима Аниса, Мухаммада ан-Нури, Тамама Хассана и Ахмада Мухтара Умара – авторов XX века, когда экспериментальные фонетические исследования арабскими лингвистами еще не проводились.

В качестве главного фактора ударного слога арабские авторы выбирают усилие, прилагаемое для его реализации, а также тон – это отмечено в работах всех перечисленных языковедов. Два автора выделяют характеристики отчетливости и длительности. По мнению всех авторов наименьший вклад в ударность слога вносит интенсивность. Все факторы связываются с большим усилием на этапе артикуляции.

Исследования словесного ударения в настоящее время становятся популярными среди арабских языковедов. Если ранее рассмотрение ударения замещалось описаниями просодического уровня языка ввиду того, что просодия считается основой построения и реализации арабской речи в традиционной арабской грамматической теории, то сейчас ударению посвящаются целые главы фонетических монографий. Изначально арабские лингвисты брали теоретические материалы по ударению из трудов зарубежных коллег, но по мере развития этого направления в текстах арабских языковедов появляются уже дискуссии с авторами из западных фонетических школ.

Происходит обновление терминологии в трудах арабских лингвистов: от харфа как минимальной единицы языка в фонетических описаниях они сдвигаются к понятию слога, который используется в европейской традиции. Появляется термин мора, как обозначение длительности краткого слога.

Арабское ударение представлено в работах арабских лингвистов как политоническое (полиакцентное) ввиду наличия первичного и вторичного ударений. Оно подчиняется также определённым правилам расстановки ударения в словах, зависящих от типа слогов, входящих в него. Однако арабскому ударению присуща подвижность, обусловленная правилами словоизменения. Примером этого служат однокоренные слова с разными ударными слогоносителями, употреблёнными в разных формах.

Кратко суммируя основные точки зрения арабских лингвистов в отношении коррелятов арабского словесного ударения, отмечаем:

1. Ударный слог отличается от безударных бóльшим усилием (Ибрагим Анис, Тамам Хассан, Ахмад Мухтар Умар, Мухаммад Джаввад ан-Нури).
2. Ударный слог имеет более высокую интенсивность (Тамам Хассан).
3. Ударный слог обладает более высоким тоном (Тамам Хассан, Ахмад Мухтар Умар, Мухаммад Джаввад ан-Нури, Ибн Манзур ал-Ансари).
4. Ударный слог имеет бóльшую длительность (Ахмад Мухтар Умар, Мухаммад Джаввад ан-Нури).
5. Ударный слог отличается большей отчётливостью (ясностью) по сравнению с остальными звуками в слове (Ибрагим Анис, Тамам Хассан).

Центральным в большинстве описаний ударения является понятие усилия, т.е. большую часть своих исследований арабские авторы основывают на экспираторной теории ударения. В цепочке описанных арабскими авторами этапов речевого общения (артикуляторный, акустический, перцептивный) усилие занимает первое место. Они считают его источником характеристик ударения на последующих этапах. Однако с прагматической точки зрения усилие менее других параметров доступно для измерения.

На следующем акустическом этапе ударному слогу приписывается усиление основных акустических характеристик – интенсивности, длительности и частоты основного тона (F_0), которые находятся в причинно-следственной связи с усилием на артикуляторном этапе. Параметр F_0 в рассмотренных исследованиях называется просто тоном.

Отмечается также бóльшая отчётливость или ясность ударного слога. Это означает, что существуют особые спектры ударных гласных, которые противопоставлены спектрам тех же самых гласных, но в безударной позиции. Очевидно, что этот спектральный коррелят мыслится действующим как на акустическом, так и на перцептивном уровне.

Поскольку ко всем описанным выводам арабские авторы пришли умозрительно, без измерений, причём в некоторых случаях оценки разных авторов противоречат друг другу, становится весьма актуальной задача проведения экспериментального исследования, которое, во-первых, позволило бы проверить высказанные гипотезы, и, во-вторых, определить количественные соотношения параметров ударения.

К некоторым особенностям формирования диалогической речи в китайском языке

Дашевская Г.Я.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель

Кондрашевский С.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель

kondrashevsky@gmail.com

Диалогическая речь является одной из наиболее важных форм существования любого языка и основным ключевым видом речевой деятельности.

Диалогическая речь существует в разных функциональных стилях, отличающихся лексико-грамматическим наполнением, в том числе, устойчивыми, эмоционально окрашенными выражениями:

1. Бытовой разговорный стиль, присущий коммуникации двух и более лиц, характеризуется ситуативностью, отличается спонтанностью реакций, стремлением быть убедительным в своих утверждениях и доводах.

2. Стиль, присущий диалогам делового характера, осуществляемым в рамках сферы профессиональной коммуникации. Отличается интенциональностью, внутренней логикой, когерентностью и информативностью. Вся речь подчинена необходимости убедить адресата в обоснованности предъявляемых доводов и желанию добиться положительного для себя результата. При этом необходимо учитывать культурно-исторические и языковые традиции той или иной страны, уметь использовать привычные речевые формулы, готовые модели и штампы.

Предметом нашего исследования является выделение и изучение устойчивых речевых форм, присущих диалогической речи китайского языка делового общения. Источником послужило учебное пособие, изданное Пекинским институтом языка и культуры “经贸洽谈ABC”.

Нами были выделены языковые штампы, используемые одним из участников коммуникации (чаще покупателем или получателем услуги) в качестве реакции на высказывание другого участника беседы (чаще продавца или исполнителя услуги). Выделенные нами выражения можно разделить на следующие группы:

- Слова и выражения, обозначающие полное согласие с визави: 是的 ; 可以 ; 好的 ; 好主意 ; 没错 ; 没问题 ; 那也行 ; 你说得对 ; 完全可以.
- Слова и выражения, обозначающие сомнение или несогласие с собеседником: 也许是 ; 现在还不好说 ; 有可能 ; 怎么可能 ; 不简单吧 !
- Междометия, употребляемые как самостоятельно, так и в составе высказывания, например: 好啊 ; 哦 · ... 我也注意到了. Данные примеры передают согласие или понимание позиции партнера.
- Для смягчения категоричности высказывания активно используется модальная частица 吧 в конце реплики: 不简单吧 “Всё не так уж просто!” 我没听错吧 “Надеюсь, я не ослышался!”
- Некоторые наречия, приносящие элемент особой эмоциональной окраски и экспрессивности: 那倒是 ; 还可以 ; 太巧了 ; 我方从来都是 ; 这肯定不行.
- Отдельную группу составляют выражения, где используется отрицание типа 不. В зависимости от контекста и интонации одни и те же выражения, содержащие в своем составе данный тип отрицания, могут передавать прямо противоположные значения: 那倒不是 может обозначать как несогласие «это не так», так и согласие с позицией собеседника «ведь это так».

Знание и правильное употребление данных языковых штампов делают речь более живой и эмоциональной, позволяют повысить декодируемость и прагматический компонент диалогической речи. Немаловажно и то, что эти знания позволяют адекватно воспринимать речь и модальности носителей китайского языка. Владение этим аспектом речи является абсолютно необходимым для лиц, изучающих китайский язык профессионально.

Функции десемантизированных соединительных аффиксов в древнеиндийском

Захарьин Б.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой индийской филологии
zakharyin13@mail.ru*

В древнеиндийском после корней определенных типов и перед зубной согласной (а именно, перед *-t* или *-s*) грамматически маркированных суффиксов появляется т.н. «соединительная» или «вставная» гласная *-i-*, значимая просодически (участвующая в процессах слогаделения) и управляющая модификацией (а именно, ретрофлексивизацией) следующего за ней *-s-*, но не предполагающая соотносительности с какой-либо единицей плана

содержания. Данную гласную Панини в своей санскритской грамматике ‘*Aṣṭādhyāyī*’ обозначает аббревиатурой ‘*iT*’, предполагающей совмещение соединительной *-i-* с условным показателем (*anubandha-*) ‘*T*’. Корни при этом делятся им на типы ‘*seT*’ «с *-i-*» (< *sa-* «с» + *iT*), ‘*aniT*’ «без *-i-*» (< *an-* «без» + *iT*) и ‘*veT*’ «факультативно с *-i-*» (< *vā* «или» + *iT*). Для небольшой части корней (в частности, для открытослоговых на *ā-*) данная оппозиция иррелевантна, и соединительная *-i-* не допускается при них никогда, в том числе и в потенциально разрешенных, контекстах – так, от *jñā-* «знать» возможны только *jñā-tum* (инф.) «знать», *jñā-ta* (перф. прич.) «познанный» и т. п. – неизменно без «вставной» *-i-*.

Корни ‘*veT*’, лишь в части порождаемых форм, разрешающие необязательную *-i-*, в языке крайне малочисленны. Классическим примером их служит корень *nī-* «нести/вести», в большинстве производных форм способный выступать как ‘*seT*’, т.е. использовать соединительную *-i-*: к примеру, *ne-tR-* или *nay-i-tR-* «водитель, вождь», *ne-sya-ti* или *nay-i-sya-ti* «понесет/поведет». Однако при использовании суффиксов *-ta-* или *-tvā-* (перфективного причастия и деепричастия соответственно), корень неизменно функционирует как ‘*aniT*’, т.е. принципиально не допускает *-i-*. Так, только *nī-tā-* «унесенный/уведенный» и *nī-tvā-* «унеся/уведя», но не **ne-tā-*, **nay-i-tvā-* и т. п.

Таким образом, основной для использования соединительной *-i-* является оппозиция корней ‘*seT* - *aniT*’, работающая достаточно регулярно при соединении корня или порожденной от него усеченной «основы презенса» с суффиксом, начинающимся на *s-*. В частности, это имеет место в формах футурума с суффиксом *-sya-*: *vad-i-sya-ti* «заговорит» (< *vad-* ‘*seT*’ «говорить»), но *drak-sya-ti* «увидит» (< *dRś-* ‘*aniT*’ «видеть/смотреть»); то же – в формах дезидератива с суффиксом *-sa-*: *ji-jīv-i-ṣa-ti* «желает жить» (< *jīv-* ‘*seT*’ «жить/быть в живых»), но *di-dRk-ṣa-te* «желает видеть» (< *dRś-* ‘*aniT*’). То же – но не всегда последовательно – имеет место и в формах синтагматического аориста с суффиксом *-s-*: *á-kR-ṣ-i* «(я) сделал (для себя)» (< *kR-* «делать»), *á-pav-i-ṣ-ta* «(он) очистил (для себя)» (< *pū-* «очищать»). Соединительная *-i-* облигаторно используется также после почти всех корней ‘*seT*’ перед начальной *t-* суффиксов. В частности, это происходит в порождаемых именах деятеля (с *-tR/-tar*), инфинитивах (с *-tum*), деепричастиях от беспрефиксных корней (с *-tvā*), и в герундивах, они же «причастия долженствования», на *-tava*; в тех же морфологических контекстах корни ‘*aniT*’ выступают без соединительной *-i-*. Примеры: *rakṣ-i-ta-* «защищенный» (< *rakṣ-* ‘*seT*’ «защищать»), но *tus-ta-* «возрадовавшийся» (< *tus-* ‘*aniT*’ «радоваться»), *bhav-i-tava* «долженствующий быть/стать» (< *bhū-* ‘*seT*’ «быть/становиться»), но *śro-tava* «долженствующий слушать» (< *śru-* ‘*aniT*’ «слышать/слушать»), - и т.д.

В качестве просодической единицы вставная *-i-* устраняет непосредственное соседство двух или более согласных (конечного в корне и начального в аффиксе) и предотвращает их возможные сандхи, создавая тем самым условия для более равномерного распределения в речевой цепи открытых слогов – ср., к примеру, слоговую структуру в *u-di-tā-* «сказанный» (перф. прич. < *vad-* ‘*seT*’ «говорить» с таковой в *mat-tā-* «опьяненный» (перф. прич. < *mad-* ‘*aniT*’ «пьянеть»)).

Соединительная/вставная *-i-* не принимается во внимание (т.е. не считается **аффиксом**) при определении места «ударной», т.е. чаще всего наделенной повышенным тоном (*udātta*), гласной. Так, например, в словоформах футурума наличие или отсутствие *-i-* перед суффиксом с начальным *s-* или *t-* никак не влияет на акцентуацию гласной суффикса. – Независимо от того, порождена ли форма от корня ‘*seT*’ или же от ‘*aniT*’, такая гласная неизменно выступает

как «ударная». Ср., напр., *vad-i-syá-ti* «скажет» (< *vad-* ‘*seT₁*’) и *pak-syá-ti* «испечет» (< *pac-* «печь» ‘*aniT₁*’) и т. п.

Используемая с корнями ‘*seT₁*’ соединительная гласная *-i-* подчиняется введенному Панини «правилу РУКИ», в соответствии с которым после морфем *r, u, k, i* начальный *s*-суффикса ретрофлексируется. – Так, при порождении формы футурума от корня *dhā-* «ставить/класть», относящегося к «удвоенному» («3-му») классу и принадлежащего к типу ‘*veT₁*’ (см. выше), мы должны сначала получить (по нормативам «3-го класса») удвоенную основу *da-dh*, за которой может (при соблюдении типовой модели ‘*seT₁*’) следовать соединительная *-i-*, а за ней суффикс футурама *-sya-*, в котором начальный зубной *s-* из-за предшествующей *-i-* трансформируется в ретрофлексный *ṣ-*; в итоге выстраивается, к примеру, словоформа изъявит. накл. буд. вр. 3 л. ед.ч. *da-dh-i-syá-ti* «он(а) поставит/положит». Вариант суффикса с ретрофлексным *ṣ-* может использоваться и с корнями типа ‘*aniT₁*’ – в случаях, когда финальный согласный корня либо исходно, либо из-за участия в чередованиях подпадает под действие «правила РУКИ». Например, производя форму футурума от корня типа ‘*aniT₁*’ *tus-* «радоваться», мы вначале получаем вторичную основу *tok-*, а к ней уже присоединяется суффикс футурама *-sya-*, начальный согласный которого становится ретрофлексным из-за входящего в «РУКИ» финального *k-* вторичной основы *tok-*; результатом является, например, форма *tok-syá-ti* «он(а) возрадуется».

Литература:

- [1] Зализняк А.А. Грамматический очерк санскрита // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь, Москва: Русский язык, 1978, сс. 785–805.
- [2] Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь, Москва: Русский язык, 1978. – 784 С.
- [3] Whitney, D.W. Rules of Euphonic Combination// Sanskrit Grammar, Delhi – Varanasi – Patna, 1969 (2nd Indian Edition), pp. 34–87.

Интонация незавершённости в иранских языках

Иванов В.Б.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, зав. кафедрой иранской филологии

iranorus@mail.ru

В языках мира семантическое и синтаксическое содержимое и актуальное членение фразы коррелирует с поверхностным уровнем её выражения – с интонацией. По интонации собеседник судит о её структуре, о том из каких блоков она состоит. В полном стиле эти блоки получают определённое интонационное оформление и отделяются друг от друга паузой. Самый последний блок повествовательной фразы характеризуется завершающей (так называемой, точковой) интонацией. Все предыдущие блоки оформляются интонацией незавершённости (ИН), которая в каждом языке или группе языков может иметь свои особенности. Эти особенности в свою очередь определяются просодией более мелких единиц – синтагм и фонетических слов.

В большинстве обследованных иранских языков ударение либо квантитативное, либо тоническое, и только в ваханском языке ударный слог наряду с прочими параметрами

выделяться большей интенсивностью, т.е. ударение в нём близко к экспираторному, динамическому. Существует точка зрения, согласно которой параметры интонации и просодии взаимно дополняют друг друга, т.е. если ударение тоническое, то интонационные признаки больше проявляются в сфере длительности, а если оно квантитативное, то в интонации большую роль играет тон.

В данной работе мы сравниваем ИН в двух географически, генетически и типологически далёких друг от друга иранских языках – персидском (юго-западном) и сарыкольском (распространённом на территории Китая юго-восточном иранском языке). Персидский характеризуется тоническим, а сарыкольский квантитативным словесным ударением. Как и все иранские языки, оба имеют структуру SOV. Эти языки настолько далеки друг от друга, что трудно заподозрить их взаимовлияние через языковые контакты. Тем не менее оказалось, что ИН в них весьма схожа.

В двухчленных и многочленных предложениях, т.е. в таких, которые можно поделить на синтаксические группы (группу подлежащего, сказуемого и т.п.), заметен подъём частоты основного тона (F_0) к концу топики, за которым следует пауза. В качестве топики, как правило, выступает группа подлежащего, но в этой позиции функционируют и другие структуры.

Поскольку сарыкольский является бесписьменным языком, мы в работе с информантами широко использовали картинки, которые им следовало описать. Каждая картинка сопровождалась номером. Часть информантов произносила номер с точковой интонацией. Затем следовала фраза, описывающая содержание картинки. В этом случае топиком являлась группа подлежащего. Другая часть информантов топиком считала номер картинки и оформляла его ИН. В оставшейся части фразы группа подлежащего также оформлялась ИН, которая была, однако, слабее выражена, чем ИН топики. Тональный контур такого рода фраз напоминал «террасный сход», найденный Janet Pierrehumbert для английских предложений [Ladd 1996: 86] (см. Рис. 1 и Рис. 2).

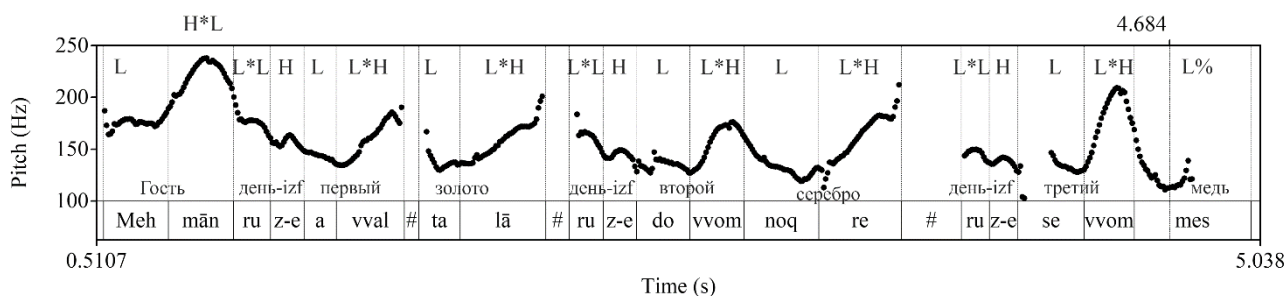

Рис. 1. Персидская пословица ‘Гость в первый день – золото, во второй – серебро, в третий – медь’ в произношении информанта-мужчины

На обоих рисунках представлена интонация безглагольных предложений. В персидском простом предложении с однородными членами (Рис. 1) топиком является подлежащее *mehmān* ‘гость’. На нём мы видим самый сильный подъём тона. Далее следуют три именные группы, внутри которых изафетные конструкции оформлены только ИН, а вторые имена (*talā* ‘золото’ и *noqrē* ‘серебро’) – ещё и перечислительной интонацией (ПИ), которая усиливает подъём тона на последнем слоге. Наш пример подтверждает высказанное ранее мнение, что ядерный

тоновый акцент падает на последний слог группы подлежащего, а далее до конца предложения следует деакцентированный участок [Sadat-Tehrani 2007: 60].

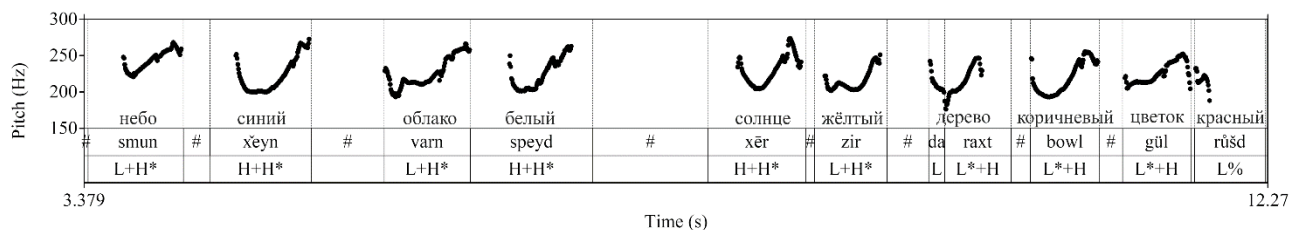

Рис. 2. Сарыкольская фраза, описывающая картинку ‘Небо синее, облако белое, солнце жёлтое, дерево коричневое, цветок красный’, в произношении информанта-женщины

Аналогично в сарыкольском сложносочинённом предложении (Рис. 2) подлежащие оформлены только ИН, а именные части сказуемых ещё и ПИ. Поэтому при прочих равных условиях на последних слогах однородных именных групп наблюдается резкий всплеск тона. Повествовательные фразы в обоих языках завершаются низким тоном (L%). Согласно оценкам на слух во многих других иранских языках наблюдается сходная ИН.

Литература:

- [1] Ladd R. *Intonational Phonology*, Cambridge University Press, 1996
 [2] Sadat-Tehrani 2007 – Sadat-Tehrani N. *The Intonational Grammar of Persian*. PhD Thesis. Department of Linguistics, University of Manitoba, Winnipeg, 2007

Аксиогенные ситуации в Германии как фактор возникновения и вариативности смысловых интерпретаций неологизмов

Иванова О. А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. преп. каф. западноевропейских языков

olgaivanova.info@mail.ru

Язык как зеркало культуры, индикатор социальных, экономических, политических и прочих процессов, находится в постоянном развитии на всех своих уровнях. Наиболее подвержена изменениям его лексическая составляющая. Исследованиям неологизмов посвящены многие работы известных отечественных и западных лингвистов. В этой работе под неологизмом понимается слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие (О.С. Ахманова; О.В. Александрова). Временной фактор, затрагивающий не только время возникновения слова, но и период, и частотность его употребления, является основополагающим (В.В. Виноградов) и служит помимо этого критерием для разграничения некоторыми немецкими и отечественными авторами неологизмов от окказионализмов (Schippan, Herberg, Kinne).

Предмет исследования данной работы – специфика неологизмов, которые используются немцами в СМИ для именованья своих соотечественников в момент сложных для представителей немецкой лингвокультуры ситуаций. Они являются лексическими репрезентантами концепта *der Eigene* (свои) и требуют постоянного наблюдения в связи с их

лексическим варьированием, смысловой вариативностью стоящих за ними концептуальных структур и значимостью для понимания процессов, происходящих в обществе. Объект исследования – реализация концептуальной структуры *der Eigene* в медиа-дискурсе с 2015 г. Начало этого периода выбрано в связи с аксиогенной ситуацией, захватившей не только Европу, – гуманитарным кризисом 2015 г. Цель исследования – изучение смыслового становления новых именовании для своих сограждан в момент социальных перемен. На основе анализа онлайн-словаря неологизмов [OWID], разработанного Институтом немецкого языка г. Мангейма, из 625 неологизмов, появившихся с 2012 г., методом сплошной выборки были выбраны лексемы, именующие «своих» (*Eigene*). Их количество составляет 68 единиц. Часть неологизмов представлена номинациями «своих», активно использующих цифровые технологии – от именовании *Smombie* (все время смотрящий в телефон) до номинаций целых поколений – *Generation Instagram*, *Generation Selfie*, *Generation Z*, *Generation woke* и др.; именовании по профессиям, связанными с цифровыми технологиями или по другому роду занятий – *Digitalkommissar*, *Instagrammer*, *Lifehacker*, *Netzpolitiker* (политик в соц. сетях), *Brotsommelier* (сомелье по хлебу), *BuFDi* (федеральный доброволец); *Crowdworker*, *Influencer* и др.; номинации своих по их отношению к политическим вопросам – *Euroretter* (спасатели ЕС и евро), *Remainer* (противник брексита), *Brexiter*, *Klimatarier* и др., по типу питания или отношению к нему – *Veggi*, *Foodsaver*, *Frugalist* и др. Самые малочисленные группы – лексемы, называющие людей по эмоциям *Hater* и по половой принадлежности *nichtbinär*, *queer*. По типу образования подавляющее большинство рассматриваемых неологизмов являются композитами, возникающими в результате разных способов словосложения, контаминации, сокращения, аббревиации, аффиксации. Для реализации потребностей языка используются, в основном, английские заимствования. Вышесказанное демонстрирует роль англо-американского комьюнити на современный немецкий язык и лингвокультуру в целом, а также фиксирует сходные с английским языком изменения в быстроменяющемся информационном, цифровом мире [Миньяр-Белоручева 2012].

Находит отражение в словаре неологизмов и гуманитарный кризис 2015 г. Новые лексемы *Biodeutsche*, *Menschen mit Migrationshintergrund*, *Multikulti* отражают поляризацию немецкого общества на биологических немцев, «своих» с миграционным прошлым и других национальностей, «чужих», в связи с появлением большого количества беженцев из Азии и Африки. В это же время появляется лексема *Pegidist* для именовании членов движения *Pegida*, выступающих против приема беженцев и политики *Willkommenskultur*. Тема массовой миграции людей в Европу продолжает оказывать влияние на лексическую систему языка и сейчас. Так, *Identitärer* – неологизм, образованный по типу аффиксации от франц. слова *identitaire*, для именовании немцев, активно и резко выступающих против «чужих» и подчеркивающих свою национальную принадлежность. Хотя современный онлайн-словарь неологизмов позволяет не только констатировать факт, время и причину появления неологизма, он не предусматривает его дальнейшее функционирование в медийном дискурсе. Лексема *Querdenker* (думающий иначе – пер. наш О.И.), возникшая во время пандемии и давшее название движению *Querdenker* в 2020 г. для именовании людей, которые отвергают общепринятые нормы поведения для подавления COVID-19, получает в СМИ более широкое распространение для номинации митингующих людей. Или лексема *Reichsbürger*, которой именуют себя немцы, идентифицирующие себя с гражданами Рейха. Словарь фиксирует эту лексему как неологизм, но слово существовало и ранее, однако, теперь оно получило новое содержание. Таким образом, аксиогенные ситуации являются не только катализатором для

возникновения новых слов, но и становятся основой для осмысления представлений о своём, своём и чужом.

Литература:

[1] Миньяр-Белоручева А.П. К проблеме создания политических неологизмов // *Вестник ЮУрГУ*, №25, Челябинск, 2012. С. 32–37.

[2] Интернет-ресурс: <https://www.owid.de/extras/neo/html-info/benutzerhinweise.html>

К проблеме глагольно-объектных словосочетаний в современном китайском языке

Кондрашевский С.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель

kondrashevsky@gmail.com

Одними из наиболее актуальных вопросов в китайской лингвистике на сегодняшний день являются вопросы морфологии современного китайского языка. При этом данное направление научных интересов, хотя и исследовалось многими лингвистами, как китайскими, так и отечественными, вместе с тем, по объективным причинам остается недостаточно разработанным. Даже само понятие “слово” в тяготеющем к биномности современном китайском языке, зачастую, трактуется специалистами по-разному. Основные выделяемые нами словообразовательные модели в китайском языке исторически возникли через процесс лексикализации, что делает задачу различения непосредственно слов и словосочетаний довольно нетривиальной. Особенно справедливо это для глагольно-объектных образований, где у лингвистов отмечаются очевидные расхождения во мнениях по вопросу соотношения сложных слов и свободных словосочетаний. Наличие явления изоморфизма слов и словосочетаний на уровне семантико-синтаксической структуры, явлений коллокации, как основы словосложения отдельных единиц, наряду с нередким присутствием морфемной контракции и целым рядом исключений, не укладывающихся в предлагаемые различными учеными модели, делают вопрос выделения однозначных критериев для разграничения слов и словосочетаний еще более сложным.

Как на уровне слов, так и на уровне словосочетаний, в зависимости от типа связи между отдельными компонентами, мы выделяем несколько моделей: атрибутивную, глагольно-объектную, копулятивную, субъектно-предикативную, а также глагольно-результативную. Как показывает наша практика работы с корпусом современных текстов, глагольно-объектная модель образования как слов, так и словосочетаний, является одной из наиболее продуктивных. При этом, с точки зрения примыкания единиц, мы можем условно представить себе спектр, где на разных концах располагаются слова и словосочетания, образованные по модели глагольного управления, при этом первые являются более прочными чем вторые, а между ними располагается особая категория - 离合词 (“лихэци”, термин введен китайскими лингвистами в начале 20 века), получившая в отечественной китаеведной лингвистике самые разные названия (“глагольно-объектные биномы”, “глагольно-именные комплексы”, “раздельно-слитные слова”, “слова-словосочетания” и др.). Данная категория имеет ряд грамматических особенностей, среди которых можно выделить способность 离合词 к

разделению компонентов с помощью определений, дополнений возможности, темпоративов и т.д.; неспособность принимать после себя прямое дополнение; способность выступать в роли любого члена предложения. Нужно отметить, что и в среде китайских лингвистов на сегодня нет единого мнения, относить ли уже саму категорию 离合词 к словам или же к словосочетаниям, мы можем встретить как полярные позиции, так и компромиссные, предлагающие учитывать произошло ли разделение элементов данной конструкции в каждом конкретном примере.

Японские иероглифы в современном китайском языке

Крнета Н.Д.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

krneta@iaas.msu.ru

Японская письменность не является оригинальной. Ее основной компонент, иероглифы, был заимствован из Китая. Японцы перенимали иероглифы не только как графическое обозначение определенных понятий или объектов. Иероглифы приходили в Японию со звучанием, которое с ними ассоциировалось. При этом звучание адаптировалось в соответствии с фонетикой японского языка, а к китайским чтениям иероглифа присоединялись японские. Несмотря на то, что иероглифическая письменность была создана для обслуживания потребностей языка-изолята, который типологический существенно отличается от японского, данная система письма оказалась очень подвижной и продуктивной. Она позволяла создавать новые единицы из уже имеющихся элементов. На основе китайской модели создавались иероглифы во всех трех странах, которые заимствовали иероглифическую письменность – в Японии, Корее и Вьетнаме.

Списки иероглифов, которые в Японии принято считать не исконно китайскими, а созданными в Японии, включают в себя около 3000 знаков [2]. Такие иероглифы называются *кокудзи* 国字 «национальные знаки» или *васэйкандзи* 和製漢字 «китайские знаки, созданные в Японии». Не существует единого мнения, какие иероглифы следует отнести в эту группу. В самом широком понимании, она включает в себя как созданные на территории Японии иероглифы (напр., 峠 *то:гэ* «горный перевал», 畑 *хатакэ* «суходольное поле»), так и иероглифы, пришедшие из Китая, но значения которых в японском языке отличаются от их значения в китайском (напр., 沖 *яп. оки* «открытое море», *кит. chōng* «внезапный прилив», «напирать»). Такие иероглифы называются *коккун* 国訓. В *кокудзи* также включают и иероглифы, которые представляют собой видоизмененные китайские иероглифы, способ написания которых был упрощен в процессе реформ системы письма, проведенных в XX в. (напр., 鹽 - 塩 *сио* «соль»). В списки *кокудзи* включают те из них, которые впоследствии стали использоваться носителями китайского языка. Напр., вышеприведенный иероглиф 塩 не встречается в материковом Китае, но используется на Тайване. Написание иероглифов подвергалось упрощению и сокращению и в Японии, и в Китае, но процессы эти происходили независимо друг от друга. Тем не менее существует группа иероглифов, упрощенные варианты которых совпадают и в японском, и в китайском языках, напр., 台 *тай – tái*, 万 *ман – wàn*. Поскольку данная форма иероглифов появилась в результате реформы 1948 г. – на два

года раньше, чем произошла реформа письменности в Китае, можно предположить, что данный способ записи был напрямую заимствован из Японии в Китай. Таким образом, можно выделить ядро *кокудзи*, которое включает в себя иероглифы, созданные на территории Японии и не существовавшие прежде в Китае и Корее, и периферию данной группы слов, которая включает в себя видоизмененные иероглифы (упрощенного или сокращенного написания) и переосмысленные иероглифы (иероглифы со значением, отличающимся от первоначального).

В Китае используется небольшое число иероглифов из ядра *кокудзи*. Преимущественно, это иероглифы, употребляемые для записи некоторых японских имен и топонимов, напр., 畑 в японских фамилиях, 栃 в названии префектуры Тотиги. Такие иероглифы включаются в китайские иероглифические словари. Из известных *кокудзи* с одинаковым написанием и значением в обоих языках можно привести 腺 *сэн* - *xiàn* «железа»; 呎 *фу:то* – *chǐ/yīngchǐ* «фут» (мера длины); 腔 *тицу* – *zhì* «вагина» (уже устаревшее в китайском языке, но в словарях приводится) [3].

Таким образом можно отметить крайне незначительное влияние иероглифов созданных в Японии на иероглифическую систему китайского языка в целом, и на ее современное состояние в частности на уровне прямых заимствований. Дальнейшего исследования требуют вопросы классификации *кокудзи*, сходства и различий в способах упрощения написания иероглифов в японском и китайском языке и поиска возможного взаимовлияния в данной сфере.

Литература:

[1] Чен Л. 和製漢語と中国語 (Васэйканго то тю:гокуго, Японские *канго* и китайский язык) // *Center for Comparative Japanese Studies annual bulletin*. 2012. URL: <https://teapot.lib.ocha.ac.jp/record/files>. Дата обращения 07.03.2023

[2] 和製漢字の辞典 2014 (Васэй кандзи но дзитэн 2014, Словарь японских иероглифов 2014). URL: <https://ksbookshelf.com/nozomu-oohara/WaseikanjiJiten/>. Дата обращения 07.03.2023.

[3] 新華字典 (Xīnhuá Zìdiǎn, Словарь Синьхуа). Пекин. 1994 г. 662 с.

Грамматика арабского личного местоимения (Вопросы теории грамматики и практики обучения арабскому языку)

Лебедев В.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

lebedev@iaas.msu.ru

1. Традиционная арабская грамматическая наука относит к разряду местоимений только *личные* формы (ЛМ). Местоимения входят в *класс имен* – одну из двух знаменательных частей арабской речи.

2. ЛМ выполняет две функции: дейктическую и анафорическую. Первая обеспечивает «**коммуникацию** на межсубъектном уровне», через которую «индивид **присваивает** себе язык для личного пользования, а язык обращается в акты речи» (Э. Бенвенист). Эта функция

первична. Вторая – замещающая, отсылочная, анафорическая; востребована при вторичной номинации.

3. Дейктическую функцию ЛМ выполняет всем своим составом, включающем 60 словоформ: 12 из них являются исходными, словарными; анафорическую – 25-ю формами, 5 из них – исходные.

4. Исходными являются формы типа: $[h^u + w^a = h^u w^a \text{ 'он' }_{\text{человек/вещь}}] \longleftrightarrow [('a n^0 + t^a = 'a n^0 a \text{ 'ты' }_{\text{мужчина}}) \longleftrightarrow ('a n^a + a = 'a n^a a \text{ 'я' }_{\text{мужчина/женщина}})]$.

5. Внеязыковыми и грамматическими значениями и соответствующими им исходными формами ЛМ являются: 1) *определенность*: выражается в с е м и местоименными словоформами лексически; обладает высшей степенью определенности среди единиц именного класса; *лицо* [(говорящий \longleftrightarrow слушающий) \longleftrightarrow отсутствующий] – выражается: $[('a n^a + a \longleftrightarrow 'a n^0 + t^{a[i]u}) \longleftrightarrow h^{ui}]$; 2) род-пол *мужской-женский* – выражается гласным [i] – жен. р. (в $h^i u^a$ ‘она’, $'a n^0 t^i$ ‘ты’^{жен.}), сегментом-харфом *женщин* (в $h^u n^0 n^a$ ‘они’^{женщины}, $'a n^0 t^u n^0 n^a$ ‘вы’^{женщины}); 3) число-количество.

6. Исходная форма арабского ЛМ 1) помещается в словаре; 2) функционирует как самостоятельная единица устной и письменной речи, располагаясь между двумя паузами или пробелами соответственно; 3) характеризуется в традиционной арабской грамматической науке как *раздельное местоимение*; 4) противопоставляется тем формам ЛМ, которые не могут соответствовать формальному требованию арабской языковой системы к самостоятельному слову – иметь полную и паузальную формы: они сливаются с другим словом, образуя с ним единое фонетическое и графическое слово. В теории такие *местоимения* рассматриваются как *слитное*; 5) функционирует в пределах предикативного ядра именного предложения (его *исходного*, его *темы-подлежащего* и *ремы-сказуемого* и в ряде синтаксических позициях его распространения; 6) функционирует в тех синтаксических позициях, которые «предписывают» именному слову *словоизменительное* значение *им. п.*

7. Каждая синтаксическая позиция, занимаемая именным словом, характеризуется падежным значением. Их три: прямое – *им. п.* и косвенные – *вин. п.* и *род. п.* Раздельные формы имеются только для двух падежных значений: *им.* и *вин.*, слитные – для всех трех.

8. *Слитные формы для им. п.* функционируют исключительно в синтаксической позиции *подлежащего-субъекта глагольного предложения* типа: $r^a s^a m^0 + t^u = r^a s^a m^0 t^u$ *рисовал-я* ‘Я^{мужчина/женщина} *рисовал/а*’.

9. Для *вин. падежа*, как и для *имен.*, имеется две формы: *слитная* и *раздельная*.

Слитная функционирует, в частности, в синтаксической позиции *подлежащего именного предложения, которое начинается с частицы группы инна* $'i n^0 n^a + h^u = 'i n^0 n^a h^u$ *ведь-он* $r^a s^0 s^a m^{up}$ *художник*, в позиции *прямого дополнения глагольного предложения*, типа: $r^a s^a m^0 + t^u + h^u = r^a s^a m^a h^u$ *рисовал-я-его* ‘Я *рисовал* его’, и некоторых других.

10. *Раздельная форма личного местоимения для вин. п.* функционирует, в частности, в синтаксической позиции *прямого дополнения глагольного предложения*, обеспечивая ему мобильность в линейной структуре предложения: 1) $'i y^0 y^a a h^u r^a s^a m^0 t^u$ *его рисовал-я* ‘Его я *рисовал*’.

11. *Слитная форма для род. п.* $damir\ muttaşil\ li-l\ jarr$ функционирует только в двух типах словосочетаний: *генитивном* $muđāf\ wa-muđāf\ 'ilay-h$ и *предложном* в качестве второго члена: $r^a s^0 m^u + h^u = r^a s^0 m^u h^u$ *рисунок-его* ‘его *рисунок*’, $m^i n^0 + h^u = m^i n^0 h^u$ *из-него* ‘из него’.

12. Анафорическая функция выполняется исключительно *h-местоимениями*. Ими выражаются значения: 1) *определенность*: лексически; 2) род-пол *мужской-женский*: $huwa^{oh} \longleftrightarrow hiya^{ona}$, $hum^{они\ муж.} \longleftrightarrow hunna^{они\ жен.}$; [3] число-количество (¹ *единственное*: $huwa^{oh} / hiya^{ona}$

←→ (² не-единственное: 2.1. двойственное: humā, ←→ 2.2. множественное: 4) 2.2.1. люди: hum^{они}/hunna^{они} ←→ 2.2.2. вещи: hiya^{они}/hunna^{они} 5) 2.2.2.1 большое множество: hiya ←→ 2.2.2.2. малое множество: hunna)]. Значение лица не востребовано в анафорической функции. В то же время в ней проявляет себя «люди ←→ вещи», а также «малое множество ←→ большое множество».

13. h-формы ЛМ употребляются также как конструктивный элемент в системе арабского предложения, разделяя позиции субъекта и предиката, выраженные именными словами со значением определенности – *разделительное местоимение*. Местоименная форма huwa «работает» и как информационный элемент высказывания, подчеркивая «важность и значимость» передаваемого сообщения – *местоимение значимости*.

14. Специфическими особенностями арабской местоименной системы, требующими специальных методических решений, являются: «прозрачность» морфемного состава и внутреннего устройства каждой местоименной формы; набор выражаемых ею значений и их распределение; падежная система: ее отдельные и слитные формы; наличие нулевой формы выражения местоименного значения и ее обусловленность контекстом; чрезвычайно высокая частотность ЛМ в арабском тексте и некоторые другие. Такие решения представлены, в частности, в нашем «Полном курсе литературного арабского языка. Начальный этап» и написанном совместно с А.Ф. Садриевым «Учебнике арабского языка Корана».

Проблема выбора указательных местоимений 这 и 那 в составе временных показателей в современном китайском тексте

Ли Мэй

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, соискатель; старший преподаватель Института иностранных языков Харбинского университета
limei20141124@gmail.com*

1. Асимметричность использования местоимений ближнего и дальнего дейксисов в китайском тексте.

Указательные местоимения ближнего и дальнего дейксисов в языковом использовании не наблюдают симметрии из-за возможного отсутствия противопоставления по признаку близости – отдаленности. Часто «那 (тот/та, то, те)» не всегда может заменять то, что указано словом «这 (этот/эта, это, эти)». Самая большая статистическая таблица частоты иероглифов в китайском языке показывает: «这» занимает на 12-е место среди наиболее употребительных иероглифов с 10375 вхождениями; а «那» расположено на 37-м месте с числом вхождений 4044 [1]. Видно, что частота использования местоимений ближнего дейксиса выше, чем частота использования местоимений дальнего дейксиса в китайских текстах. Таким образом, данные по частоте слов подтверждают асимметрию в использовании местоимений дальнего и ближнего дейксисов.

Эта асимметричность воплощается в трех аспектах: это анафорическая способность, возможность указания времени и личные отношения. Мы хотели бы специально остановиться на вопросе асимметрии в использовании указательных местоимений «这» и «那» в составе временных показателей при построении китайского текстов.

2. Асимметричность использования указательных местоимений **这** и **那** в составе временных показателей в китайском языке.

Указательные местоимения «**这**» и «**那**» входят в состав многих разнообразных показателей времени: «**在这个时候** (в это время)», «**在这个早晨** (в это утро)», «**在这个八月** (в этом августе)»; «**在那一年** (в тот год, в том году)», «**在那一刻** (в тот момент)», «**从那天起** (с того дня)» и многие другие. Эти временные показатели широко допускают анафорическое употребление, а некоторые из них и дейктическое. Когда в китайском языке не используется замена местоимением, а повторяется существительное для анафоры вышеупомянутого предмета, при этой ситуации обычно добавляется указательное местоимение «**这**» или «**那**» перед повторяющимся существительным. Их сочетание продолжает предыдущий текст, указывая на то, что было сказано выше или предмет в связи с вышеизложенным, в основном используется «**这**» чаще, чем «**那**». Например:

(1) 苏珊娜在沙梅那里住了五天。**这五天**巴黎的上空升起了一个不平凡的太阳 [2] ‘Сюзанна прожила у Шамета пять дней. Пять дней над Парижем подымалось необыкновенное солнце’ [3]. В этом примере указательная группа «**这五天** (за эти пять дней)» указывает на предыдущее предложение и выполняет анафорическую функцию.

(2) “夫人，**这个时候**，塞纳河的河水是非常凉的。还是让我送您回家去吧 [2]。”(‘— Сударыня, вода в Сене в эту пору очень холодная. Давайте-ка я лучше провожу вас домой’ [3]. В этом примере указательная группа «**这个时候** (в эту пору)» предполагает, что точкой отсчета времени для говорящего является «сейчас». Иногда указательное местоимение «**这**» допускает в толковании то, что говорящий представляет себе в момент речи. Это дейктическое употребление.

По мнению Тань Аошуан «при описании одной и той же ситуации дейктическая ориентация у русского и китайского языков является различной. В китайском языке указательное местоимение указывает на внеязыковую действительность, а в русском языке осуществляется анафорическое отношение» [4]. В случаях, когда в китайском языке при наличии в контексте существительного «вспоминание» или глагола «вспоминать», имплицитно отсылая к событию в прошлом, указательные группы оформляются с помощью местоимения дальнего дейксиса «**那**». Например:

(3) 不，大概不是听旁人说的，有一次他好像还看到过这朵蔷薇，他至今还记得**那天**虽然窗外阴云密布，海峡上空起了风暴，可是这朵蔷薇却微微闪烁着金光 [5] ‘Нет, пожалуй, он однажды даже видел эту розу и запомнил, как она поблескивала, хотя за окнами не было солнца и мрачный шторм шумел над проливом’ [3].) В приведенном примере «**那天** (в тот день)» показывает, что в китайском языке указательные местоимения ориентированы на внеязыковую действительность, заданную семантикой глагола «вспоминать» и конситуацией. Точное время, место, заданность набора участников и обстоятельств разговора в тексте заставляют автора прибегать к средствам указания на ситуативную известность местоимением дальнего дейксиса «**那**».

В нашей работе отмечается чрезвычайная важность указательных местоимений именно в функциональном аспекте. Указательные местоимения «**这** (этот)» и «**那** (тот)» в китайском языке выполняют как дейктическую, так и анафорическую функции. Эти функции организуют пространственно-временные отношения в тексте вокруг субъекта речи. Выбор конкретного указательного слова в составе временных показателей определяется речевой ситуацией и контекстом. Асимметричность использования указательных местоимений тесно связывается с коммуникативными целями и менталитетом говорящего, его индивидуальным стилем и т. п.

Литература:

- [1] *Частотный словарь современного китайского языка*. Пекин: Издательство Пекинского института языка, 1986.
- [2] *Паустовский К.Г.* (Перевод Ли Ши). *Золотая роза*. Пекин: Издательство Сиюань, 2018.
- [3] *Паустовский К.Г.* *Золотая роза // Собрание сочинений* в 6 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. с. 485–699.
- [4] *Тань Аошун.* *Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка)*. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
- [5] *Паустовский К.Г.* (Перевод Дай Цуна). *Золотая роза*. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2019.

Обозначение времени суток в лексике современного японского языка

Линяев Д.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии
mitya465@gmail.com*

Каждый из нас периодически сталкивается с необходимостью коммуницировать собеседнику (слушателю или читателю) информацию о времени какого-либо события, действия или состояния.

Примеры из речевой практики показывают, что соответствующая лексика: слова и выражения – используется, с точки зрения значений, как правило, очень неточно и, что называется, по наитию: «Страшный сон приснился Раскольникову. Приснилось ему его детство, еще в их городке. Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом. Время серенькое, день удушливый, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти...» [1]. 早朝から日中にかけて、日本海側も含めて晴れる所が多いでしょう。ただ、夕方には日本海側から雲が広がり、夜には北海道から雪が降り出してくそうです (С раннего утра по дневные часы во многих регионах, включая прибрежные районы Японского моря, будет, вероятно, ясно. Однако в предвечерние часы со стороны Японского моря начнет распространяться облачность, а вечером со стороны о. Хоккайдо, вероятно, пойдет снег) [2].

Простейший анализ выражений времени суток наводит исследователя на множество вопросов. Что это за «серенькое время под вечер»? Когда кончаются чисто «дневные» часы и начинаются «предвечерние»? В определенных ситуациях возникает необходимость указывать время суток более точно.

Исследования в данной области позволили выяснить интересный факт. В японском сегменте Интернета обширную, полную и детализированную информацию по теме выражений, обозначающих время суток, предоставляет сайт Японского метеорологического агентства. На сайте существует целый раздел, посвященный выражениям времени, употребляющимся (и не употребляющимся) в текстах прогнозов погоды. Очевидно, японские метеорологи придают больше значения точности обозначения временных рамок прогнозируемых ими явлений, чем их российские коллеги.

При анализе данной лексики бросается в глаза, прежде всего, клишированность слов и выражений. Слова и выражения без помет используются в прогнозах погоды без ограничений, в то время как слова с пометой «X» используются ограниченно или не используются вообще (ср. 一日中 и (X)終日 (весь день); 未明 и (X)薄明 (в предрассветные часы)).

Кроме того, сайт предоставляет информацию о весьма четких временных рамках фаз дня. Так, например, слово 未明, буквально значащее «пока не рассвело», обозначает период с 0 до 3-х часов ночи. Слово 夜明け前 (перед рассветом) в прогнозах погоды активно не используется, но, согласно данным сайта, обозначает промежуток примерно в два часа перед временем восхода Солнца. Вместо него в прогнозах используется слово 明け方, обозначающее «на рассвете» - с 3-х часов ночи до 6-ти часов утра.

Исследование данной лексики может быть полезно как преподавателям японского языка, так и специалистам-практикам.

Литература:

[1] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Ленинград, Художественная литература, 1974 г., с. 89.

[2] Прогноз погоды на японском телевидении.

Формы бунго в современном японском языке

Нечаева Л.Т.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. научный сотрудник кафедры японской филологии

ltnechaeva@mail.ru

В современном японском языке в письменном тексте часто употребляются формы бунго – старописьменного японского языка.

Отрицательные формы бунго встречаются как отдельно стоящие, так и в глагольных конструкциях. Покажем на примерах.

Заключительная форма на む:

名護市長に自公系再選 移設強行の理由にならぬ *Наго ситё:-ни дзико:кэй сайсэн. Исэцу кё:ко:-но рию:-ни нарану.* Мэр г. Наго вновь избран от партий ЛДП и Комэйто. Не будет причин для вынужденного переселения.

Обстоятельственная форма на ず:

Формы на ず: 北京五輪 高官派遣せず 対話の継続は欠かせない

Хоккё: горин Ко:кан хакэн-сэдзу Тайва-но кэйдзоку ва какасэнай Пекинская Олимпиада.

Не посылать делегацию на высоком уровне. Необходимо продолжение диалога

Обстоятельственная форма на ずに:クロマグロ漁獲枠拡大 資源回復へ対策緩めずに *Куро магуро гё:какуваку какудай. Сигэн кайфуку-э тайсаку юрумэдзу-ни* Расширение объёмов добычи чёрного тунца. Не ослаблять меры по восстановлению морских ресурсов.

Условная отрицательная форма на *ねば*: 再エネの拡大 政策の強化を急がねば *Сай энэ-но какудай Сэйсаку-но кё:ка-о исоганэба. Сай энэ-но какудай Сэйсаку-но кё:ка-о исоганэба.* Увеличение получения возобновляемой энергии. Должны спешить.

Определительная отрицательная форма на *ざる*: 世界中の持てる国と持たざる国の間に存在する大きな溝を埋めない限り、緊張や不信、危機、衝突に満ちた 80 億人が争う世界を迎えることになる。
Сэкайтю:-но мотэру куни-то мотадзару куни-то мотадзару куни-но айда-ни сондзай-суру о:кина мидзо-о умэнай кагири, кинтё: я фусин, кики, сё:тоцу-ни митита 80 окунин-га сэкай-о мукаэру кото-ни нару. До тех пор, пока не исчезнет существующая большая разница между благополучными и неблагополучными странами, в мире с 8 миллиардным населения, полным недоверия, напряженности, конфронтаций, будут происходить столкновения.

Конструкция *ず* к *すむ*:

途上国の若者が祖国を離れず *ず* к *すむ* よう 経済発展を手助けする。*Тодзё:коку-но вакамоно-га сококу-о ханарэдзу-ни суму кэйдзай хаттэн-о тэдасукэру.* Помочь развитию экономики развивающимся странам, чтобы молодые люди на своей родине могли хорошо жить и не покидать в свою страну.

Форма повелительного наклонения на *な*:

補正予算案 財政規律を無視する *な* *Хосэй ёсанъан Дзайсэй кирицу-о муси-суру на.* План дополнительного бюджета. Не игнорировать финансовую дисциплину.

Субъективно-модальные значения в египетском диалекте

Савватеева Т.С.

ст. преподаватель кафедры арабской филологии ИСАА МГУ

savvateevats@my.msu.ru

К сфере модальности, помимо значений, отражающих противопоставление по признаку «реальность – ирреальность», а также противопоставление высказываний по иллокутивной силе, также относят значения, которые выражают отношение говорящего к тому, что он сообщает – т.е. его психологическую или ментальную установку. Так называемая, «субъективная», или установочная, модальность представляет собой грамматикализацию субъективных мнений говорящего “the grammaticalization of speakers’ (subjective) attitudes and opinions” [Palmer, 1986: 16].

К субъективно-модальным значениям относят следующие: желательность, экспрессия, ирония, упрек, сомнение, неодобрение, удивление и др. Также к зоне субъективной модальности примыкают такие логические категории как возможность и необходимость,

особенно, в их эпистемической (связанной со знанием) и деонтической (связанной с долгом) разновидностях.

Как правило, модальность в языке не выражается какой-то одной грамматической категорией. Так, в русском языке наклонение охватывает многие модальные значения, но не все. Модальность – это элемент «универсального грамматического набора» [Плунгян 2011: 94 – 95]. Субъективная модальность выражается глагольными формами (оптатив), вводными словами и словосочетаниями, специальными конструкциями, частицами и междометиями, порядком слов и интонацией. Показатели возможности и необходимости могут иметь специальные синтаксические рефлексy, позволяющие причислить их к сфере грамматической модальности. Такие показатели должны отвечать двум критериям: появление эгоцентрического модального субъекта, отличного от подлежащего, и синтаксическая неподчинимость. Например, эпистемическая необходимость может быть выражена в высказывании на египетском диалекте (ЕД) посредством вводного слова, представляющего собой страдательное причастие, субъектом которого не является подлежащее и которое не подвержено согласованию с глаголом основной клаузы в случае его употребления в другом роде или числе:

<i>mu'akkad</i>	<i>illi</i>	<i>katab-u</i>	<i>kān yi'rif</i>
<i>Firdous</i>	<i>kuwayyis</i>		
подтвержденный	тот.кто	Зписать;PFV,SG-3SG,ACCбыл.Знать;IPFV,SG	
Фирдоус	хорошо		

‘Наверняка, тот, кто написал это, знал Фирдоус хорошо’.

Несмотря на наличие в работах отечественных и зарубежных лингвистов довольно подробного описания различных типов модальности и видов субъективно-модальных значений, представляется, что в «чистом» виде в высказываниях они встречаются крайне редко. Египетский диалект, или разговорный арабский язык Египта, дает ценный материал для исследования средств манифестации говорящего субъекта в высказывании. Во-первых, анализ примеров на ЕД подтверждает размытость границ между выделяемыми видами модальности. Во-вторых, подчеркивается проблема совместимости модальных значений в одном высказывании: одна и та же пропозиция высказывания может находиться в сфере действия всех трех типов модальности – реальной/ирреальной, иллокутивной (ассертивной, побудительной или вопросительной), субъективной:

<i>huwwa</i>	<i>sab'</i>	<i>sinīn</i>	<i>šwayya</i>
3SG	семь лет	мало	
‘Разве семь лет – это мало?’			
<i>ana</i>	<i>a'rif</i>	<i>mneen</i>	
1SG	1знать;PFV,SG	откуда	

‘Откуда мне знать? (Разве не вы его видели?)’

В рамках данного доклада мы более подробно остановимся на выражении субъективной модальности в ЕД глагольной основой имперфектива (*fi'l mudāri* ‘глагола подобного») без префикса *b(i)-*, характерного для передачи значения статичности или периодичности, регулярности ситуации; префиксом будущего времени *ha-*, а также – специальными конструкциями, в частности: «*lāzim* (*u др. подобные лексемы*) + глагольная/именная ПК», «*ba'a/yib'a* + глагольная/именная ПК».

Есть основания предполагать, что передача субъективной модальности в высказывании на ЕД нелексическими средствами возможна только в сочетании с иллокутивными

значениями или значением «реальности – ирреальности». Примечательно, что в значимой комплексной работе К. Брустад по четырем диалектам (марокканскому, египетскому, сирийскому и кувейтскому) [Brustad, 2000], напротив, намеренно рассматривается роль самой по себе формы «глагола подобного» в формировании модальных значений – в отрыве от лексических средств и других маркеров модальности.

Литература:

[1] *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

[2] *Brustad K.* The syntax of spoken Arabic: a comparative study of Moroccan, Egyptian, Syrian, and Kuwaiti dialects. Georgetown University Press, Washington D.C., 2000.

[3] *Palmer F.R.* Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Глоттографический анализ ударения в персидском языке

Силантьева Л.Г.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель

lyubovsilantieva@yandex.ru

В последние годы всё большую популярность в научном лингвистическом сообществе приобретает экспериментальная фонетика. Активное усовершенствование технологий оказало положительное влияние на развитие лингвистического знания и позволило получить новые более точные данные, что было недоступно на более ранних этапах изучения языков без применения инструментальных методов исследования. Наиболее эффективным выглядит обращение к эксперименту при изучении фонетического строя языка, характерных черт ударения и просодической системы.

Внутреннее число акустических исследований проведено на материале иранских языков. На данный момент обнаружено, что тональное ударение характерно для многих иранских языков, таких как персидский и таджикский. Количественное ударение также широко распространено и встречается, например, в языках дари и пушту. Экспираторное ударение обнаруживается в нескольких иранских языках, но только как один из элементов многокомпонентного. Спектральное ударение – наиболее редкое явление для иранских языков – наблюдается в пушту. Словесное ударение также может быть многокомпонентным, как, например, в ваханском языке [Иванов, Силантьева, в печати].

Однако, ряд вопросов, касающихся в том числе механизмов речеобразования таким артикуляторным органом, как гортань, а также особенностей ударения и просодии в данных языках, требуют дальнейшего комплексного экспериментального изучения.

Основная цель нашего исследования заключается в изучении работы ларинкса и голосовых связок в процессе артикуляции речевых сегментов и установлении взаимосвязи между акустическими и ларингальными характеристиками слононосителей и их ударностью в иранских языках.

На настоящий момент в рамках инструментального фонетического исследования была проведена серия экспериментов на материале персидского и ваханского языков. В обоих

языках запись речи носителей, сегментация речевого сигнала и акустико-глоттографический анализ полученных реализаций проводились с помощью программ Real Time EGG, Praat и Adobe Audition в Лаборатории Экспериментальной Фонетики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. В каждом гласном слононосителе были измерены акустические параметры: длительность T , интенсивность I и частота основного тона F_0 ; их интегральные параметры: F_0 -area, I -area и Volume; а также ларингальные параметры: инфразвуковая частота Sub и вертикальное смещение ларинкса VLP.

Персидский язык относится к юго-западной подгруппе иранской группы языков. В различных диалектальных разновидностях язык распространен в Иране, Афганистане, Пакистане, Таджикистане, Узбекистане и странах Персидского залива.

Исследование, проведенное на материале персидского языка, показало, что маркирование ударного слога, помимо известного фактора повышения частоты основного тона F_0 (тонический коррелят, $Sig=0,019$), производится снижением инфразвуковой частоты колебаний ларинкса Sub (ларингальный коррелят, $Sig=0,015$). Стоит отметить разнонаправленность изменения частот в ударном слоге: значения акустического параметра при ударности слононосителя повышаются, а ларингального – снижаются. Данную закономерность можно объяснить тем, что при большей напряжённости мышцы ларинкса оказывают потоку воздуха, идущему из лёгких, и иным сопутствующим воздействиям, большее сопротивление, что в свою очередь замедляет их движение, что выражается в понижении инфразвуковой частоты. Напряжённость гортани в вертикальном направлении не препятствует повышению частоты горизонтальных колебаний голосовых связок.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в отличие от тонического коррелята ларингальный коррелят является более робастной характеристикой при маркировании ударения в персидском языке. Тонический коррелят становится статистически значимым только при использовании относительных значений повышения частоты основного тона F_0 в ударном слоге, так как частота основного тона F_0 неразрывно связана с гендерной принадлежностью и индивидуальными особенностями говорящего: тонирование просодии слова у мужчин и женщин происходит в разных октавах. В этой связи абсолютные значения частоты основного тона F_0 при определении ударных слогов в речевом потоке нерелевантны ($Sig=0,446$). При этом абсолютные значения ларингального коррелята Sub могут быть использованы для обнаружения ударного слононосителя в реальном времени и без перевода в относительные значения ($Sig=0,016$). Единственным осложняющим фактором является необходимость использования специальной установки с глоттографом и соответствующим программным обеспечением для измерения инфразвуковой частоты Sub колебаний ларинкса в процессе речевого производства.

Отметим также, что, несмотря на значимость инфразвуковой частоты Sub, параметр вертикального смещения ларинкса VLP оказался нерелевантным ($Sig=0,667$) [Силантьева 2022]. Однако, вопрос значимости амплитудной составляющей VLP для маркирования ударности слога в персидской речи требует дальнейшего изучения.

Интересным выглядит сопоставление сделанных нами обобщений по особенностям маркирования ударения в персидском языке с результатами экспериментов по определению характерных черт ваханского ударения.

Ваханский является одним из памирских языков, которые относятся к восточной подгруппе иранской группы языков. Районы проживания носителей ваханского языка относятся к территориям Таджикистана, Афганистана, Пакистана и Китая. Важно отметить,

что для большинства ваханцев характерно многоязычие. Кроме того, ваханский язык не имеет официальной письменности, литературной нормы и учебно-педагогического статуса. Все эти факторы оказывают влияние на произносительные особенности носителей языка.

Статистические результаты первого эксперимента на материале ваханского языка, заключавшегося в акустическом анализе микрофонного сигнала, обнаружили высокосвязную связь всех исследуемых параметров (длительности T , интенсивности I и частоты основного тона F_0) с ударностью слононосителя ($\text{Sig} < 0,001$). Стоит подчеркнуть, что подобный результат для иранских языков является исключительным, так как ударение, маркируемое всеми вышеупомянутыми параметрами, ранее встречалось только в одном изолированном языке – бурушаски [Иванов 2013]. Данное сходство можно объяснить одним из вариантов двуязычия ваханцев, проживающих на севере Пакистана: носители ваханского владеют также и языком бурушаски, просодическая система которого могла оказать влияние на просодию в местном говоре ваханского языка ввиду ареального взаимодействия.

Статистический анализ данных второго эксперимента, в котором для записи речи носителей ваханского языка помимо микрофона использовался глоттограф, подтвердил, что параметры длительности и частоты основного тона, равно как и их интегральные параметры $F_0\text{-area}$ и Volume , высокосвязно связаны с ударением ($\text{Sig} < 0,001$). Интенсивность I и её производного параметра $I\text{-area}$, согласно результатам, обладают несколько меньшей значимостью ($\text{Sig} = 0,001$ и $\text{Sig} = 0,002$ соответственно). Ларингальные параметры инфразвуковая частота Sub и вертикальное смещение ларинкса VLP для маркирования ударения оказались незначимыми ($\text{Sig} = 0,838$ и $\text{Sig} = 0,897$ соответственно) [Иванов, Силантьева 2019; 2020].

Литература:

- [1] *Иванов В.Б.* Гласные и многокомпонентное ударение языка бурушаски. Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (15 апреля 2013 г., МГУ имени М.В. Ломоносова, ИСАА), 2013: 76–78.
- [2] *Иванов В.Б., Силантьева Л.Г.* Акустико-глоттографический анализ ваханского ударения. *Мир науки, культуры, образования*, 2019, 6 (79): 525–527. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10224>
- [3] *Иванов В.Б., Силантьева Л.Г.* Pitch and duration as main factors of Wakhi stress. *European Journal of Natural History*, 2020, 3: 115–119. <https://doi.org/10.17513/ejnh.34098>
- [4] *Силантьева Л.Г.* Результаты акустико-глоттографического исследования персидской просодии. *Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 14-22 апреля 2022 г): материалы научной конференции*, 2022: 255–258.

Вариативное маркирование субъекта в предложениях хинди с непереходными глаголами в формах совершенного вида

Хохлова Л.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии

khokhl@iaas.msu.ru

Эргативная конструкция в хинди употребляется преимущественно с переходными, номинативно-аккузативная – с непереходными предикатами. Существуют, однако, переходные глаголы, никогда не употребляющиеся в эргативной конструкции, например, *lānā* «приносить» а также глаголы, допускающие как эргативное, так и номинативное маркирование субъекта: *samajhnā* «понимать», *jannā* «рождать», *jītnā* «побеждать», *hārnā* «проигрывать», *bolnā* «говорить». Варьирование в маркировании субъекта зависит от эксплицитного выражения в предложении прямого дополнения, а также от различных социолингвистических факторов, рассмотрение которых выходит за пределы настоящей работы.

Предметом настоящего исследования является рассмотрение эргативного маркирования субъекта при непереходных предикатах. По мнению некоторых лингвистов, такие предикаты делятся на два класса: первый класс составляют глаголы, употребляющиеся только с эргативным субъектом: *nahānā* «совершать омовение», *chīⁿknā* «кричать», во второй класс входят глаголы, допускающие варьирование в маркировании субъекта: *cillānā* «кичать», *cīkhnā* «кричать», *nācnā* «танцевать», *gānā* «петь», *khāⁿsnā* «кашлять» [Kachru, Y. 1980], [Mohanani, T. 1994]. По мнению М. Батт, волитивное действие имплицитно эргативное, инволитивное – номинативное маркирование субъекта [Butt, M. 1993]:

(1) *vah* / *us-ne* *cīkh-ā*
 он.NOM / он.OBL.ERG кричать-AOR.M.SG
 «Он крикнул» (невольно при номинативном и намеренно при эргативном оформлении субъекта).

(2) *beṭī* *kḥāⁿs-ī*
 дочь.F.SG кашлять-AOR.F
 «Дочь кашлянула» (простудилась).

(3) *beṭī* *ne* *kḥāⁿs-ā*
 дочь.F.SG ERG кричать-AOR.M.SG
 «Дочь кашлянула» (намеренно, чтобы родители решили, что она больна и разрешили не ходить в школу).

Я. Качхру и Р. Пандхарипанде отрицают связь между номинативным/эргативным маркированием субъекта и какими-либо семантическими характеристиками глаголов [Kachru, Y. & Pandharipande, R. 1979].

Предположения, что такие связи все же существуют, продолжают будоражить умы лингвистов. Я подготовила конструкции с непереходными глаголами, предполагающими варьирование эргативного/номинативного оформления субъекта, и попросила 30 студентов Университета им. Дж. Неру – носителей хинди – выбрать предпочтительную для них форму. Глаголы *nahānā* «совершать омовение», *nācnā* «танцевать» и *gānā* «петь» всегда предполагают волитивное действие, для глаголов, которые могут обозначать как волитивное, так и инволитивное действие, предлагались два контекста типа (2) и (3).

Количество опрошенных не позволяет сделать статистические выводы о связи оформления субъекта с волитивной/инволитивной семантикой глагола, однако проведенный эксперимент дает возможность предложить некоторые гипотезы, нуждающиеся в дальнейшей проверке:

I. Только глагол *nahānā* «совершать омовение» был употреблен всеми опрошенными носителями исключительно в эргативной конструкции.

II. Эргативное/номинативное маркирование субъекта варьировалось у разных опрошенных, например, в предложениях (2) и (3) 11 человек употребили номинативную, 19 – эргативную конструкцию, однако у всех опрошенных варьирование в оформлении субъекта не было связано с оппозицией по волитивности/инволитивности действия.

III. В языке некоторых опрошенных обнаружилась неожиданная семантическая оппозиция: 3 из 30-ти опрошенных (которые выбрали номинативную конструкцию с глаголом *chīⁿknā* «чихать» вне зависимости от волитивности/инволитивности действия) предпочли эргативное оформление субъекта в том случае, когда глагол *chīⁿknā* «чихать» имел значение плохой приметы, предвещающей неприятности:

(4)	<i>us-ne</i>	<i>jab</i>	<i>chīⁿk-ā</i>	<i>tab</i>	<i>sab-k-e</i>
	он-ERG	когда (отн.)	чихать-AOR.M.SG	тогда (соотн.)	все-GEN.M.PL
	<i>cehr-e</i>	<i>laṭak</i>	<i>gay-e</i>	<i>kyoⁿki</i>	<i>kāryakram k-e</i>
	лицо-M.PL	повиснуть	идти-AOR.M.PL	потому что	программа GEN.M.PL
	<i>śurū meⁿ</i>	<i>hī</i>	<i>apśakun ho</i>	<i>gay-ā</i>	<i>th-ā</i>
	начало в	EMPH	плохой знак	быть	идти-AOR.M.SG
					быть-PAST.M.SG

«Когда он чихнул, все нахмурились, так как в самом начале программы появился дурной знак».

Литература:

- [1] Butt, M. Conscious Choice and some Light Verbs in Urdu// Verma M.K. (ed.) *Complex Predicates in South Asian Languages*. Delhi, Manohar publication, 1993: 31-46.
 [2] Kachru, Y. *Aspects of Hindi Grammar*, Manohar Publication, New Delhi, 1980: 63-64.
 [3] Kachru, Y. & Pandharipande, R. *On Ergativity in Selected South Asian Languages*, South Asian Language Analysis 1, 1979: 193 – 210.
 [4] Mohanan, T. *Argument structure in Hindi*. Stanford, California, CSLI Publications, 1994: 69 – 79.

Когнитивная метафора в заголовках российских СМИ: особенности и проблемы при переводе на китайский язык

Подводная красная

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии
kaqusha686@yahoo.com

1. Согласно теории когнитивной лингвистики, метафора представляет собой результат процесса метафоризации мышления, т. е. познания, формирования знаний человека о мире и их репрезентации на языковом уровне по определенной когнитивной – метафорической – модели. С помощью этой модели создается «схема связи между двумя понятийными сферами – «сфера-источник» и «сфера-цель», между которыми устанавливается метафорическая связь, благодаря чему понятие из первой сферы понимается в терминах второй сферы [1].

2. Метафорическая модель существует в сознании носителей языка и культурно обусловлена. В русском и в китайском языке находятся аналогичные метафоры, которые

представляют похожие языковые картины мира, например: *Время – это деньги* (时间就是金钱), *Жизнь – это игра* (生活是游戏/人生如戏), *Жизнь – это борьба* (生活是搏斗). В обоих языках на основе метафорического осмысления абстрактного понятия «время» («时间») по когнитивной модели связи с конкретным бытовым понятием «деньги» («金钱») возникают такие словосочетания, как *драгоценное время* (珍贵的时间), *тратить время* (花时间), *масса времени* (大量的时间) и др. Такие когнитивные метафоры и образованные на их базе словосочетания не создают сложности для перевода.

3. Когнитивные метафоры в российских СМИ бывают двух больших типов. 1-й тип метафоры – это устойчивые и узуальные словосочетания, метафоричность которых для носителя языка уже не остро ощущается, например, *цены выросли, повысились/ упали, снизились; экономический рост/ спад* и др. Их метафоричность отчетливо ощущается представителями других культур из-за необычной образности выражений и трудности их перевода на свой язык. В качестве примеров таких заголовков можно привести: «*Рублю некуда расти*» [2]; «*Источник сообщил, что Костомаров начал приходить в сознание*» [3]. Сложность, с которой сталкивается китайский переводчик, заключается в ощущении необычности метафорических моделей в оригинале «*Сознание – это пункт маршрута следования*», «*деньги – как человек*», которые отличаются от китайских «*сознание – это ясный день*», «*деньги – как уровень воды*». Следовательно, перевод на китайский выстраивается из этих базовых метафор: «*卢布没地儿再涨了*» и (букв.: «*Рубль нет места расти*») «*消息人士称科斯托马洛夫开始苏醒*» (букв.: *Источник сообщил Костомаров начал просыпаться*). 2-й тип метафоры – это окказиональные языковые явления, которые охватывают индивидуальные «свежие» метафоры, а также приемы так называемой «языковой игры», основанные на когнитивных метафорах. Последнее с точки зрения сопоставительного исследования русской и китайской языковой картины представляет больший интерес. В качестве примеров можно рассматривать заголовочный комплекс из газеты «Известия»: «*На скаку восстановят. Жители новых регионов столкнулись с проблемами из-за утраты архивов*» [4]. Первая часть этого заголовочного комплекса – собственный заголовок – представляет собой лексическую языковую игру, основанную на обыгрывании строчки «*Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет*» из поэмы Н. Некрасова (1821–1877) «Мороз, Красный нос». Несомненно, автор заголовка намерен с помощью словообразовательной трансформации известного языкового прецедента создать юмористический эффект и таким образом привлечь внимание читателя. Однако, такая языковая тактика вряд ли удастся при переводе из-за отсутствия упомянутого прецедента в когнитивном плане у представителей другого национально-лингвокультурного сообщества. Таким образом, вполне возможно пропустить упомянутую отсылку на текстовой

прецедент, который в содержательном плане мало имеет отношение к тексту заголовка и полному тексту публикации. А для передачи смысла и сохранения образа «скачок коня» в переводе, опираться на когнитивную модель связи между сферой-источником «скачок коня» и сферой-целью «скорость выполнения какого-то действия». В результате можно получить три варианта перевода: а) «快马加鞭加紧补办», б) «马不停蹄加紧补办», в) «立马加紧补办». Во всех трех вариантах использован образ «коня», причем в первых двух случаях употребляются китайские образные фразеологизмы (буква.: «Погонять рысака плетью» и «Лошадь не останавливает копыта»). Вариант в) по сравнению с а) и б) является более подходящим переводом с точки зрения достижения юмористической цели благодаря созданному метафорой образу «стоять на лошади» и стилю разговорной речи.

Литература:

[1] Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

[2] *Коммерсантъ*. 07.01.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5757855> (дата обращения 05.03.2023)

[3] *Известия*. 04.03.2023 <https://iz.ru/1478786/2023-03-04/istochnik-soobshchil-что-kostomarov-nachal-prikhodit-v-soznanie> (дата обращения 04.03.2023)

[4] *Известия*. № 38 (31211). 15.02.2023.

Религии, философия и культура на Востоке

Аспекты формирования христианской общины в Южной Индии на рубеже XVII–XVIII вв. (на примере Пондишери)

Асташина Е.О.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра истории Южной Азии
astashina.ek@yandex.ru*

Появление в Индии новой («заморской») веры стало результатом двух волн христианизации. Первую обычно связывают с именем апостола Фомы: считается, что в разных частях Южной Азии он основал несколько церквей и читал проповеди на юге Индостана. Второй волной стала эпоха Великих географических открытий, в ходе которой европейцы направились в Индию. Именно тогда началось формирование христианской общины в Южной Индии, и основу процесса заложили прежде всего французы, служившие во французской Ост-Индской компании. Наиболее значимой фигурой в образовании общины был Франсуа Мартен (1634–1706) – один из служащих Компании; в Индии он находился в 1660–1700-х годах.

О своем пребывании на Индостане Мартен подробно рассказывает в мемуарах «Воспоминания Франсуа Мартена, основателя Пондишери» [2]; в отечественной индологии этот источник ранее не вводился в научный оборот. Из текста следует, что Франсуа Мартен был успешным администратором, ставившим интересы Ост-Индской компании на высшую ступень. Он осознавал важность установления связей с как с крупными, так и небольшими соседними княжествами; впоследствии умело пользовался ими, защищая подвластные Франции территории. Мартен выстраивал отношения с князьями и одновременно – имплицитно – занимался «пропагандой» среди элиты практически неизвестной для жителей Индостана новой религии. Таким образом, Франсуа Мартен был вовлечен и в торговлю, и в дипломатию, и в миссионерство, хотя последнее и не являлось основной задачей его деятельности.

При Мартене поселение Пондишери на восточном побережье росло с невероятной скоростью, и одним из результатов его деятельности стало желание большого количества французов осесть в этом климатически приятном и перспективном месте; они в дальнейшем и составляли костяк элиты христианской общины в Пондишери. Будучи губернатором, Франсуа Мартен явился инициатором нескольких визитов миссионеров, принадлежавших к ордену капуцинов. Среди них в 1690-х годах оказались французские монахи Ефрем и Ксенон. Они основали в Пондишери монастырь – главным образом, для удовлетворения религиозных потребностей европейцев. Однако храмы, появившиеся в Пондишери при Мартене, посещать могли все желающие. Проповеди там велись как на французском, так и на тамильском языке. Простота римско-католических миссионеров и пропагандируемые ими идеалы стали

привлекать местных жителей, что, в свою очередь, способствовало постепенному распространению в Пондишери новой веры [3, с. 17].

Так, по данным французских источников, в годы губернаторства Мартена некий новообращенный в христианство Танаппа Мудалияр получил при крещении новое имя Лазаро Мотта и выступил с предложением пожертвовать участок земли, на котором капуцины смогли бы построить часовню. Со временем многие члены общины мудалияров изъявили желание следовать новой вере и в XVIII столетии «заполнили» часовни Пондишери. Со временем небольшая рыбацкая деревушка превратилась в город и рассталась с вековыми обычаями; изменения происходили благодаря интенсивному внедрению там христианства [1, с. 22].

Тогда же Пондишери стал выполнять функцию транзитного миссионерского пункта на пути в Юго-Восточную Азию. Упоминания об этом в воспоминаниях Франсуа Мартена появляются эпизодически, но тем не менее они весьма показательны. Так он описывает один из эпизодов: «Миссионеры Леруайе и Парго сели на английский корабль, чтобы отплыть в Тонкин. Во время своего визита в Рим [отец] Ташар добился от нашего Святого Отца, чтобы тот направил двух отцов-иезуитов в Королевство. Не могу не сказать, что я сильно переживал отъезд Леруайе, так как доверие к нему было сильным. Члены миссии были облачены в одеяния армян, чтобы команда английского корабля не узнала в них французов. Вместе с тем, губернатор Мадраса был хорошо осведомлен об их присутствии, именно по его приказу капитан принял их на борт» [2].

В целом в мемуарах Мартена встречается немного данных, напрямую связанных с христианами и христианством в Пондишери. В основном он повествует о своих взаимоотношениях с индийскими правителями, о военных столкновениях, о сложных взаимоотношениях французов с другими европейцами. Однако и те скудные сведения, которые обнаруживаются в тексте, позволяют сделать вывод: первый французский администратор Пондишери Франсуа Мартен, создал начальные условия как для привлечения туда европейцев, так и для обращения местных жителей в новую – христианскую – веру.

Литература:

- [1] *Launay A.* Histoire générale de la Société des Missions Etrangères. Vol. 3. Paris: Téqui, 1894. 670 p.
- [2] *Martin F.* Mémoire de François Martin – fondateur de Pondicherry (1665-1696). Vol. 2. Paris: Société de l'Histoire des colonies françaises, 1932. URL: https://www.persee.fr/doc/sfhom_1961-8166_1932_edc_3_2 (дата обращения: 05.03.2023).
- [3] *More J.B.P.* From Arikamedu to the Foundation of Modern Pondicherry. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt Ltd, 2014. 240 p.

**Мусульманский компонент *Гуру-грантх*: современные подходы к исследованию
сикхского текста**

Бочковская А.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии
abochkovskaya@iaas.msu.ru*

Священный сикхский текст *Гуру-грантх* (*Ади-грантх*, *Гуру-грантх-сахеб*), основной корпус которого был составлен в начале XVI в., включает более 6 тысяч *шабадов*/гимнов. В число его авторов входили сикхские гуру (Нанак, Ангад, Амар Дас, Рам Дас, Арджун, Тег Бахадур; Гобинд Сингх), *бхагаты* – поэты-*бхакты* и суфии (Шейх Фарид, Кабир, Равидас, Намдев, Сурдас, Джайдев и др.), а также *бхатты* и *гурсикхи* – певцы и музыканты, духовно близкие сикхским гуру. Многокомпонентность *Гуру-грантх* обусловлена спецификой новой веры, возникшей на рубеже XV–XVI вв. в результате синтеза идей, которые были присущи индуизму (в форме средневекового *бхакти*) и исламу (прежде всего, суфизму). Сикхское сообщество было призвано объединять последователей учения Нанака (1469–1539) безотносительно их религиозной принадлежности, а также касты, пола, возраста, социального положения.

Мусульманский субстрат *Гуру-грантх* очевиден прежде всего визуально – в оформлении и декорировании страниц, а также (до 1860-х годов) в технике переплета 1430-страничного текста [1, с. 100]. Ряд структурных и содержательных компонентов *Гуру-грантх* имеет немало общего с Кораном. Так, системное повторение формулы с провозглашением божественного единства (*эк-онкар*) и превозношением роли гуру в постижении Всевышнего (*гурпрасади*) аналогично *бисмилла* («Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного»), с которой начинаются все, кроме девятой, части (*сурь*) в священной книге мусульман. В смысловом отношении сикхская формула перекликается с *шахадой* (свидетельством) – мусульманским символом веры («Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха») [1, с. 101-102]. Монотеизм, трансцендентность и имманентность божественной сущности; эгалитаризм; неразрывность духовной и мирской составляющих в жизни человека; роль религиозной общины, – эти и другие ключевые идеи учения Нанака, высказанные в *Гуру-грантх* ее авторами (и мусульманами, и немусульманами), указывают на колоссальное значение исламской составляющей в формировании сикхизма.

В *Гуру-грантх* входят произведения – гимны и отдельные строфы – шести поэтов-мусульман: *бхагатов* Шейха Фариды (4 гимна, 112 строф), Кабира (224 гимна, 237 строф), Бхикхана (2 гимна), а также *гурсикхов* Марданы, Сатты и Балванда. При этом некоторые исследователи высказывают сомнение относительно религиозной принадлежности Кабира (1398–1448/1518) и Бхикхана (1480–1573). Ни тот, ни другой нигде не называют свою религию;

Кабир упоминает лишь свою касту (джулаха/ткач), говорит о том, что изготовление тканей было наследственным занятием его семьи, а в одном из гимнов сообщает, что «Кабир – дитя Рамы и Аллаха, он принимает всех [индусских] гуру и пиров [мусульманских святых]» [3, с. 82].

Множественная религиозная идентичность Кабира и ряда других авторов Гуру-грантх определялась, очевидно, тем, что «быть мусульманином в Северной Индии в пятнадцатом столетии означало по-прежнему оставаться наполовину индусом, поскольку люди, прежде всего низкокастовые индусы, которые находили удобным массово принимать религию завоевателей [мусульман. – А.Б.], совсем не обязательно отказывались от своих богов и практик» [3, с. 81]. Неудивительно, что Кабира «апроприировали» и мусульмане, и индусы: с XVI в. в Северной и Северо-Западной Индии возникали разные сообщества, провозглашавшие средневекового поэта-ткача своим гуру. Это было особенно свойственно Панджабу/Пятиречью – родине сикхизма, где вплоть до последней четверти XIX в. религиозные границы оставались крайне нечеткими. Некоторые такие сообщества сохранились и поныне.

Мусульманский компонент священного текста Гуру-грантх в докладе рассматривается в контексте «конструирования религиозных рамок» – концепта, предложенного известным исследователем истории сикхизма Харджотом Обероем [2].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Литература:

[1] *Mann G.S.* The Making of Sikh Scripture. New Delhi: Oxford University Press, 2009 (2001). 194 p.

[2] *Oberoi H.* The Construction of the Religious Boundaries. Culture, Identity and Diversity in the Sikh Tradition. Delhi: Oxford University Press, 1994. 494 p.

[3] *Singh P.* The Bhagats of the Guru Granth Sahib. Sikh Self-Definition and the Bhagat Bani. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 210 p.

Профессор И.Ф. Готвальд и его арабо-мусульманское наследие в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета

Валеев Р.М.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт международных отношений, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

И

Валеева Р.З.

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации
valroz@mail.ru*

Доклад посвящен деятельности востоковеда-арабиста российского и германского происхождения Иосифа Федоровича Готвальда (Gottwaldt / Gotwald Joseph) (1813–1897) в области изучения истории и культуры народов мусульманского мира в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, а также в Императорском Казанском университете в 1849–1897 гг.

И.Ф. Готвальд занимает важное место в истории, науке и культуре российского государства и общества XIX в. В течение почти 50 лет служения России он увлеченно и самоотверженно занимался комплексными арабо-мусульманскими исследованиям в Санкт-Петербурге и Казани. В его творчестве ярко проявились важные черты и особенности российского востоковедения XIX в. В плеяде выпускников университетов Германии, оказавшихся в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга, а затем в Императорском Казанском университете, он занимает почетное место наряду с Христианом Даниловичем Френем (1792–1851) и Фёдором Ивановичем Эрдманом (1793–1862). Оценивая казанских арабистов, выдающийся востоковед, академик И.Ю. Крачковский писал: «В самом конце [18]40-х годов, уже накануне ликвидации разряда восточной словесности, на университетской кафедре, впервые после Френа, появился серьезный арабист с основательной подготовкой – И.Ф. Готвальд (1813–1897)» [1, с. 123].

Анализ посвященных биографии И.Ф. Готвальда архивных документов, хранящихся в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета и в других российских архивных центрах, позволяет уделить особое внимание систематизации педагогической, научной и общественной деятельности этого талантливого ученого, профессора арабского и персидского языков, собирателя арабо-мусульманских рукописей, библиотекаря университета и член-корреспондента Академии наук (1870 г.), а также выявить его роль в переломный период развития востоковедения в Казанском университете в середине – второй половине XIX в. Важными чертами творчества И.Ф. Готвальда стали работоспособность, подвижность, широта интересов и масштабность арабо-мусульманских исследований.

Опубликованные и рукописные материалы о жизни и деятельности И.Ф. Готвальда отличаются разнообразием содержания, типологией и степенью информативности. Однако единая база этих архивных документов отсутствует [3], и только их комплексное изучение

позволит воссоздать значимые страницы его академической биографии и по достоинству оценить его наследие и вклад в изучение арабо-мусульманской цивилизации.

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проекты № 23-18-00406, № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Литература:

[1] Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.V. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 527 с.

[2] Крачковский И.Ю. Письма шейха Тантави к И.Ф. Готвальду // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1929. С. 647-654.

[3] Катанов Н.Ф. Императорского казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Фёдорович Готвальд. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1900. 240 с.

Тюркские и иранские народы Кавказа в наследии Б.В. Миллера. К 145-летию со дня рождения профессора МГУ

Валеев Р. М.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт международных отношений, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Валеева Р.З.

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации

valroz@mail.ru

Кириллина С.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока

К

Коняшкина Т.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

konyashkina@iaas.msu.ru

В 2022 г. исполнилось 145 лет со дня рождения отечественного ираниста, профессора, заведующего кафедрой иранской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Бориса Всеволодовича Миллера (1943–1953), а в 2022/2023 г. исполнилось 120 лет с начала его академической, экспедиционной и дипломатической деятельности. Круг

научных интересов Б.В. Миллера как востоковеда-ираниста широк: лексикография и лингвистика в ее фольклорном и историко-этнографическом преломлении, комплексные исследования в области географии, истории, а также изучение истории культуры малых иранских народов, особенно кавказского региона – талышей, татов, курдов. Значимым исследовательским рубежом и предметом глубокого академического изучения в 1930 – 1950-х годах стали для Б.В. Миллера язык, фольклор и литература талышей – иранской народности, обитающей в Азербайджанской ССР, а также в сопредельном Иране. Фундаментальными работами в этой области являются его «Талышские тексты: тексты, русский перевод и талышко-русско-французский словарь» (1930 г.) и «Талышский язык» (1953 г.). Основной значительный материал как по фольклору (сказки, песни), так и грамматический, посвященный талышскому языку и культуре народа, был собран Б.В. Миллером в результате полевых экспедиций в 1902 и 1925 гг. Важной страницей истории российской двуязычной лексикографии стал подготовленный им «Персидско-русский словарь», который на новом этапе продолжил традиции изучения классического персидского языка. Б.В. Миллер стал одним из основоположников советской/российской иранской филологии и лингвистики в МГУ и нового направления университетского знания, ориентированного на изучение языков и культуры иранских народов Кавказа.

Научная биография и драматическая судьба Б.В. Миллера, во многом связанные с бурными общественно-политическими и культурными изменениями рубежа XX в., комплексно не изучались, и, хотя профессионалы знакомы с его фундаментальными трудами, посвященными живым иранским языкам, в российской и европейской литературе отсутствует исчерпывающее представление об этапах жизни ученого и его вкладе в развитие отечественной и мировой иранистики. Введение их в научный оборот, возрождение памяти о профессоре Б.В. Миллере, его соратниках и учениках, тесно сотрудничавших с ним, станет ярким свидетельством не только значения преемственности научного знания, но и своеобразного «возвращения» в академическую иранистику проблематики т.н. малых языков, диалектов и говоров, изучение которых в последнее время стало одной из задач современного востоковедения.

В докладе представлены обзор и оценка основных этапов жизненного пути Б.В. Миллера в Москве, Санкт-Петербурге и Казани и его научно-педагогического наследия прежде всего в области истории и культуры иранских народов Кавказа в эпоху становления советской академической и университетской иранистики. В связи с отсутствием полной и доступной библиографии и библиографического описания разбросанных по различным сборникам и журналам публикаций Б.В. Миллера задачей нашего исследования является

поисковая и исследовательская работа, посвященная одной из незаслуженно забытых страниц российской иранистики.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проекты № 23-18-00406, № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Литература:

Миллер Б.В. Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г. Доклад на заседании историко-этнографической секции об-ва 14.09 1925 г. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926. 12 с.

Миллер Б.В. Талышские тексты: тексты, русский перевод и талышско-русско-французский словарь. М.: РАНИОН, 1930. 261 с.

Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. Около 35000 слов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. 668 с.

Боги индуизма в буддийской поэзии Шри-Ланки. На материале поэмы «Кавсилумина» («Драгоценный венец поэзии»), XIII в.

Волхонский Б.М.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
borvolk@iaas.msu.ru*

В докладе рассматривается использование образов индуистских богов в буддийской сингальской поэме «Кавсилумина» («Драгоценный венец поэзии», XIII в.), написанной на сюжет палийской «Джатаки о [царе] Кусе» (*Kusa-jātaka*). Автор «Кавсилумины» – царь Паракрамабаху II, правивший с 1234 по 1269 г. и известный тем, что сумел объединить разрозненные сингальские царства и успешно противостоял южноиндийским захватчикам.

Как было показано в предыдущем докладе автора [3], доминирующая целевая установка поэмы в корне отличается от той, что определяет собой сюжет и систему образов исходной джатаки. Если в основе джатаки лежит этическая схема «грех – воздаяние – добродетель – искупление/награда», то в поэме доминирует идея «идеальный царь как основа благосостояния государства».

Различием исторических условий и целевых установок двух произведений обуславливается и различие сюжетных линий, композиции, системы образов. Это проявляется и в использовании образов богов и иных сверхъестественных существ. Если не считать одного

мимолётного упоминания ведийского бога смерти Ямы, то единственным богом, фигурирующим в джатаке, является царь богов Индра, в буддизме выступающий под именем Шакра и считающийся распорядителем земных судеб (сопоставления с палийским оригиналом даются по русскому [4] и английскому [2] переводам «Джатаки о Кусе»). Именно он даровал царице Шилавати двух сыновей: первенца – умного и добродетельного, но некрасивого Кусу и младшего – красивого, но глупого Джаямпати.

В поэме, где центральный персонаж предстаёт как идеальная личность, на его некрасивости акцент не делается, а центральная для сюжета джатаки история чудесного рождения Кусы упоминается лишь вскользь. Соответственно, на задний план отходит и роль бога Шакры. Однако иные боги индуизма присутствуют в изобилии. Следует отметить, что в каноническом буддийском тексте, написанном, вероятно, в последние века до н.э., отсутствие образов богов индуизма обуславливается не только (и не столько?) этическими и догматическими установками буддизма, сколько тем фактом, что в своём современном виде пантеон индусских богов формировался значительно позднее – в I тысячелетии н.э.

В поэме неоднократно поминаются боги из высшей триады индуизма – Брахма, Вишну, Шива (Ишвара, Махешвара), их супруги – Сарасвати, Лакшми (Шри), Ума. Эти образы используются и как сравнения при описании главного героя, и при описании городов – чтобы подчеркнуть, что города образуют идеально организованное пространство: например, город Кусавати «сияет, как лотос в обители Брахмы» (стих 7; нумерация даётся по наиболее полному комментированному изданию «Кавсилумины» [1]).

Особенно часто поминается бог любви Ананга (Кама), что явно идёт вразрез с морально-этическими установками буддизма вообще и «Джатаки о Кусе» в частности (там Будда рассказывает историю своего прошлого воплощения, дабы увещевать монаха, потерявшего голову из-за любви). Про внешность царя Кусы (некрасивого в оригинальной джатаке) говорится: «А для женских сердец его образ Ананги – // как амриты нектар в океане молочном» (36). Образ Ананги многократно используется и при описании пространства, где любовные утехы жителей городов составляют неотъемлемую часть их существования.

Частое упоминание богов индуизма отнюдь не означает, что они становятся объектами высшего почитания, а поэма не перестаёт быть буддийской. Центральная фигура – царь Куса – это бодхисаттва (Будда в одном из своих прошлых рождений), поэтому сравнения с богами используются для того, чтобы подчеркнуть его идеальные качества. Так, в стихе 62 говорится: «И к стопам его, падая ниц, припадают // Все владыки окрестные, с Ишварой схожи, // Что на голову принял небесную Гангу». Здесь образ Шивы – спасителя мира – переиначивается за счёт уподобления его царям, признающим верховенство Кусы, а небесная река сравнивается с ногами восседающего на троне бодхисаттвы.

Литература:

- [1] *Ariyaratna M.B. Kavsiḷumiṇa, hevat Kusadāvata* («Кавсилумина», или «Джатака о Кусе»). Colombo: S.Godage saha sahodarayo (5th printing), 2017. 530 p.
- [2] *Kusa-jātaka* (No. 531) // Вебсайт Sacred-texts.com. URL: <https://www.sacred-texts.com/bud/j5/j5024.htm> (дата обращения: 05.03.2023).
- [3] *Волхонский Б.М.* О трансформации сюжета и системы образов палийской «Джатаки о Кусе» в классической сингальской поэме «Кавсилумина» (XIII в.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 20–29 апреля 2021 г.): тезисы докладов научной конференции. М: Изд-во Московского университета, 2021. С. 56-57.
- [4] *Джатака* о влюблённом царе Куше. Пер. с пали: Эрман В.Г., Парибок А.В. 2002 // Вебсайт Abhidharma.ru. URL: <https://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Jataka/531%20Kusa.htm> (дата обращения: 05.03.2023).

Концепция исламской демократии и партия Ан-Нахда

Долгов Б.В.

*ИВ РАН, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований; ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН
dolgov.boris@list.ru*

После крушения режима президента Бен Али в Тунисе в 2011 г. партия Ан-Нахда (Возрождение) была воссоздана ее лидером Рашидом Ганнуши (р. 1942 г.), вернувшимся из эмиграции. Руководство Ан-Нахды, ставшей правящей партией, попыталось провести исламизацию общественно-политической жизни Туниса. Однако такая политика вызвала массовые протесты значительной части тунисского общества, в результате которых представители Ан-Нахды были вынуждены выйти из правительства. Одобренная парламентом новая конституция Туниса, подтвердившая светские ценности, создала определенный консенсус в тунисском обществе. На X-ом съезде Ан-Нахды в мае 2016 г. лидер Ан-Нахды Р. Ганнуши предложил кардинальное изменение ее доктринальных концепций, а именно, отказ от политического ислама и вхождение в эру мусульманской демократии. При этом Р. Ганнуши на протяжении всей своей религиозно-политической деятельности продвигал идею о том, что «в мусульманской религии заложена возможность к изменениям и гармонии с человеческой природой и обществом, какого бы уровня развития оно не достигло» [2, с. 12]. В плане структурных изменений в партии предполагалось разделить политическую и религиозную составляющие. Такая мера давала возможность определять партию Ан-Нахда, как «гражданскую, демократическую и тунисифицированную» [4]. В то же время противники Ан-

Нахды считали, что действия и заявления ее руководства, скорее всего, являлись «подготовкой к новой попытке прийти к власти и получить для этого максимум поддержки в обществе, а разделение между политическими и религиозными функциями Ан-Нахды представляло собой чисто техническую меру, а не изменение идеологии» [5].

В июле 2021 г. в ответ на начавшиеся в Тунисе протестные выступления, во время которых были озвучены обвинения правительства и парламента в неспособности решить обострившиеся социально-экономические проблемы, усугубленные пандемией коронавируса, президент Каис Саид приостановил деятельность парламента, спикером которого являлся Р. Ганнуши, и лишил его членов парламента неприкосновенности. Р. Ганнуши объявил решение президента «попыткой государственного переворота» и призвал своих сторонников выступить в поддержку Ан-Нахды. В ходе продолжавшегося политического кризиса Ан-Нахда в апреле 2022 г. вошла в альянс партий Фронт национального спасения, сформированный известным общественно-политическим деятелем, руководителем партии Надежда для противодействия противоправным, по его мнению, действиям президента К. Саида. В альянс наряду с Ан-Нахдой, входили партии Надежда, Сердце Туниса, Движение, Достоинство. Партии альянса, за исключением Ан-Нахды и Достоинства в своих программах стоят на общедемократических позициях. В свою очередь, Достоинство исповедует исламистскую доктрину. При этом Ан-Нахда с начала Арабской весны в Тунисе пользуется всесторонней поддержкой Катара, а также Турции, руководители которой являются умеренными исламистами. Наряду с этим Турция проводит политику неоосманства и позиционирует себя, как лидера исламского мира, в чем ее поддерживает ряд исламистских деятелей, в особенности руководство Ан-Нахды. Со своей стороны, Р. Ганнуши в ходе переговоров с президентом Турции Реджепом Эрдоганом в 2017 г. заявил, что «после разгрома Арабской весны диктаторами именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером исламского мира» [3].

В обстановке социальной напряженности [1, с. 252] стремление Ан-Нахды восстановить и укрепить свои позиции во власти вполне реализуемо, учитывая провозглашенную Ан-Нахдой новую идеологическую концепцию «исламской демократии», привлекающую часть тунисских граждан неким соединением традиционных мусульманских ценностей с демократическим дискурсом, с лозунгами которого в Тунисе победила Арабская весна, и был свергнут диктаторский режим президента Бен Али.

Литература:

[1] *Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е годы. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2022. 300 с.

[2] *Аль-Ганнуши, Рашид*. Аль-харакат аль-исламийя ва-т-тахдис (Исламское движение и обновление). Хартум: Изд-во Дар аль-фикр, 1984. 77 с.

[3] Рашид Ганнуши заявил. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30073> (дата обращения: 27.01.2020).

[4] *Ribadeau L.* Congres d'Ennahda en Tunisie. URL: <https://www.geopolis.francetvinfo.fr> (дата обращения: 28.02.2023).

[5] *Robin F.* La Tunisie s'introge. URL: <https://www.lemonde.fr> (дата обращения: 2.03.2023).

Сирийский караван хаджа в позднеосманскую эпоху: традиция в меняющемся историческом контексте

Жантиев Д.Р.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

zhantiev@iaas.msu.ru

На протяжении четырёх веков османского господства на Ближнем Востоке (с 1516 по 1918 г.) правители обширной империи, носившие, в том числе, титул «Служителя двух благородных святынь» (т.е. Мекки и Медины), уделяли приоритетное внимание организации и проведению ежегодного мусульманского паломничества (*хадж*) с символами султанской власти. Особое значение в этой связи приобрёл сирийский караван хаджа, в составе которого из окрестностей Дамаска в Хиджаз ежегодно отправлялись десятки тысяч паломников [4, с. 17]. Наряду с египетским маршрутом, сирийский путь хаджа (*дарб ал-хадж аш-шамий*) расценивался османскими властями как важнейший, служивший своего рода продолжением «султанской дороги» от Алеппо (Халеба) до Дамаска, который, в свою очередь, воспринимался в качестве «преддверья Каабы». Возведённая османами в XVI–XVII вв. между Дамаском и Мединой цепь укреплённых пунктов вдоль паломнического пути [3, с. 54-56] способствовала защите караванов от набегов бедуинов и развитию торговли между Сирией и Хиджазом. В XVIII в. активность бедуинских племён (аназа, шаммар и др.) побуждала Высокую Порту повысить личную ответственность наместников (вали) Дамаска за безопасность сирийского каравана хаджа путём совмещения указанной должности с должностью амир ал-хаджа (руководителя каравана паломников). Значительные финансовые и военные средства, ежегодно собиравшиеся пашами Дамаска в целях обеспечения безопасности паломников, всё же не смогли предотвратить катастрофическое разграбление сирийского каравана в 1757 г., что вызвало широкий резонанс во всей империи.

В XIX в. организация сирийского каравана хаджа столкнулась с новыми вызовами: с 1804 по 1812 г. организованный хадж был практически парализован из-за конфликта османских властей с государством Саудитов, а в 30-х гг. XIX в. – из-за противостояния между наместником Египта Мухаммадом Али-пашой и Высокой Портой. После эвакуации египетских войск из Сирии и Аравии в 1840 г., в эпоху развития пароходных сообщений многие паломники из Стамбула, Балкан и Анатолии предпочитали добираться до святынь ислама более безопасным морским путём до Египта, а затем – через Красное море в Джидду. Этот альтернативный маршрут, как наиболее быстрый и безопасный, стал ещё более актуальным после начала эксплуатации Суэцкого канала в 1869 г. Экономическое значение сирийского каравана хаджа для торговли с Хиджазом в этой связи стало сокращаться. Однако недоверие султана Абдул-Хамида II (1876–1909 гг.) и его окружения к египетским хедивам, которое особенно усилилось после британской оккупации Египта в 1882 г., побуждало сохранять и поддерживать маршрут сирийского каравана, поскольку к тому времени только он на всём своём протяжении оставался под прямым контролем османских властей [2, с. 5-10]. Поддержание авторитета султана в качестве халифа всех мусульман и его стремление духовно сплотить исламский мир в противостоянии экспансии Запада [1, с. 85] также было тесно связано с благополучным проведением хаджа, который неизменно оставался главным массовым проявлением исламской религиозности в османском государстве. Анализ источников позднеосманской эпохи также позволяет выявить особую роль сирийского каравана хаджа как центра притяжения потоков паломников, стекавшихся в Османскую Сирию, ряд городов которой (в первую очередь, Дамаск и Иерусалим) воспринимались ими как сакральное пространство, тесно связанное с «двумя благородными святынями». Указанная историческая функция сирийского маршрута паломничества сохранялась и после завершения строительства Хиджазской железной дороги в 1908 г.

Литература:

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // Восток (Oriens). 2020. № 2. С. 85–95.

[2] *Doughty Ch. M.* Travels in Arabia Deserta. L.; Boston: Philip Lee Warner, 1921. 623 p.

[3] *Petersen A.* The Medieval and Ottoman Hajj Route in Jordan: An Archaeological and Historical Study. Oxford: Oxbow Books, 2012. 240 p.

[4] *Shafir N.* In an Ottoman Holy Land: The Hajj and the Road from Damascus, 1500–1800 // History of Religions. Vol. 60, № 1. 2020. P. 1-36.

Древнеиндийские лингвофилософы об «инструментарии истинного познания (pramāṇa)» в связи с определением классов грамматических элементов языка

Захарьин Б.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой индийской филологии
zakharyin13@mail.ru

В нескольких известных антологиях средневековой Индии приводится популярная максима, созданная поэтическим размером «шлока»: *manasā niścayaṃ kRtvā tato vācābhidhīyate | karmaṇā kriyate paścātpramāṇaṃ te manastataḥ ||* «Мыслью решение приняв, речью затем реализуется, поступком впоследствии делается – поэтому для меня [именно] мысль – правильного познания мерило (*pramāṇa*)». Указанная формула, устанавливающая, согласно сторонникам учения *ньяи*, незыблемый иерархический порядок «мысль → слово → действие», на протяжении многих столетий являлась важнейшим предметом ментальной активности и полемических дискуссий для ученых важнейших философских школ Индии. Само имя '*pramāṇa*' образовано от предшествуемого приставкой *pra-* «вперед, навстречу» корня *mā-* «быть мерой, измерять» и имплицитно означает значение «телеологически определенный инструмент обретения правильного знания». '*Pramāṇa*' в указанном смысле сопровождал ряд других имен-терминов, порождаемых от той же основы, а именно: '*pramātR*' «субъект познания», '*prameya*' «объект познания», '*pramā*' «сам акт познания вкупе с его результатом». В рамках различных религиозно-философских школ сама терминологическая «четверка» и любая из ее составляющих могла подвергаться дальнейшему членению и детализации, и смысл получаемых в итоге единиц оказывался разным для каждого из использовавших их учений. Одной из самых причудливых была трактовка Ватсьяны (V в.), крупнейшего философа школы '*Нуяя*' и автора '*Нуяя-bhāṣya*', который соотнес члены «четверки» с представленными в санскритской грамматике Панини (V-IV вв. до н.э.) '*kāraṇa*', т.е. семосинтаксическими репрезентантами партиципиев ситуаций: '*pramāṇa*', согласно Ватсьяне, соответствовал '*kāraṇa*' «Инструмент», '*pramātR*' – '*kartR*' «Агенс», и т.д.; подробнее см. работы [2; 3; 4]

Представители же грамматики как науки, решая характерную для лингвистики дилемму «форма ↔ значение», неизменно признавали именно «мысль» в качестве '*pramāṇa*'. Так Панини в своей «грамматике говорящего» '*Aṣṭādhyāyī*' при операциях с любыми языковыми элементами – будь то аффиксы, словоформы, компаунды или целостные высказывания – исходно опирался на семантический критерий и двигался, согласно сформулированной '*pramāṇa*', от семантики к форме. Общая необходимость подхода «от мысли к речи» подтверждалась и другими грамматистами Древней Индии. В частности, Патанджали (II в. до н.э.), комментируя работу Панини, настаивал: '*...arthanimittakena nāma*

śabdena bhavitavyam '«Именно **смыслом** должно быть обусловлено слово [а не звучанием – смысл]»; и утверждал: '*yas chabda āha tad asmākaṃ pratāṇam*' «Что сообщается словом (т.е. «**семантика**» – Б.З.), то для нас [и есть] '*pratāṇa*'!» [1, комментарии к сутрам Р 7.1.33 и 2.1.1]. Этим модусом «от мысли к речи» и определялось все 2,5-тысячелетнее развитие лингвистической традиции в Индии.

Литература:

[1] The *Vyākaraṇa-mahābhāṣya* of *Patañjali*, Ed. by Lorenz Franz Kielhorn. Vols 1-3. Bombay: Government Central Press, 1880–1885.

[2] *Лысенко В.Г.* Праманавада // Индийская философия. Энциклопедия. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 632-636.

[3] *Шохин В.К.* Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья. Историко-философское исследование, перевод с санскрита и комментарии В.К.Шохина. М.: Наука, 2001. 504 с.

[4] *Шохин В.К.* Прамана // Индийская философия. Энциклопедия. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 629-631, 637.

Кербела: ашура и та'зийя в исторической динамике

Кириллина С.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока
kirillina@iaas.msu.ru

Озвученный аятоллой Хомейни в начале исламской революции 1978–1979 гг. в Иране лозунг «Весь мир – Кербела, каждый день – ашура» подтвердил определяющую значимость для каждого шиита личности имама Хусайна, павшего в битве при Кербеле 10 мухаррама 61 г.х. / 10 октября 680 г., как образца для подражания и восхищения. Внук пророка Мухаммада и сын четвертого «праведного халифа» Али – Хусайн является одной из центральных фигур в шиизме, и его героизированный жизненный путь и полный возвышенного трагизма конец его брэнного существования служат неиссякаемым источником эмоциональных переживаний для верующих, которые достигают неистового накала во время ашуры. Траурные церемонии ашуры могут продолжаться весь месяц мухаррам и распространяться на следующий месяц сафар, когда отмечаются поминки, приуроченные к сороковому дню со дня трагической гибели Хусайна (*арба'ин*). Тогда устремляющиеся в Кербелу паломники образуют самое массовое скопление верующих в мире. В 2022 г. в Ираке во время арба'ин находилось более 20 млн паломников.

Согласно шиитским преданиям, оплакивание Хусайна началось сразу же после его ухода в мир иной. В X в. ашура уже отмечалась в торжественной обстановке. В Иране она была поставлена под государственный патронаж в XVI в., при Сефевидях. В 1928 г. шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви публичные ритуалы ашуры запретил, но после исламской революции эти рестрикции были сняты.

К числу главных составляющих ашуры относится поминальные мистерии (*таазие, та'зийя*), своеобразный шиитский театр со своим собственным сакральным пространством, в центре которого борьба Хусайна с врагами и его фатальная гибель. С X в. для демонстрации этих инсценировок стали возводить специальные постройки (*хусайнийя*). Помимо театрализованных представлений, на эту же тему создаются стационарные и передвижные инсталляции. Изобразительный декор ашуры – шиитская иконография, произведения наивного базарного реализма.

Дни ашуры также ознаменованы торжественными многолюдными траурными уличными процессиями (*дасте*), богато декорированными ритуальными атрибутами – флагами, своего рода «хоругвями» с изображением героев шиизма и арабографичными благочестивыми надписями, массивными навесными штандартами (*алам; алем*), которые представляют собой причудливые, полные аллегорий и скрытых смыслов репрезентации боевого знамени, зачехленные и щедро украшенные деревянные конструкции, символизирующие гроб Хусайна (*нахль*) и др. Часть мухаррамского шествия образуют мусульманки в траурных одеждах, скованные друг с другом цепями в память о женщинах, оказавшихся в плену после кербельской катастрофы.

Наиболее экспрессивную часть дасте составляет парад добровольных самоистязателей, исполняющих ритуал *татбир* – нанесение кровотокающих ран с помощью острых режущих предметов в память пролитой в Кербеле крови имама Хусайна. Наиболее жестоким и кровавым это действие выглядит в исполнении современных шиитов Индии, Пакистана и Афганистана. В других местах проживания шиитов все выглядит намного умереннее. Так, в Ираке или в Азербайджане *татбир* утратил свою брутальность и носит практически театральный характер. Зачастую орудия самоистязания (*камах, тальвар, занджир* и др.) превращаются в маркеры памяти, будящие ассоциации сувениры, которые можно приобрести у уличных продавцов, в лавках или в интернет-магазинах.

Изменение отношения к традиции *татбира* происходит по разным причинам, включая запреты и жесткий контроль со стороны властей. В частности, рахбар Ирана аятолла Али Хаменеи в начале 1990^х годов категорически высказался против *татбира* как надуманной традиции и действия, противоречащего духу и букве ислама. Некоторые мусульманские

духовные лидеры, призывающие от татбира воздерживаться, предлагают вместо этого поучаствовать в сборе донорской крови.

Сопутствующие ашуре ритуалы отличаются исключительным разнообразием, которое во многом определяется региональной или локальной спецификой. Так, в *Мьянме* и Кашмире во время мухаррамского траура по Хусайну практикуется хождение по раскаленным углям, а в Иранском и Иракском Курдистане исполняется обряд *харра мали* (*ат-татйин*; «растирание грязи»), представляющий собой нанесение на тело и одежду влажной глины как выражение скорби о невосполнимой утрате великого героя шиизма.

Наиболее пышно ашура празднуется в святых местах шиизма, где была авансцена трагических событий, легших в ее основу.

Обряды ашуры напоминают экстатические суфийские зикры, но происхождение самого действия, несомненно, более древнее (архаические переднеазиатские культы умирающих и воскресающих богов, античные теофании, сасанидские и ахеменидские обряды). Ашура и сопутствующая ей та'зийя призваны нарушить привычный ход времен, скинуть груз земного бытия путем создания вневременного события и иллюзорного к нему приобщения.

Концепция джихада в османо-французской войне 1798–1801 гг.: государственная пропаганда и практическое применение

Кобищанов Т.Ю.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока

kobischanov@iaas.msu.ru

В 1798 г. Османская империя оказалась втянута в войну, которая уже несколько лет полыхала в Европе. 18 июля в Стамбул пришли известия, что французская десантная армия под командованием Наполеона Бонапарта вторглась в Египет, и 1 сентября под воздействием общественного мнения и под военно-дипломатическим давлением России и Англии султан Селим III (1789–1807 гг.) объявил Франции джихад. Объявленная османским халифом «священная война» не была похожа на предыдущие. Противником мусульманской державы впервые являлось государство, публично порвавшее с христианством, а его союзниками – христианские монархии, включая Россию, традиционно воспринимавшуюся в Османской империи как враг ислама.

В результате османской пропаганде пришлось корректировать свою риторику. Исламский дискурс не исчез, однако был дополнен идеей совместного противостояния

«безбожной силе хаоса», стремившейся ниспровергнуть «всеобщие права, Престолы, веру и все что есть святое на земле» [1, л. 117 об.]. Захватив в водоворот разрушения половину христианской Европы, эта сила добралась теперь и до мира ислама, не случайно начав с Египта – «ключа от Двух священных городов [Мекки и Медины] и путеводного светильника к Двум городам *кыблы* [Мекке и Иерусалиму]» [2, с. 178]. «Долгом всех правоверных, – заявлял Селим III, – является вести джихад с французскими неверными, а моей прямой и высочайшей обязанностью освободить святыне места из нечистых рук этих вероломных предателей и отомстить за весь тот вред и поругания, что они нанесли мусульманам» [1, л. 247 об.]. Официальные заявления османских властей, включая султанский манифест от 1 сентября 1798 г., синкретически совмещали в себе традиционные принципы исламского права и нормы международных отношений, принятые в европейской дипломатии.

О том, насколько принятая на высшем уровне официальная идеология была воспринята в османской действующей армии, можно судить по сочинению богослова и летописца 'Иззета Хасан-эфенди ад-Дарендели, сопровождавшего войска в походе от Стамбула до Каира. С одной стороны, тема джихада звучит практически лейтмотивом хроники ад-Дарендели. Османские солдаты постоянно именуется им «единобожниками», «*уммой* (т.е. общиной) Мухаммада», «воинами газавата и джихада» [2, с. 215, 216, 274], французы же – «неверными», «язычниками», «шайтанами» и «бешеными собаками» [2, с. 215, 282]. На протяжении пути султанская армия постоянно подпитывается благословением и заступничеством героев ислама и видных суфийских шейхов, места захоронений которых регулярно посещают военачальники и простые солдаты. С другой стороны, хронист весьма доброжелательно отзывается о христианских союзниках, как о россиянах, так и о британцах. Например, похвалу англичанам, уничтожившим французский флот при Абукире (1 августа 1798 г.), ад-Дарендели заканчивает следующей сентенцией: «И да сподобит их Всевышний Аллах пойти по пути ислама или да уменьшит их страдания в Судный день, аминь!» [2, с. 206]. Находившиеся в османском лагере британские и российские наблюдатели также не отмечали недоброжелательного отношения со стороны мусульман.

При этом возникает вопрос: насколько глубоко идеология джихада воспринималась самими османскими военными? В походе солдаты распевали маршевые песни, содержащие, в частности, такие слова: «Мы – храбрецы, в каждом из нас дух сильный, и Аллах единственный единый, / Живет в нас характер львиный, и Аллах единственный, единый, / Жизнь наша – жертва посильная Аллаху единственному, единому, / Мы вместе с воинами джихада Аллаха единственного единого. / Мы все люди битвы, / Смерть пред нами, не отступит пред ней никто из нас» [2, с. 336, 337].

Однако в первом же серьезном столкновении с армией противника 20 марта 1800 г. в битве при Гелиополисе воины джихада не проявили должного рвения. Как с горечью писал ад-Дарендели, османский главнокомандующий «пытался побудить солдат сражаться и проявлять стойкость перед лицом врага. Он поклялся перед ними самыми страшными клятвами, что не позволит французам одолеть мусульман, и что мусульманские воины победят многобожников, если будут стойкими и неустрашимыми. Но солдаты в беспорядке бежали» [2, с. 287].

Официальная идеология джихада явно не находила искреннего отклика в сердцах «воинов газавата». Поход против французских захватчиков декларировался как священная война, в которой можно стать героем при жизни, способствуя торжеству ислама, либо попасть в рай, погибнув за веру. Однако сами солдаты воспринимали его, преимущественно, как возможность получить военное жалование, заработать награды, либо поживиться добычей на берегах Нила.

Литература:

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 90 «Константинопольская миссия». Ед. хр. 1332.

Ад-Дарендели, 'Иззет Хасан-эфенди. Зийа-наме [Книга о Зийа]. Каир, 1999. 518 с.

Миролюбие византийцев: корни имперской идеологии

Ковельман А.Б.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, заведующий кафедрой иудаики
akovelman@iaas.msu.ru*

Шукуров Р.М.

*Исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры истории
Средних веков
shukurov007@gmail.com*

В 1788 г. в четвертом томе «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдуард Гиббон представил читателю свои «общие наблюдения относительно падения Римской империи на Западе». С его точки зрения, империя рухнула под собственной тяжестью, отобрав у народов независимость, у граждан – добродетели, у воинов доблесть, у предпринимателей – предприимчивость. Часть вины историк возложил на христианство: «Духовенство с успехом проповедовало теорию терпения и малодушия; добродетели, основанные на предприимчивости, считались бесполезными, и последние остатки воинственного духа были похоронены в монастырях». «Этот страшный переворот может служить поучительным примером для нашего времени», – заключил Гиббон. Предостерегая от строительства единой

империи, он смотрел на современную ему Европу «как на огромную республику, разнообразные обитатели которой достигли почти одинакового уровня благовоспитанности и умственного развития». Достигли с помощью технического прогресса, римлянам неизвестного. В 1884 г. этот текст в переводе В.Н. Неведомского стал доступен русскому читателю, воспитанному на работах Чернышевского и других апостолов прогресса.

Спустя еще столетие российский византист С.Н. Малахов высказал мысль, если не идентичную мысли Гиббона, то лежащую в той же плоскости: «Определенный антимилицитаризм византийского общественного сознания в решающие моменты истории не способствовал выживанию империи». Не только война с единоверцами-болгарами порицалась как братоубийственная, но и попытка Никифора Фоки объявить «священную войну» агарянам не встретила понимания византийского духовенства. Храм Св. Ирины в Константинополе, бывший кафедральным собором до сооружения храма Св. Софии, символизировал мир, покой и тишину. «Впоследствии два храма, посвященные Мудрости и Миру, составили логическое целое – Великую Церковь, как бы определяя доминанты византийской ментальности» [1, с. 19-21].

На наш взгляд, два храма составили единое целое, поскольку Мир и Мудрость принадлежали одному и тому же библейскому персонажу – царю Соломону, строителю Иерусалимского Храма. Ориген истолковал Мудрость и Мир как атрибуты Бога. Осталось только приписать их византийским владыкам, превосходящим Соломона в мудрости и миролюбии. Так надпись 519 г., посвященная храму св. Полиевкта, гласила, что Аникея Юлиана, построившая этот храм, превзошла в мудрости Соломона. Это будет повторено позже, в 537 г., императором Юстинианом в отношении перестроенной Св. Софии: «Слава Богу, удостоившему меня совершить такое дело! Я победил тебя, Соломон!» Подобные высказывания восходили к словам Иисуса: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (Мф. 12:42). Перед нами удивительное превращение платоновской теории идей. Если у Платона каждый последующий образ слабее прообраза, то здесь «новые Соломоны» превосходят старого, хотя Бог превосходит их всех. [3]

Парадоксальным образом та самая идеология, которая, с точки зрения Гиббона, была повинна в малодушии и излишнем миролюбии, в отказе от посюстороннего существования, оказывается предшественницей либеральной теории прогресса с ее упором на земной успех, процветание и мир. Современная Гиббону «огромная республика, разнообразные обитатели которой достигли почти одинакового уровня благовоспитанности и умственного развития», предстает не только прообразом «Соединенных Штатов Европы» и Европейского Союза, но и аналогом «Византийского содружества» (*Byzantine commonwealth*), как его понимал Д.Д. Оболенский [4]. Война между членами этого содружества (Византией и Болгарией, например)

уподоблялась смуте, которая наступила после смерти Соломона и привела к разделению его царства [2]. Кажется, миролюбие византийцев входит в историю политических понятий, хорошо знакомых современному читателю.

Литература:

[1] *Малахов С.Н.* Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в. Николай Мистик и Феодор Дафнопат // Античная древность и средние века. Вып. 27. 1995. С. 19-31.

[2] *Marinow K.* Peace in the House of Jacob. A Few Remarks on the Ideology of Two Biblical Hemes in the Oration “On the Treaty with the Bulgarians” // *Bulgaria Mediaevalis*. Vol. 3. 2012. P. 85-93.

[3] *Kelly S.* The New Solomon: Robert of Naples (1309–1343) and Fourteenth Century Kingship. Leiden, Boston: Brill, 2003. 339 p.

[4] *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. ACLS Humanities E-Book, 2009. 526 p.

Религиозные праздники в позднегогольском Дели

Козлова А.А.

*Институт востоковедения РАН, научный сотрудник Центра индийских исследований
kaa-iaas@mail.ru*

Праздники и фестивали сопровождают человеческое общество с самых ранних стадий развития, будучи важнейшим элементом культурной традиции, «первичной формой человеческой культуры» [1, с. 13]. Праздник является универсальной и важнейшей чертой цивилизации; в то же время особенности праздников отражают цивилизационные различия.

Индусы и мусульмане были во всех отношениях противоположными сообществами индийского социума. Тем не менее, по большому счету, они сосуществовали в мире. В Индии при падишахе Акбаре (1556–1605 гг.) отмечали множество религиозных дат: это был один из способов поиска политической поддержки и признания, а также установления и укрепления власти Моголов. При Поздних Моголах (1707–1857 гг.) традиция сохранилась: праздники в столичном Дели и вне его отмечались не только потому, что указывали на благорасположение падишахов, но и поскольку они успели прочно войти в культуру и повседневную жизнь. Помимо *навруза* и *ид-ул-фитра* при могольском дворе пышно и весело проходили многие индусские фестивали (*дивали, холи, дашера*).

Празднование этих дат отображено на многих могольских и позднегогольских миниатюрах. Местом для проведения крупных торжеств часто служили сады. Новогодние гуляния как у Великих Моголов, так и у их преемников, затягивались на несколько дней, а то

и недель. Гуляния сопровождались играми, пирами и игрой на музыкальных инструментах. Простые жители в дни празднеств также отправлялись на гуляния в общественные сады или просто отдыхали на природе, вдали от городского шума и суеты [4, с. 122, 322].

Главной особенностью *дивали* была яркая иллюминация с применением всевозможных светильников, которые устанавливались на крышах, открытых галереях, прямо на улицах; также их спускали на воду. В Дели устраивались затейливые фейерверки, повсюду горели бенгальские огни. До прихода Великих Моголов во время *дивали* зажигали огромное количество масляных светильников.

В дни *дивали* была широко распространена ритуальная игра в кости, результат которой рассматривался как предсказание судьбы (счастья или несчастья) в предстоящем году. Французский путешественник М. де Тевено писал: «Язычники – большие любители поиграть в кости, в течение пяти фестивальных дней здесь много азартных игр. Они так рвутся к этому в Дели и Бенаресе, что там было потеряно огромное количество денег и разорено много людей.... Один баниа из Дели так много играл на последнем фестивале, что потерял все свои деньги, имущество, дом, жену и детей» [2, с. 68].

Сайид Гхолам Хоссейн-хан (1727/28–1797/98) в сочинении «История Индии» писал о *холи* как о главном «языческом» торжестве, во время которого «дозволялись» не только игры, но и всевозможные беспорядки. Из-за расхождения солнечного и лунного календарей индусские и мусульманские праздники могли наслаиваться друг на друга, в результате чего возникали религиозные споры и драки. Так Хоссейн-хан упоминает драку между мусульманами, которые находились в трауре во время месяца мухаррам, и язычниками, которые развлекались и веселились при праздновании *холи* [3, с. 263].

Литература:

[1] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

[2] *Indian Travels of Thevenot and Careri: Being the Third Part of the Travels of Jean de Thevenot into the Levant and the Third Part of a Voyage Round the World by John Francis Gemelli Careri.* (ed. Surendranath Sen). New Delhi: National Archives of India, 1949. 560 p.

[3] *Seid Gholam Hossein Khan.* Seir Mutaqherin; or Review of Modern Times: Being an History of India, From the Year 1118 to the Year 1194 (this year answers to the Christian year 1781–82), of the Hedjrah; Containing, in General, the Reigns of the Seven Last Emperors of Hindostan, and in Particular, an Account of the English Wars in Bengal. Trans. by Nota-Manus. Calcutta: Printed by T.D.Chatterjee, [1902]. Vol. I.

[4] Shah Jahan Nama. Shah Jahan Nama of 'Inayat Khan: An Abridged History of the Mughal Emperor Shah Jahan, Compiled by his Royal Librarian. The Nineteenth-Century Manuscript Translation of A.R.Fuller (British Library, Add. 30, 777). Edited and completed by W.E.Begley and Z.A.Desai. New Delhi: Oxford University Press, 1990. 624 p.

Философия экзистенциализма в литературе хинди конца XX – начала XXI вв.

Лесик К.А.

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, преподаватель
кафедры восточных языков
ksundra-1@yandex.ru*

В докладе рассматриваются особенности восприятия и реминисценции философии экзистенциализма в индийской литературе конца XX – начала XXI вв. Основной акцент сделан на рассказах, написанных на языке хинди такими писателями, как Кунвар Нараян (1927–2017) и Нирмал Варма (1929–2005). Также уделяется внимание писателям индийского происхождения Аните Десаи (р. 1937) и Упаманью Чаттерджи (р. 1959), которые создают свои произведения на английском языке. Несмотря на новую волну популярности в современном мире экзистенциализма, *нейроэкзистенциализма*, выделенного профессором нейробиологии О. Фланаганом и профессором философии Г.Д.Карузо [1], влияние первой и второй волны этого философского направления на литературу Индии до сих пор мало исследовано.

Философы движения экзистенциализма, появившегося накануне Второй мировой войны, считают своей главной задачей исследовать индивидуальное существование, категории свободы и выбора. Экзистенциалисты утверждают, что отдельная личность создает смысл и сущность своей собственной жизни. Человек в подобной литературе прежде всего сталкивается с самим собой. Смысл его существования заключается в установлении ценности по мере того, как он живет. Система таких верований была заимствована индийскими литераторами у Жан-Поля Сартра, который в 1970 г. предложил рассмотреть существование человека, его места и функции в мире посредством его отношений с Богом или отсутствия таковых [2].

Индийский экзистенциализм (или *аститвавад/astitvavād*) – литературное течение, пришедшее в индийскую литературу из западной экзистенциалистской литературы. Только с 40-х годов XX столетия индийские писатели начинают знакомиться с европейским модернизмом, с идеями фрейдизма, авангардизма, экзистенциализма. Эстетика экзистенциализма была адаптирована в процессе становления индийского художественного процесса. Писатели *аститвавада* обращались к новым выразительным средствам, создавали

новую тематику литературных произведений, а также привнесли в индийскую традиционную литературу, которая складывалась веками, жанровое разнообразие; так, на первый план вышел жанр короткого рассказа. При этом писатели и поэты остаются в рамках своего собственного самосознания и образов, обращаясь к традиционной индийской поэтике.

Это довольно ярко прослеживается в рассказах «Комнаты» (*Kamre*) и «Протест жены против будущего Вальмики» (*Bhaviṣy ke Vālmīki se patnī kā prativād*) Кунвара Нараяна и «Иной мир» (*Dūsri duniyā*) Нирмалы Вармы. В них вопрос «Кто я такой?», задающийся философами-экзистенциалистами, определяет тему последующего текста, на первый план которого выходит существование единичной личности, ее волнений и абсурдности бытия. Экзистенциальные темы страдания, отчуждения, небытия и смерти также предстают в романах «Огонь в горах» (*Fire On the Mountain*), «Куда мы поедем этим летом?» (*Where Shall We Go This Summer?*) Аниты Десаи и «Английский август» (*English August*) Упаманью Чаттерджи, герои которых, как истинные последователи философии Сартра, путешествуют от небытия к небытию [3, с. 138].

Несмотря на единый философский подтекст, произведения, написанные на английском языке, и произведения на языке хинди отличаются. В свете заявленной темы рассматривается проблема, почему психически напряженная жизнь современного человека по-разному изображается у индийских писателей, которые обращаются к этим двум языкам. В англоязычной литературе герой убежден, что человеческая жизнь абсурдна, потому что нет никакой абсолютной причины для существования, а принять бремя своего прошлого и приноровиться к тревоге – это реальность человеческого положения. В то же время герои писателей хинди, которые также находятся под воздействием абсурдизма и квазиреальности, живут со свечением недоступного притязания. Попытка западного человека сделать жизнь переносимой при помощи мнимой веры в бессмертие, которая оборачивается крахом, для героя произведений хинди иррациональна. Он не видит в бесконечности страданий и смерти гибель смысла вещей и света. Его истина выстроена на основе индуистского понимания перерождений.

Литература:

[1] *Caruso G., Flanagan O.* (eds). *Neuroexistentialism: Meaning, Morals, and Purpose in the Age of Neuroscience*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 368 p.

[2] *Neetha Joseph*. *The Influence of Existential Philosophers and Existential Themes in the Writings of Commonwealth Writer Anita Desai*. URL: https://www.academia.edu/35942784/The_influence_of_existential_philosophers_and_existential_themes_in_the_writings_of_Commonwealth_writer_Anita_Desai (дата обращения: 02.03.2023).

[3] Verma S. Existentialism in Upamanyu Chatterjee's Novel 'English August' // International Journal of English Language, Literature and Humanities. 2016. Volume IV, Issue VII. P. 132-139.

Знание и сила: политический опыт алимского корпуса Марокко в XIX – начале XX в.

Орлов В.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры истории
стран Ближнего и Среднего Востока
orlov@iaas.msu.ru*

Традиционные политические институты Дальнего Магриба (Марокко) отразили в себе все многообразие и сложность исторических судеб этой североафриканской страны. Местная форма правления и механизмы реализации власти неизменно интегрировали в правящую верхушку марокканского султаната мусульманских богословов (*алимов*). Несмотря на то, что алимы, или «люди пера» (*ахл ал-калам*) были малочисленны на марокканском властном Олимпе по сравнению с «людьми меча» (*ахл ас-сайф*) – придворными, военачальниками, наместниками – они успешно выступали на политической сцене Дальнего Магриба в качестве хранителей традиции и оказывали немалое влияние на процесс принятия решений.

Стратегическая позиция высшего исламского духовенства Марокко была обусловлена его участием в легитимизации государственной власти. Одобрение общиной нового суверена выражалось в институте присяги (*бай 'а*). В Марокко XIX в. этот элемент общественной жизни имел не только церемониальное значение, но нес и смысловую нагрузку. В случае кончины суверена его преемник обретал легитимность только после того, как его провозглашали правителем делегации от наместников провинций, лидеров городов и племен, собрание руководителей армейских корпусов, шейхов крупнейших суфийских братств, алимов и корпорации шерифов. Иными словами, власть марокканских султанов по традиции легитимировалась не только их происхождением от Пророка, но и инвеститурой от различных общественно-политических сил страны. Эта инвеститура выражалась в согласном мнении (*иджма'*) алимского корпуса и отдельных групп провинциальных алимов. В XIX столетии общемарокканский консенсус ученых мужей подменил собой привычное для XVII–XVIII вв. руководство священной войной (*джихадом*) в качестве источника властных полномочий султана [4, с. 48-49].

На протяжении XIX в. марокканские султаны последовательно привлекали служителей «официального» ислама к политической работе в верхней страте управленческого аппарата (*махзене*). При этом они стремились вести политику так, чтобы многоплановые интересы корпуса улама нарушались лишь отчасти, и улама не составляли бы оппозиции султанскому

мнению. В силу этого махзенская карьера алимов обычно начиналась на местном уровне – в окружении провинциальных пашей [1, т. 5, с. 227]. Лучшие выпускники фесского духовного университета ал-Каравийин имели шансы занять пост секретаря (*катиба*), а заслуженные алимы входили, наряду с видными потомками Пророка (*шерифами*) и сановниками, в консультативный совет знатных лиц при султানে (*Маджлис ал-а'йан*) и коллегию, утверждающую клятву верности населения новому повелителю. Как и их османские коллеги, приглашавшиеся в Верховный совет при падишахе (*Диван-и хумаюн*) [2, с. 348], марокканские улама подавали ходатайства и рекомендации алауитскому султану, а иногда непосредственно высказывали повелителю советы при выработке политических решений.

Наряду с привлечением улама в состав правящей верхушки марокканские султаны осуществили в середине XIX в. несколько попыток реорганизовать структуру алимского корпуса и расширить свой контроль над судебной и образовательной системами страны. Эти реформаторские усилия воспринимались алимами как намеренное ограничение их привилегий и атака на их корпоративные интересы, вызывая протесты. Тем не менее, алимская оппозиция всегда имела ограниченную поддержку в племенах и городских кварталах Дальнего Магриба [3, с. 98]. Сами же богословы опасались нарушить стабильность и устойчивость марокканского государства, от которого в значительной степени зависели экономически. Поэтому между двором султана и алимским корпусом в конце концов возникал компромисс.

Богословские, судейские и административные кадры для высшего эшелона марокканской власти формировались главным образом в ал-Каравийин. Это обстоятельство побуждало махзен предпринимать усилия по совершенствованию методов преподавания. Реформу главного учебного заведения в Дальнем Магрибе частично осуществил в 1848 г. султан Мулай Абд ар-Рахман (1822–1859 гг.). Его видение преобразований в ал-Каравийин состояло в рационализации учебного процесса и отказе от изучения комментариев к оригинальным юридическим трудам при внимании к первоначальным источникам правовых познаний студентов.

Литература:

Ибн Зайдан, Маула Абд ар-Рахман. Итхаф а'лам ан-нас би джамал ахбар хадират Микнас (Одарение выдающихся мужей народа полным изложением событий столичного города Мекнеса). Т. 1-5. Рабат: Ал-матба'а ал-маликийя, 1929-1933.

Жантиев Д.Р. Религиозная политика султана Абдул-Хамида II в сирийских вилайетах Османской империи (1876–1909): методы и символы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021, Т. 13, № 4. С. 347-362.

Кириллина С.А., Орлов В.В. Североафриканский ислам в канун эпохи перемен: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022. 245 с.

Соловьева Д.В. Джихад в Марокко: инструмент легитимации власти ранних Алауитов (XVII–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017, № 2. С. 48–62.

**Исламские институты Марокко в период Тридцатилетней смуты (1727–1757 гг.):
фактор устойчивости или источник дестабилизации?**

Соловьева Д.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии
SolovievaDV@my.msu.ru*

Тридцатилетняя смута (1727–1757 гг.) в истории Алауитского Марокко – крайне сложный и насыщенный событиями период, который до сих пор недостаточно изучен как в отечественной, так и зарубежной историографии. Тридцатилетний кризис во многом представлял собой инверсию полувека централизаторских усилий, предпринятых вторым султаном Алауитской династии (1631 г. – наст. время) Мулай Исмаилом (1672–1727 гг.) [2, с. 20]. За свое многолетнее правление султан осуществил практически невыполнимую для того времени задачу – подчинил центральной власти всю территорию Дальнего Магриба, в том числе берберские племена Атласа, которые традиционно не признавали над собой никакой власти. Исмаил остановил продвижение горцев на плодородные приатлантические равнины, окружив их цепью крепостей, в которых разместил формирования профессионального войска из темнокожих невольников (*абид*). Однако со смертью султана выстроенная им жесткая система управления тут же рухнула: страна погрязла в междоусобных войнах между многочисленными потомками монарха, начались голод и эпидемии, возобновился разгул племенной вольницы, а *абид* из опоры престола превратились в один из главных факторов нестабильности, самовольно смещая неугодных им правителей.

В этот период победа или поражение кандидатов на престол напрямую зависели от поддержки различных общественно-политических сил. Изучение источников позволяет утверждать, что далеко не последнюю роль среди них играли религиозные авторитеты – мусульманские правоведы (*алимы*) столичных городов, главы влиятельных шерифских родов, объединявших потомков пророка Мухаммада, харизматичные местные святые (*мурабиты*) и шейхи суфийских обителей (*завий*).

Одним из таких «очагов» влияния были идрисидские шерифы Феса – самый старинный и многочисленный клан потомков Пророка в Дальнем Магрибе, которые основали там в VIII в. первое независимое государство и собственную династию. По сведениям марокканских

летописцев Абу-л-Касима аз-Заййани и Ахмада ибн Халида ан-Насири, идрисиды нередко выступали посредниками в конфликтах между правителями и городской верхушкой.

Переговоры между сторонами зачастую проводились в расположенном в Фесе мавзолее Мулай Идриса II (803–828 гг.), второго правителя династии Идрисидов (788–974 гг.), основателя этого города и почитаемого в Марокко шерифа [1, с. 263]. Туда же за консультациями направлялись военачальники *абид*, когда собирались свергнуть очередного султана. Кроме того, нередко хранители гробницы предоставляли убежище тем сыновьям Исмаила, против которых готовился переворот [3, т. 8, с. 90].

Другим важным «центром» силы были суфийские обители, которые традиционно считались главными оппонентами султанской власти в Марокко. Анализ летописных трудов и историографии показывает, что суфийские шейхи активно вмешивались в междоусобные конфликты династии. При этом степень их участия варьировалась от арбитража между противоборствующими сторонами до идеологической и военной поддержки конкретного претендента на престол [1, с. 228; 4, с. 19].

Вместе с тем, важно отметить, что активное вмешательство всех этих сторон не привело к попытке свергнуть Алауитскую династию. Несмотря на анархию и хаос Тридцатилетней смуты, религиозные лидеры не пытались использовать свое влияние против шерифских султанов и не подвергали сомнению их политический авторитет даже в момент серьезного ослабления их власти. Представляется, что подобное отношение со стороны шерифов и суфийских шейхов было следствием взвешенной религиозной политики первых Алауитских султанов.

Литература:

[1] *Аз-Заййани, Абу-л-Касим*. Ал-Бустан аз-Зариф фи даулат аулад Мулай аш-Шариф (Красивый сад [повествования] о государстве потомков Мулай аш-Шарифа). Публ. и коммент. Р. аз-Завийа. Рисани: Марказ ад-дирасат ва-л-бухус ал-алауийа, 1992. 508 с.

[2] *Кириллина С.А., Орлов В.В.* Североафриканский ислам в канун эпохи перемен: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022. 245 с.

[3] *Ан-Насири, Ахмад ибн Халид*. Китаб ал-Истикса' ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-Акса (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба). Т. 1-9. Касабланка: Дар ал-китаб, 1954-1956.

[4] *Morsy M.* Les Ahansala. Examen du rôle historique d'une famille maraboutique de l'Atlas marocain au XVIIIe siècle. Paris: Mouton, 1972. 71 p.

Идейная составляющая исламского радикализма

Солодовник Д.М.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания»

solodovnik@iaas.msu.ru

Исламский мир в настоящее время является важным геополитическим актором. Известно, что исламская культурная составляющая, по сути, играет роль своеобразной идеологии, которая определяет все стороны жизни исламского общества – от политических и экономических до социально-общественных. Её формирование началось в эпоху Средневековья, во времена серьёзных военных противоречий и экспансии, и тексты Священного Писания – Корана и Сунны, в основном, соотносятся с этими историческими событиями на Аравийском полуострове и далеко за его пределами. «Исламский фактор» сегодня проявляет себя как эффективный механизм для политических манипуляций, а в экспертной среде утвердился термин «исламизм», под которым подразумевается использование исламской религии в политических целях через экстремистские действия [5, с. 80].

Характерно, что методика аргументации радикальных «исламистов» распространяется на определенные догматические нормы исламской религии, которые сознательно извращаются. Для профилактики экстремистской деятельности некоторые доктринальные особенности ислама были перенесены экспертами в идейную плоскость. Конечно, «исламизм» – это не знак равенства «исламу», как мировому духовному учению. Однако между ними, как утверждает И.П. Добаев, существует противоречивая и напряжённая связь [1, с. 122]. А известный исламовед А.В. Малашенко справедливо отмечал: «Если каждый исламист – мусульманин, но не каждый мусульманин – “исламист”» [4, с. 78]. В арсенале «исламистов» 3 главных религиозно-догматических аспекта, которыми они умело манипулируют: *такфир* (чистота веры), *таухид* (единобожие) и *джихад* (священная война).

Исламские политические движения связываются с ваххабизмом и реформаторскими идеями салафизма по идеализации средневековой исламской общины, основанной на неразделённости религиозных установок и политических действий. Самый известный средневековый «исламист» – это Ибн Таймия (XIII–XIV вв.), на работы которого ссылаются современные «исламисты», например, такие, как С. Кутб – египетский политик и идеолог «Братьев-мусульман» (50-60-е годы XX в.), Айман аз-Завахири, исламский богослов, лидер «Аль-Каиды», погибший в Афганистане в 2022 г.

Практически все идеологи политического радикализма манипулируют кораническими аятами, сложившимися в мединскую эпоху борьбы пророка Мухаммада с многобожниками, а также после завоевания Мекки в 630 г., когда были разрушены языческие идола в Каабе. Манипуляциям подвергаются аяты 29, 30 (сура 9 «Покаяние»); аяты 77, 21 (сура 5 «Трапеза»); аяты 76-78 (сура 4 «Женщины»); аят 39 (сура 8 «Военные трофеи»), при анализе которых

мусульмане противопоставляются христианам и иудеям как многобожникам, а также где провоцируются суицидальные действия во имя Аллаха при борьбе с «неверными». Конечно, существует и другой экспертный подход в трактовке этих и других аятов. В Коране есть множество аятов, свидетельствующих о признании «людей Писания» (сура 5 «Трапеза», аят 5, 15; сура 10 «Йунус», аят 94).

Джихад делится на «большой» и «малый», где это понятие включает борьбу за самосовершенствование личности, а военные действия должны быть для самозащиты и милосердными по отношению к врагам (сура 2 «Корова», аят 192, 193; сура 3 «Семейство Имрана», аят 142; сура 9 «Покаяние», аят 16). Именно поэтому мусульманские богословы, и российские в том числе, предпринимают усилия по созданию научно-методической школы аргументации против догматических манипуляций исламских норм во имя политических, деструктивных действий. По справедливому утверждению известного учёного-востоковеда А.А. Игнатенко: «Ислам начала XXI века совсем не таков, каким он был в XVII веке ... ислам эволюционирует возвратно-поступательно» [2, с. 7]. В этой связи необходимо помнить, что в исламе нет единой мусульманской экзегетической школы, а сам ислам представляет собой поле для научно-исследовательской деятельности.

Литература:

[1] *Добаев И.П.* Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России. Ростов-на-Дону, 2015. № 2. С. 121-129.

[2] *Игнатенко А.А.* Ислам в XXI веке: главные направления исследований // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. М., 2007. № 4 (47). С. 7-34.

[3] *Порохова И.В.* Коран. Перевод смыслов. М.: Медина, 2022. 799 с.

[4] *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламский проект. М.: Весь мир, 2006. 220 с.

[5] *Семедов С.А.* Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения. // Россия и мусульманский мир. М., 2010. № 4. С.77-86.

Общественная и политическая деятельность мусульман-пасманда Северной Индии в 2010-2020-х годах

Старикова М.Н.

*МГИМО МИД России, ст. преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков
m.starikova@inno.mgimo.ru*

Сегодня в индийских средствах массовой информации всё чаще звучит термин «пасманда» (урду: «оставленный позади», «отсталый»). Его используют некоторые мусульманские организации для обозначения тех слоев общины, которые исторически подвергались дискриминации. Они утверждают, что в эту категорию входит около 85% исповедующих ислам в Индии. Хотя большинство религиозных и многие политические лидеры опровергают существование кастового неравенства среди индийских мусульман, представители организаций мусульман-пасманда считают иначе.

Кастовая система повлияла на социальное деление в мусульманской общине Индии [1, с. 75], где принято выделять три категории мусульман: ашрафы, аджлафы и арзалы [3, с. 6]. К первым относятся потомки выходцев из Персидского залива и Центральной Азии, а также некогда принявших ислам представителей высших индусских каст. Вторая и третья категории включают средние, низкие касты и бывших неприкасаемых (далитов). Аджлафы и арзалы были лишены социальных благ, экономических и политических привилегий; их и именуют «пасманда». В современной Индии они не считаются зарегистрированными (списочными) кастами, даже если их предки когда-то считались неприкасаемыми. В северных штатах, в первую очередь Бихаре, они стали объединяться в организации [2, с. 194-195], которые стремятся получить для мусульман привилегии по резервированию на госслужбе и в высших учебных заведениях. Также лидеры мусульман-пасманда добиваются увеличения представительства низкокастовых членов общины в существующих мусульманских организациях, партиях и государственных учреждениях.

Политические партии страны на разных уровнях стремятся привлечь голоса мусульман и в первую очередь тех, которых можно условно отнести к средним и низким кастам. Так, летом 2022 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди призвал членов Бхаратия джаната парти (БДП) обратить внимание на удручающее положение большей части мусульманской общины, а именно мусульман-пасманда. Хотя в 2014 г. правительство БДП выступило против включения христиан и мусульман в список зарегистрированных каст, в 2022 г. центральное правительство сформировало возглавляемую бывшим главным судьей К.Г. Балакришнаном комиссию из трёх членов для изучения вопроса о включении мусульман-далитов в указанную категорию населения. Такой призыв со стороны премьер-министра и последовавшие кампании БДП были восприняты многими как очередной ход для привлечения голосов перед предстоящими выборами в 2024 г.

Мусульмане-пасманда недовольны тем, что их рассматривают как «банк голосов»; они надеются, что политики начнут принимать реальные шаги для улучшения положения большей части членов общины. Однако интерес к мусульманам-пасманда со стороны правящей партии

привел к подвижкам и в среде исповедующих ислам: лидеры крупных организаций стали интересоваться, какие группы внутри общины могут быть отнесены к категории пасманда.

Литература:

[1] *Manish K.Jha & Pushpendra. Governing Caste and Managing Conflicts: Bihar, 1990-2011* // Samaddar R. (ed.) *Government of Peace. Social Governance, Security and the Problematic of Peace*. L., NY: Routledge, 2016. P. 167-202.

[2] *Manjur A. Indian Muslims OBCs: Backwardness and Demand for Reservation* // *Economic and Political Weekly*. 2012. Volume 47, No. 36. P. 74-79.

[3] *Shaban A. (ed.) Lives of Muslims in India. Politics, Exclusion and Violence (2nd edition)*. L.: Routledge India, 2018. 332 p.

Изображение Бенареса – центра индуизма в произведениях писателей хинди

Стрелкова Г.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
gstr@iaas.msu.ru*

Бенарес, один из древнейших городов мира, и в наши дни по праву считается центром индуизма. Не случайно писатели хинди пишут об этом городе, восхищаясь или порой осуждая его. Одним из первых таких писателей был Бхаратенду Харишчандра (1850-1885), заложивший основы литературы хинди Нового времени. В одной из своих ранних пьес «Жрица любви» (*Premjoginī*), написанной им в 1875 г., он показал именно этот город в качестве центра индуизма. Пьеса имела подзаголовок «Теневые картины или пара хороших-плохих фотографий Бенареса» [1], благодаря чему зритель или читатель этой пьесы сразу же понимает, что её главная тема – религиозная любовь к божеству, а подзаголовок показывает, что сюжет будет связан с Бенаресом современным, так как фотография была в то время очень современным явлением. Пьесе предшествует традиционный пролог – диалог *сутрадхара* – режиссера и одновременно главного актера, который излагает содержание пьесы, и *парипаривака* – его помощника. Они обсуждают божественную тему – как Всевышний может спокойно относиться к злу, царящему в мире. Но не забывают они и о дне сегодняшнем: в пьесе показана и современная им жизнь Бенареса. Главный герой, словно «жрица любви», бродит по родному городу, наблюдает, как протекает его жизнь, но при этом остается «за кулисами», чтобы читатель или зритель могли сами рассудить, что из себя представляет этот священный и полный паломников город.

Сам Бхаратенду был верующим человеком, истинным *бхактом*, то есть преданным почитателем Кришны, одного из воплощений бога Вишну, что отразилось и в другой его пьесе «Чандравали», написанной на кришнаитский сюжет; она посвящена чувствам пастушки – *гопи*, которая влюблена в Кришну и готова ради него на многое. Однако в «Жрице любви» Бхаратенду в качестве героя изображает самого себя – вишнуита, преданного возлюбленного Кришны. Он, словно «жрица любви», бродит по родному городу, наблюдает его жизнь, сам же часто остается в стороне, очевидно, для того чтобы зритель сам судил о том, что из себя представляет этот священный город, полный паломников [1, с. 331]. Драматург использует классическую форму *натюки* – пьесы на любовный сюжет, но при этом стремится как можно достовернее изобразить жизнь священного города. Одна из самых примечательных сцен пьесы называется «Мандир дарпан» (Зеркало храма). Здесь изображается одна из центральных площадей Бенареса, находящаяся возле храма Говиндарая-джи, то есть храма Кришны. Все еще спят – и боги, и брахманы, которые скорее всего провели ночь, предаваясь удовольствиям, и верующие, которые скоро должны появиться у храма. Постепенно появляются кришнаиты, они совершают омовение, оно в этот день особенное, так как связано с празднованием месяца *картика*, восьмого месяца по индийскому календарю. Он считается священным, в это время отмечаются праздники *дашера* и *дивали*, символизирующие победу света над тьмой.

Религиозная атмосфера пьесы передается приветствиями паломников «Слава шри-Кришне!» [1, с. 326], а также разговорами местных жителей, которые обсуждают то, что составляет основу индуистского ритуала – песнопения, раздача *прасада* – освященной еды, получения благословения (*мангал бхог*), обряде *арати*, когда обносят изображения божества горящими светильниками. Религиозные беседы перебиваются репликами водоноса, сгибающегося под тяжестью горшка с горячей водой, и обсуждением удовольствий, которым предаются брахманы [1, с. 333]. Упоминаются и приметы времени – приезд некоторых паломников в Бенарес из Калькутты на поезде. Изображение этой атмосферы практически нейтральное, но оно резко меняется, как только появляются Дхандас, что означает Раб богатства, и Банитадас – Раб женщин. Их разговор примечателен, так как они обсуждают жизнь индуистских проповедников – *госвами*, которые одновременно и главы общины вишнуитов. Они живут в храме, словно в раю, предаются чувственным удовольствиям, стремятся получить достаток любыми средствами. В конце этой сцены появляется главный герой пьесы – Рамачандра, который слышал сплетни двух друзей, обсуждавших удовольствия и женщин. Сам же Рамачандра вступает в беседу со своим приятелем, спрашивая, как идут дела в местном муниципалитете.

Таким образом, уже в первой сцене изображается утренний, пробуждающийся Бенарес, его жители собираются у главного храма, многие из них уже совершили омовение в Ганге.

Теперь они могут обсудить свои дела, посплетничать, строить планы на будущее. Очевидно, первая сцена относится к «плохим фотографиям», потому что показывает не самые положительные качества жителей этого священного города. Вторая сцена озаглавлена «Гаиб-айби» («Порочный»), что, очевидно, указывает на отличительную черту этого района Бенареса. Здесь представлены в основном не самые добропорядочные люди. Главный объект критики – работники муниципалитета, но критикуются и брахманы, которые совершают разнообразные ритуалы. Эта критика прерывается появлением паломника-иностранца, но поскольку эта пьеса еще и музыкальная, он поёт песню, отнюдь не прославляющую Бенарес: «Повидал я ваш Каши, люди, повидал я Каши, / Где пребывает Верховный Владыка Вишванатх Вишешвар / Половиной правят певцы – бхандерия / брахманы и санъяси / А второй управляют проститутки, бритоголовые вдовы и шлюхи» [1, с. 333]. Но в этом городе живут и достойные люди, благодаря которым слава Бенареса ширится. Эта пьеса полифонична, персонажи говорят не только на хинди, но и маратхи, они живут в разных уголках Бенареса, благодаря чему можно лучше познакомиться с этим древним городом, который воспринимается центром индуизма.

Бенарес также изображался в произведениях современных писателей хинди. Переводы двух из них – Амритрая «Прогулка по Бенаресу» и Бхишмы Сахни «Ревнитель древней веры» вошли в сборник «При блеске дня, во мраке ночи» [2]. В них изображается уже сегодняшний Бенарес, который по-прежнему остается священным.

Литература:

[1] *Bharatendu Harishchandra*. Premjoginī. Nātikā. Benares, 1985.

[2] При блеске дня, во мраке ночи. Рассказы об индийских городах. Пер. с хинди. М.: Наука, 1980. 189 с.

Наследие Ахмеда Ходжа Ясави в контексте единства тюркской цивилизации

Сыздыкова Ж.С.

ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой

стран Центральной Азии и Кавказа

ссса-iaas@yandex.ru

IX – XII вв. – это время становления на Востоке мистико-аскетического направления ислама (суфизма). С течением времени суфизм занял значительное место в жизни народов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, достиг Северо-Западную Африки, севера Китая и Индонезии.

В настоящее время существует множество определений суфизма. Обратимся к определению, которое было дано О.Ф. Акимушкиным: «Суфизм – это особое мистическое, религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта непосредственное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путем экстаза или внутреннего озарения, ниспосланных человеку, идущему по “пути” к Богу с любовью к нему в сердце» [цит. по: 3, с. 4].

В Центральной Азии суфизм распространился с конца X – начала XI в., в период правления династии Караханидов, когда шла исламизация тюркоязычных племен. В 1093 г. на юге современного Казахстана, в городе Исфиджаб (Сайрам) родился Ахмед Ясави (ум. в 1166 г.), который, по предположению турецкого ученого Мехмета Кюпрюлю, прожил 120 лет [1, с. 45]. Он учился в Бухаре и Самарканде, а после смерти своего учителя Юсуфа аль-Хамадани (ум. в 1130 г.) поселился в Яссах, где занимал пост духовного наставника. По мнению казахстанской исследовательницы А. Султангалиевой, «для тюркских племен, расселенных по евразийской территории, имя Ахмеда Ясави является одним из центральных звеньев их духовно-исторической традиции» [2, с. 14].

Труд Ахмеда Ясави «Диван-и Хикмет» («Книга премудростей») написан на чагатайском языке (средневековый среднеазиатско-тюркский письменно-литературный язык, относящийся к тюркской группе языков). Ахмед Ясави обращался к своим сородичам-кочевникам на понятном для них языке и тем самым во многом способствовал тому, что росло число тех, кто принимал ислам. Город Яссы стали называть Туркестаном – страной тюрков, а самого Ясави – Пиром Туркестана. Стало популярным выражение: «В Медине-Мухаммад, в Туркестане – Ходжа Ахмед». Таким образом, тарикат ясавийя получил известность как тюркский тарикат.

Для распространения ислама в тюркской среде Ахмет Ясави опирался на поэзию и музыку. Стихи Ясави были популярны в народной среде, передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Важно отметить то, что Ясави способствовал также и просвещению народных масс, призывая к чести и справедливости.

Ахмед Ясави распространял ислам не только в Центральной Азии, но далеко за пределами этого региона, направляя туда своих учеников. Среди них был Хусейн-бек, который способствовал распространению ислама среди башкир. Дело Ахмеда Ясави продолжили и другие его ученики (Мухаммад Данишмед, Имам Мергази, Мансур Ата, Шейх Усман и др.).

Ясави определил русло развития народной струи новоисламской цивилизации тюрков. У него было много последователей. Миссионеры, странники и народные проповедники, именуемые «баба», распространяли учение Ясави в Туркестане, Центральной Азии, Поволжье,

Закавказье и Малой Азии. По указанию Тимура на месте упокоения Ясави был воздвигнут мавзолей «Хазрет султан», который является местом поклонения мусульман не только из Центральной Азии, но со всей Евразии.

Творческое наследие Ходжа Ахмеда Ясави имеет важнейшее значение в духовной жизни народов не только Центральной Азии, но и далеко за пределами этого региона. Ясави, будучи знатоком традиций суфизма и тюркской, арабской и персидской литературы, стал родоначальником тариката ясавийя и поэтического жанра «хикмет», занявшей достойное место в тюркской суфийской литературе. Сочинение Ходжа Ахмеда Ясави «Диван-и Хикмет», книга с нравственно-религиозным содержанием, стала настольной книгой многих народов, принадлежащих к тюркской цивилизации.

Литература:

Копрулу Ф.М. Кожа Ахмета Яссави та-нымы мен тағылымы. Шымкент, 1999. 45 с.

Султангалиева А. Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 1998. 188 с.

Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. А.А. Ставиской, под ред., предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. 328 с.

Эволюция идеологии движения ихванов в Аравии в 1914–1930 гг.

Куделин А. А.

Российский университет дружбы народов, заведующий кафедрой всеобщей истории

Фролов К. Д.

Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН

Проблема эволюции идеологии движения ихванов в Аравии в 1914–1930 гг. представляет собой малоизученную в науке тему, исследование которой представляется в начале XXI в. весьма актуальным в связи с подъемом влияния партий и движений, основанных на радикальной исламской идеологии.

Возникновению ихванского движения во многом способствовали кризисные явления в общественной жизни региона, выраженные в кризисе кочевого хозяйства и общей дестабилизации региона вследствие междоусобиц в эмирате Рашидидов [1, с. 287]. В области догматики ихванизм, помимо традиционного запрета на культ святых и требования строгого соблюдения принципа единобожия, запрещал любые контакты с иноверцами, за исключением боевых действий, а также предписывал переход к образу жизни оседлого земледельца или

горожанина. Участник движения считался воином Всевышнего, военная служба делилась на действительную и запас.

В рассматриваемый период ихванизм проник во все сферы общественной жизни, за исключением политики. Однако он не получил распространения в старых ваххабитских центрах, а также в большинстве кочевых племен, которые были ихванами только по названию [5, с. 149; 4, с. 211-212]. Эта неоднородность создала предпосылки для успешного распространения теории культурного ваххабизма.

К 1928 г. ихванизм разделился на два диаметрально противоположных направления: умеренное, тяготевшее к классическому ваххабизму, и радикальное, приверженное агрессивной риторике ихванизма. Этот раскол, надо полагать, с 1916–1920 гг. вплоть до 1928 г. носил латентный характер, дав о себе знать в период обострения внутривосточной обстановки в конце 1928 – начале 1929 г. Окончательно это разделение оформилось к моменту сражения при Сабилле (вторая декада марта 1929 г.) [2, с. 14-15]. Умеренная форма служила идеологической основой сторонников Абд ал-Азиза в среде большинства ихванов, мирно уйдя с политической сцены после окончательного разгрома радикальных ихванов зимой 1929–1930 гг. и слившись с классическим ваххабизмом. Радикальная форма стала оправданием оппозиционных действий традиционалистов, чей целью стал развал государства. Уже в начале лета 1929 г. она начинает движение в сторону ваххабизма и полностью исчезает к лету 1930 г. [2, с. 15].

Основным фактором процесса эволюции служило положение дел во внешней политике государства, так как сосредоточенность идеологии на борьбе с внешним врагом отвечала задачам объединения страны на этапе, когда были присоединены основные стратегически важные области – Асир, Хиджаз и Джебель-Шаммар. Позднее, когда основные внешнеполитические цели Абд ал-Азиза были достигнуты, радикальная идеология ихванов стала представлять опасность для государства, что в итоге привело к ее исчезновению вместе с ее носителями.

Литература:

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.). М.: «Классика плюс», Книжный дом газеты Труд, 1999. 672 с.

Куделин А.А., Фролов К.Д. Трансформация идеологии движения ихванов 1914–1930 гг.: развитие и упадок // ЭНОЖ История. № 1, 2021.

Прошин Н.И. Движение ихванов в Аравии (1912–1930) // Институт народов Азии. Ученые записки. Т. 22. М.; Л., 1960. С. 48-71.

[4] *Rihani A.* Ibn Saoud of Arabia, His People and Land. Boston; NY: Constable & Co Ltd, 1928. 375 p.

[5] *Dickson H.R.P.* Kuwait and Her Neighbours. L.: Allen & Unwin, 1968. 627 p.

Конфессиональный фактор в процессе эволюции литературного хинди

Хохлова Л.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
khokhl@iaas.msu.ru*

Первые письменные свидетельства о языке, носившем название хинди (хиндуви, хиндви, хиндави) относятся к концу XIII – началу XIV вв. Название «хинди» встречается в шуточных загадках Амира Хосрова, который попытался в своих поэтических опытах использовать язык, бытовавший только в устной форме. Лексико-грамматической базой этого языка был диалект *кхари боли*, на котором говорили жители Дели и его окрестностей. Кхари боли изобилует арабскими, персидскими и тюркскими заимствованиями, так как формировался на базе контактов местного населения с мусульманскими завоевателями, родными для которых были иранские и тюркские языки. Слово «урду» для обозначения языка стало использоваться только в середине XVIII в. и употреблялось в значении «высокого», «чистого» литературного языка. До прихода в Индию англичан ни хинди, ни урду не ассоциировались ни с конфессиональной принадлежностью их носителей, ни с определенной графикой. Так, например, могольский император Шах Алам (1759-1806) написал арабско-персидским шрифтом на языке, который он называл хинди, прозаический дастан «Чудеса рассказов» [1, с. 285].

Идея хинди, записываемого шрифтом деванагари, как языка индусов и урду, использующего арабско-персидскую графику, как языка мусульман последовательно внедрялась в индийское сознание служащими Ост-Индской компании. Идеологическим центром, создававшим программы конфессионального размежевания языков, стал открытый в Калькутте в 1800 г. Форт-Вильям-колледж. Понадобилось определенное время для того, чтобы индусские и мусульманские лидеры начали осмыслять и претворять в жизнь идеи британских властей [1, с. 293]. Литературный хинди начал насыщаться санскритскими, урду – арабско-персидскими заимствованиями.

Концепция двух языков, разделенных по конфессиональному признаку, была неприемлема для лидеров Индийского национального конгресса. Так, например, Дж.Неру в своих речах обязательно употреблял как санскритские политические термины, так и их арабские и иранские синонимы и настаивал на едином языке, который был бы понятен всем жителям Индии.

После образования двух государств – Пакистана, где статусом государственного языка обладают урду и английский, и Индии, где официальными языками провозглашены хинди и английский, происходит дальнейшее размежевание языков. Тексты общественно-политической тематики на хинди и урду становятся взаимно не понимаемыми.

Символическое значение имеет также шрифт. В конституции Индии специально подчеркивается, что официальным языком Индийской Республики является хинди в шрифте деванагари. Основной идеей создания Пакистана было единство языка (урду) и исламской нации: *one language (Urdu), one nation (Muslim), one state (Pakistan)*. Индия по конституции является светским государством, поэтому хинди как официальный язык республики не может быть связан ни с какой определенной конфессией.

В последнее время значительное число индийских средств массовой информации и лидирующая идеология отводят хинди роль хранителя духовного наследия, связанного прежде всего с брахманистской и индуистской культурной традицией. Такое идеологическое осмысление роли хинди в Индии было продемонстрировано на посвященной хинди XII международной конференции, проходившей на Фиджи 15–17 февраля 2023 г. На конференции присутствовали представители 31 страны мира; обсуждались проблемы расширения сфер использования хинди не только в Индии, но и за ее пределами, в особенности в тех странах, где присутствует активная хиндиязычная диаспора. Основным лозунгом конференции было использование хинди в исследованиях по созданию искусственного интеллекта. При этом отдельная секция была посвящена роли хинди в сохранении культурного наследия Древней Индии. Секцию открыл индусский пандит, который читал мантры для создания ‘*śuddh vātāvaraṇ*’ – «священной атмосферы». В докладах участников конференции особое внимание уделялось хинди как хранителю и выразителю ‘*Bhāratīyatā*’ – «индийскости», душой которой, по определению премьер-министра Н.Моди, является каждый язык Индии [2]. Для описания хинди в докладах на этой и других секциях, помимо обычных определений типа ‘*rāṣṭra bhāṣā*’ (официальный язык), ‘*sampark bhāṣā*’ (язык межнационального общения) и т.п., использовались термины, этимологически связанные с брахманистской и индуистской традицией, например, ‘*saⁿskār bhāṣā*’ – «совершенный, очищенный язык». Этот термин неизбежно ассоциируется с ‘*solah saⁿskār*’ – «шестнадцатью обрядами», которые, согласно дхармаштрам, должны совершить члены трех высших варн [3]. Особое внимание уделялось писателям Фиджи, творчество которых тесно связано с индуистской культурной традицией, например, «Рамаяной» Тулсидаса [4].

Литература:

[1] *Васильева Л.А.* От шахского двора до языка урду // *Язык до Индии доведет.* М.: Восточная литература, 2008. С. 275-306.

[2] *Modi N.* BJP considers all Indian languages soul of ‘Bharatiyata’, worthy of reverence. The Economic Times. 20.05.2022. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/bjp->

considers-all-indian-languages-soul-of-bharatiyata-worthy-of-reverence-pm-modi/articleshow/91686281.cms (дата обращения: 07.03.2023).

[3] *Pāṇḍey Rākeṣ*. *Viśva meⁿ saⁿskār bhāṣā ke rūp meⁿ ab jānī jā rahī hai Hindī* (Теперь хинди во всем мире известен как совершенный язык). *Hindi Viśva*, 17.02.2023. P. 4.

[4] *Ṛtuparṇ Sureṣ*. *Rāmāyaṇ Mahārānī kā deś hai Fijī* (Фиджи – страна королевы «Рамаяны»). *Hindi Viśva*, 17.02.2023. P. 3.

Религиозные и социально-этнические группы населения мусульманской Испании в X–XII вв.

Черкасова Т.Д.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ученый секретарь

cherkasova@iaas.msu.ru

Мусульманская Испания, как нередко называют Аль-Андалус, представляла собой в X–XII вв. яркий образчик религиозного и социально-этнического синтеза в средневековом Средиземноморье. К началу арабского завоевания (711 г.) население Пиренейского полуострова состояло в основном из потомков иберов, кельтов, лузитан, финикийцев, карфагенян, греков, римлян, галлов, вестготов, и пр. Представители так называемого «коренного» населения в большинстве своем были христианами и иудеями, встречались также зороастрийцы и сабии.

С приходом мусульманских завоевателей и установлением арабского господства практически на всей территории современной Испании к изначально пестрому религиозно-этническому составу жителей Иберийского полуострова добавились исповедовавшие ислам арабы и берберы (часто называемые общим термином *мавры*, лат. *maurus* – черные, темные люди). Появление, стремительное распространение и активное продвижение ислама на покоренных землях естественным образом повлекло за собой возникновение в Аль-Андалусе новых многочисленных социально-статусных групп различной религиозно-этнической принадлежности.

Уделим внимание некоторым из них. Одна из самых многочисленных групп – латиноязычные арабизированные христиане (*мосарабы*, исп. *mozárabes*, араб. مستعرب [муста`раб] – превратившиеся в арабов, сделавшиеся арабами). Мосарабы продолжали исповедовать христианство и не переходили в ислам, несмотря на предоставленную им такую возможность, разговаривали на своем родном языке и вместе с тем хорошо знали устный и письменный арабский язык. Они жили на покоренных территориях, управляемых арабскими наместниками, однако предпочитали селиться, как правило, обособленно – в отдельных мосарабских кварталах, иногда вне городских стен. У мосарабов были свои судьи, избираемые

ими из их же числа, а в некоторых крупных городах, например, таких как Кордоба, специально назначались чиновники для представления и защиты их интересов при дворах мусульманских правителей. Мосарабы были полностью интегрированы в жизнь андалусского общества, являлись его равноправными членами, постоянно поддерживали контакты с представителями мусульманского чиновничества и знати, во многом подражая их образу жизни и перенимая традиции, обычаи и культуру завоевателей.

Следующая, не менее многочисленная, группа – христиане, сменившие вероисповедание и принявшие ислам (*муваллады*, исп. *muladí*, араб. مؤلادون, [мувалладун] – потомки, отпрыски, люди смешанного происхождения). Однако следует отметить, что мувалладами называли не только бывших христиан, перешедших в ислам, но и андалусцев следующих поколений, рожденных от смешанных браков между мусульманами и христианками (как правило, именно так: отец – мусульманин, мать – христианка, а не наоборот), получивших мусульманское воспитание и образование, ведущих типично исламский образ жизни. Такие муваллады практически ничем не отличались от «чистых» мусульман, кроме своего происхождения. Если в самом начале арабского завоевания среди мувалладов преобладали представители знатных семейств Аль-Андалуса, обращавшиеся в ислам ради сохранения своей власти, земель, богатства и привилегий, то вскоре христиане, представляющие различные социальные группы андалусского общества, начали массово переходить в ислам, осознав выгоду и преимущество добровольной смены вероисповедания. Таким образом, муваллады к окончанию X в. образовали самую многочисленную группу населения Аль-Андалуса.

Еще одна группа – бывшие христиане, перешедшие в ислам и воевавшие против христиан на стороне мусульман (*ренегаты*, лат. *renegatus* – отступники, изменники). Ренегатство в средневековой мусульманской Испании, хотя и не приняло массовый характер, как в Османской империи, тем не менее, было довольно распространенным явлением: представители различных социальных групп христианского коренного населения принимали ислам и присоединялись к завоевателям ради личной выгоды, повышения социального статуса, возможности быстрого обогащения и преимущественного продвижения по службе. Мусульманские военачальники успешно привлекали ренегатов во время планирования и проведения военных действий против непокоренных христианских правителей, умело используя сильные стороны своих новых адептов: знание языков, христианское воспитание и образование, понимание особенностей противников-христиан, военные навыки, тщеславие, честолюбие.

На протяжении XI–XV вв., по мере становления и формирования нового андалусского общества, а также вследствие распространения Реконкисты, на территории Пиренейского

полуострова постепенно стали возникать, развиваться и преобладать другие группы населения, зачастую прямо противоположные по своему статусно-социальному составу и религиозно-этнической принадлежности вышеописанным этнорелигиозным структурам. Процесс обращения в другую веру неотвратимо повернул вспять, и на смену мосарабам, мувалладам и ренегатам пришли мориски, мудехары, сефарды и марраны.

Султан Абдул-Меджид I и архитектор Гаспар Фоссати: реставрация мечети Айя-София

Якушев М.И.

Аналитический центр «Катехон», генеральный директор

Mikhail.Yakushev@tsgg.ru

История базилики Св. Софии насчитывает почти пятнадцать веков. За это время она постоянно меняла свою религиозную принадлежность: из православной базилики она превращалась в католический собор, потом вновь становилась византийской церковью, затем султан Мехмед Фатих обратил ее в свою главную мечеть, ставшую после падения Османской империи музеем, а недавно вновь мечетью. За всю ее длительную историю у нее было два врага – природные катаклизмы, прежде всего землетрясения, и люди. В латинский период ее оскверняли разграблениями, в османскую эпоху уничтожали или закрывали христианскую атрибутику храма, а из-под осыпавшейся штукатурки служители мечети изымали из стен смальту древних мозаик для продажи.

В византийский период постоянные разрушения храма требовали серьезных финансовых затрат. Эту проблему пришлось решать и османским падишахам, регулярно ремонтировавшим здание главной мечети империи [2, с. 105–108]. В ходе реставраций османские архитекторы и инженеры привносили свое личное видение в архитектуру мечети и строений вокруг нее.

Первый капитальный ремонт Айя-Софии в османский период был осуществлен главным османским архитектором Синаном по указу султана Селима II (1566–1574 гг.), завещавшего похоронить себя в мавзолее-*тюрге* внутри ограды мечети. Так Айя-София стала еще и местом усыпальниц османских падишахов и членов их семей. Максимально «исламизированный» облик мечеть приобрела при султани Махмуде I (1730–1754 гг.) после ремонта в середине XVIII в., когда практически вся христианская атрибутика была либо уничтожена, либо заштукатурена. Только фигурные мозаичные изображения двух шестикрылых серафимов на парусах купола остались открытыми. К середине 40-х гг. XIX в. окруженная минаретами Айя-София пришла в аварийное состояние [1, с. 1-2]. Это заставило султана Абдул-Меджида I (1839–1861 гг.) поручить великому визирю Решид-паше найти

архитектора-европейца, который смог бы осуществить капитальный ремонт Айя-Софии. Им стал архитектор Русской дипломатической миссии на Босфоре Гаспар Фоссати, командированный в Стамбул по указу Николая I в 1837 г. для строительства нового здания русского посольства. По завершении этого строительства он возвел летнюю резиденцию садразама Решид-паши, ставшего его покровителем [3, с. 171]. Для осуществления капитального ремонта Айя-Софии султан выделил Гаспару Фоссати 800 строителей. На всю реставрацию было потрачено 20 млн пиастров (полтора миллиона рублей) [4, с. 116]. Для помощи в работе Гаспар Фоссати вызвал из Петербурга своего младшего брата Джузеппе и других итальянцев, трудившихся с ним в российской столице. В период с 1847 по 1849 г. Фоссати капитально отремонтировал здание мечети, расчистил площадку вокруг нее, построил ряд сооружений на территории комплекса Айя-Софии. Реставраторам удалось заделать трещины и дыры в стенах и в куполе, отремонтировать свинцовую крышу и своды, а также выровнять покосившиеся колонны женской галереи, поддерживающие купол. Медальон большого купола и новые громадные круглые щиты в мечети были расписаны знаменитым каллиграфом Мустафой Иззет-эфенди. В ходе реставрации братья Фоссати обнаружили мозаичные изображения на сводах, полукуполах и хорах, которые они смогли открыть, отреставрировать, а затем вновь заштукатурить по приказу султана Абдул-Меджида [5, с. 76-109]. Султан разрешил Фоссати нарисовать фрески двух недостающих серафимов на западных парусах купола, приказав при этом закрыть лики металлическими звездами всем четверем серафимам. Хотя современные реставраторы критикуют профессионализм реставрации Фоссати, они игнорируют то, что ему удалось в определенной мере вернуть Айя-Софии облик, напоминающий прежний византийский. Одной из главных заслуг Фоссати стало то, что он убедил султана демонтировать из алтарной зоны старую султанскую ложу (*махфил-и хумаюн*) вместе с нависающим над ней эркером женского гарема-*харамлика*. Взамен этого Он построил великолепную ложу, вынеся ее за пределы алтарной части. Новый махфил-и хумаюн был сооружен Фоссати по образцу *митатория* византийских императоров, вывезенного из Св. Софии венецианцами в 1204 г. для своих дожей и установленного ими в соборе Св. Марка в Венеции.

Литература:

[1] *Fossati G. Aya Sofia, Constantinople, as Recently restored by Order of H.M. the Sultan Abdul Medjid from the Original Drawings by Chevalier Caspard Fossati. Lithographed by Louis Haghe esq. L.: P. & D. Colnaghi. 1852. 32 p.*

[2] *Rettenbacher S.* Hagia Sophia and the Third Space. An Enquiry into the Discursive Construction of Religious Sites // *Contested Spaces, Common Ground. Space and Power Structures in Contemporary Multireligious Societies.* Boston: Brill, 2016. P. 95-112.

[3] *Eyice, Semavi.* Ayasofiya // *Türkiye Diyânet Vakfı İslam Ansiklopedisi.* İstanbul: Türkiye Diyânet Vakfı Yayınları, 1991. P. 206-208.

[4] *Teteriatnikov N.B.* Mosaics of Hagia Sophia, Istanbul: The Fossati Restoration and the Work of the Byzantine Institute. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1998. 73 p.

Якушев М.И. Проекты Российской империи относительно судьбы Босфора и Дарданелл, Константинополя и Вселенского патриархата в предвидении решительной победы Антанты в Первой мировой войне // РИСИ «Проблемы национальной стратегии». № 3 (24). 2014. С. 76-109.

Церемониал приема русских послов А.И.Румянцева, Н.В.Репнина и М.И.Кутузова при османском дворе

Якушев М.М.

Историко-документальный департамент МИД РФ, 1 секретарь

mtyakushev456@gmail.com

Дипломатический протокол является одной из важнейших составляющих межгосударственных отношений и состоит из этикета и церемониала. Османская протокольная практика была нацелена на подчеркивание идентичности империи, усиление авторитета власти и укрепление имиджа султана, а коррективы, внесенные в протокол, могли свидетельствовать об изменении внешнеполитического вектора и характера межгосударственных отношений.

Статус правителей среди европейских монархов определял внешнеполитический курс государств и положение их представителей на международной арене. По дипломатической иерархии конца XVIII в. последние делились на три группы в зависимости от принадлежности к тому или иному рангу. К дипломатам первого ранга относились папские нунции, чрезвычайные и полномочные послы; к дипломатам второго ранга – интернунции, чрезвычайные посланники (полномочные министры) и постоянные посланники; к дипломатам третьего ранга – министры-резиденты, резиденты и др. Иностранные послы отличались от посланников не только своим дипломатическим старшинством. Так, «великие послы» (*бююк эльчи*) и чрезвычайные послы (*февкальаде эльчи*) направлялись в качестве полномочных представителей монархов и получали аккредитацию при султани. Их основные функции, как правило, носили разовый и временный характер: заключить мир, привезти ратифицированный

договор, проинформировать о смерти монарха и восшествии на престол его преемника. Чрезвычайные посланники (*орта эльчи*) и постоянные посланники (*муким эльчи*) сменяли великих послов после выполненных последними дипломатических поручений, оставались управлять посольствами и миссиями в Стамбуле и получали аккредитацию при великом визире. Также в дипломатическом корпусе османской столицы фигурировали «малые послы» (*кючюк эльчи*) и поверенные в делах (*маслахат гюзар*).

В XVIII в. Стамбул посетили три чрезвычайных и полномочных посла России – граф А.И.Румянцев, князя Н.В.Репнин и М.И.Голенищев-Кутузов.

А.И.Румянцев был дважды направлен в Стамбул в служебную командировку. Первая поездка А.И.Румянцева в османскую столицу в качестве чрезвычайного посла состоялась в 1724–1725 гг. по случаю заключения Константинопольского договора 1724 г. между Россией и Османской империей. Вторая командировка А.И.Румянцева в Стамбул в качестве чрезвычайного и полномочного посла состоялась в 1740–1741 гг. с целью подписания им дополнения к Белградскому мирному договору 1739 г. между Россией и Османской империей. В 1775–1776 гг. в Стамбул был направлен чрезвычайный и полномочный посол князь Н.В.Репнин для ратификации Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В 1793–1794 гг. в османскую столицу был командирован чрезвычайный и полномочный посол князь М.И. Голенищев-Кутузов для ратификации Ясского мирного договора 1792 г.

Перед отправлением в Стамбул российские послы Н.В.Репнин и М.И.Голенищев-Кутузов занимались согласованием с Портой церемониалов размена посольств, въезда в османскую столицу и приема у султана и великого визиря во дворце Топкапы, чтобы им были оказаны протокольные почести, соответствующие достоинству послов державы-победительницы. За основу был взят церемониал посольства А.И.Румянцева 1741 г., согласно которому русские послы должны «приняты и трактваны быть, с такими же церемониями, и тем же образом, как сие производится в знатных посольствах, между самознатнейшими державами и Оттоманской Портой». В свою очередь, посольство А.И.Румянцева на основании этого положения во всем следовало примеру посольства австрийского посла графа Улефельда 1741 г., посетившего Стамбул несколькими месяцами ранее, так как российские монархи позиционировали себя в качестве государей, равных австрийским императорам.

Российские послы делали все возможное для того, чтобы османские власти принимали их с наивысшими протокольными почестями не только как их предшественников, но, главным образом, как их иностранных коллег, аккредитованных в османской столице.

Литература:

Якушев М.М. Иностранные дипломаты при османском дворе: период второй половины XVIII – начала XIX в. // Свободная мысль. 2010. № 2 (1609). С. 153-166.

Якушев М.М. Османский протокол в дипломатических отношениях Порты и России (конец XVIII – начало XIX в.). // Восток. 2010. № 3. С. 50-56.

Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...» Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 16-27.

Якушев М.М. Трактат вечного мира и дружбы // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 42-49.

Якушев М.М. Церемониал приема российских дипломатов у султана и великого визиря в российско-османских отношениях конца XVIII века. // Международная жизнь. 2014. № 10. С. 177-190.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Формирование чувства патриотизма японцев в начале русско-японской войны 1904-1905 годов

Арешидзе Л.Г.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, профессор кафедры истории и культуры Японии

info@japanesefirst.ru

В истории японского национализма период конца XIX- начала XX в. занимает особое место. Он характеризуется процессом формирования патриотического самосознания японцев на общенациональном уровне. Активно начавшаяся после реставрации императорской системы правления в 1868 г. модернизация Японии и подготовка ее к участию на равных в борьбе с другими великими державами за передел мира предполагали, в первую очередь, консолидацию нации, формирование из разрозненных и конфликтующих друг с другом феодальных княжеств периода сегуната сплоченного государства-нации, перед которым вставали новые вызовы в борьбе за место под солнцем. В этот период власти новой Японии решали сложнейшую идеологическую задачу изменить самосознание отдельно взятого крестьянина и воина-самурая, который в прошлом был до конца предан только своему помещику-даймё и был готов отдать за него жизнь, в лояльного и послушного новой власти воина и гражданина единого государства-нации во главе с императором как отцом всех японцев.

Новое общенациональное патриотическое самосознание японцев оказалось крайне востребованным уже в ходе подготовки к участию Японии в войне с царской Россией в Восточной Азии в 1904-1905 гг. В ходе этой кампании стало очевидным, что властям императорской Японии удалось в короткие исторические сроки укрепить в сознании отдельно взятого крестьянина и воина-самурая коллективистскую, националистическую систему, когда все солдаты императорской армии стали идентифицировать себя защитниками великой японской нации, а не только отдельно взятого местного феодала.

Отражение процесса идеологической «ломки» и перестройки массового сознания японцев в начале XX в. нашло свое выражение, в частности, в личных дневниках японских солдат, участников русско-японской войны, в письмах, которые они отправляли с фронта домой своим родными и близким. Эти дневники и личные письма, на наш взгляд, представляют собой известный научный интерес с точки зрения понимания особенностей продуманной властями политики по формированию нового патриотического коллективистского мировоззрения японцев, выходцев из «прошлой, феодальной формации», когда в Японии еще не существовало понятия государства-нация.

По замыслам новых властей Японии конца XIX в., большинство солдат, участвующих в межгосударственных войнах и конфликтах, должны были четко идентифицировать себя с государством-нацией, которое они защищали. В противном случае - им трудно было бы идти на смерть и воевать, не известно, за что, просто тупо выполняя приказы своих командиров. Для солдат императорской армии участие в русско-японской войне было в этом смысле первым серьезным психологическим испытанием, своего рода идеологическим полигоном по воспитанию воинов патриотов и националистов. Солдаты впервые тогда познакомились с понятием «почетной, геройской смерти на войне» - «мэйо-но сэнси», с чувством выполненного национального долга перед Родиной, с пониманием готовности самопожертвования ради интересов государства-нации.

Японские самураи, в своем недалеком прошлом отличавшиеся бесконечной преданностью только помещику-даймё, должны были, по сути, перевернуть свое самосознание с местного на государственный уровень и пойти на войну с иностранным государством (в данном случае – с царской Россией) уже не столько ради защиты интересов своего даймё, сколько во имя национальных интересов «большой Японии». Война с царской Россией, сильной и великой державой, была, таким образом, использована новыми постмэйдзийскими властями Японии в интересах консолидации нации для того, чтобы повысить уровень ее сознания с местечкового, уездного на общенациональный, государственный.

Японские власти в официальных обращениях к нации впервые стали называть японцев «кокумин», т.е. «людьми государства, страны, отечества», так как до этого все японцы так или иначе были всего лишь «поданными своего сюзерена- дайме». Это значит, что в феодальный период японцы по определению не могли быть патриотами-националистами в масштабе всего государства-нации. Процесс конвертации самосознания японцев с местного на общенациональный произошел позднее, и совпал с участием Японии в межимпериалистических войнах начала XX в.

Литература:

[1] *Gluck C.* Japan's Modern Myths: Ideology in the Late Meiji Period, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.

[2] *Naoko Shimazu.* The Diaries of Japanese conscripts, - in Naoko Shimazu (ed.) Nationalism in Japan, Routledge, London and New York, 2009.

[3] *Richardson T.E.* In Japanese Hospitals during War-time: Fifteen Months with the Red Cross Society of Japan (April 1904-July 1905), Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1905.

[4] *Акэгарасу Хайя* (ред.). Акэгарасу Хайя никки дзё (Дневники Акэгарасу Хайя) Канадзава: Акэгарасу Хайя кэнсёкай 1976.

[5] *Мукайда Хатимити*. Ити касйкан-но нитиро дзюгун никки, (Дневники унтер офицера русско-японской войны) Токё: Никкан сёбо 1979.

«Вы поколение, которое увидело деяние Господа!»: отражение политической истории караимов Крыма первой половины XIX в. в публичном пространстве караимской общины

Гаммал М.И.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры иудаики

max_hammal@yahoo.com

Конец XVIII в. в истории Российской империи отмечен впечатляющими территориальными приобретениями. Россия в коалиции с Австрией и Пруссией участвует в разделах Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), а в 1783 г. было завоёвано Крымское ханство. Изменения на политической карте Европы не обошли стороной и караимские общины региона. Впервые в своей истории караимские общины Крыма, Литвы и Польши оказались территориально в рамках одного государства – Российской империи. Именно это обстоятельство, а если точнее, политика российских властей по отношению к караимам, которая выстраивалась при активном участии последних, определило основные вехи в истории караимов в XIX столетии.

С самого начала караимским общинам Крыма в сношениях с властями удалось выстроить отдельную от других еврейских общин империи правовую традицию. Так уже в 1795 г. им удается добиться отмены в отношении караимов Крыма указа о двойном налогообложении (1792 г.). А зимой 1827/28 г. добиться приостановления в отношении караимов указа о рекрутской повинности, который воспринимался евреями как репрессивный акт со стороны власти. Именно тогда караимской делегации удается установить близкие отношения с высокопоставленными чиновниками империи, что в долгосрочной перспективе приводит к созданию Таврического и Одесского караимского духовного правления в 1837 г. и назначению светского лидера караимов Крыма Симхи Бабовича на пост главы духовного правления.

Однако столь впечатляющие политические успехи руководства общины требовали «прояснения» и «объяснения» сложившейся ситуации в публичном пространстве караимской общины. Хотя ко второй трети XIX в. караимы Крыма уже полвека жили в Российской

империи, контакты рядового представителя караимской общины с властями были крайне редки и ограничивались, как правило, сферой деловой активности: получение паспорта или разрешения для проезда в другие губернии, прохождение таможенного досмотра и т.д. Обращение к властям вне этих рамок воспринималось как серьезное нарушение сложившегося общинного уклада и было исключительной прерогативой общинного руководства. Несмотря на олигархический строй караимской общины, ее руководству требовалась широкая поддержка действий, предпринимаемых в рамках сношений с властями, особенно тогда, когда для развития политического успеха нужно было соучастие если не всей, то значительной части общины. Так, собирательская деятельность Авраама Фирковича начала 40-х годов XIX в. определялась политическим заказом на поиск доказательств древнего поселения караимов в Крыму и требовало привлечения всех караимских общин, которые должны были найти и предоставить свои «древности» в распоряжение А. Фирковича и которых надо было убедить в «полезности» данного предприятия [1, с. 216-217].

Эти «прояснения» и «объяснения» руководства общины шли по каналам традиционной культуры и принимали, как правило, форму панегириков в честь российских властей, упоминаний о сношениях с властями и их благотворном характере для караимов в еженедельных проповедях, произносимых духовными лидерами в синагогах, сочинений, созданных в жанре традиционной караимской историографии.

В начале 40-х годов был издан перевод на караимский язык повествования об освобождении караимов от рекрутской повинности «Иггерет Тешуат Исраэль» («Послание о спасении Израиля») Иосифа-Соломона Луцкого. Цель перевода была ясно обозначена в предисловии как «о том, что мы, несчастная религиозная община, в [создавшихся] обстоятельствах нашли послабление и спасение и какими чудесами, и удивительными делами [это сопровождалось]. [Подобно тому] как за три дня царица Эстер принесла спасение Израилю, так и наш могущественный государь великодушно оказал милость нам [...] Поэтому мы посчитали подходящим издать эту книгу на «святом языке» вместе с ее переводом на наш общеупотребительный язык, чтобы и ученый, и протест, и даже домохозяйка рано или поздно прочли и поняли!» [2, л.1 об.].

Особую роль играли панегирики в отношении власти или ее представителей. Этот традиционный литературный жанр расцветает в караимской общине Крыма во второй трети XIX в., в период, когда шла разработка и утверждение российского законодательства о караимах и когда контакты руководства общины и представителей властей были наиболее часты. Стихотворные произведения, написанные в этом жанре, который, к слову сказать, уже во второй половине XIX в. практически вышел из употребления и воспринимался как глубоко формальный, в этот период служили кроме утилитарного восхваления императора или

конкретного высокопоставленного чиновника как разъяснения «человеку с улицы» характера действия властей, выставляя в положительном свете не только ее, но и руководство общины. Престижностью и востребованностью этого жанра объясняется то обстоятельство, что зачастую авторами панегириков выступали духовные лидеры караимских общин – р. Исаак бен Соломон, р. Иосиф-Соломон Луцкий и его сын Авраам Луцкий. Не удивительно, что эти произведения издаются и переводятся на караимский язык с той же целью, что и «Иггерет Тешуат Исраэль».

Литература:

[1] *Гаммал М.И.* Караимы в Российской империи // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / под ред. И. Лурье. Том 2. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2012.

[2] *Луцкий Иосиф-Соломон* Иггерет Тешуат Исраэль («Послание о спасении Израиля»). Евпатория, типография М. Тришкана, 1841.

Тема Израиля в отчетах западных еврейских активистов о поездках в СССР, 1970-1980-е гг.

Зеленина Г.С.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры иудаики

galinazelenina@gmail.com

Еврейское национальное движение, или движение за эмиграцию, в Советском Союзе (кон. 1960-х – кон. 1980-х гг.) было многим обязано поддержке со стороны зарубежной общественности. Еврейские организации и активисты в США, Канаде, Великобритании, Израиле и других странах старались всячески помогать советским борцам за эмиграцию. Эта кампания получила название *Soviet Jewry movement* — Движение за советское еврейство. Помимо демонстраций протеста, петиционных кампаний, лоббирования в высших эшелонах власти, финансовой помощи многочисленным группам, входившим в *Soviet Jewry movement*, отправляли своих агентов в СССР в составе туристических групп. Нагруженные разнообразными вещевыми передачами (одеждой, аппаратурой, книгами по еврейской истории, учебниками иврита и кассетами с еврейской музыкой и проч.), эти туристы встречались с активистами еврейского движения в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге и других крупных советских городах, где были «отказнические» сообщества, оказывали им материальную помощь, поддерживали их психологически и собирали информацию для передачи на Запад. Эти активисты писали отчеты о своих поездках; сотни таких отчетов (с сер.

1970-х по конец 1980-х гг.) отложились в частных архивах иностранных активистов, в архиве Американского еврейского исторического общества (куда вошли фонды Национальной конференции по советскому еврейству и других групп движения), в Центральном архиве истории еврейского народа (в разных фондах).

Данный доклад, основанный на этом массовом источнике вкупе с письмами и устными рассказами западных активистов, запечатленными в видео-интервью, посвящен анализу опыта «западных гостей» в Советском Союзе, их восприятия разных аспектов советской реальности — от проявлений тоталитаризма до бытовых тяжестей — и их отношения к «обычным» советским евреям и еврейским активистам-отказникам (отношение не было тождественным, скорее, иерархизированным). Движение за советское еврейство, являвшееся для американского еврейства как сообщества моральным искуплением бездействия в годы Холокоста, занимает важное место в его коллективной памяти и хорошо изучено [например: 1; 2; 3], однако оценки советской жизни и портреты советских евреев, в изобилии встречающиеся в комплексе отчетов о поездках, в минимальной степени привлекали внимание исследователей. Между тем, эти описания продолжают давнюю кюстиновскую традицию изображения России в самых мрачных тонах (общее место во многих отчетах — бурная радость от возвращения домой — контраст с советской действительностью помогал им острее почувствовать преимущества своей благополучной и свободной страны); если маркиз де Кюстин делал исключение для дворянства, то западные туристы — для еврейских активистов, видя в них равных себе и считая их не носителями ужасов советской империи, а скорее, ее случайными жертвами и узниками.

В отличие от множества других источников по еврейскому движению — открытых писем, интервью и мемуаров, подчиненных вполне определенным имиджмейкингovým задачам, — туристические отчеты, писавшиеся для внутреннего пользования и не предназначенные для публикации, представляются источником более достоверным и более информативным, сохранившим то, что не попало на страницы печати. В частности, острой темой была тема Израиля: на фоне нарастающей *неширы* — эмиграции по израильской визе в Северную Америку или Европу — и ее осуждения активистами, полагавшими, что *нешира* сокращает их шансы на выезд, туристы из той же Северной Америки, призванные поддерживать сионистские чувства своих собеседников, должны были с особой деликатностью подходить к этому вопросу.

Литература:

[1] *A Second Exodus: The American Movement to Free Soviet Jews* / Ed. by M. Friedman and A.S. Chernin. Hanover and London: Brandeis University Press, 1999.

[2] *Feingold H.L. Silent No More: Saving the Jews of Russia, the American Jewish Effort, 1967-1989. Syracuse University Press, 2007.*

[3] *Peretz P. Let My People Go: The Transnational Politics of Soviet Jewish Emigration During the Cold War. Routledge, 2017.*

Правосудие переходного периода как часть политики в сфере идентичности в годы первого президентского срока Цай Инвэнь на Тайване (2016-2020)

Каимова А.С.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории Китая

annansja@gmail.com

Правосудие переходного периода (transitional justice) – предмет, который с начала 1990-х гг., после начала демократического транзита в странах бывшего соцлагеря, уже довольно неплохо разработан в западной науке на стыке самых разных дисциплин. В нашей стране внимание к нему тоже постепенно растет, хотя следует признать, что здесь изучение этой темы наталкивается на определенные препятствия как социокультурного, так и институционального характера [1; 2].

В Китайской Республике на Тайване (КР) проблема отношения к недавнему прошлому, связанному с авторитарным правлением гоминьдановского правительства, стала широко обсуждаемой темой после отмены военного положения в 1987 г., практически синхронно с появлением самого концепта «правосудия переходного периода». С начала 1990-х гг. появились инициативы властей, направленные на обнародование информации о репрессиях в ходе и после подавления Инцидента 28 февраля 1947 г. и выплату компенсаций жертвам этих репрессий и их родственникам. Обращение к вопросам восстановления справедливости в отношении жертв указанного инцидента и последующих периодов «белого террора» (1950-е гг.) и военного положения в целом (1949-1987) характерно для всех администраций Китайской Республики, будь то представители ГМД или ДПП.

Однако именно в период первого срока президентства Цай Инвэнь (2016-2020) концепция «правосудия переходного периода» приобрела статус одного из направлений государственной политики, оформленного институционально. В декабре 2017 г. Законодательный Юань КР принял «Положения о продвижении правосудия переходного периода», в мае 2018 г. был учрежден Комитет по продвижению правосудия переходного периода при Исполнительном Юане КР, который уже в 2020 г. опубликовал промежуточный доклад о своей деятельности [3]. На сайте Администрации Президента КР один из разделов,

посвященных наиболее важным направлениям политики тайваньских властей, имеет соответствующее название [4].

«Установление исторической правды», «восстановление справедливости», столь часто упоминаемые Цай в ее выступлениях, должны способствовать преодолению разногласий в тайваньском обществе и выработке единой «тайваньской идентичности». При этом понимание Цай ее основ существенно отличается от такового у ее предшественника на посту президента КР от ДПП Чэнь Шуйбяня (2000-2008). В противоположность первому, национализм которого можно охарактеризовать как «этнический», Цай Инвэнь продвигает «гражданские» принципы формирования коллективного сознания тайваньцев. В годы президентства Чэня предпринималась попытка представить тайваньскую общность отличной от жителей материкового Китая по таким признакам, как язык, культура, историческое наследие и т.д. Так, например, поощрялось использование в публичной сфере южнофуцзяньского диалекта, родного для большей части населения острова и именуемого «тайваньским языком», делался акцент на «аборигенном» и «японском» факторах тайваньской культуры, на ее «островном» характере, все эти концепции включались в общеобразовательные программы. Определенная контрпродуктивность этих мер, обусловленная расколом в тайваньском обществе по вопросам самосознания и исторической памяти, заставила следующее поколение лидеров ДПП заняться выработкой альтернативной концепции «тайваньской идентичности». Это привело к тому, что начиная с 2016 г. Цай Инвэнь постоянно подчеркивает единство жителей острова как общности, приверженной идеалам либерализма и демократии, и именно это отличает их от населения материкового Китая. В этой связи проблема правосудия переходного периода предстает в качестве одного из звеньев в цепи действий, направленных на укрепление «тайваньского самосознания» жителей острова.

Литература:

- [1] *Бобринский Н.А.* К вопросу о концепции «правосудия переходного периода»// Библиотека криминалиста. Научный журнал. Москва, 2014. № 1. С. 328-337.
- [2] *Вахрушева Е.А.* Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ// Антиномии. Екатеринбург, 2020. Т. 20, вып. 4. С. 65-81.
- [3] *Цуцзинь чжуаньсин чжэньи вэйюаньхуэй.* Ляннянь цзедуаньсин жэньу чэнго баогао (Комитет по продвижению правосудия переходного периода. Промежуточный доклад о результатах деятельности за два года)// URL: <https://www.ey.gov.tw> (дата обращения: 06.03.2023)

[4] *Чжунхуа* миньго цзунтунфу. Цзяодянь ити. Чжуаньсин чжэньи (Администрация Президента Китайской Республики. Ключевые пункты повестки. Правосудие переходного периода// URL: <https://www.president.gov.tw/Issue/142> (дата обращения: 06.03.2023).

Градостроительство как объект социокультурной политики в Иране конца XIX – первой половина XX в. (на примере Тегерана)

Коняшкина Т.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории стран

Ближнего и Среднего Востока

tamara_mgu@mail.ru

Известный со времен античности как Рэй, современный Тегеран начал новый виток своей истории в качестве столицы династии Каджаров, пережив к середине XX в. несколько этапов своего преобразования в столичный град - от украшения до радикальной перекодировки своего внутреннего пространства и взаимоотношений с внешним миром.

Структура и тип и городской застройки Тегерана первой половины XIX в. полной мере соответствуют основным параметрам города, каким он сложился в Иране к началу нового времени: выстроенная по его периметру стена как дань незавершенной централизации, укрепленная цитадель – арк, в сущности, город в городе со своими улицами и площадями, дворцами шаха и знати, административными зданиями. Подлинное лицо города определяла сеть жилых кварталов (махалля), самодостаточных единиц часто со своими базаром и мечетью, обеспечивающими материальные нужды и духовные потребности его обитателей. Центральным элементом первого масштабного поновления Тегерана в 1868 г., значительно увеличившим его население, стала внешняя стена с 12 проездными воротами, спроектированная и построенная местным архитектором Абдаллах-хан Меемар-баши под руководством французского инженера Бюлера - своего рода совместное производство, объединившее европейские методы фортификационного проектирования и традиционные иранские архитектурные формы и мотивы. Одной из отправных точек изменений Тегерана стали европейские путешествия шаха Насер ад-Дина. Но большая часть новаций второй половины XIX – начала XX в. находилась под спудом домашней, частной жизни и не коснулась облика и структуры города, который сохранил свой полуаграрный характер.

Радикальное обновление Тегерана пришлось на 20-30 гг. Имевшее своей целью создание современной урбанистической среды, оно было также ориентировано на уничтожение облика города как каджарской столицы. Как и следовало ожидать, стихия сноса,

которую пережил в это время Тегеран, опережала административное созидание: регулирующие и уточняющие строительство законы и предписания зачастую появлялись задним числом. Основой перестройки Тегерана стало единообразие и скрупулёзно выверенный план с точным указанием ширины улиц с тротуарами и площадей, этажности и цвета зданий, глубины фундамента и т.д. Проектировщики стали отказываться от традиционных для Ирана материалов и технических приемов в пользу бетона, стальных конструкций и асфальтовой смеси. В строительный быт вошел более прочный европейский прямоугольный кирпич, сменивший привычный тонкий квадрат.

Названные в честь монарха Проспект Реза-шаха (Хийабан-е шах Реза), заменивший северную часть разрушенной городской стены и рва, и Проспект Пехлеви (Хийабан-е Пахлави), пересекавший город с севера на юг, не только изменили облик столицы, но и заложили основы нового городского стандарта: широкая проезжая часть и удобный тротуар, затененный высокими чинарами, первую из которых, согласно городской легенде, посадил лично шах Аббас I Сафавид. В концепции городского планирования улица описывалась как нечто большее, нежели просто функциональный маршрут, соединяющий две точки. Это общественное пространство, место для неспешных прогулок и встреч, средоточие новых коммерческих и культурных центров. Впрочем, изменения практически не затронули старый тегеранский базар, который оставался деловым сердцем столицы, сохраняя свое значение и привычный облик. Стремительное и масштабное разрушение, втянувшее в этот процесс «новых» тегеранцев, практически не коснулось и традиционных кварталов юга, где предпочитало селиться шиитское духовенство.

Новый Тегеран создавался интернациональной командой архитекторов во главе Андре Годаром. Хотя личный вкус монарха тяготел к архитектурным образам пехлевийской старины, соединенным с европейской «прививкой», образцы для создания современной архитектуры черпались и из исламского прошлого.

Придав своим идеологическим принципам емкое формульное выражение, Реза-шах заявил о себе не как о преемнике Каджаров, а наследнике идеи иранской державности, «запустившим в движение колесо прогресса» [2,176] Манифестацией этого и стала отстроенная им столица, где городское пространство было открыто улице и шире – внешнему миру. Тегеран, в отличие от сафавидской столицы Исфагана, не поражает своим величием, но является внятной артикуляцией новых принципов государственного и городского строительства, заложенных Реза-шахом.

Литература:

[1] *Abrahamian, Ervand. A History of Modern Iran. Cambr., 2008.*

[2] *Роскошь заката*. Иран эпохи Каджаров (конец ХУШ в. – 1925). Каталог выставки, М., 2021.

[3] *Сафар-наме-йе Реза-шах-е Пахлави бе Хузестан ва Мазандаран* (Дневник путешествия Реза-шаха Пехлеви в Хузестан и Мазандаран). USA, 2007.

[4] *Шахиди-Мазандарани Х*. Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004.

К вопросу о многосторонности в Азиатско-Тихоокеанском (Индо-Тихоокеанском) регионе в современных условиях

Кутовая Е.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии
elenakut44@mail.ru*

Геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе в современных условиях является достаточно сложной. В регионе происходят качественные изменения, идёт трансформация существующих многосторонних режимов.

АСЕАН - пример зрелой многосторонности. Страны АСЕАН накопили очень большой опыт работы в различных форматах. В регионе существует ряд многосторонних механизмов сотрудничества, десятилетиями создававшихся вокруг АСЕАН на принципах равноправия, поиска консенсуса, баланса интересов. Речь идёт в первую очередь о таких объединениях, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточноазиатские саммиты (ВАС), Совещание министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+). Исходя из достаточно успешного их функционирования, можно предположить, что в будущем роль малых и средних стран в продвижении многосторонности может повышаться не только в таких относительно новых сферах как климат, международное управление в киберпространстве или в развитии биотехнологий, но и в традиционных вопросах безопасности, включая и контроль над вооружениями. Более того, появились достаточно необычные многосторонние коалиции средних и малых стран. Так, принятые в 2019 г. поправки к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, предусматривающие запретительные меры в отношении пластика, стали возможными благодаря согласованным действиям Норвегии, Вьетнама и Индонезии.

Принцип асеаноцентричности всегда преобладал в подходе государств АСЕАН к их деятельности в многосторонних форматах. Следует отметить, что он не подвергался сомнению и другими участниками, которые постоянно подчёркивали центральную роль, которую играет Ассоциация в подобных объединениях.

В 2022 г. состоялись саммиты АСЕАН И ВАС. На встречах АСЕАН поднимался вопрос о необходимости с учётом меняющейся обстановки внесения изменений в Хартию АСЕАН. По мнению асеановцев, главная роль в регионе должна принадлежать не АРФ или ВАС, а АСЕАН. По вопросу о конфликте на Украине АСЕАН призывает к прекращению огня на Украине и готова содействовать мирному диалогу.

В геополитической обстановке региона всё большее распространение получает новый момент - появление закрытых многосторонних форматов, создаваемых одними участниками мировой политики для противостояния другим игрокам. К ним в первую очередь относится формирование в АТР двух объединений- Quad (США, Япония, Австралия, Индия) и AUKUS (Австралия, США, Великобритания). Оба формата носят ярко выраженную антикитайскую направленность, при этом можно говорить о том, что усиление военной активности AUKUS напрямую связано с военной операцией на Украине. В реализацию проектов AUKUS в том или ином качестве вовлекаются Канада, Новая Зеландия, Япония и РК. Речь идёт о возможности появления новых многосторонних форматов- Quad+ и AUKUS+. Некоторые члены АСЕАН также рассматриваются как возможные кандидаты.

Позиция самих стран АСЕАН в отношении новых многосторонних объединений в регионе остаётся сдержанно-негативной. В своём выступлении на сессии Генассамблеи ООН в прошлом году министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди отметила, что возникновение новых «мини-блоков» нарушает региональную архитектуру безопасности, которая строилась десятилетиями. Ей вторит президент Филиппин Маркос-младший, который в своём выступлении на саммите в Давосе в 2023 г. сказал о том, что будущее Азиатско-Тихоокеанского региона не может определяться кем-то, кроме самих Азиатско-Тихоокеанских стран.

На прошедшем в июне 2022 г. саммите НАТО в Мадриде впервые была провозглашена глобальная ответственность военного блока в особенности в Индо-Тихоокеанском регионе. Также впервые был заявлен лозунг неделимости безопасности в Евроатлантике и Индо-Тихоокеанском регионе. В стратегические планы США включено открытие военных баз на Филиппинах. Свой интерес к повышению роли в обеспечении безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона обозначили на саммите Франция, Германия, Нидерланды и Великобритания.

С учетом того, что многосторонность является лишь одним из нескольких вариантов развития международной системы, в действительности можно говорить об идущем процессе серьёзной милитаризации региона, поскольку она повышает вероятность прямой военной конфронтации с возможным вовлечением НАТО, а это будет иметь негативные экономические и геополитические последствия. Кроме того, увеличивающееся число

оборонных партнерств, постоянный рост военных бюджетов могут превратить Азиатско-Тихоокеанский регион в один из самых милитаризованных регионов мира.

«Встречая дорогого гостя...»: кемалистская пропаганда о визите Резы-шаха Пехлеви в Турцию и отношениях с Ираном в 1930-е гг.

Люльчак А.С.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
lyulchakas@my.msu.ru*

В докладе представлены результаты исследования ирано-турецких отношений через призму освещения турецкой прессой визита Резы-шаха в Турцию в период с 10 июня по 7 июля 1934 г. Работа построена на контент-анализе ведущих кемалистских изданий – газет «Вечер» (*Akşam*), «Республика» (*Cumhuriyet*), «Национальная власть» (*Hakimiyet-i Milliye*) и «Последняя почта» (*Son Posta*). Основанные на рубеже конца 1910-х и начала 1920-х гг. при личной поддержке Мустафы Кемаля (Ататюрка) они стали рупором правящей Народно-республиканской партии и инструментом кемалистской политической пропаганды.

Визит Резы-шаха Пехлеви в Турцию в 1934 г. стал важным событием в истории ирано-турецких отношений, переживавших в 1930-е гг. новый этап в своем развитии, который характеризовался, с одной стороны, преодолением наследия векового противостояния двух держав, с другой, императивами модернизации-вестернизации. Официальный визит Резы-шаха и его встреча с Мустафой Кемалем Ататюрком маркировали курс на налаживание добрососедских отношений и сотрудничества Анкары и Тегерана, а кемалистская пресса, микшируя проблемные вопросы двухсторонних отношений, сыграла заметную роль в освещении этих событий и придании им официально-торжественного лоска.

Визит иранского шаха в Турцию в 1934 г., хотя и затрагивается в целом ряде научных статей и монографий российских, западных и турецких исследователей, однако ни в одной известной работе не проводится анализ визита Резы-шаха в Турцию в контексте двусторонних отношений с акцентом на медийном освещении это события в кемалистской прессе. Данная работа призвана заполнить имеющуюся лакуну и рассмотреть то, каким образом турецкие власти, используя инструментарий газетной пропаганды, конструировали образ дружественного Ирана и насколько это помогло в практической реализации курса на налаживание добрососедских отношений и сотрудничества Анкары и Тегерана.

Контент-анализ ведущих турецких газет позволил выявить особенности формирования образа дружественного Ирана через освещение визита Резы-шаха в Турцию в 1934 г. Во-

первых, Иран изображался не просто как друг, но как «братская страна», чей лидер был «почетным гостем», которому в каждом городе, где он останавливался, были оказаны высокие почести. В качестве пропагандистского элемента, направленного на то, чтобы подчеркнуть дружеские отношения между странами, газеты публиковали некоторые заголовки на фарси. Во-вторых, турецкие периодические издания публиковали статьи об актуальном положении иранской промышленности, о культуре Ирана, а также его истории. Тем самым, читателю преподносился экскурс в экономику и культуру соседней страны, чей правитель находился на тот момент в Турции.

Визит иранского шаха особо подчеркивался в турецких газетах как важный для укрепления двусторонних отношений между странами. Тем не менее, в статьях упоминались территориальные претензии, которые возникли между Турцией и Ираном в конце 1920-х гг. в связи с т.н. «Арагатскими восстаниями». На момент визита иранского шаха в Турцию все еще были в памяти споры о границах. Упоминание в статьях позитивной роли договора 1932 г., окончательно поставившего точку в трениях между Турцией и Ираном, стало еще одним инструментом формирования образа дружественного Ирана.

Тем самым, несмотря на некоторые упоминания о негативных предпосылках двусторонних отношений, ведущие кемалистские издания преподносили визит как важный для укрепления «турецко-иранской дружбы». Широко освещая все детали пребывания Резышаха в Турции, кемалистская пресса представляла Иран не как соперника и не как заклятого врага, как это было при Каджарах и Сефевидях, а как друга и соседа, с которым Турция нацелена выстраивать равноправные отношения. Официальный визит иранского шаха в Турцию стал одним из символов периода улучшения отношений между двумя странами, кульминацией которого наступила с подписанием Саадабадского пакта в 1937 г.

Литература:

[1] Газета “Akşam”, выпуски 5625–5657 за период 08.06.1934–10.07.1934.

[2] Газета “Cumhuriyet”, выпуски 3626–3655 за период 11.06.1934–10.07.1934.

[3] Газета “Hakimiyet-i Milliye”, выпуски 4626–4656 за период 08.06.1934–10.07.1934.

[4] Газета “Son Posta”, выпуски 1390–1422 за период 8.06.1934–10.07.1934.

К вопросу численности китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР в 1920-30-х гг.

Статистика и реальность

Маленкова А.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории Китая

a.malenkova@gmail.com

В изучении истории китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР в 1920-30-е гг. важным вопросом является их численность, а именно ответ на вопрос, на сколько цифры официальной статистики соответствуют действительности, какое количество оставалось неучтенным, не затронутым системой управления, образования и социального обеспечения.

Исследователи располагают данными трех всесоюзных переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг., а также цифрами в региональных архивных документах. Перепись 1937 г. стала доступна только в 1991 г., так как ее данные были засекречены.

Согласно доступным данным в ДВК проживало (учитываются китайцы, имеющие как китайское, так и советское гражданство): 1926 г. - 72005 китайцев, 1932 - 52000, 1937 г. - 24589, 1939 г. – 5117 [1; 2, с. 94; 3, с. 60-61]. Однозначно можно сказать, что статистика отражает тенденцию сокращения китайского населения в ДВК, а значительная разница последних цифр связана с репрессиями в отношении китайцев 1930-х гг. и их депортации в 1938 г.

В справке о китайцах в Дальневосточном крае, которая хранится в Российском архиве социально-политической истории с пометкой о секретности, сделаны следующие выводы: «Данные переписи 1926 г. ни в какой мере не дают представления о действительном количестве китайского населения в Крае». Согласно имеющимся данным, на 1 января 1928 г. было выдано 89213 паспортов китайским подданным, «но в эту цифру не вошли дети, обыкновенно вносимые в паспорт главы семьи». Число незарегистрировавшихся, по данным компетентных органов, по округам ДВК колеблется от 35-55% [4, л.2].

Данные по ликвидации притонов в конце 1927 г. также свидетельствуют о большом количестве китайцев, проживавших без документов. Так, во Владивостоке среди задержанных только у 25% были документы, в Хабаровске было обнаружено без документов до 1000 человек или 20% к общему числу проживающих граждан. «Действительное количество китайцев, находящихся на территории ДВ Края, значительно больше, чем значится по переписи 1926 г.» [Там же].

Отсутствие достоверных статистических данных можно объяснить несколькими причинами: трудность учета сезонных мигрантов; труднодоступность мест, где работали и жили китайцы (прииски, шахты); отсутствие достаточного количества кадров, владеющих

китайским языком, которые могли бы проводить работу по переписи среди китайцев; нежелание самих китайцев сотрудничать с переписчиками; большие масштабы нелегальной китайской миграции; нежелание публиковать в официальных документах данные о реальном количестве китайцев.

Можно с уверенностью говорить, что численность китайцев в ДВК в самые благополучные для мигрантов годы значительно превышала официальную статистику. С начала 1930-х гг. происходит сокращение количества китайских мигрантов в регионе. Усиление пограничного контроля после событий на КВЖД, начало репрессий, чистка среди китайских членов ВКП(б), обвинения в шпионаже, ограничение валютных переводов, нежелание вступать в советское гражданство – эти факторы сокращали китайское присутствие на Дальнем Востоке СССР.

Литература:

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том VII. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Издание ЦСУ ССР., - М., 1928.

[2] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. АН СССР Институт истории СССР. М., 1991.

[3] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги/ Под ред. Ю.А. Полякова и др. М., 1992.

[4] Китайцы в Дальневосточном крае (18 февраля 1930 г.) // РГАСПИ, ф. 514, оп.1, д.593, л.1-37.

Япония в эпоху Эдо: сюжеты и мотивы повседневной жизни на страницах *хинагатабон*

Наливайко О.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков

ksankin30@yandex.ru

Ажурная перегородка *рамма* является одним из традиционных архитектурных элементов внутреннего пространства японского дома. Деревянные панели *рамма* размещаются в японских постройках между потолком и раздвижной перегородкой *сёдзи* с практической целью обеспечить вентиляцию между помещениями, а также в качестве

декоративного украшения внутреннего пространства жилого дома или храма и показателя состоятельности владельца данной постройки. Эдвард Морзе в книге «Японские дома и их окружение» отмечал, что «к рамма приковано наиболее пристальное внимание проектировщика помещения и именно рамма требует тщательной кропотливой работы мастера-краснодеревщика» [Morse, 1889].

Доклад посвящен иллюстрированному изданию типа «эхон» – *Рамма дзусики*, которое представляет собой трехтомный сборник эскизов деревянных панелей *рамма*, выполненных мастером японской гравюры Ёка Сьюбоку (1680-1763), опубликованный в 1734 году. Подобные многочисленные сборники иллюстраций в эпоху Эдо (1603-1868) играли роль своеобразных каталогов, которыми пользовались ремесленники, предлагая свои услуги.

Специализированные издания по архитектуре с подробными инструкциями для ремесленников принято относить к категории книг «*хинагатабон*» – то есть «книг с образцами». Известно, что до эпохи Эдо такие книги существовали в виде манускриптов, а информация, зафиксированная в них, считалась «тайным знанием» и передавалась из поколения в поколение в рамках одного клана. Первые напечатанные книги-каталоги относят к последней четверти XVII, а расцвет пособий по архитектуре приходится на начало XVIII века и связан с процессом урбанизации, развитием книгоиздания и распространением печатных книг, а также с расцветом литературы, искусства, ремёсел и иных сфер городской культуры.

Как правило, книги-*хинагатабон* предназначались для воплощения архитектурных замыслов у представителей военного сословия, придворной аристократии; в них также содержалась подробная информация об особенностях возведения храмовых построек. С этой точки зрения издание *Рамма дзусики* представляет особый научный интерес, так как, во-первых, является одним из примеров ранних книг-*хинагатабон*, а во-вторых, сюжеты иллюстраций, комментарии художника, методы выполнения резьбы по дереву, наглядно представленные в эскизах, свидетельствуют о том, что книга предназначалась для более широкого круга заказчиков с разным достатком.

В японской и западной историографии интерес к данному изданию возник в 1990-е годы среди специалистов по истории и технике оригами и связан с гравюрой, размещенной в третьем томе *Рамма дзусики*, где представлено изображение шести моделей оригами. В настоящее время все модели идентифицированы и реконструированы специалистами, а данный сборник принято считать самым ранним источником, где запечатлены определенные традиционные модели оригами.

В отечественных научных исследованиях на данный момент не удалось обнаружить упоминание сборника эскизов декоративных панелей – *Рамма дзусики*, поэтому, вероятно,

данный доклад является первой попыткой рассмотреть это издание как ценный изобразительный и письменный источник эпохи Эдо не только с точки зрения истории японской архитектуры и дизайна, но и истории японского искусства и японского фольклора, а также истории повседневности, включающей в себя разные сферы бытовой культуры.

Литература:

- [1] *Butler, Lee*. Patronage and the Building Arts in Tokugawa Japan // *Early Modern Japan: Volume 12, Issue 2 (Fall 2004)*: pp. 39-52.
- [2] *Kasahara, Kunihiko*. The Art and Wonder of Origami. Gloucester : Quarry Books, 2005.
- [3] *Morse, Edward S*. Japanese Homes and Their Surroundings. London: Routledge, 2016.
- [4] *Toda, Kenji*. Descriptive Catalogue of Japanese and Chinese Illustrated Books in the Ryerson Library of the Art Institute of Chicago. Chicago: The Art Institute of Chicago, 1931.

Представители вьетнамской элиты империи «Великий Юг» первой половины XIX в. (по материалам вьетнамского исторического журнала «Прошлое и настоящее»)

Новакова О.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории стран ДВ и ЮВА
oksana_novakova@mail.ru*

История Вьетнама первой половины XIX в. наполнена особенно важными событиями, связанными с проблемой объединения страны, а также с угрозой колониального завоевания Францией и утратой независимости. В этой связи существует и другой аспект данной проблемы – роль вьетнамской монархии, история ее взаимоотношений с правящим классом – представителями вьетнамской элиты, соотнесенная с традиционной концепцией верховной власти вьетнамского государства. Изучение данной темы имеет большое значение для понимания модели поведения традиционной вьетнамской элиты – ученых-конфуцианцев, понимание которой возможно только через изучение традиционной дальневосточной чиновно-ранговой системы. Основой этой системы была иерархия из 9 рангов. Во Вьетнаме чиновно-ранговая система появилась около 1000 г. н.э. под влиянием китайской династии Сун (960-1279 гг. н.э.). Чиновно-ранговая структура традиционной дальневосточной системы как нельзя лучше характеризует сущность бюрократического начала [1, 405]. Отсутствие самостоятельных названий служебных градаций весьма красноречиво. Здесь проявляется коренное различие между дальневосточной – «бюрократической» и европейской – «аристократической» системами.

Во Вьетнаме не существовало ни земельной, ни родовой аристократии. Комплектование чиновничества в традиционной дальневосточной системе исходило из общего принципа «подбора талантов» из числа представителей ученого сословия – ши-фу. Выявление талантливых людей происходило через литературные конкурсы. Стремление к образованию лежало в основе всей Дальневосточной цивилизации. Победитель литературных конкурсов любого уровня моментально повышал свой социальный статус [2, с. 361-386].

Наше исследование основано на материалах сравнительно нового вьетнамского исторического журнала «Прошлое и настоящее» [Хиа và пау]. В нашем распоряжении была большая подборка статей из 93 номеров этого журнала, выпущенных за период 1997 - 2011 гг., что позволяет назвать эту подборку репрезентативной. Рассмотрены 39 статей, посвященных 30 персоналиям, анализ биографий которых подробно представлен в данной статье.

Таблица №1

Персоналии по материалам журнала «Прошлое и настоящее»

Имя	Годы жизни	Место рождения	Ученая степень	Род деятельности	заслуги
-----	------------	----------------	----------------	------------------	---------

Фактически Таблица №1 воспроизводит систему чиновного аппарата династии Нгуен, пути набора чиновников (военных и гражданских) и их должности. Наиболее важной и показательной является графа «заслуги», тесно связанной с другими - графы «место рождения» и «ученая степень». Конкретный анализ материалов журнала «Прошлое и Настоящее» подтверждает принцип исторической локализации в формировании кадров империи «Великий Юг»: дельта Красной реки оставалась культурным и идеологическим центром страны, «колыбелью вьетнамской нации», имевшей прочные конфуцианские традиции. Юг же по-прежнему оставался для Вьетнама мало освоенной в культурном плане территорией.

Также нельзя оставить без внимания группу персоналий культурных деятелей и ученых. Основной их заслугой были их научные и литературные труды, на протяжении веков имевшие высокую научную репутацию и престижность во Вьетнаме, многие из этих трудов внесли большой вклад в культуру Вьетнама XIX в., и потому их можно выделить в отдельную, относительно многочисленную категорию (7 чел.).

Анализ данных Таблицы №1 показывает, что абсолютное большинство представленных журналом персоналий входит в группу приверженцев традиционной государственной идеологии, чье мировоззрение было сформировано под влиянием конфуцианского учения. Вьетнамские же католики, воспитанные и получившие религиозное и отчасти европейское образование, составляли только 4 человека.

Подобными новаторскими для исторической науки Вьетнама публикациями журнал «Прошлое и настоящее» вводит в научный оборот новые материалы, конкретизирует многие общие положения, а также показывает новые оценки тенденции политического развития Вьетнама накануне французского колониального завоевания.

Литература:

[1] *Деоник Д. В.* Сравнительная роль «города» и «деревни» в подготовке кадров лауреатов дворцовых конфуцианских конкурсов (на материале Вьетнама XVI-XVIII вв.) // Вьетнам: История, традиции, современность. - М.: Вост. Лит. 2002.

[2] *Новакова О.В.* Власть и знание: деревня Ханьтхиен - "литературная земля" Северного Вьетнама. // Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. История и современность, М.: 2015, с. 361-386.

[3] *Xưa và nay.* – H.N., Th. phố HCM, 1997–2011. 1997 №37, 42, 43, 44, 42b, 48b; 1998 №48(b), 51(b), 52(b); 1999. - № 69 (b); 2001. - № 96, 98, 99, 100, 106; 2004. - № 215, 223; 2005. - № 233, 239, 247, 249; 2006. - № 256.

Японская правовая система в колониальной Корее

Овчинникова Л.В.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

lovchin@yandex.ru

Тема японского колониального управления в Корее достаточно обширна; мероприятия властей касались всех сторон жизни корейского общества. Автор концентрируется на правовой системе, практиковавшейся в Корее в колониальный период. Он пытается понять, насколько правовая деятельность японской администрации была эффективной и проследить, есть ли связь между правовой деятельностью генерал-губернаторства и правовой системой в Южной Корее. Представляется, что эта тема недостаточно хорошо исследована. В настоящее время одни ученые склонны отвергать значение и эффективность институтов японского колониального управления в период 1910-1945 гг. в контексте модернизации Кореи; другие же, наоборот, говорят о значительном влиянии японской политики и права на модернизацию Кореи, на формирование государственных институтов в Южной Корее. Рассматриваемый период можно считать неким периодом сосуществования традиционных и новых институтов, понятий, форм общественной жизни, которые сосуществовали в рамках единого пространства. Автор склонен полагать, что японская система управления оказала на них свое влияние.

Современная правовая система Республики Корея входит в романо-германскую правовую систему, имея также значительные заимствования из американского права. При этом правосознание и правовая культура корейцев по-прежнему в значительной степени основываются на общих для народов Восточной Азии конфуцианских традициях. Это прежде всего коллективизм, патернализм, приоритет этических норм над юридическими, обязанностей над правами, предпочтение неформальных примирительных процедур судебному разбирательству. На протяжении столетий Корея находилась под влиянием конфуцианской правовой культуры. Собственно правовые предписания ограничивались преимущественно уголовными нормами. Основная масса общественных отношений регулировалась этическими нормами, обычаями, традициями. Первая рецепция европейского, романо-германского права в Корею произошла опосредованно через введение японского законодательства в период реформ конца 19 века и в период японского колониального господства. В 1910 г. был введен японский гражданский кодекс 1898 г., основанный преимущественно на нормах Германского гражданского уложения 1896 г. и в меньшей степени на нормах французского гражданского права. Вопросы гражданской правоспособности, брачно-семейных и наследственных отношений весь период японского управления продолжали регулироваться корейским обычным правом. Через систему юриспруденции и законодательную деятельность властей старые законы и практики были собраны, определены и превращены в систему обычного права. В Корею колониальное обычное право было создано с целью перестроить корейское право и практики в соответствии с современными правовыми концепциями и принципами, которые на тот момент уже имелись в японском Гражданском кодексе. Японское правовое законодательство не просто распространилось на Корею; скорее, власти оставили в нем «место», для того, чтобы в нем продолжало существовать корейское обычное право, как, например, право наследования. Колониальные власти были крайне осторожны. Они опасались возможного недовольства и сопротивления местного населения, избрав принцип постепенного подхода к реформам, который наглядно проявился во введении норм новых гражданских кодексов. Для колониальной администрации было важно стараться избежать впечатления, что японские судьи создают законы, чтобы контролировать частную жизнь корейского населения. Суды должны были брать в расчет общественное мнение и думать, как население колонии примет их решения. Даже в рамках колониального режима власти стремились к привнесению в их деятельность хотя бы определенной степени легитимности. Думается, что суды в колониальной Корею были больше, чем инструмент, служащий исключительно целям колонизации. Влияние «правовой модернизации» Кореи достаточно обширно. Думается, что японская правовая система в колониальной Корею была достаточно эффективной.

После достижения независимости все японские кодексы и законы, ассоциировавшиеся с японским колониальным господством, были заменены на корейские, в разработке которых южнокорейские законодатели подчеркнуто старались отойти от прежних японских актов. Тем не менее, в наиболее важных отраслях и институтах южнокорейское право сохранило основные принципы и черты романо-германского права в том самом виде, в котором они были заимствованы через японское законодательство. Значительная часть пост-колониального корейского гражданского права берет свое начало в колониальной системе обычного права. Автор присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают, что наследие колониального права является более глубоким и широким, чем было принято считать.

Литература:

[1] Хан Ёнъю. История Кореи – новый взгляд, «Восточная литература» РАН, 2010.

[2] Akita George, Palmer Brandon. The Japanese Colonial Legacy in Korea. 1910-1945. A New Perspective. Merwin Asia, University of Hawaii, 2015.

[3] Kim, Marie Seong-Hak. Customary Law and Colonial Jurisprudence in Korea // American Journal of Comparative Law. 57.1, winter 2009.

[4] Lee Chulwoo. Modernity, Legality and Power // Shin, Gi-Wook and Robinson, Michael Colonial Modernity. Harvard University Asia Press, 1999.

[5] Тё:сэн кэйсацугайё (Корейская полиция) 朝鮮警察概要, Сеул, 1938 (яп.яз.)

Дарбар в политической культуре индийских княжеств (конец XIX – середина XX в.)

Сафронова А.Л.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, профессор кафедры истории Южной Азии

alsafroнова@iaas.msu.ru

Система управления княжеской Индией окончательно сформировалась во времена королевы Виктории в последней четверти XIX в. и была упразднена в процессе обретения Британской Индией независимости в 1947 г. и последовавшей интеграции княжеств в доминионы Индийский союз и Пакистан. Столкновение традиционного индийского общества с британской политической системой в период колониального правления вызвало к жизни многообразные и разноплановые формы поиска модели управления княжествами, сочетавшей идеи модернизации властных институтов с попытками сохранения политической архаики. В этот период сформировались отличительные особенности политических традиций в

княжеской Индии, которые демонстрируют развитие синтетических монархических представлений, соединяющих концепцию царской власти в традиционной индусской Индии с идеалами правления эпохи Великих Моголов, когда ислам становится религией верхов, и обычаями британского королевского дома, освященными установлениями англиканской церкви. Британские монархи (от Виктории до Георга VI) санкционировали права князей на власть.

Церемониал, сложившийся во взаимоотношениях княжеских дворов и британских властей, был основан на культуре *дарбара* (“Darbari system”), заимствованной у правителей Могольской эпохи и трансформированной с учетом реалий колониального времени. Британцы утверждали тем самым «преемственность» власти, называя себя «правопреемниками Моголов». В свою очередь, князья всячески подчеркивали лояльность британскому трону.

Дарбар, как и во времена Великих Моголов, сохранил свою функцию регулирования внутренней политической жизни в княжествах и представлял собой съезд придворных и представителей высших слоев общества для обсуждения насущных вопросов жизни в конкретных княжествах. Дарбары продолжали проводиться по классическому могольскому сценарию, практически не различавшемуся в индусских, сикхских и мусульманских княжествах. Традиционный церемониал со временем оброс возникшими в колониальный период нововведениями. В помпезных и многолюдных собраниях махараджей и навабов принимали участие британские резиденты и агенты, а также прибывавшие на княжеские дарбары вице-короли и сопровождавшие их лица.

Британские дарбары состоялись в 1859, 1877, 1903 и 1911 гг. Дарбары проводились в Агре, а преимущественно в Дели в то время, когда столицей оставалась Калькутта. Для британской стороны было важно закрепить в сознании индийцев исторические ассоциации, связывающие британское правление с могольским, по меткому выражению, распространенному в историографии, «примерить на себя тюрбан Великих Моголов».

Английские правители организовали в ноябре 1859 г. в Агре дарбар, куда для встречи с вице-королем лордом Каннингом были приглашены влиятельные князья. В 1869 г. Индию посетил сын королевы Виктории герцог Эдинбургский и лично встретился с представителями князей. Следующий дарбар состоялся (как и все последующие) в Дели в 1877 г., спустя двадцать лет после Сипайского восстания 1857-59 гг.: вице-король Индии лорд Литтон возродил могольскую традицию во всем ее величии. На дарбаре королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Дарбар 1903 г. был приурочен к восшествию на престол короля Эдуарда VII и был связан с чествованием лорда Керзона на посту вице-короля. Дарбар в декабре 1911 г. был организован по случаю визита британского монарха Георга V и

королевы Марии и отличался самым большим размахом и роскошью. На дарбаре король Георг провозгласил перенос столицы из Калькутты в Дели. В дальнейшем отношения между князьями и британцами регулировались через созданную в 1921 г. Палату князей. Дарбары на уровне отдельных княжеств проводились до 1947 г.

Под проведение дарбаров была выделена специальная гигантская территория (на месте современного Нью-Дели), предназначенная для проведения грандиозных парадов и пышных празднеств. К этому времени относится и начало возведения величественного комплекса правительственных зданий, в которые после переноса столицы из Калькутты в Дели переехала колониальная администрация и в которых впоследствии разместятся правительственные учреждения Республики Индия после завоевания страной независимости. Здесь же будут проводиться парады и торжественные церемонии, связанные с государственными праздниками Индии.

Литература:

- [1] Copland J. The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917-1947. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- [2] Dwiwedi S. The Maharaja and the Princely States of India. Delhi: Manohar, 2000.
- [3] India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia. Ed. by B. Pati and W. Ernst. New Delhi: Penguin Books, 2010.
- [4] Morris J. Pax Britannica. The Climax of an Empire. London: Penguin Books, 1998.
- [5] Ramusack B. The Indian Princes and their States. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Хэйан-Киото и Эдо-Токио: две столицы Японии

Симонова-Гудзенко Е.К.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры истории и культуры Японии
eksimonova@iaas.msu.ru*

Две столицы расположены в разных частях Японии, в западной – Хэйанкё - Киото на протяжении почти 1000 лет, с 794 по 1868, и в восточной – Эдо -Токио, с 1868 по сегодняшний день.

Традиция существования двойных топонимов, городов и не только довольна широко распространена в Японии и связана она, вероятно, с несколькими причинами:

а) в древности фактически смерть каждого государя приводила к определению новой столицы. Это сопровождалось «перетаскиванием» буддийских храмов из одной столицы в

другую и так возникали «старые» и «новые» храмы, в этих случаях менялось название. В этом случае мы видим с одной стороны, широко распространенный, не только в буддистских странах, но, например, у нас тоже, когда сложное возможно с доктринальными терминами название существует параллельно с названием по топониму расположения Церковь всех святых на Кулишках и др. И одновременно, присвоение нового названия при перенесении из одной столицы в другую.

в) часто топоним переносился в процессе переселения. Особенно много таких случаев фиксировались в XVII в. во время строительства Эдо.

Можно назвать и еще ряд причин.

В японском языке есть такая особенность, что иероглифы имеют как минимум два чтения, онное и кунное. Онное – китайское, адаптированное под японскую фонетику, кунное – японское, т.е. это когда существовавшее японское слово закрепили за соответствующим иероглифом. Топонимы столичных городов читаются по китайскому чтению, а вот, например, Осака, Камакура или другие, не столичные, города чаще читаются по кунному чтению. Однако единого правила не просматривается, требуется дополнительное исследование.

Обратимся к этимологии названий. Хэйанкё – Киото – древняя столица, была построена в 794 г. по модели Чанъань, столицы китайской империи Тан (608-907), соответственно сложившимся там строгим архитектурным канонам. Для строительства была выбрана плоская котловина на острове Хонсю, редко встречающийся вид ландшафта на Японских островах. Если толкование иероглифов, составляющих название Хэйанкё можно толковать, как «ровное спокойствие» по аналогии с Чанъань «продолжительное спокойствие», то с толкованием иероглифов, составляющих топоним Киото, возникают определенные трудности. Оба иероглифа означают «столица», 京 «место, пребывания императора», а 都 – тоже «столица, крупный город». Таким образом, происходит как бы удвоение, усиление «столичности». Версиям возможных объяснений и трактовки будет посвящена часть доклада.

Эдо 江戸 – вход в устье, «эстуарий». Эдо был расположен в бухте, что было более логично для островного государства, чем Киото, построенный в центре острова. Токио 東京 – «восточная столица».

Рассмотрим даты и причины переименований городов. Эдо стал Токио в 1868 с переездом императора Мэйдзи из Киото. Нормативное слово Столица кё/мияко – мог иметь только город, где находилась резиденция императора. Таким образом, переименование было своего рода политическим действием. Представляется, что название «восточная» столица

означала и физический перенос в восточную часть страны, и символический перенос в Восточную Японию.

Переименование Хэйанкё в Киото не очень понятно, да и дату определить затруднительно, «суперстоличным городом» Киото стал называться с 1177 или с 1230 г., или в другие годы XII-XIII вв. Таким образом, дата переименования города, как и её причины остаются неясными.

В докладе кратко рассмотрим разные функции городов, политическую, культурную и экономическую, столиц Восточной и Западной Японии, возникших в разное время.

Вывод. Дорога Токайдо, соединявшая Западную и Восточную Японию, существовала с XII в., а со строительством Эдо, столицы сёгуната Токугава, она окрепла и оживилась. Оформление единой столицы Токио сохранила самобытность Восточной и Западной Японии, которая сегодня менее заметна, но все же сохраняется по-прежнему.

Литература:

[1] *Akira Naito, Kazuo Hozumi. Edo, the City that Became Tokyo. Tokyo, Kodansha. 2003.*

[2] *Амино Ёсихико. Хигаси то ниси-но катару нихон-но рэкиси (История Японии, рассказанная востоком и западом). Токио: Коданся. 1999.*

[3] *Ёсида Того. Дай нихон тимэй дзитэн (Словарь японских географических названий Великой Японии). Токио, Фудзанбо. 1970. Тт.1, 6.*

[4] *Ponsonby-Fane R.A.V. Kyoto. The Old Capital of Japan. Kyoto: The Ponsonby Memorial Society. 1956.*

Выступление «Партии простых людей» на региональных выборах 2022-2023 гг. –

Панджаб, Гоа и Гуджарат

Спектор И. Б.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Восточные языки в средней школе»
spektorilya93@gmail.com*

Следующие парламентские выборы состоятся в Индии в начале 2024 г. Неудивительно, что электоральные процессы, происходящие на региональном уровне в настоящее время, рассматриваются большинством наблюдателей как своеобразный вариант социологического опроса перед общенациональным голосованием. Результаты выборов в отдельных штатах могут оказать существенное влияние как на стратегию правящей Бхаратия джаната парти, так и на действия оппозиции, прежде всего, Индийского национального конгресса.

Однако будет не вполне точным сводить происходящие в Индии политические процессы исключительно к противостоянию БДП и ИНК. На прошедших в последние два года региональных выборах заявили о себе и некоторые претенденты на роль «третьей силы». Мы рассмотрим избирательные кампании «Партии простых людей» (Ам адми парти, ААП), которая смогла коренным образом изменить политический ландшафт сразу в нескольких индийских штатах.

ААП была создана активистами антикоррупционного движения в ноябре 2012 г. Лидер партии А. Кеджривал изначально позиционировал ААП как новую силу, ориентированную на молодых городских избирателей. Партия добилась сенсационного успеха на выборах в Дели в 2013 г., а ещё через два года смогла прийти к власти в индийской столице. Кеджривал занял место главы городского правительства, став одним из самых узнаваемых политиков страны.

Тем не менее, попытки ААП принимать участие в общенациональных выборах 2014 и 2019 гг. были не слишком удачны. В сельской местности партия была малоизвестна, даже сами сторонники ААП не слишком верили в возможность создания крупной фракции в Лок сабхе. Партия постепенно превращалась в региональную делийскую политическую силу.

Шанс выйти за пределы столицы у ААП появился в 2022 г. на региональных выборах в Пенджабе. В этом штате «простые люди» изначально пользовались большой популярностью, многие руководители партии (в том числе, сам Кеджривал) были этническими пенджабцами. Традиционные партии Пенджаба находились в кризисе: правящий в Пенджабе Конгресс раскалывали противоречия между региональным и центральным руководством, коалиция Акали дал и БДП распалась после фермерских протестов 2021-2022 гг. На этом фоне Бхагвант Манн, бывший шоумен, ставший политиком и лидером ААП в Пенджабе, выглядел олицетворением запроса на перемены. В феврале 2022 г. ААП смогла получить абсолютное большинство мест в пенджабском законодательном собрании и единолично сформировать правительство штата.

В 2022 г. партия приняла участие также в выборах в Уттар-Прадеш, Гуджарате, Гоа, Химачал-Прадеш и Уттаракханде. ААП не вступает в коалиции, пытаясь выстроить в каждом регионе сеть из местных активистов. Пенджабский успех не удалось повторить нигде, но в Гоа и в Гуджарате ААП прошла в местные парламенты, получив таким образом статус национальной политической партии.

Успехи ААП и ряда других региональных партий выгодно смотрятся на фоне постоянных неудач Конгресса. Лидеры «простых людей» явно имеют общенациональные амбиции. Конечно, на общенациональных выборах ААП не сможет составить конкуренцию БДП или Конгрессу, но партия может стать «точкой сборки» коалиции региональных политических сил.

Заложники технического прогресса: надежды и разочарования догоняющего развития военной промышленности в Османской империи XIX в.

Суриков К.А.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
surikovka@my.msu.ru*

Наиболее ярким и, вместе с тем, драматичным периодом истории османской военной промышленности является XIX в., а в особенности вторая его половина, связанная с обновлением материально-технической базы османской армии после Крымской войны и продолжением военного строительства по европейским моделям султаном Абдулазизом I (1861-1876). Приведение османских вооруженных сил в соответствие с требованиями времени означало также снабжение их новейшим оружием. В то же время, было очевидно, что единовременная закупка вооружения и необходимых припасов на всю армию была невозможной в силу своей колоссальной стоимости, покрыть которую османская казна была не в состоянии. Это стало причиной принятия правительством Османской империи мер, направленных, по замыслу реформаторов, на развитие производства оружия, однако в реальности принёсших несколько иные результаты.

В докладе представлены результаты анализа динамики развития военной промышленности Османской империи второй половины XIX в. Исследование построено на изучении данных османских источников – трудов кадровых офицеров османской армии в званиях от лейтенанта до генерал-майора, посвящённых, во-первых, организации и состоянию отдельных родов войск и османских вооружённых сил в целом, во-вторых, вооружению османской армии. Исследование фокусируется на специфике османского военного производства и влияния технической модернизации на военный, экономический и политический аспекты жизни империи, а также выявлении степени зависимости от импорта военной продукции из стран Запада. Удалось ли османам организовать производство современного вооружения на своей территории? Достигли ли они независимости в области военной промышленности? Какую часть военной продукции или сырья для ее производства необходимо было импортировать? Для ответа на эти вопросы потребовалось обратить внимание на производственные мощности, имевшиеся в распоряжении Османской империи на момент начала преобразований и технического обновления войск. Главные центры османской военной промышленности – Имперский арсенал, Оружейная мастерская и мастерская по производству пороха. В течение длительного времени их производственные цеха не обновлялись, в то же время, отсутствовали ресурсы для создания средств производства на османской территории. Поэтому на начальном этапе реорганизации производственной базы было принято решение заказывать на Западе не только вооружение,

но и оборудование по его производству и обслуживанию. Основной проблемой, с которой столкнулись реформаторы в ходе реализации данного замысла, стало бурное развитие военно-технической мысли в Европе и Америке. За короткое время был совершён переход от гладкоствольного оружия к нарезному и от дульно- к казнозарядному. Чтобы идти в ногу со временем, Османской империи требовалось преодолеть это расстояние в кратчайшие сроки. Иными словами, технический прогресс, к которому так стремились османские реформаторы, превратился в основное препятствие на пути имплементации преобразований.

Проведённое исследование продемонстрировало противоречивость мероприятий по модернизации материально-технической базы и военной промышленности Османской империи. С одной стороны, было закуплено множество крупных партий современного стрелкового оружия, что позволило снабдить им большую часть армии. Вместе с вооружением в империю прибывали также иностранные инструкторы и инженеры, способные обучать персонал на местах. Однако эти же факты показали, что Османская империя в рассматриваемый период заняла догоняющее положение не только в теоретической, но и в инженерно-технической области военного дела. Османские власти тратили колоссальные средства на закупку оружия, припасов к нему, а также станков для его производства. Приходилось тратить и на оборудование цехов для его установки, а также обучение персонала. Однако, как только производственный цикл налаживался, в одной из европейских стран выходила новая модель винтовки или пушки, превосходившая более ранние образцы, и всё приходилось начинать с начала. Османская империя, таким образом, оказалась заложником технического прогресса в области оружия, а попытка разомкнуть сложившийся порочный круг грозила стремительным устареванием армейского оснащения и неспособностью вооружённых сил эффективно выполнять поставленные перед ними задачи. В конце концов падишах принял решение отказаться от организации производства внутри империи и стал закупать всё необходимое за рубежом. Безусловно, такая финансовая политика в отношении материальной базы вооружённых сил во многом стала причиной финансового, а впоследствии и политического краха Османской империи.

Литература:

- [1] *Muhtar A.* Ahvalname-yi muellifat-ı Askeriye-i Osmaniye, 1. Kısım: Ahvalname-i muellifat-ı topçuyun. – Kustantiniye, 1316 (1898).
- [2] *Muhtar A.* Külliyyât-ı Fenn-i Esliha. – İstanbul: Bağdadiyan matbaası; 1306(1889).
- [3] *Salim C.* Ordu donanma teşkilatı ve istatistik notları. – İstanbul, 1339 (1920).
- [4] *Şevket M.* Osmânlı teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İkinci cüz. – İstanbul, 1325 (1909).
- [5] *Tahsin H.* Rehber-i Fenn-i Esliha. – İstanbul: Mekteb-i Fünûn-u Harbiye-i Şâhâne Matbaası; 1320 (1909).

«Зарегистрированные касты» в Пакистане: колониальный пережиток или социальная реальность?

Филимонова А.Л.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии

filimonova.alina@gmail.com

В Исламской Республике Пакистан любые формы социальной дискриминации запрещены, а само наличие кастовых барьеров отрицается. Тем более парадоксальным кажется тот факт, что понятие «зарегистрированные касты», обозначающее далитов, имеет правовое оформление: оно зафиксировано в действующей конституции Пакистана 1973 г. (статья 260(3)), где постулируется, что представители таких каст не являются мусульманами [2]. При этом они упомянуты отдельно от индусов, а их религиозная принадлежность не уточняется. Таким образом подразумевается, что «зарегистрированные» далиты априори по факту своего рождения не могут быть мусульманами.

Феномен неприкасаемости фиксировался в пакистанском праве последовательно, начиная с первой конституции 1956 г. В этом документе «зарегистрированным кастам» была посвящена целая глава (глава 4, статьи 204-207). При этом речь шла не об обособлении их от мусульман, а наоборот, об их социальной реабилитации: федеральное и провинциальные правительства обязывались защищать представителей таких каст «от социальной несправедливости и эксплуатации» и содействовать улучшению их положения [1]. Таким образом, было официально признано наличие в Пакистане каст и проблемы неприкасаемости, что само по себе весьма примечательно.

При этом в первой конституции подчеркивалась связь этого явления с «догосударственным» наследием Пакистана: законотворцы ссылались на Акт об управлении Индией 1935 г., из которого был взят сам термин «зарегистрированные касты». В дальнейшем при составлении конкретного перечня таких каст также использовались колониальные источники. Указ 1957 г. приводит список «каст немусульман», которые «являются зарегистрированными кастами» [4]. Подавляющее большинство каст в этом списке (32 из 40) заимствованы из указа правительства Британской Индии 1936 г. [3].

Закономерным представляется вопрос: насколько пакистанские нормы, касающиеся «зарегистрированных каст», вдохновлены колониальным алгоритмом социального урегулирования? Отражают ли они социальную реальность или представляют собой положения, механически перенесенные из колониального права?

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что пакистанский перечень «зарегистрированных каст» был дополнен восемью позициями, отсутствующими в его колониальном первоисточнике; это произошло по результатам полевых исследований

пакистанской комиссии, члены которой в 1956-1957 гг. работали непосредственно с населением.

Подтверждением того, что за прошедшие годы явление неприкасаемости так и не было изжито, служит политический подъём, начавшийся среди пакистанских далитов в XXI в.: они начали организовываться снизу, выдвигая из своей среды активистов для диалога с властями.

Сама история правового бытования «зарегистрированных каст» в Пакистане позволяет сделать вывод, что данный термин не был воспринят механически: он переосмыслился и со временем приобрел новую коннотацию, отличную от колониальной. Феномен неприкасаемости – социальный в своей основе – начал трактоваться как религиозный. В результате нормы, в колониальные времена призванные защищать, в современном Пакистане превратились в инструмент ограничения.

Таким образом, сам термин «зарегистрированные касты» является колониальным конструктом; однако его современная дискриминационная составляющая – следствие сугубо пакистанской интерпретации, которая отражает социальные реалии.

Литература:

[1] *Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, 1956* [Электронный ресурс] // Fact Focus. – Режим доступа: <https://factfocus.com/wp-content/uploads/2021/03/The-Constitution-of-Islamic-Republic-of-Pakistan-1956.pdf> (Дата обращения 28.02.2023)

[2] *Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, 1973* [Электронный ресурс] // National Assembly of Pakistan. – Режим доступа: http://www.na.gov.pk/uploads/documents/1549886415_632.pdf (Дата обращения 20.02.2023)

[3] *The Government of India (Scheduled Castes) Order, 1936* [Электронный ресурс] // Ministry of Social Justice and Empowerment, Government of India. – Режим доступа: <https://socialjustice.gov.in/public/ckeditor/upload/82951673327147.PDF> (Дата обращения 04.03.2023)

[4] *The Scheduled Castes (Declaration) Ordinance, 1957. Ordinance No. XVI of 1957* [Электронный ресурс] // Ministry of Law and Justice, Government of Pakistan. – Режим доступа: <https://molaw.gov.pk/SiteImage/Misc/files/Collections/1957.pdf> (Дата обращения 28.02.2023)

Многообразие оценок восточного коллаборационизма во времени и пространстве как отражение его многогранности

Фурсов К.А.

Восточный коллаборационизм – феномен сотрудничества политических и общественных деятелей афро-азиатского мира с державами «оси» в годы Второй мировой войны. Актуальность проблеме придают недостаточная изученность взаимовосприятия Востока и Запада, необходимость ослабить тяготение европоцентризма и небывалая геополитическая напряжённость, чреватая новой мировой войной. Последнее требует борьбы с любыми фальсификациями истории, чтобы адекватно понимать настоящее через прошлое.

Изучение восточного коллаборационизма неразрывно связано с моральным суждением о нём, и спектр его оценок весьма широк. В докладе кратко рассмотрена историография сотрудничества с державами Тройственного пакта определённых национальных сил в трёх крупнейших странах Азии – Индии, Индонезии и Китае, а конкретнее, главных лидеров этих сил – соответственно Субхаса Чандры Боса, Сукарно и Ван Цзинвэя.

Анализ корпуса работ о сотрудничестве названных политиков с Японией (а в случае Боса также с Германией и Италией) показывает, что отношение к ним варьируется в зависимости от «национальной школы» и периода. В историографии западных стран преобладает взгляд на них как на азиатских «квислингов». В то же время появились авторы, которые настаивают, что мотивация коллаборационистов включала нечто большее, чем корыстные соображения самосохранения и тяги к власти. Схожим образом эволюционировало отечественное востоковедение: если советские авторы воспринимали такие фигуры через дихотомию «чёрное – белое», российские сделали вывод об их неоднозначности.

На родине Боса, Сукарно и Вана воспринимают по-разному – от порицания до апологетики. Первое характерно для Ван Цзинвэя, потому что он оказался неудачливым соперником и чанкайшистского сегмента Гоминьдана, и КПК. Второе характерно для Сукарно, потому что он привёл страну к независимости и был её первым президентом. Любопытнее судьба Боса: в десятилетия правления ИНК его вклад в национальное движение затушёвывали, причём сотрудничество выступало больше предлогом. Лишь к началу XXI в. фигура Боса стала выходить из тени, а его деятельность – получать всё более положительные оценки, и связано это с утратой Конгрессом монополии на власть. По сути, вопрос оценки всех трёх политиков в своих странах тесно увязан с проблемой легитимности элиты.

Многообразие оценок восточного коллаборационизма отражает его многогранность. Его в самом деле нельзя оценивать исключительно в категориях оппортунизма. Если при подведении некоего «балансового отчёта» коллаборационизма в отрицательной части окажется содействие захватчику в установлении контроля над собственной страной, то в

положительной – создание условий для физического выживания её народа при оккупационном режиме и содействие ликвидации давней зависимости страны от Запада.

Индонезии оккупация принесла не только страдания и эксплуатацию, но и некоторый допуск национальной элиты к управлению страной, который оказался ступенью к свободе. Для Индии роль такой ступени сыграло сетевое государство Боса в Юго-Восточной Азии [2; 3]. «Альтернативный Гоминьдан» Ван Цзинвэя минимально оградил китайское население от японских жестокостей, содействовал восстановлению хозяйства и использовал Японию как образец национального строительства [4; 5].

Таким образом, «исторические и политические памяти... оказались... фрагментированными и подчинёнными разного рода идеологическим и методологическим предпочтениям» [1, с. 149]. Эти предпочтения обусловлены принадлежностью страны исследователя к тому или другому лагерю в мировой войне, периодом, в который он писал, господствующим в стране дискурсом (что подтверждает главный тезис Э. Саида).

По сути, вменение в вину азиатским политикам коллаборационизма чревато европоцентризмом. Он заключается в соблазне оценивать отношение народов Азии к Японии и её союзникам всецело через отношение к ним народов Европы и Америки. Коллаборационизм был предсказуемой реакцией колониальных и зависимых обществ на многовековое давление Запада. И всё же это не значит, что граждане страны, которая в XX в. выдержала схватку с нацизмом, а сегодня вступила в неё вновь, вправе закрывать глаза на союз восточных лидеров с агрессорами.

Литература:

[1] *Кирчанов М.В.* Японская оккупация Индонезии: множественность исторических памятей в зарубежной историографии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 30. С. 134–152.

[2] *Фурсов К.А.* Нетаджи: Жизнь и исчезновение Субхаса Чандры Боса. 2-е, испр. изд. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 453 с., ил., портр.

[3] *Bose M.* The Lost Hero: A Biography of Subhas Bose. Revised and Enlarged Edition. Noida: Vikas Publishing, 2014. XXVI, 558 p.

[4] *Chambers T.* Japan's Colonialism and Wang Jingwei's Neo-Nationalism, 1938–1945 // The Chinese Historical Review. 2021. Vol. 28, issue 2. Pp. 138–165.

[5] *Chen J.* American Studies of Wang Jingwei: Defining Nationalism // World History Review. Fall 2004. Pp. 2–34.

Феномен «Новой Турции» Р.Т.Эрдогана: политико-идеологические трансформации

2000-х – 2020-х гг.

Шлыков В.И.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

v.shlykov@iaas.msu.ru

В докладе представлены результаты анализа политико-идеологической трансформации Турции за два десятилетия правления Партии справедливости и развития Реджепа Эрдогана (2002-2023 гг.). Установившийся в стране политический режим рассматривается в нескольких взаимосвязанных аспектах, составляющих ключевые характеристики «эрдогановской Турции» – тенденции делиберализации и десекуляризации общественной жизни и системы образования; консолидации власти в форме установления монополии президента Р.Т.Эрдогана на все ветви власти (не только на исполнительную, но также законодательную и судебную) и публичную сферу (жесткий контроль над СМИ и социальными медиа).

Турецкая модель модернизации общества и государства без малого уже столетие привлекает внимание ученых и политиков по всему миру как уникальный пример мусульманской страны, в основе политической системы которой лежат западные по своей сути принципы светскости (лаицизма) и демократического правления. В начале 2000-х гг. казалось, что Анкара обречена стать полноценным членом западного мира во всех формальных и неформальных аспектах вплоть до вступления в ЕС. Тогда официальное признание за Турцией статуса кандидата в ЕС на Хельсинском саммите 1999 г. дало мощнейший импульс демократическим преобразованиям внутри страны. Однако «золотой период» европеизации Турции оказался очень скоротечен и фактически завершился с началом официальных переговоров с Брюсселем о вступлении в ЕС осенью 2005 г. Нисходящая динамика политического взаимодействия и рост разочарования друг в друге – таковы основные характеристики отношений Турции и ЕС, начиная со второй половины 2000-х гг. Чрезвычайно медленный, особенно в сравнении с опытом интеграции в ЕС стран Центральной Европы, процесс открытия «глав» для переговоров с Анкарой и формальное замораживание переговорного процесса из-за «кипрского вопроса» в декабре 2006 г. сделало перспективы вступления Турции в ЕС чрезвычайно туманными.

Стагнация евроинтеграции совпала с началом политической делиберализации внутри самой Турции. С каждым новыми выборами ПСР последовательно наращивала свою электоральную базу и все меньше нуждалась в «факторе ЕС» для мобилизации сторонников и противостояния политическим оппонентам. Если в 2002 г., когда ПСР приходила к власти, обещания демократических свобод были чрезвычайно важны как гарантия политического выживания консервативно-исламистской ПСР перед лицом угроз со стороны светской

кемалистской элиты, то с 2007 г. ПСР уже обладала достаточной социальной базой, чтобы развернуть борьбу против своих идеологических противников, особо ярко проявившуюся в знаменитых делах «Эргенекон», «Кувалда» и ряде других. Каждый последующий выборный цикл (2011 г., 2014 г., 2015 г., 2018 г.) знаменовал собой новую волну делиберализации – уголовное преследование политических активистов, нормативные ограничения на свободу слова и собраний, жестокое подавление протестных выступлений. Хронологически совпавшие с выборным марафоном 2015 г. массовые теракты, жертвами которых в основном стали гражданские активисты, и свертывание «мирного процесса» с Рабочей партией Курдистана (РПК) окончательно вернули Турцию во времена репрессивной политики начала 1980-х гг.

Последние годы Турция все больше воспринималась как страна, делающая успехи на пути деевропеизации и девестернизации. В этом ключе масштабные репрессии после путча июля 2016 г. не выглядели как нечто, выбивающееся из парадигмы политического развития Турции, скорее наоборот представляли собой вполне логичный шаг после сегментации либеральных реформ по степени приоритетности для интересов режима ПСР (фактически с конца 2000-х гг. либерализация продолжалась только в сфере военно-гражданских отношений и миграционной политики).

На фоне неясных перспектив внешней и внутренней политики Турции, очевидно, что с каждым годом цена удержания власти для режима Эрдогана становится все выше, а поддержание стабильных отношений с партнерами в регионе и мире – все тяжелее. В жертву принесена «европейская мечта», с которой ПСР выиграла свои первые выборы, турецкая модель успешного сочетания демократии и ислама, гражданские свободы, экономический рост, еще недавно выступавшие в качестве символов процветающей «Новой Турции».

В общественный дискурс внедряется новая мифология, которая должна окончательно заместить кемалистские ценности секуляризма и «внешнеполитической сдержанности» неоконсервативными ориентирами, сочетающими ностальгию по имперскому прошлому и идею Турции как «центрального государства» макрорегиона Афро-Евразии. В практическом плане наиболее заметными проявлениями этой «неоконсервативной» – или как ее нередко именуют в России и на Западе «неоосманской» – политики стала, с одной стороны, настойчивая героизация султанов «Блистательной Порты» и в целом «славных страниц» османской истории в финансируемых правительством кинофильмах и телесериалах, с другой, – стремление закрепить военное присутствие на территории Сирии и Ирака, составляющих часть «османского геополитического пространства».

Гражданское общество и модели его взаимодействия с государством в Турции (2000-е и 2010-е гг.)

Шлыков П.В.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока
shlykov@iaas.msu.ru*

В докладе представлены результаты анализа специфики развития гражданского общества в Турции, детально рассматриваются модели и механизмы его взаимодействия с государством в условиях укрепления власти Реджепа Эрдогана и Партии справедливости и развития в 2000-2010-е годы. Исследование построено на изучении широкого спектра разноплановых источников, включающих разнообразные материалы по деятельности турецких неправительственных организаций (уставные документы, пресс-коммунике, публикации СМИ), официальные документы и нормативные акты, регулирующие публичную сферу.

Основная гипотеза заключается в том, что при статистически значимом количественном росте неправительственных организаций (НПО) в Турции в обозначенный хронологический период, большинство из них так и не стали агентами дальнейшей европеизации и политической модернизации Турции. Напротив, в ситуации массивированной финансовой и организационной поддержки со стороны государства в отношении НПО сохраняющаяся структурная разрозненность турецкого гражданского общества привела к усилению именно тех его элементов, которые были готовы взаимодействовать с политическим режимом, а механизмы внешнего воздействия на НПО (в первую очередь, со стороны европейских фондов), наоборот, оказались ограниченными или даже провальными.

Одна из отличительных черт гражданского общества в странах Ближнего и Среднего Востока – органическая связь между институтами гражданского общества и государством, точнее представителями власти и национальной элиты. Турция не является исключением. Самый хрестоматийный пример такой связи – доминирование действующих и отставных чиновников среди функционеров неправительственных организаций. Они выступают в роли учредителей, входят в состав попечительских и управляющих советов, занимают ключевые посты в руководящих и исполнительных органах значительной части крупных и влиятельных НПО в регионе. Получается, что наиболее влиятельные институты гражданского общества служат укреплению действующего режима власти, а не выдвигают альтернативы существующему социальному, политическому и экономическому порядку. Профсоюзы и профессиональные объединения, еще один важный субъект сферы гражданского общества, находятся в прямой экономической зависимости от правительства, что лишает их возможности вступать в конфронтацию с властью в отстаивании своих групповых интересов, а их оппозиционность, по сути, становится в большей степени имитационной. В условиях

многопланового контроля над институтами гражданского общества – особенно НПО, в шутку именуемых «государственными неправительственными организациями», – едва ли можно ожидать, что гражданская активность, зажатая в такие рамки и направляемая «сверху», может способствовать повышению социальной и политической ответственности власти. Скорее наоборот, подобные НПО служат наращиванию влияния правящих элит, которые с их помощью навязывают обществу соответствующий политический и экономический дискурс. В результате у простых граждан отсутствуют механизмы воздействия на власть, которая имеет возможность манипулировать институтами гражданского общества.

Проведенное исследование специфики гражданской активности в Турции позволило сделать несколько аналитически значимых выводов относительно механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в Турции и актуальных тенденций его трансформации. Опыт развития турецкого гражданского активизма на протяжении большей части XX в. сформировал в этой стране достаточно устойчивые модели отношений гражданского общества и государства, многие из которых продолжились воспроизводиться и в условиях эрдогановской Турции. С одной стороны, исторический анализ свидетельствует о том, что Турция никогда не была страной, испытывавшей дефицит самых разнообразных форм гражданской самоорганизации. С другой стороны, за прошедший с кемалистской революции период турецкое государство накопило богатейший опыт управления неправительственными организациями и движениями и реформирования их деятельности в выгодном для правящей политической элиты ключе. Именно поэтому ставка руководства ЕС на поддержку НПО как инструментов форсированной демократизации Турции в период переговорного процесса о вступлении страны в ЕС, по сути, не дала ожидаемого результата. При ощутимом количественном росте НПО, большинство из них так и не стали агентами дальнейшей европеизации и политической модернизации Турции. Наоборот, в условиях поиска нового социально-политического баланса, укрепления власти ПСР и лично Реджепа Эрдогана, ограничения и впоследствии устранения из поля политического управления такого института, традиционно выступавшего за сохранение светского характера власти и турецкого государства, как армия, гражданское общество оказалось в активе именно правящего режима. В ситуации массовой финансовой и организационной поддержки со стороны государства в отношении НПО сохраняющаяся фрагментарность турецкого гражданского общества привела к усилению именно тех его элементов, которые были готовы взаимодействовать с политическим режимом и содействовать его укреплению, а механизмы внешнего воздействия на НПО, наоборот, оказались ограниченными или даже провальными.

Методика и практика преподавания восточных языков

Разработка учебно-методических пособий для подготовки к сдаче экзамена по арабскому языку (уровень А1-А2)

Акинина О.Г.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

olgakinina@bk.ru

Вопросы об уровне владения иностранным языком и о периоде времени, в течение которого можно его достичь, являются одними из наиболее актуальных и часто задаваемых. Объективные ответы на данные вопросы могут сформировать положительную мотивацию для дальнейшего изучения языка, задать правильный вектор учебной деятельности и продуктивно организовать процесс, нацеленный на достижение конкретных результатов. С другой стороны, языковая квалификация кандидатов всегда интересует потенциальных работодателей, если сфера деятельности непосредственно связана с использованием переводческих навыков.

Для современного арабского языка (Modern Standard Arabic) вопрос общепринятого и точного определения уровней его владения до сих пор остается открытым, поскольку не был разработан единый стандарт или официальная шкала, подобная CEFR (Common European Framework of Reference «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком»). [1] Тем не менее запрос на подобную градацию уровней владения арабским языком существует, поэтому в ходе тестирования зачастую используется система, аналогичная западной.

Обзор многочисленных тестов, которые можно найти также и в интернет-пространстве [2], дает представление о том, какой объем знаний по грамматике и лексике, а также какие навыки аудирования необходимы для успешного освоения того или иного уровня владения арабским языком. По аналогии с западными языками начальный уровень А1 (Beginner), который еще называют «уровнем выживания», с минимальным запасом лексики около 500 слов определяется для арабского языка как возможность понимать и употреблять в речи знакомые фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных задач (представиться/представить других, задавать/отвечать на вопросы о месте жительства, знакомых, имуществе); способность участвовать в несложном разговоре, если собеседник говорит медленно и отчетливо. [1, 24] Что касается элементарного, базового уровня арабского языка А2 (Elementary) (запас лексики до 1000 слов), то он свидетельствует о понимании отдельных предложений и часто встречающихся выражений, связанных с основными сферами жизни (например, со сведениями о себе и членах семьи, покупках, устройстве на работу и т.п.); о возможности выполнять задачи, связанные с простым обменом информацией на знакомые

или бытовые темы; а также с умением в простых выражениях рассказать о себе, своих родных и близких, описать основные аспекты повседневной жизни. [1,23]

В настоящее время на кафедре арабской филологии ИСАА МГУ разрабатываются учебно-методические пособия для подготовки к сдаче экзамена по арабскому языку или тестирования (уровень А1-А2). Их авторы видят перед собой две задачи: 1) четко обозначить грамматические вопросы, знание которых необходимо для сдачи экзамена или тестирования, и подготовить упражнения в форме грамматических тренингов по сформулированным вопросам; 2) презентовать темы и подготовить материалы для беседы по ним, что поможет выполнить задания по аудированию, предложенные в тестах. По мысли авторов (к числу которых отношусь и я), пособия должны представлять собой методички небольшого объема (60-70 страниц) для удобства использования студентами и привлекаться к работе в качестве дополнительных материалов к тем учебникам, которые уже имеются на кафедре. Работа над учебно-методическими пособиями, о которых идет речь, продиктована практической необходимостью решать прикладные задачи в рамках рабочей программы по арабскому языку как основному восточному, разработанной на кафедре арабской филологии ИСАА МГУ. [3] Представляется, что данные пособия могут быть востребованы и у широкого круга изучающих арабский язык в других учебных заведениях или самостоятельно, поскольку работа с этими учебными материалами не коррелирует напрямую с курсом обучения, а нацелена на оперативную проверку знаний и навыков в пределах определенного уровня, а также систематизацию и доработку тех моментов, которые остались без внимания. В дальнейшем предполагается разработка пособий такого же рода для уровней В1/В2.

Литература:

[1] Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К.М.Ирисхановой. — М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

[2] <https://toafl.com/> Онлайн варианты тестов, разработанных Oriental institute in University of Leipzig (уровни А1/А2, В1/В2, С1/С2).

[3] Рабочая программа учебной дисциплины «Основной восточный язык (арабский)» (Main oriental language (Arabic) для направления подготовки 41.03.03 "Востоковедение и африканистика". Программа утверждена на заседании кафедры арабской филологии Протокол № 4 24 мая 2016 г. – М., 2016.

Этапы формирования навыка чтения у студентов-арабистов на начальном этапе обучения

Арсанова Т.Е.

ИСАА МГУ, старший преподаватель кафедры арабской филологии,

tat.evg.iaas@yandex.ru

Чтение – один из рецептивных видов речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание письменного текста; входит в сферу коммуникативной деятельности людей и обеспечивает в ней одну из форм общения, а именно письменную. Психолог Л. С. Выготский характеризовал речь как средство социального общения, средство высказывания и понимания, как процесс материализации мысли, т. е. превращения ее в слово [Выготский Л.С., 1986, с. 14]. В речевой деятельности выделяют два вида, которые производят текст – говорение и письмо, и которые осуществляют восприятие текста – слушание (аудирование) и чтение.

Формирование навыка чтения – важнейшая задача, так как чтение является одним из основных способов получения информации. Высокий уровень развития данного навыка является необходимым условием для успешного ведения научно-исследовательской работы и для постоянного саморазвития и самосовершенствования.

В методической науке выделяют три этапа формирования навыка чтения: аналитический, синтетический и этап автоматизации.

Аналитический этап характеризуется тем, что надо озвучить каждый увиденный графический слог, т.е. произнести плавно, так, чтобы узнать слово и понять его. Обычно считают, что аналитический этап соответствует периоду обучения грамоте.

Синтетический этап предполагает, что все три компонента чтения синтезируются, т.е. восприятие, произнесение и осмысление читаемого происходят одновременно. Однако главным признаком перехода читающего на этот этап является наличие при чтении интонирования. Интонация при чтении появляется при условии, если чтец удерживает в сознании общий смысл читаемого. На этом этапе студентам предлагается изучающее чтение – точное понимание всей информации текста. При изучающем чтении читающий стремится максимально и точно понять содержащуюся в тексте информацию. Текст читается целиком. Чтение происходит в довольно медленном темпе, сопровождается перечитыванием отдельных мест. При этом виде чтения действует установка на длительное запоминание информации текста, на дальнейшее ее использование.

Этап автоматизации описывается как этап, на котором техника чтения доведена до автоматизма и не осознается читающим. Его интеллектуальные усилия направлены на осознание содержания читаемого и его формы: идеи произведения, его композиции, художественных средств и т.д. Для этапа автоматизации характерно стремление читать про себя. Главным признаком того, что читатель достиг уровня автоматического чтения, является

его непосредственная эмоциональная реакция на самостоятельно прочитанное произведение, его желание поделиться впечатлениями без дополнительных вопросов, стремление обсудить прочитанное. На этом этапе чтение может быть ознакомительным. Целью такого чтения является получение общего представления о круге вопросов, затрагиваемых в данном контексте, и путях их решений. Читающий не стремится запомнить прочитанное, так как не предполагает использовать в дальнейшем полученную информацию. Текст читается целиком, но в быстром темпе. Установка на восприятие лишь основной информации позволяет пренебречь деталями сообщения. Далее здесь рассматривается вариант поискового чтения, имеющего целью поиск нужной информации или просмотрочного чтения, когда задачей является определение темы текста. Цель просмотрового чтения в получении самого общего представления о содержании статьи, книги, о ее теме. На основе такого чтения читающий решает, нужен ли ему данный текст для более подробного изучения.

Основу методической классификации видов чтения составляет выделение учебного чтения и коммуникативного (реального) чтения. Все виды чтения взаимосвязаны и дополняют друг друга. В качестве важнейшей составляющей обучения следует рассматривать формирование у обучающихся осознания цели чтения в каждом конкретном случае пользования этим видом речевой деятельности, выбор стратегии чтения, соответствующей избранной цели. Таким образом, при обучении чтению надо четко осознавать ту коммуникативную задачу, которая будет определять характер восприятия текста.

Исходя из приведенной классификации, на начальном этапе студенты овладевают техникой чтения (овладение умением перекодировать буквы, буквосочетания, слова, предложения в их звуковые соответствия). Затем проходят этап чтения вслух, подготовленного чтения. На этих этапах обучающиеся опираются на учебные пособия. От учебного чтения происходит переход к реальному чтению, преследуя познавательную функцию. И это уже рассматривается как дополнение к учебным пособиям. На этом этапе актуализируются знания, полученные при использовании учебных пособий. Для этих целей подбираются тексты разных жанров, освещающие культурно-исторические, экономико-географические вопросы, используется и фольклор.

Все эти этапы, с одной стороны, согласуются с Программой учебной дисциплины по ОВЯ, которая предъявляет определенные требования к уровню владения основными видами речевой деятельности на начальном этапе обучения, а с другой стороны, преследуют главную цель – сделать язык средством общения.

Литература:

[1] *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам), ИКАР, М., 2009.

[2] *Выготский Л.С.* Мышление и речь, «Питер», 1934.

[3] *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность, Просвещением, М., 1969.

Ошибочное использование учащимися падежей на начальном этапе обучения

японскому языку

Бессонова Е.Ю.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

olesyaelena29@gmail.com

В японском языке существительные могут принимать определенную падежную форму в зависимости от синтаксической позиции. Падежные формы образуются с помощью *какудзёси* 格助詞 приакцидентных коннекторов [1, с.236] (агглютинативных падежных аффиксов). Соответственно, на начальном этапе обучения японскому языку в рамках базовых разделов теоретической грамматики вводится информация о коннекторах *какудзёси* 格助詞, которые в учебной литературе в основном именуется падежами, падежными суффиксами или падежными показателями. Надо отметить, что в основной учебной литературе введение падежей идет постепенно, более того, так как многие коннекторы являются многозначными, часто разные значения одного и того же коннектора вводятся не в одном уроке, а постепенно, в зависимости от прохождения материала учебной программы [2], [3], [4]. Многозначность падежей, заметное отличие агглютинативных падежей от падежей в рамках грамматики русского языка, носителями которого являются учащиеся, отсутствие целостного понимания всего спектра падежных значений, а также закономерно недостаточное знание лексики и грамматики студентами начального уровня обучения приводит к системным ошибкам при употреблении падежей в контрольных заданиях на протяжении первого и второго семестра. Больше всего ошибок выявлено для четырех из десяти падежных показателей, а именно для падежей ДЭ, О, ГА, НИ. Комплекс ошибок можно представить следующим образом: 1) полное отсутствие необходимого падежа при существительном для конкретной синтаксической позиции (чаще всего студенты пропускают падеж ГА и падеж НИ); 2) неправильный выбор падежного показателя (особенно при постановке падежа ДЭ в значении места действия, падежа О в значениях, отличных от значения прямого дополнения, падежа ГА при

вопросительных словах; 3) игнорирование падежа Э и замена его на НИ в большинстве случаев.

В качестве выводов отметим, что ошибки в данной грамматической категории неизбежны на начальном этапе обучения, однако необходимо прилагать максимум усилий, чтобы свести данные ошибки учащихся к минимуму. Задача преподавателя состоит в последовательном разъяснении значений падежей, проведении дополнительных языковых тренингов на трудные для студентов падежные показатели. Отметим также, что после изучения всех значений того или иного падежа, эффективным представляется комплексное повторение. Для такого повторения можно рекомендовать студентам самостоятельно составить обобщающие таблицы значений падежей либо совместно с учащимися рассмотреть таблицы, представленные в учебных справочниках на японском языке, например, в «Справочнике по грамматике японского языка (для преподавателей начального курса)» [5] размещен подробный обобщающий анализ применения каждого из падежных показателей.

Литература:

[1] *Головнин И.В.* Грамматика современного японского языка. – М.: Издательство Московского университета, 1986.

[2] *Нечаева Л.Т.* Японский язык для начинающих. Часть I. – М.: Московский Лицей, 2010.

[3] *Рябкин А.Г., Л.А.Лобачев, П.Г.Паюсов, Л.А.Стрижак, В.А.Янушевский.* Учебник японского языка (для начинающих). Под ред. И.В.Головнина. – М.: Высшая школа, 1971.

[4] *Стругова Е.В., Н.С.Шефтелевич.* Читаем, пишем, говорим по-японски. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000.

[5] *庵功雄, 高梨信乃, 中西久実子, 山田敏弘.* 日本語文法ハンドブック (初級を教える人のための) . –東京: スリーエーネットワーク, 2000. (Иори Исао, Таканаси Сино, Наканиси Кумико, Ямада Тосихиро. *Нихонго бумпо: хандобукку (сёкю: о осизэру хито но тамэ но).* – Токио, Суру:э-тэннова:ку, 2000.

Динамика интереса к изучению японского языка у студентов от младших к старшим курсам: как преодолеть "выгорание"

Васильева Л.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преп. кафедры японской филологии

ryuda.vas@gmail.com

Интерес студентов к изучаемым дисциплинам вообще и к основному восточному языку в частности в течение всего периода обучения может меняться, причем изменения эти могут вести как в сторону возрастания интереса по мере расширения и углубления знаний, так и, напротив, к постепенному его угасанию. Восточный язык требует от студентов большого терпения, усидчивости и постоянства усилий в течение долгого времени. Именно в результате такого постоянного напряжения интерес к продолжению обучения у студентов иногда пропадает совсем, приводя к полному «выгоранию».

В рамках исследования изменений интереса к изучаемому языку среди будущих японоведов, обучающихся на 3 и 4 курсах ИСАА, было проведено небольшое анонимное анкетирование. Наряду с ответами на вопросы о том, как менялся их интерес к изучению японского языка в течение обучения, студенты могли также в свободной форме высказать свои суждения о том, что повлияло на эти изменения и что, на их взгляд, могло бы способствовать поддержанию их мотивации и предотвратить «выгорание». Принять участие в анкетировании было предложено 42 потенциальным респондентам, а ответы были получены от 27 студентов 3-4 курсов (14 и 13 студентов соответственно). Участие в анкетировании было полностью анонимным, что позволило респондентам отвечать весьма откровенно.

Все участники анкетирования при поступлении в ИСАА хотели изучать японский язык: у 48,1% респондентов это желание было очень сильным, у 25,9% - довольно сильным, у одного человека (3,7%) – умеренным, а 22,2% рассматривали японский язык как один из возможных вариантов. При этом учить японский на 1 курсе понравилось и очень понравилось в сумме 77,8% обучающихся (21 человек), еще для четверых открытием оказались трудности в изучении японского, хотя в тот момент на их интерес к языку они не повлияли, и лишь двое ответили, что сложности в изучении японского победили их интерес к нему уже на 1 курсе.

В течение второго года обучения интерес к изучению японского и внутренняя мотивация оставались на высоком и довольно высоком уровне в сумме у 20 респондентов, хотя наряду с трудностями им пришлось столкнуться с таким объективным демотивирующим фактором, как переход в онлайн во время пандемии и, как следствие, потенциальным сокращением контактов с Японией и японцами. Среди тех, кто сказал о снижении или потере интереса к учебе на этом этапе, три человека указали на неактуальность учебных материалов как на основной демотивирующий фактор.

На 3 и 4 курсах интерес и мотивация сохранились на высоком уровне у 11 респондентов (40,7%), интерес вырос у 6 (22,2%), стал снижаться у 7 (25,9%) и совершенно пропал у 3 студентов (11,1%). В основном, в ответах респондентов говорилось о снижении интереса к концу второго или в течение третьего курсов. В качестве факторов, приведших к этому, в ответах фигурировали как трудности в освоении насыщенной программы (5 человек), так и

снова неинтересные и устаревшие учебные материалы (4), неэффективная методика (3), а кроме того 6 студентов упоминали сложные взаимоотношения с ведущими преподавателями как негативный фактор. Стоит, однако, заметить, что у большей части респондентов (13 человек) примерно на третьем (у некоторых – на четвертом) курсе, напротив, интерес к продолжению изучения японского языка возрос благодаря использованию накопленных знаний и навыков на практике, большей актуальности и практической направленности учебных материалов и программы старших курсов, а также упрочившегося желания работать с Японией и японским языком.

На момент проведения анкетирования уровень своей заинтересованности в дальнейшем изучении языка (по шкале от нуля до десяти) на данном этапе оценил как нулевой только один студент, также по одному студенту заявили об уровне интереса в 2, 5 и 6 баллов, по четыре человека ответили, что их заинтересованность и мотивация составляют 7 и 10 баллов, пять человек выбрали 9 баллов и десять человек оценили уровень своего интереса на 8 баллов. Положительно повлиять на динамику заинтересованности и мотивации по мнению студентов им бы помогли стажировки и посещение Японии в ближайшем будущем (10), живое общение с носителями примерно одного с ними возраста (2), использование японского на практике (4), расширение возможностей трудоустройства с японским (6), больше связей с Японией (1), использование новых, более актуальных учебных материалов и методик на средних и старших курсах (6), наличие собственных интересов, связанных с Японией (кино, анимэ, занятия чайной церемонией и т.п. - 4), больше разговорной практики на занятиях (2). Работать с японским языком на сегодняшний день точно планируют 20 респондентов, категорически отрицают такую возможность для себя двое, остальные планируют действовать по обстоятельствам.

Несмотря на существование тенденций к «выгоранию» и снижению интереса к изучению японского языка у студентов старших курсов, результаты анкетирования студентов-японистов старших курсов ИСАА МГУ оказались достаточно оптимистичными. Тем не менее, приведенные респондентами замечания о неактуальности учебных материалов и методик преподавания могут стать стимулом для преподавателей активнее применять новые методики и вносить больше разнообразия и интерактивности в занятия, а также стремиться к большей практической направленности обучения с опорой на востребованные на современном рынке труда знания, навыки и умения. Кроме того, возрождение практики стажировок студентов во время учебы в бакалавриате тоже могло бы стать важным стимулирующим фактором, предотвращающим «выгорание» у студентов к старшим курсам.

Об опыте разработки и применения заданий коммуникативного типа на начальном этапе обучения арабскому языку

Горячева Н.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преподаватель кафедры арабской филологии

goryachevana@my.msu.ru

Обучение процессу говорения на иностранном языке на начальном этапе сопряжено со множеством трудностей. Поскольку учащиеся еще не овладели в полной мере достаточной лексической и грамматической базой и не преодолели языковой барьер, этот аспект является одним из самых сложных для студентов.

Коммуникативный подход, ставший особенно популярным в преподавании западноевропейских языков, на наш взгляд, выглядит особенно актуальным на начальном этапе обучения арабскому языку. Суть данного подхода заключается в том, чтобы процесс обучения был похож на процесс общения. Моделирование ситуаций реального общения и тщательный выбор тем в соответствии с возрастными особенностями студентов должны способствовать увеличению мотивации учащихся и эффективности учебного процесса.

Наша цель как преподавателей в рамках применения коммуникативного подхода – использовать инструменты, которые позволят по максимуму использовать арабский язык во время занятий и побуждать к этому учащихся. Среди таких приемов – небольшая беседа на арабском языке каждое занятие на бытовые темы, обращения, инструкции и просьбы от преподавателя с самых первых занятий. Объяснение незнакомых слов происходит по возможности с помощью паралингвистических приемов. Таким образом, учащиеся достаточно быстро усваивают лексические единицы и грамматические формы и начинают говорить на иностранном языке.

В рамках внедрения в образовательный процесс элементов данного подхода нами также были разработаны блоки заданий по темам. Они применяются во втором семестре первого курса бакалавриата. Последовательность тем выстроена таким образом, чтобы лексика постоянно пересекалась, а темы были связаны между собой:

1. Свободное время и хобби
2. Хобби в разные времена года
3. Распорядок дня и свободное время
4. Праздники
5. Кухни мира
6. Путешествия
7. Автобиография

На каждую тему отводится 2-3 занятия. На первом занятии вводится новая лексика с помощью заданий различного формата («объясните слово по-арабски», «угадайте время года по описанию» и тд.). Преподаватель задает студентам вопросы и записывает новые лексические единицы на доске. Затем студенты прослушивают чтение преподавателем небольшого текста по теме в медленном темпе. Незнакомые слова объясняются с помощью паралингвистических средств, известных учащимся синонимов, точечного перевода.

В качестве домашнего задания студенты получают лексический минимум по теме и три задания разного уровня. Предполагается выбор одного из заданий, которое учащийся представит на следующем занятии. Разноуровневые задания способствуют тому, что каждый студент сможет выполнить посильную самостоятельную работу и оказаться в ситуации успеха, что, в свою очередь, повышает мотивацию. Кроме того, такой вид заданий очень нагляден для преподавателя, так как просто отследить уровень и динамику усвоения знаний учащимися.

Литература:

[1] Березина Н. В., Курина В. А. *Личностно-ориентированный подход в подготовке специалистов в гуманитарных вузах // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2010. №3.*

Понятие «суггестивности» (недосказанности) и ее отражение в лексике и грамматике японского языка.

Кириллова О.Б.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преподаватель кафедры японской филологии
olgabk2013@mail.ru*

Суггестивность (недосказанность) как явление или даже художественный прием применительно к японской художественной литературе, особенно поэзии, известна и описана давно и многократно. Очень часто это явление связано и с особенностью иероглифической системой письма, обладающей информационной избыточностью, что часто дает возможность экономии других средств выразительности, как грамматических, так и лексических.

Такая лаконичность японского языка часто затрудняет понимание мысли говорящего, что приводит к определенной свободе толкования высказывания слушающим. Естественно, что при любом вербальном общении для точного выражения мысли и ее понимания требуются особые средства, но в японском языке отсутствуют такие грамматические категории, как привычные нам род, число, падеж, склонение, совершенный-несовершенный

вид, хотя и есть некоторые лексические средства замещения, если необходимо уточнение, но японцы крайне скупы их используют, полагаясь на слушателя и его способность вникать в контекст и учитывать ситуацию общения в целом.

Эта особенность японского языка создает немало трудностей в понимании речи не только для иностранцев, владеющих японским языком, но и для самих японцев. При преподавании перевода с русского языка на японский следует обращать внимание студентов на следующие характерные моменты:

- 1) отказ от использования личных местоимений, особенно первого лица и указательных, которые японцы просто опускают за ненужностью, хотя их отсутствие часто замещается другими средствами, например, глаголами направленности действия;
- 2) традиционное нежелание использовать отрицательные формы и некоторую лексику, вызывающие у японцев неприятные ассоциации;
- 3) наличие в японском языке только двух времен (настояще-будущее и прошедшее), т.е. только контекст и ситуация речи определяют, идет речь об обычном повседневном действии или о действии в будущем;
- 4) наличие в японском языке множества способов выражения предположения, неуверенности, различающихся по степени достоверности;
- 5) распространенность в японском языке страдательного залога, когда центр тяжести переносится с деятеля на получателя действия, т.е. снижается важность субъекта, а главным действующим лицом становится объект;
- 6) длительный вид в японском языке помимо длящегося действия часто обозначает состояние, когда смысл использования длительного вида определяется адресатом речи, исходя из его собственных представлений;
- 7) некоторые служебные слова и союзы обладают широкой многозначностью, и их толкование требует применения логики и собственного понимания контекста речи;
- 8) некоторые речевые обороты в японском языке, применяемые в характерной ситуации, могут терять промежуточные связи, сразу переходя к итоговому событию;
- 9) наличие в японском языке множества субстантиваторов, превращающих при необходимости изменяемые части речи в имена существительные, которые также используются в качестве местоимений.

Таким образом, уже такой небогатый набор грамматических категорий в японском языке и его своеобразное использование сами по себе создают суггестивность, сложность понимания, особенно кратких бесконтекстных фраз.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о влиянии культурных традиций и национального менталитета на язык общения и о необходимости обращать особое внимание студентов на эти особенности речи на японском языке.

Литература:

[1] Головнин И.В. Введение в синтаксис современного японского языка. М., Издательство Московского университета, 1979г.

[2] Лаврентьев Б.П. Самоучитель японского языка. М., МП «Поликоп», 1992г.

[3] Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих. Часть I, Часть II, М., Московский Лицей, 2016г.

[4] Стругова Е.В. Шефтелевич Н.С. Японский язык. Пишем, читаем, переводим. М., Издательство ВКН, 2017г.

[5] Цветов Владимир. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М., Издательство политической литературы, 1991 г.

К вопросу о междисциплинарном подходе в обучении китайскому языку студентов по специальности "Востоковедение"

Магдалинская Ю.В.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедра китайской филологии

МГИМО МИД РФ, старший преподаватель кафедры китайского и других языков

julicn@yandex.ru

Все более возрастающий в настоящее время интерес всех слоев общества к изучению китайского языка и, в результате этого, общий тренд завоевания китайским языком позиции языка-лидера, знание которого становится постепенно необходимым для ведения бизнеса и карьерного роста в организациях и компаниях практически во всех сферах деятельности. В связи с этим, растет значение практической составляющей в процессе изучения китайского языка и превращение его из объекта исключительно научного, лингвистического исследования в инструмент профессионального роста и последующего профессионального общения. Что самым естественным образом подводит нас к осознанию необходимости учета междисциплинарных связей в процессе его изучения.

Претерпевающие изменения модели образовательных программ высшего образования и разработка новых образовательных моделей бакалавриата, магистратуры и специалитета демонстрирует нарастание комплексного, системного, междисциплинарного и интегрального

(интегративного) характера требований к уровню подготовленности выпускников вузов для выполнения профессиональных и социальных ролей в разного рода контекстах, а также необходимость формирования в процессе изучения китайского языка интегративных компетенций обучающихся.

Интегрирование китайского языка в программы изучения предметных дисциплин и реализация, таким образом, междисциплинарного подхода и формирования профессионально коммуникативной компетенции на китайском языке требует от всех сторон учебного процесса выполнения целого взаимосвязанного и многокомпонентного комплекса мероприятий, в том числе решения задач по двум направлениям практической реализации междисциплинарной интеграции – текстовое и аудиторное (анализ научного дискурса, адресно-направленного на научный потенциал предмета основной специальности, и реферирование, аннотирование и реферативный перевод профессионально ориентированного текста с основным упором на его содержательный аспект). Языковая компетенция, являясь частью коммуникативной, предполагает изучение не только вербального уровня языка, но и более глубокого, семантического, концептуального уровня, что предполагает органичное объединение релевантных областей знания и расширение, таким образом, границ научного исследования.

В качестве частного примера предлагается анализ текста нескольких глав классического китайского романа «Сон в Красном тереме». Данный роман широко и глубоко изучен литературоведами как Китая, так и специалистами многих других стран, в том числе его художественные особенности становились предметом исследования российских литературоведов. Общеизвестным и не вызывающим возражений со стороны членов литературоведческого сообщества является утверждение, что роман предьявляет читателю широкую и весьма объективную картину жизни общества и города того времени с описанием частной жизни двух больших семей, а также подробные картины включения членов семей в общественную жизнь.

В целях конкретизации и исходя из необходимости селективного подхода к изучаемому тексту нами был выбран наименее изученный аспект жизни литературных героев романа – тема брачных судебных процессов, активным участником и, более того, инициатором которых являлась одна из героинь романа – Ван Сифэн, Фэнцзе. Семантический анализ текста, с привлечением и ссылками на правовой документ периода династии Тан («Дацин люйли») дает студентам достаточно полное представление как о брачных обычаях средневекового Китая, так и представление об основах семейного и уголовного права, а также его правоприменения в реальной жизни китайского города на данном историческом этапе.

Таким образом, использование литературного материала и его лексический, комплексный анализ снабжает студентов-востоковедов богато иллюстрированным

пониманием как семейных устоев китайского общества, так и его правовых основ. К тому же не утративших свою актуальность и на современном этапе.

В данном случае язык выступает как средство познания картины китайского мира, приобщения к его ценностям, способом открытия уникальности и своеобразия культуры, которое в будущей профессиональной деятельности должно обеспечить единое для всех участников профессионального взаимодействия понимание происходящего, его причин и последствий.

Литература:

[1] *红楼梦* (Хунлоумэн) <http://www.purepen.com/hlm/index.htm>

Домашнее чтение в преподавании арабского языка на 4 курсе ИСАА МГУ

Налич М.С.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии
nalitch.ms@iaas.msu.ru*

Домашнее чтение является важным аспектом в преподавании иностранного языка, на примере которого можно развивать у студентов разные языковые навыки, основные из которых: чтение, перевод с иностранного языка на родной и говорение. Кроме того, за счет домашнего чтения решаются внеязыковые задачи, а именно, знакомство обучающихся с литературой и культурой носителей изучаемого языка. А также и внеучебные задачи, однако оказывающие большой положительный эффект на процесс обучения, например, развитие памяти.

При наличии достаточного количества аудиторных часов названные навыки можно развивать разными способами. Так, в процессе изучения материалов может применяться как экстенсивное чтение, так и поисковое, перевод как письменный, так и устный, говорение в виде подготовленной речи или спонтанной. Одной из важнейших задач, которую решает домашнее чтение на продвинутых этапах обучения, является развитие навыка чтения текстов большого объема, что готовит студентов ко многим видам будущей практической деятельности.

На кафедре арабской филологии ИСАА МГУ домашнее чтение не входит в обязательную программу для всех курсов, однако на четвертом году обучения мы выделяем на него первый семестр. Материалом для данного аспекта служат неадаптированные образцы арабской литературы периода нач. XX – нач. XXI вв. За семестр студенты читают и изучают 7-8

рассказов арабских авторов разных эпох, представляющих разные арабские страны, начиная от ливанского писателя Маруна Аббуда (1886-1962) и заканчивая ливийской писательницей Фадвой ал-Касим (род.1962). Объем текстов увеличивается от начала семестра к его окончанию, однако рассказ меньшего объема, но написанный более сложным языком или более трудный с художественной точки зрения может быть задан после более длинного произведения с более простым сюжетом. Каждый рассказ сопровождается краткой биографией автора на арабском языке, небольшим глоссарием и списком вопросов для контроля понимания текста. Все дополнительные материалы составлены преподавателем, ведущим курс. На чтение рассказа и работу с текстом отводится две недели, по прошествии которых студенты в аудитории переводят на русский язык сведения об авторе, отвечают на вопросы, а также участвуют в дискуссии по проблематике рассказа. Тема для дискуссии сформулирована в последних вопросах из списка.

Таким образом, за один семестр домашнего чтения мы успеваем решить ряд очень важных задач: обучающиеся привыкают не бояться текстов большого объема, учатся выделять в них главную информацию и искать ответ на конкретные вопросы, совершенствуют навыки перевода, а также подготовленной и спонтанной речи, а кроме того, знакомятся с оригинальными произведениями новой и новейшей арабской литературы.

Обучение студентов II курса ИСАА навыкам чтения, понимания и перевода незнакомых текстов на материале информационных сообщений

Налич Т.С.

ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

nalitchts@my.msu.ru

Чтение информационных сообщений на втором курсе не является частью программы, но наряду с домашним чтением призвано разнообразить учебный процесс и способствовать формированию у студентов навыков чтения неоглашенного текста и перевода.

На кафедре арабской филологии ИСАА чтение информационных сообщений вводится уже во втором семестре первого курса – объем сообщения начинается с 15 слов, постепенно возрастает до 100 слов. На втором курсе объем увеличивается, достигая примерно 300 слов.

Для чтения предлагаются новостные сообщения различной тематики, обычно актуальные и соответствующие текущей новостной повестке – в конце 2022 года это были статьи, посвященные Чемпионату мира по футболу в Катаре, в феврале 2023 – землетрясению в Турции и Сирии, в марте 2023 – новым санкциям против Ирана.

Сложность, с которой сталкиваются студенты, заключается в том, что на первом и втором курсе они работают, в основном, с учебными текстами, которые полностью или частично огласованы, тогда как информационные сообщения не огласованы вообще. При этом наибольшую проблему создает отсутствие на письме показателей словоизменения, для правильного чтения которых необходимо разобраться в синтаксической структуре предложения.

В аудитории мы работаем с распечатанным текстом – это позволяет студентам огласовывать текст в случае необходимости. При работе упор делается на следующих моментах: чтении неогласованного текста, выделении корней в незнакомых словах и попытке перевести слово с опорой на корень и модель слова, «переводческой догадке» и грамотном формулировании предложения на русском языке.

Чтение информационных сообщений позволяет разнообразить учебный процесс, развить навыки чтения и понимания неогласованных текстов, пополнить словарный запас и способствовать формированию навыка перевода с арабского языка на русский.

К вопросу об обучении письменному переводу

Нечаева Л.Т.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры японской филологии

ltnechaeva@mail.ru

Проблема обучения переводу с японского языка на русский очень важная при обучении в бакалавриате, так как в магистратуру идут отнюдь не все студенты, а переводить должны уметь все выпускники вуза.

На японской кафедре обучение переводу выделено в отдельные специальные занятия на 3-м и 4-м курсах обучения.

Задача преподавателя – подготовить специалиста, способного понять и выразить средствами русского языка содержание японского текста общего содержания.

Уже на 1-м курсе мы учим переводить тексты уроков, объясняя, что первый этап понимания – определение синтаксической структуры текста, поскольку смысловая структура текста обусловлена и находит отражение в логико-синтаксической структуре системы взаимосвязанных предложений, образующих текст и расположенных в виде речевой цепи. Как этому учить? Постепенно, переходя от простых текстов к сложным.

На 1-3 курсах обычно в задания занятия включается перевод текста из учебников, а во 2-м семестре 3-го курса уже начинается письменный перевод статей из газет.

Процесс обучения переводу начинается с процесса чтения, и здесь очень важно научить студента находить ориентиры, помогающие пониманию текста. Понимание облегчается, если

в процессе чтения читающий знает, на какие структурные единицы следует обращать внимание. Обладание определенными умениями при чтении облегчает понимание текста. К таким умениям можно отнести умение находить формальные показатели связи между предложениями, умения лексико-грамматической ориентации в тексте и др.

В письменном тексте выделяются простые и сложные предложения, группы предложений, сверхфразовые единства, что происходит в результате понимания синтагматических и парадигматических связей элементов текста. Очень трудно понять отдельно взятое предложение вне его окружения. Понять смысл предложений, составляющих текст, значит понять не только их последовательность, определенную языковыми показателями, но и понять ассоциативные отношения, присутствующие в тексте. Это определяет две группы трудностей, возникающих в процессе чтения текста. Одна группа связана с эксплицитно выраженными связями между элементами высказываний, другая - с имплицитно выраженными отношениями между высказываниями.

Недооценка этих трудностей приводит к логическим провалам, пропускам, фактическим ошибкам в понимании читаемого. Рассмотрим эти трудности подробнее.

Синтаксическая структура японского предложения имеет ряд особенностей. Это - употребление сказуемого в конце предложения, особый порядок слов, который является одним из основных средств выражения тема-рематического членения предложения. Это всё таит в себе существенные трудности при восприятии читаемого. Употребление сказуемого в конце предложения снижает обозримость предложения и требует от русскоязычного читателя дополнительных усилий при осмыслении читаемого.

Особое внимание следует обращать на обучение переводу определительных предложений, поскольку, в отличие от русского языка, в японском языке единственным показателем того, что предложение является определительным, является примыкание к определяемому слову. Тогда как на русский язык необходимо научить переводить всеми возможными способами соединения определительных предложений. Особенно трудно студентам даются переводы с употреблением союзов *где, куда, когда, кто* и т.д.

Мерой сложности предложений служит глубина структуры конкретного предложения, что зависит от тематического наполнения, от эмоциональной насыщенности, от объема и характера памяти студента. Развертывание предложения может происходить за счет употребления однородных членов, определений к разным членам предложения и т.д.

Определенные трудности при восприятии текста вызывают сложноподчиненные предложения с разветвленной и многоступенчатой системой придаточных предложений; сложносочиненные предложения с большим количеством составляющих его предложений и усложненной структурой последних

Сложным синтаксисом японского языка определяется необходимость формирования у читателя умений преодоления трудностей, связанных с построением японского текста: умений грамматической антиципации (предвидения), умений определять различия в коммуникативном значении предложений, выявлять семантические связи между

предложениями, членить их на смысловые отрезки, находить ключевые слова, отражающие тему высказывания.

Таким образом, преодоление трудностей восприятия литературных текстов, обусловленных их синтактико-стилистическими особенностями, предполагает становление специфических умений обучаемых. Развитию этих умений могут способствовать методические приемы, адекватные природе формируемых умений и ориентирующие на:

- распознавание средств внутритекстовой связи предложений;
- выявление ключевых слов и словосочетаний, отражающих тему высказывания;
- нахождение грамматических показателей, облегчающих поиск структурных ориентиров;
- определение логических связей текста (сходства, различия, причины, следствия, координации и т.д.).

Преодолевая грамматические трудности, расширяя лексический словарь, студенты учатся переводить.

О преподавании синхронного перевода в паре русский-турецкий в магистратуре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Оганова Е.А.

ИСАА имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры тюркской филологии

ova8@yandex.ru

В последние десятилетия между Россией и Турцией активизировались дипломатические, политические, экономические, торговые и социокультурные связи, что требует подготовки специалистов-переводчиков высокого уровня, в том числе, в области синхронного перевода. В то же время до сегодняшнего момента в стенах ИСАА преподавание синхронного перевода в паре русский-турецкий не велось. Одной из основных причин этого является отсутствие оборудования, необходимого для преподавания и изучения синхронного перевода.

Автор доклада, переводчик-синхронист с более 20-летним опытом работы в данной области, делится основными приемами для обучения студентов навыкам синхронного перевода, которые были частично апробированы в ходе занятий с магистрантами 1 курса по турецкому языку (в настоящее время в стадии написания находится программа спецкурса для магистрантов «Теория и практика синхронного перевода с/на турецкий язык»), а также предлагает схему практической отработки навыков синхронного перевода, не требующей специального оборудования, а следовательно, доступную к реализации в условиях нехватки средств технического обеспечения.

Чтение художественной литературы крупной формы на арабском языке как способ развития гибких навыков.

Осипова К.Т.

ИСАА МГУ им.М.В.Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии

kt.ossipova@iaas.msu.ru

В современном мире успешность человека все больше определяется, так называемыми, «гибкими навыками» (soft skills), т.е. надпрофессиональными умениями, помогающими эффективно работать с людьми и решать насущные проблемы в стрессовых ситуациях. Бизнес-консультанты в многочисленных книгах и рекомендациях отмечают, что сильные «гибкие навыки» сотрудников являются залогом продуктивности команды. Так, в книге «Идеальный командный игрок» П. Ленсиони утверждает, что каждый член коллектива должен обладать одновременно тремя качествами: жаждой деятельности, чуткостью и скромностью [1]. Среди необходимых навыков обычно выделяют также критическое мышление [2], коммуникативность, эмоциональный интеллект, эмпатию, способность понимать свои и чужие скрытые мотивы и уметь всем этим управлять [3].

Все вышеперечисленные навыки не являются врожденными, но развиваются в течение практической деятельности. Представляется, что одним из эффективных способов отработать эти умения в процессе обучения иностранному языку являются рецепция художественной литературы крупной формы и ее последующее обсуждение в аудитории. Чтение как вид речевой деятельности по восприятию написанного текста предполагает концентрацию на содержании, прогнозирование, игнорирование второстепенной информации, анализ структуры, понимание сути через синтезирование прочитанного. Чтение литературных произведений предполагает также сочетание навыка толкования текста и творческих умений, таких как принятие или отторжение основной мысли и формулирование своей личной позиции. Дискуссия по теме прочитанного помимо активизации коммуникативных способностей на основе проблематики произведений и формирования языковой личности через развитие умения высказываться позволяет на практике закреплять навыки эмпатии, эмоционального интеллекта, самоанализа, конструктивной работы в команде.

В данном докладе я поделюсь опытом выработки оптимальной модели работы с художественными произведениями большого объема, их интерпретацией при самостоятельной работе дома и обсуждении в аудитории.

1. Lencioni Patrick M. The Ideal Team Player: How to Recognize and Cultivate the Three Essential Virtues. Jossey-Bass: 2016.
2. Ruggiero Vincent Ryan. Beyond Feelings. A Guide to Critical Thinking. Alfred Publishing Co., Inc.: 1975.
3. Goleman Daniel. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. Random House, Inc.: 2005.

О некоторых ошибках студентов в иероглифических прописях

Румак Н.Г.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры японской филологии

rumakng@iaas.msu.ru

Несмотря на существование довольно большого количества работ, посвящённых развитию каллиграфического навыка у младших школьников, в которых описываются условия создания так называемого графического навыка, выработки почерка, а также выделяются специфические ошибки письма и каллиграфического навыка (нарушение наклона, нарушение пропорций, искажение элементов, пропуски элементов и т.п. [Хавченко, Дубровина, 2021]), проблемы освоения письменности восточных языков у студентов вузов заслуживают отдельного рассмотрения. Во-первых, если речь идет о фонетических алфавитах, ошибки могут быть связаны с неверным восприятием фонем изучаемого языка, т.е. недостаточным развитием фонематического слуха. Во-вторых, если речь идет о языках с некириллической и нелатинской графикой, кроме ошибок в фиксации звучащей речи, возможны ошибки графические – неправильное начертание элементов, их смешение, затруднения в запоминании элементов и т.п. Навык письма как таковой у студентов вузов сформирован, однако правила начертания в таких языках настолько отличаются от привычных, что обучение начинается с нуля, так как учащимся приходится овладевать совершенно новыми моторными навыками.

В преподавании иероглифики – как для будущих китаистов, так и для японистов – акцент делается на преодолении именно графических сложностей, т.к. проблема различения фонем и отображения их на письме в иероглифической письменности не является актуальной.

В качестве типичных ошибок написания иероглифов называются нарушение общих пропорций иероглифа (ошибка на уровне формы), нарушение соотношения формы ключей (ошибка на уровне структуры иероглифа), нарушение на уровне отдельных черт [Завьялова, Куратченко, 2018, с. 151-152]. Для того, чтобы избежать подобных ошибок, предлагается: а) постоянно возвращаться к уже изученным графемам (чертам и элементам иероглифов), б) прописывать иероглифы по чертам как при знакомстве с иероглифом, так и при разборе ошибок, допущенных при выполнении заданий, в) отдельно прописывать порядок черт

иероглифа [Стародубцева, 2011, с. 63]. В статье Н.С. Стародубцевой отмечается также вероятность «закрепления» ошибки при автоматическом написании иероглифа [там же]. Мы хотим также отметить такое явление, как усиление появившихся в процессе работы над иероглифическими прописями ошибок, для чего предлагаем использовать термин «накопленная ошибка».

А.И.Сергеева в статье о преодолении трудностей графического уровня при изучении иероглифов указывает на необходимость понимать правильное начертание отдельных черт и последовательность их написания, а также отличать ошибки от погрешностей (вариаций) написания [Сергеева, 2017, с. 190]. В качестве методов контроля за выработкой графических навыков А.И.Сергеева предлагает работу с отдельными элементами иероглифов (контрольные работы на знание правил и порядка написания черт, прописи), многоаспектные прописи, создание портфолио и презентаций о форме и структуре иероглифов и т.п. [Сергеева, 2019, с. 207-209].

Литература:

- [1] *Завьялова Т.Г., Куратченко М.А.* Типичные ошибки при написании китайских иероглифов русскоязычными студентами начального уровня обучения // Восток - Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков. Материалы Международной научно-практической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения. 2018. С. 151-153.
- [2] *Сергеева А.И.* Методика обучения иероглифической письменности: преодоление графической трудности. Уровень черт // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы X юбилейной международной научной конференции к 75-летию Валерия Степановича Борисова. 2017. С. 190-193.
- [3] *Сергеева А.И.* Методы контроля в процессе обучения японской письменности с точки зрения когнитивного подхода к обучению // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 19. Материалы международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве». 2019. С. 199-211.
- [4] *Стародубцева Н.С.* Методика обучения китайской иероглифике // Проблемы преподавания китайского языка: пути решения и перспективы. Международный научно-практический семинар: сборник статей. Ответственный редактор: А.В. Шатравка. 2011. С. 60-64.
- [5] *Хавченко А.Н., Дубровина Т.И.* Экспериментальное изучение каллиграфического навыка у детей младшего школьного возраста // Инновационные научные исследования. 2021. № 6-3 (8). С. 205-214.

Принципы личностно-ориентированного обучения в контексте формирования навыка говорения на арабском языке (начальный этап)

Савватеева Т.С.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преподаватель кафедры арабской филологии

savvateevats@ty.msu.ru

Настоящий доклад посвящен изложению некоторых методических принципов, которые легли в основу практических материалов, используемых на занятиях по арабскому языку для запуска и развития навыка говорения на начальном этапе обучения.

Цель данной работы – опираясь на коммуникативную методику в преподавании иностранного языка и личностно-ориентированный подход в обучении, интегрировать в учебный процесс деятельность по развитию навыка говорения на арабском языке так, чтобы обеспечить повышения эффективности аудиторной работы в рамках отведенного программой по ОВЯ времени и в соответствии с предъявляемыми ею требованиями.

Крупный отечественный методист Е.И. Пассов считал, что обучение иностранному языку должно быть организовано так, чтобы по основным своим качествам, чертам оно было подобно процессу общения. Коммуникативность предполагает, что обучение общению происходит в адекватных для самого процесса общения условиях, а именно: учет индивидуальности каждого учащегося, речевая направленность процесса обучения, функциональность обучения, ситуативность общения, постоянная новизна процесса обучения [Пассов, 36]. Наша задача состоит в том, чтобы подобрать наиболее эффективные методические приемы для освоения базовой грамматики литературного арабского языка (ЛАЯ) и формирования базового лексического запаса при *параллельном* запуске навыка говорения на ЛАЯ – в формате монологической и диалогической речи. Довольно ощутимый прогресс при выполнении данной задачи помогают достичь следующие приемы:

1. организации с первых занятий регулярного, хотя бы 5-минутного, *непрерывного* общения преподавателя со студентами *на арабском языке* на материале пройденных тем; тематика общения, как показывает практика, имеет значение;
2. использование паралингвистических средств передачи информации;
3. использование базовых ситуативных фраз с первых занятий – на арабском языке: приветствие, прощание, простые просьбы, переходные фразы от одного вида деятельности к другой;
4. использование каждой возможности для повторения ранее встречавшихся ситуаций общения, даже если это происходит во время выполнения заданий по грамматике; и др.

Личностно-ориентированный подход строится на признании педагогом субъектной роли учащегося в процессе обучения и максимальном задействовании его личности

(мотивации, субъективного опыта, рефлексии). В ряде статей, посвященных вопросу развития коммуникативного навыка при изучении иностранного языка, особое внимание уделяется именно психологической поддержке учащегося со стороны преподавателя. Ориентируясь на личностный рост учащегося, преподаватель может помочь ему отказаться от стратегии избегания неудач в ходе общения на иностранном языке. Необходимо относиться к студенту не только с позиции учета его индивидуальных особенностей при выборе методики работы с ним, но с позиции развития его активной субъектности [Метелева, 354].

Представляется, что данные теоретические положения могут быть применимы в ходе разработки материалов для проведения занятий по аспекту «Беседа» посредством:

1. выстраивания хронологии появления тем для обсуждения с учетом возрастных и психологических потребностей аудитории;
2. выстраивания определенной логики появления заданий по теме, с максимальной опорой на устную форму общения и следуя принципу «представление материала – отработка материала – закрепление материала»;
3. введения разноуровневых заданий (в том числе, творческих), предполагающих, помимо индивидуальных устных выступлений, обсуждение в парах и группах.

В связи с этим, выбор тем для беседы осуществляется таким образом, чтобы они, с одной стороны, помогали учащимся выразить свою индивидуальность, а с другой стороны, были максимально нейтральны для комфортного обсуждения в относительно новом коллективе. Заложённая в коммуникативном подходе функциональность предполагает, что как лексика, так и грамматические формы усваиваются в ходе выполнения учащимся поставленной речевой задачи. Принципиально важным проявлением функциональности является отбор и организация материала на основе ситуаций и проблем общения, которые интересуют учащихся определенного возраста.

Литература:

- [1] *Метелева Л.А.* Психологическая поддержка развития субъектной активности студентов в процессе обучения иностранному языку// *Азимут научных исследований: педагогика и психология.* Т.7. № 3(24), 2018.
- [2] *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1985.
- [3] *Рабочая программа* учебной дисциплины «Основной восточный язык (арабский)». Рекомендуется для направления подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика». Квалификация (степень) выпускника: бакалавр. М., 2016.

Поиск русско-тагальских эквивалентов при обучении переводу

Фролова Е. Г.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии
fegt@inbox.ru

Перевод как вид речевой деятельности используется при обучении иностранному языку практически с первых занятий. В упражнениях перед учащимися ставится задача поиска эквивалентов лексем, словосочетаний и т.д. одного языка в другом. Однако при этом следует учитывать, что эти лексемы и словосочетания принадлежат разным языковым системам, и каждый язык по-своему отражает картину окружающего его мира. Вследствие этого так называемые лексические эквиваленты в разных языках часто содержат разный набор семантических и грамматических единиц. Поэтому при подборе таких эквивалентов или, точнее, переводческих соответствий, поясняя различия в предметно-логическом (денотативном), коннотативном и внутрилингвистическом аспекте семантики слова, преподаватель может объяснять студентам особенности изучаемого языка и культуры его носителей.

Различия в русском и тагальском языках можно демонстрировать студентам, начиная с самой простой ядерной лексики, с которой мы обычно и начинаем изучать иностранный язык, например, с указательных местоимений. Если в русском они имеют две степени удаленности, то в тагальском их три: (1) близко к говорящему 'это' *ito, iri (yari)*, (2) далеко от говорящего, но близко к слушающему 'то' *iyan*, (3) далеко от обоих участников разговора 'то' *iyon (yaon)*. Таким образом, при переводе этих местоимений с русского языка для правильного выбора тагальских соответствий нам необходимо более точное указание на местоположение объекта.

Похожая ситуация складывается и при переводе личного местоимения 1-го лица множественного числа 'мы', которое в тагальском имеет инклюзивную форму *tauo*, включающую слушающего, и эксклюзивную *kami*, исключаящую его. В русском языке таких форм нет, то есть при переводе этих личных местоимений с тагальского на русский мы теряем часть информации, а при переводе с русского на тагальский нуждаемся в дополнительной информации.

Большие различия наблюдаются и в терминах родства в русском и тагальском языках. В русском термины родства всегда включают в себя семы, обозначающие степень родства и пол. В тагальском указание на пол включено в семантику термина только при указании на родство по восходящей линии от младших к старшим, например: 'мать' *iná*, 'отец' *atá*, 'тётя' *ti[y]a*, 'дядя' *amaín*, 'дед' *apò*, 'бабушка' *imró*. То есть для этой группы терминов есть эквиваленты в тагальском и русском. Однако при указании на родственников по нисходящей линии от старших к младшим обозначение пола не включено в семантику этих

терминов в тагальском языке. Грамматического рода в тагальском тоже нет, поэтому лексемы ‘сын’ и ‘дочь’ переводятся одним словом *anák*, ‘внук’ и ‘внучка’ - *apó*, ‘племянник’ и ‘племянница’ - *ramangkin*, ‘зять (муж дочери)’ и ‘сноха (жена сына)’ - *manugang*.

Не имеет значения пол и при указании на родственников, относящихся к одному поколению, например лексемы ‘брат’ и ‘сестра’ можно переводить словом *kapatid*, ‘двоюродный брат’ и ‘двоюродная сестра’ – *pinsan*, ‘муж’ и ‘жена’ – *asawa*.

Старшинство настолько важно для тагалов, что в тагальском указание на пол включено в семантику терминов, означающих старших братьев и сестер, хотя они принадлежат к одному поколению, например: ‘старшая сестра’ *ate*, ‘вторая по старшинству сестра’ *ditse*, ‘старший брат’ *kuya*, ‘второй по старшинству брат’ *diko*. В данной группе терминов в тагальском объединены в одной лексеме семы родства, пола и старшинства, а в русском эти термины переводятся словосочетанием.

Термины родства, как известно, относятся к древнейшему слою лексики любого языка и отражают языковую картину мира его носителей. Если в русском языке невозможно обозначить родственников, не указав их пол, то при переводе на тагальский приходится или терять часть значения лексемы или использовать определительное словосочетание с лексемами ‘женщина’ *babae* или ‘мужчина’ *lalaki*, например: ‘сын’ *anák na lalaki*, ‘дочь’ *anák na babae* и т.д.

Флективный русский язык и агглютинативный тагальский имеют очень большое количество системных различий, многие значения передаются в них разными способами, например в русском – это может быть лексическая единица, а в тагальском – это слово- и формообразующие аффиксы, например, каузативность, часто выражаемая в русском языке словосочетаниями с лексемами ‘заставить или приказать сделать что-то’, в тагальском обозначается префиксом *pa-*, например: ‘приказывать арестовать’ *magpahuli*, ‘приказывать сделать’ *ipragagawâ*; ‘приказывать убить’ *ipapatáy* и т.д. Каузативные глаголы, имеющие значение ‘вызывать какие-либо чувства’, в тагальском строятся с помощью префикса *maka-* например: ‘вызывать стыд’ *makahiyâ*, ‘вызывать отвращение’ *makasuyâ* и т.д.

И таких русско-тагальских переводческих соответствий, которые включают в себя лексемы одного языка и словосочетания другого, существует множество, а подбор таких соответствий дает возможность анализировать семантику и грамматику как отдельных лексем, так и систему изучаемого языка в целом и ту картину мира, которую он описывает.

Обучение восприятию особенностей газетных заголовков на русском языке и их переводу на китайский

Юй Цзе

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской филологии
kaqusha686@yahoo.com*

В эпоху глобальной конкуренции и сотрудничества растет значимость СМИ как одного из инструментов проведения «мягкой силы» государства, что делает одной из весьма актуальных задач обучения иностранным языкам, в том числе и китайскому, формирование у обучающихся навыка межкультурной коммуникации в сфере медиадискурса на обучаемом языке. Поставленная задача выполняется в рамках программы дисциплины «Теория и практика перевода» по китайскому языку в ИСАА для студентов старшего курса бакалавриата, у которых одной из профессиональных компетенций является перевод на китайский язык текстов культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера различной функциональной направленности. Весомую долю среди материалов для практики учебного перевода составляют неадаптированные тексты из современной российской прессы.

В зависимости от содержания текста (новость и аналитическая статья) заголовки различаются в структурно-функциональном и лингвокультурном плане и создают разные типы проблем при переводе.

Первый тип проблем возникает при переводе новостных заголовков, чаще всего заголовков-хроник, заголовков-бегущих строк, которые направлены на анонс событий, представленных в основных текстах. Такие заголовки в большей степени ориентированы на то, чтобы быстро донести суть новостей до аудитории, ограничиваясь сугубо фактической информацией, поэтому представляются они сложными для перевода только на лингвистическом уровне, что характерно встречается у студентов в основном на начальном этапе освоения преподаваемой дисциплины. В качестве примеров можно привести: *Минцифры пообещало 5G на отечественном оборудовании к 2025 году* (rg. ru, 05.03.2023) (в переводе: 数字部承诺到 2025 年国产设备将 5G 化); *В Москве вырастут пенсии и соцвыплаты* (rg. ru, 21.12.2023) (в переводе: 莫斯科将提高养老金和社保费). Из-за того, что существуют несколько вариантов перевода лексики и грамматических конструкций, обучающимся сложно выбрать правильный по грамматике или подходящий по стилю вариант.

Второй тип проблем, с которыми студенты сталкиваются при выполнении перевода, – это использование в заголовках многозначных слов, недосказанных выражений, трансформированных языковых прецедентов, цитат. Они выполняют не только функцию

информирования, но и воздействия на психику читателей, привлекая их внимание с помощью интриги, шутки, языковой игры, авторитета знаменитостей и т. д. Эти журналистские тактики действуют на основе определенной языковой картины мира потенциальной аудитории, при этом принимается в расчет ее национально-культурная идентичность. При различии образа жизни, истории, культуры, национального характера и других экстралингвистических факторов бывает весьма сложно сохранять эквивалентность русскоязычных заголовков при их переводе для китайской аудитории. Такие заголовки вызывают сложности в основном в следующих случаях: в первом случае, когда одно и то же событие, описываемое и оцениваемое в заголовке, может по-разному восприниматься в русском и китайском лингвокультурном сообществе. Например: «*В Московской области открылись первые магазины для жадных*» (rg. ru, 05.03.2023). Основной текст сообщает об открытии магазина формата «жесткий дискаунтер», где имеется большой выбор дешевых товаров для экономных людей. Такой формат магазина, согласно источнику публикации - «Российской газете» - также популярен в Европе. В основном тексте не чувствуется иронии автора по отношению к людям, которые предпочитают экономить деньги. Поэтому можно предположить, что автор заголовка хочет создать юмористический эффект с помощью слова «жадный», но в китайской языковой среде его воспримут вероятнее всего негативно, а не положительно, а экономные люди могут обидеться при виде такого заголовка. Во втором случае, когда русские выражения сталкиваются с лингвокультурными «лакунами» в китайском языке, например: «*Яблочный порог. Посредники отказываются от поставок iPhone в РФ*» (Известия. 03.03.2023). Поскольку в китайской еде нет «яблочного пирога», первую часть данного заголовочного комплекса невозможно сохранить в переводе как языковую игру, как задумал автор.

Трудности при переводе творческих заголовков с русского на китайский обычно испытывают студенты на продвинутом этапе изучения предлагаемой программы. Задача преподавания заключается в том, чтобы обучающиеся набрали достаточный лингвистический и культурный запас для переводной трансформации реалий в соответствии с требованием функциональной направленности. Например: *В списки значились. У Трампа появился первый конкурент на праймериз* // Известия (15.02.2023). Специально ненормативное трансформированное выражение представляет собой языковую игру, что могут хорошо понять и удачно перевести русскоязычные студенты, имеющие достаточные знания фразеологии, чтобы сохранить эстетический и эмоциональный эффект заголовка.

**Круглый стол «Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам:
особенности методики на современном этапе»**

Руководитель к. филол. н. доцент Воронцова М.В.

**Норма и вариативность английского языка в странах Азии: теория и практика
преподавания**

Воронцова М. В.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент, заведующий кафедрой западноевропейских языков

В преподавании английского языка традиционно обсуждаются проблемы соответствия подходов и методов преподавания современным стандартам образования. Изменения в геополитики, произошедшие в последнее время, ставят вопрос и о самом предмете преподавания, а точнее, о том, какой английский мы преподаем. Традиционно в России всегда преподавали английский в его британском стандарте, используя аутентичную литературу (до повсеместного распространения Интернета, в основном, художественную) либо учебники ведущих английских издательств.

В англистике традиционно принято говорить о двух конкурирующих нормах – британской и американской. Норма определяется 4 основными признаками: распространенность, общеупотребительность, общеобязательность, соответствие употреблению, обычаю и возможностям языковой системы. Соответствует ли язык, представленный в британских учебниках общеобязательной, общеупотребительной и распространенной норме? Ответом на этот вопрос является появление нового термина, а, следовательно, и стандарта – международного английского [1]. Его основное отличие – отбор лексики по частотности употребления и сокращение числа идиом, столь характерных для английского языка. Основная цель – сделать английский рабочим языком для представителей многих культур и носителей разных языков, сократить срок преподавания и сделать преподавание английского более удобным. Возникает еще более упрощенный вариант английского – так называемый Global English, который содержит около 1500 наиболее употребительных слов и несколько упрощенную грамматику.

Распространение английского языка, активное использование которого связано сначала с колониальной политикой, а затем с глобализацией, привело к появлению значительного количества национальных вариантов английского языка, например, в Индии, арабских странах, в странах Юго-восточной Азии, в Африке. Во многих странах английский стал одним из государственных языков (в Азии 24, в Африке 11). Встал лингвистический вопрос: считать ли эти вариативные языки допустимым вариантом английского или плохо выученной британской (американской) нормой. Ряд ученых-лингвистов (Дэвид Кристал, Качру) считают,

что не носители английского имеют такое же право считать английский своим достоянием [2,3]. Другие настроены критично, предлагая «не коверкать» норму, допуская при этом существование вариантов – британского и американского стандартов, австралийского и канадского вариантов. Основой второй точки зрения является признание «правильного» английского только у носителей языка, для которых он является первым и основным языком коммуникации, полученным от родителей, а не выученным тем или иным способом. Отвергая эту точку зрения как «колониальную», сторонники вариативности английского создали журнал “World Englishes”, пропагандируя изучение всех вариантов английского, распространенных в том числе в странах Азии и Африки.

Варианты, представленные в странах Азии и Африки, отличаются во всех сферах языковой системы. Максимальные отличия представлены в фонетике, немало их и в лексике, наиболее консервативная сфера – грамматика. Стилистические отличия фиксируются в значительном количестве вариантов, что связано с влиянием стилистики родного языка и ориентацией на реципиента, для которого стилистика родного языка более понятна, чем английская. В самих странах, где английский является государственным или достаточно распространен, выделяют как правило две разновидности английского: английский привилегированных слоев населения («элитный» английский) и английский, который часто используют как язык межнационального общения внутри страны. В первом случае язык более приближен к британскому стандарту, но включает в себя многие новые элементы, связанные с национальной культурой. Во втором случае это очень упрощенный английский со значительным вкраплением слов восточных языков, сильно упрощенной грамматикой и сильным фонетическим искажением относительно британского стандарта.

Целью современного преподавания английского необходимо считать успешную коммуникацию не только в странах, где английский распространен в британском или американском стандартах, но и в странах Азии и Африки. Преподавание иного стандарта, кроме общепринятого международного (либо британского), вряд ли возможно за пределами страны, где он распространен. Важным является включение в преподавание самого принципа вариативности в лингвистическом и культурном контекстах. Прослушивание аудио текстов, где говорят не носители языка, позволит приучить студентов к фонетической вариативности. Чтение местных масс-медийных текстов или отрывков из художественной литературы, написанной на английском не носителями языка, даст представление о некоторых лексических отличиях, о влиянии местных языков. Без знания местных реалий в их английской интерпретации невозможна успешная коммуникация с местными жителями. Характерные черты культуры народов стран Азии и Африки должны стать важной частью курсов английского языка, начиная с уровня B1-B2.

Литература:

- [1] *Кочетова М.Г.* Вариативность в современном английском языке в лингвокультурном контексте. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №3. С.73-79.
- [2] *Cristal D.* English as a global language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 153 p.
- [3] *Kachru B.B.* Standarts, codification and sociolinguistic realism: the English language in the Outer Circle. // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures. Ed. by R.Quirk and H. Widdowson. Cambridge. 1985. P.11-30.

Английский язык в Индии как неотъемлемая часть концепции «World Englishes»

Зиза М.В.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, ст. преподаватель кафедры западноевропейских языков
zizamarinav@gmail.com*

Английский язык — самый изучаемый и используемый язык в мире. В той или иной степени им владеют практически во всех странах, так как используют его в качестве родного или приобретенного рабочего средства для коммуникации при поиске работы, получения образования, создания произведений творчества.

Исторически, распространяясь по земному шару, английский язык оказывал влияние на другие языки и культуры, местные литературные формы, создавая «диаспоры английского языка». По теории Б. Качру, происходил процесс «англизации». Но и английский язык, и его варианты, претерпевали изменения в его языковой и культурной составляющей, результатом которых стали процессы «нативизации» и «аккультурации» [2]. В период создания британского колониального господства - Раджа – сферой трансплантации английского языка стали Южная и Юго-Восточная Азия, а также Южная, Западная и Восточная Африка. Результатом этого процесса стали индийский английский, африканский английский, сингапурский английский и многие другие. «World Englishes» сформировались на своей уникальной языковой, социальной и культурной почве [1]. Согласно Б. Качру, они претерпели «языковое перерождение», освободились от канонов, регламентирующих стандартный английский язык [2].

Подготовка специалистов, овладевающих английским языком, должна обеспечивать хорошее понимание того, что мировые варианты английского языка, в том числе индийский

вариант, используются в международном сотрудничестве как средство профессионального делового общения [3].

Индийский английский начал свое зарождение в начале XVII века - времени появления Ост-Индской компании на полуострове. С начала XIX века его стали преподавать в школах и высших учебных заведениях, и к середине века уже появились первые билингвы. Это, в основном, были представители молодой интеллигенции, которые были образованы и воспитаны по образцу западной цивилизации и увлекались всем «английским». Данные процессы поддерживались государством и постепенно английский приобрел позицию власти и «новой элитарности» [1]. С принятием Конституции в Индии, по которой английский язык стал вторым официальным языком государства ('associate official language'), он стал в настоящее время использоваться как официальный в различных сферах - государственном управлении, юриспруденции, в среднем и высшем образовании, в СМИ, туризме, бизнесе и т. д. [2].

По мнению критиков, литературные произведения, написанные индийскими писателями на английском языке, также имеют большое значение в создании индийского варианта английского языка. Результатом трудной, но плодотворной работы писателей на данном творческом поприще стал присвоенный этой литературе термин "Indian Writing in English" [4]. Это произведения литературы, которые были написаны, в основном, молодыми представителями интеллигенции, получившими образование на английском языке, но родным языком для них были различные языки и диалекты Индии. Ввиду этого для произведений характерен ярко выраженный языковой и культурный колорит, который проявляется на разных уровнях текста и смысла - фонетическом, лексическом, грамматическом, понятийном и других.

В произведениях индийских писателей затрагиваются самые разнообразные темы – тема социальной несправедливости, национально-освободительного движения, отношений между представителями разных каст и религий, жизненные ценности разных слоев населения и профессий. При этом индийские авторы, являясь носителями национального языка и культуры, органично вплетают в текст на английском языке исконно индийские понятия, идиомы, шутки, обороты речи и междометия. Все это является частью индийского варианта английского языка и представляет ценный материал для изучения как в языковом плане, так и в историко-культурном.

Литература:

[1] Курченкова Е.А. Английский язык в истории Индии: история и актуальные проблемы. <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-v-indii-istoriya-i-aktualnye-problemy>

Дата обращения 27.02. 23

[2] Качру Б.Б. Мировые варианты английского языка: агония и экстаз (пер. Т.А. Иванковой) Личность. Культура. Общество. – 2012. Т. 14. Вып. 4 (75-76). С. 145-165.

[3] Подстрахова А.В. Проблемы регионального варьирования языков в эпоху глобализации (на примере современного английского языка)// Intercultur@lnet. 2003. Вып. 2. URL: www.vfnglu.wladimir.ru). Дата обращения 25.02. 23

[4] Dr. Joginder Singh Ahlawat. Historical Background of Indian writing in English. https://www.academia.edu/27498984/HISTORICAL_BACKGROUND_OF_INDIAN_WRITING_IN_ENGLISH. Дата обращения 28.02. 23

Практическое использование корпуса в преподавании иностранного языка

Кононова Т. Л.

*ИСАА МГУ имени М. В Ломоносова, ст. преподаватель кафедры западноевропейских языков
tkononova.new@gmail.com*

За последние десятилетия стало стандартом при создании словарей, грамматик и учебников иностранных языков использовать корпус. Такие работы базируются не на авторитете эксперта, а на принципах частотности и сочетаемости языковых единиц и учитывают их вариативность [2]. Отчасти этот подход нашел отражение и в практическом преподавании. Так, в некоторых современных учебниках предлагается как дополнительное задание поиск и анализ в корпусе какого-то языкового явления.

Однако никак нельзя сказать, что культура обращения к корпусу в затруднительных случаях (при возникновении вопросов «Можно ли так сказать?», «Как используется это слово?») стала устоявшейся практикой. Опрос 20 студентов-востоковедов старших курсов, изучающих как минимум два иностранных языка, показал: 60 % не пользуются корпусом, 20% пользуются корпусом, 5% хотели бы пользоваться, но для их (восточного) языка ресурсов нет, 15% в качестве корпуса используют что-то схожее (поиск по авторитетному новостному сайту или простой интернет-поиск). Интересно, что те, кто пользуются корпусом, освоили этот навык на занятиях одним иностранным языком (где преподаватель прививал привычку изучать употребление нового слова в контексте), но потом перенесли эту практику и на другие языки (в том числе русский).

Так как же может быть полезен корпус преподавателю или его ученику?

Корпус – широкое понятие, и его возможности зависят от типа корпуса: *мониторинговый* *вэб* корпус полезен для изучения неологизмов, *параллельный* корпус – для

понимания особенностей перевода, *учебный корпус* (*learner corpus*) – для анализа типичных ошибок учащихся, а *национальный корпус* – для получения максимально репрезентативного и сбалансированного образа языка.

Также возможности корпуса зависят от добавленной разработчиками разметки и функционала. Зачастую можно задать *подкорпус* (по жанру, функциональному стилю, эпохе и другим параметрам), что позволяет изучать, например, специальную лексику. Поиск грамматических форм позволяет смотреть на языковые явления без привязки к конкретным словам. Поиск коллокаций и n-грамм с заданным ключевым словом выдает устойчивые сочетания. Даже самый простой поиск примеров с конкретным словом или словосочетанием дает материал для анализа употребления или фразы для составления упражнений.

Помимо этого, для работы со своей коллекцией текстов можно воспользоваться т. н. корпусным менеджером (например, AntConc [1]). Эта программа позволяет пользователю загрузить свои тексты и работать с ними как с корпусом: получить частотный список слов, искать примеры, находить устойчивые сочетания и коллокации, сортировать контексты по частоте и т. д.

Работа с выдачей корпуса в ходе учебного процесса обладает несколькими преимуществами. Преподаватель получает возможность быстро подобрать примеры под конкретную задачу и составить всевозможные упражнения: для анализа однотипных контекстов (например, вывести значение слова или описать управление глагола), для классификации разных контекстов (противопоставление времен, близких по значению слов и омонимов), упражнения, где ключевое слово опущено или фразы разбиты на две части по ключевому слову, для отработки пройденного материала.

Но главное, что обращение к корпусу ведет к большей автономии учащегося. Он не пассивно получает готовые правила и определения, а самостоятельно добывает знание после анализа полученных примеров. Достоинства такого индуктивного подхода многократно описаны в литературе [3]. Задача преподавателя – облегчить этот процесс.

Литература:

- [1] *Anthony L.* AntConc: A Learner and Classroom Friendly, Multi-Platform Corpus Analysis Toolkit. // Proceedings of IWLeL 2004: An Interactive Workshop on Language e-Learning, 2005, pp. 7-13.
- [2] *Hunston S.* Corpora in applied linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- [3] *McEney T., Xiao R.* What Corpora Can Offer in Language Teaching and Learning. // Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning. ed. Hinkel. Vol. 2 Lodon & New York: Routledge, 2010. pp. 364-380.

Место и функциональное использование английского языка в современном Израиле.

Макаева С.М.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, ст. преподаватель кафедры западноевропейских языков
isaa_kafedra@mail.ru*

Современный Израиль – многоязыковое государство. Официальными государственными языками в нем являются иврит и арабский. Но большинство населения владеет как минимум двумя (а то и тремя) языками. Иврит начал превращаться в современный разговорный язык лишь в начале 20-го века, до того в среде еврейских диаспор он был, в основном, языком религии и литературы. Только в начале 20-го века основателем гебраизма Элиэзером Бен-Йехуда началось возрождение иврита и превращение его в разговорный язык, насыщенный новыми словами и понятиями. Евреи, вернувшиеся на прародину из других стран, принесли с собой привычные им языки и диалекты, который они стараются сохранить. Третьим по популярности и употребительности является английский язык. [2]

Если иврит – это символ самоидентификации Израиля и средство коммуникации внутри его границ, то английский, не являясь официальным языком, – это ценный ресурс, широко используемый в профессиональной, социальной и культурной сфере. [4]

Нужно отметить, что английский язык в Израиле пережил свой период упадка. В первые годы после создания Государства Израиль в 1948 году лозунгом стало «Только иврит!», а дипломатическим языком стал французский. В конце 1960-х, после распада израильско-французского союза, его место занял более сильный израильско-американский союз, вследствие чего утраченный было статус английского языка был восстановлен. И вот сегодня английский язык – это основной язык международных отношений, хотя он и не разрешен для использования в дебатах в Кнессете и при разработке законодательства.

Официально английский язык не является государственным, как иврит и арабский, но в системе государственного образования знание английского является базовым требованием. В государственных школах английский преподается с третьего класса до старшей школы, и без сдачи устного и письменного экзамена по английскому является невозможно получить аттестат зрелости [1].

Без достаточно высокого уровня владения английским языком невозможно поступление в большинство университетов. Студенты, для которых английский является вторым языком, имеют несомненное преимущество над другими, для которых он третий или четвертый. Необходимость работать в университете с академическими текстами высокой сложности нередко требует от поступающих предварительной учебы на английских языковых курсах [3]. Для поступления и учебы в израильских университетах обязательно как минимум функциональное знание английского языка, так как, хотя курсы и преподаются в основном на

иврите, но учебная литература дается преимущественно на английском. Вследствие этого английский по умолчанию становится языком научной деятельности, на котором гораздо удобнее вести разговоры на научные темы, чем на иврите, языком, необходимым для публикаций, презентаций и устных докладов, и без которого невозможно получение ученой степени.

Хорошее знание английского языка в Израиле напрямую связано с социо-экономическим статусом человека в обществе и является показателем его образованности [4]. Это является следствием того, что разные слои общества в разной степени открыты для иностранных языков и их влияния, и образовательные программы светских и религиозных школ значительно различаются. Таким образом, светские израильтяне имеют больше возможностей успешного овладения английским языком, достигая в итоге более высокого социального и экономического статуса [1].

Запросы рынка труда также являются существенным стимулом к тому, чтобы учить и использовать английский. Способность работать с английским языком считается весьма ценным качеством для кандидата, претендующего даже на должность среднего звена, не говоря уже о высшем [4].

Все эти несомненные преимущества хорошего знания английского языка делают его в реалиях современного Израиля исключительно популярным и востребованным.

Литература:

- [1] Каков язык в Израиле // Проблемы и вопросы по миграции, эмиграции, иммиграции. Рекомендации и советы по решению вопросов миграции. 2022. URL: <https://vashasvoboda2.ru/azyk-izraila.html> (дата обращения: 25.02.2023)
- [2] На каких языках говорят в Израиле // Immigrant.Today. 2017. URL: https://immigrant.today/canada/12604-na-kakih-jazykakh-govorjat-v-israile.htm#content_top (дата обращения: 15.01.2023)
- [3] *Elana Shohamy*. The Weight of English in Global Perspective: The Role of English in Israel // ResearchGate. 2014. URL: <https://www.researchgate.net/publication/27011394> (дата обращения: 01.03.2023)
- [4] *Yael Reshef*. English in Israel: Sociolinguistic and Linguistic Aspects // ResearchGate. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/339325857> (дата обращения: 15.01.2023)

Особенности преподавания английского языка в учебных заведениях Саудовской Аравии

Полунина Т.С.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преподаватель кафедры западноевропейских языков
tatyana_polunina@mail.ru*

Данная работа посвящена некоторым особенностям преподавания английского языка как первого иностранного (EFL, English as a First Language) в учебных заведениях Саудовской Аравии. В первую очередь, автор говорит о том, что многие факторы формируют характер обучения EFL в Саудовской Аравии, такие как сообщество, культура, религия, методы преподавания и усвоения материала, а также основной язык учащихся – арабский [1]. Ключевым фактором является община Саудовской Аравии, для которой характерны коллективные и религиозно-племенные черты, она отличается сильными консервативными традициями, племенными союзами и семейными узами [3]. Стоит также отметить, что перечисленные особенности саудовского сообщества сделали его культуру устойчивой к изменению и принятию нового образа жизни, включая изучение английского языка несмотря на растущую потребность саудовцев в его изучении.

Многие исследования, в которых рассматривался этот вопрос, подтвердили широко распространенное заблуждение о том, что изучение английского языка может негативно сказаться на изучении родного языка – особенно в младшем возрасте – или может подорвать местную саудовскую культуру, обычаи и идентичность.

Особое внимание в процессе преподавания уделяется религии. Ислам, официальная религия в Саудовской Аравии, глубоко укоренился в саудовском обществе и культуре. Правила и предписания, регулирующие систему образования в Саудовской Аравии, основаны на данной религии. Саудовская Аравия - одна из немногих стран с отдельной школьной системой, которая юридически обязательна из-за исламского принципа, согласно которому места учебы и работы для женщин должны быть полностью отличны от таковых для мужчин. Вайзман объяснил однополое школьное обучение в Саудовской Аравии исламскими верованиями, которые остаются в основе системы образования, а также другими культурными, социальными и традиционными ценностями [5].

В первой части работы автор обратил внимание на ряд аспектов преподавания английского языка в школах Саудовской Аравии. В частности, в ней говорится о том, что несмотря на широко признанные преимущества раннего изучения языка, государственные начальные школы Саудовской Аравии вводят английский язык только в четвертом классе (в возрасте девяти лет), а не в первом классе (в возрасте шести лет) из-за ранее упомянутых опасений сообщества: обучение английскому языку негативно повлияет на исламскую или арабскую идентичность молодых учеников [4]. Стоит отметить, что по словам многих

исследователей использование родного языка в качестве языка обучения на курсах EFL отрицательно сказывается на изучении английского языка. Это подрывает коммуникативную компетентность учащихся, сводя к минимуму их знакомство с английским языком и практически не предоставляя им возможности практиковаться и общаться на изучаемом языке.

Следует отметить, что типичной чертой преподавания английского как в школе, так и в институте является доминирование учителя над процессом обучения. В условиях обучения в классе или в аудитории в Саудовской Аравии авторитет учителя принимается и уважается с большим почтением, а отношения ученик–учитель в высшей степени формальны, при этом разговор в классе или аудитории обычно происходит односторонне, от учителя к ученикам.

Английский язык особенно важен для развития экономики в Саудовской Аравии. Изучение английского языка в этой стране связано с продажей добытой нефти. Даже с учетом недавнего перехода от нефти как наиболее важного аспекта экономики Саудовской Аравии к экономике знаний из-за нестабильности нефтяного рынка английский язык остается важным [2].

В качестве альтернативы зависимости от нефтяных ресурсов, которые будут истощены в недалеком будущем, правительство Саудовской Аравии должно признать образование краеугольным камнем экономики, основанной на знаниях. Поэтому правительству следует инвестировать значительные средства в изучение английского языка и обеспечить стимулы для граждан Саудовской Аравии продолжать пользоваться образовательными возможностями в англоговорящих странах.

Литература:

[1] *AlHattab, A.* Self-esteem and writing achievement of Saudi EFL students in secondary schools // *Tibah Univeristy, Saudi Arabia.* - 2006. – PP. 335-336.

[2] *Alkahtani, A.* Learning styles of EFL Saudi college-level students in online and traditional educational environments // *Doctoral thesis. Indiana University of Pennsylvania, Indiana.* – 2011.- PP. 445-446

[3] *Al-Saraj, T.* Foreign language anxiety in female Arabs learning English: case studies // *Innovation in Language Learning and Teaching* - 2014. -№ 8. - PP. 257– 278.

[4] *Elyas, T.* The attitude and the impact of the American English as a global language within the Saudi education system // *Novitas-Royal.*- 2014. -№2 - PP. 28–48.

[5] *Wiseman, W.* The uses of evidence for educational policymaking: global contexts and international trends // *Review of Research in Education/* -2014.- № 34 - PP. 1–24.

Развитие навыка ведение исследовательской работы в курсе «Английского языка для магистров»

Халютина М.Е.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры западноевропейских языков

marinakhaljutina@rambler.ru

Одной из общепрофессиональных компетенций (ОПК), которой должен обладать выпускник магистратуры ИСАА, является способность использовать специализированные профессиональные теоретические и практические знания для проведения исследований. Одновременно с этим профессиональная компетенция (ПК) выпускника подразумевает научно-исследовательскую работу как одно из направлений профессиональной деятельности после окончания магистратуры [2].

Для решения задач по развитию профессиональных и общепрофессиональных компетенций при обучении магистрантов в ИСАА в курс «Английского языка для магистров» интегрирован раздел Skills [3], направленный на дальнейшее совершенствование исследовательских и профессиональных компетенций.

Принцип профессиональной направленности учебного материала состоит в том, что «изучение иностранного языка должно быть не самоцелью», оно должно стать «средством повышения уровня образованности и эрудиции в рамках своей специальности» [1].

Таким образом, перед преподавателем английского языка в магистратуре ставится задача, связанная с использованием иностранного языка как средства систематического пополнения не только своих общепрофессиональных знаний, но и как средства дальнейшего совершенствования навыка ведения исследовательской работы.

Учебный материал курса отвечает следующим требованиям: а) тексты должны быть аутентичными, разных стилей; б) материал должен содержать сведения о достижениях в различных сферах человеческой деятельности и о результатах научных исследований; в) материалы должны обладать коммуникативной ценностью, необходимой в ситуациях профессионального общения.

Образовательный процесс организовывается таким образом, что позволяет студентам тренировать общепрофессиональные навыки, т.е. делать презентации, исследовать проблемы обыгрывать различные ситуации, связанные с их будущей профессиональной жизнью.

Занятие по теме “Decisions, decisions”, на котором студенты участвовали в качестве испытуемых и исследователей, можно привести в качестве примера развития навыка ведения исследовательской работы. В роли членов контрольной группы студенты прошли тест о своём стиле общения с другими людьми. Далее они получили задание снять двухминутный ролик,

состоящий из выступления по теме с использованием активных грамматических конструкций. Видео материалы и результаты своего теста студенты отправили по электронной почте коллегам по группе. Во второй роли студенты анализировали и оценивали язык тела коллег по группе на материале видео роликов. Исследовательское задание состояло из двух частей. Первое задание подразумевало оценку языка тела членов группы с применением метода статистического анализа. Результаты необходимо было представить в графической форме (pie chart). Второе исследование заключалось в проведении сравнительного анализа результатов тестов, проведенных студентами в отношении себя и результатов объективной оценки исследователей. По результатам исследования студенты написали статистический отчет, несколько человек сделали презентации в классе.

Среди других примеров развития исследовательских и профессиональных навыков в курсе «Английского языка для магистров» можно назвать такие практикумы как создание эффективного поискового запроса в браузере для отбора источников для доклада и презентации; оценка сильных и слабых сторон аргументации; исследование стереотипов в отношении своей национальности со стороны иностранцев и поиск методов их преодоления; как стать эффективным членом интернациональной рабочей группы / коллектива.

В целом, языковая сторона курса «Английского языка для магистров» предполагает введение более сложного и одновременно профессионально ориентированного материала, формирующего более высокий уровень коммуникативных навыков и умений. Обучающийся погружается в ситуации профессиональной деятельности, межпредметных связей, что создает условия для дополнительной мотивации при изучении английского языка.

Литература:

[1] *Образцов П.И., Иванова О.Ю.* Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: Учебное пособие /Под ред. П.И. Образцова. Орел: ОГУ, 2005. - 114 с.

[2] *Федеральный Государственный Образовательный Стандарт. Уровень высшего образования. Магистратура. Направление подготовки. 41.04.03 Востоковедение и Африканистика, 2014.*

[3] *Rogers M. Open Mind Upper Intermediate Student's Book C1 / M. Rogers, J. Taylore-Knowles, S. Taylore-Knowles, Ingrid Wisniewska. – UK: Macmillan, 2015. – 184p.*

Проблемы восприятия английского языка в арабских странах

Чуваева Е.И.

В данной статье мы рассмотрим различные современные варианты и акценты английского языка, трудности, возникающие при понимании диалектов и акцентов на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, а также роль аудирования в изучении и в дальнейшем понимании звучащего иностранного языка при общении с носителями языка.

Главная трудность, с которой могут столкнуться изучающие английский язык — это акцент. Английский язык имеет различные акценты, такие как американский, британский, австралийский, канадский и т. д. Разновидности акцента могут вызвать проблемы у изучающих английский язык. Поскольку очень часто преподаватели, от которых ученики перенимают знание языка, сами говорят с акцентом, ученики тоже начинают говорить с акцентом.

Арабские учащиеся изучают английский как абсолютно новый для них язык, так как системы письма и грамматики совершенно разные, что делает процесс обучения более сложным, но это необходимо для общения и взаимодействия со сверстниками из разных стран. Иракские студенты, например, тратят много лет на изучение языка - от школы до университета, при этом они не очень хорошо говорят по-английски. Учащиеся утверждают, что они не могут говорить и выражать свободно свои мысли на английском и уверены, что у них нет никакого шанса практиковать язык в реальной жизни. Иракский народ вообще нельзя считать хорошим знатоком английского языка, особенно, когда речь идёт о навыках аудирования и говорения. Хотя иракцы начинают изучать язык в детстве, эффективность обучения остаётся нерешённым вопросом. Согласно исследованию, только 35% населения могут говорить на английском языке. В то же время в Саудовской Аравии представляется неэтичным и неприемлемым обучение с противоположным полом и обычно не рассматриваются женские темы или включающие изображения женщины [1, 2]. Хотя в Ираке дело обстоит иначе, поскольку оба пола учатся вместе и работают в академических группах в университетах, но есть также много тем, которые не следует поднимать, когда процесс преподавания языка является препятствием для понимания учащимися другой культуры и ее особенностей. Такие ограничения снижают лингвистическую активность и свободное общение на английском языке.

Студенты арабских стран сталкиваются с рядом проблем, которые мешают им общаться на английском, а именно: недостаточное знание языка, отсутствие мотивации, беспокойство и неуверенность, ограниченное знание английского языка и неэффективная методика обучения. Очень важна языковая среда и круг общения, в котором практикуется язык общения, также необходимо в значительной степени учитывать образовательную атмосферу

и свободу взаимодействия. Звуки арабского языка очень отличаются от звуков английского языка по форме произношения. Распространенной трудностью является скопление согласных, где две или более согласных встречаются вместе без гласного звука между ними. Арабские учащиеся обычно добавляют дополнительный гласный звук. Эти ошибки или неясное произношение вызывают непонимание, т.к. носитель языка может не знать об этих особенностях. Но часто бывает так, что речь арабов, говорящих на английском, звучит как цепочка невнятных звуков, к тому же, произносимых очень быстро. Звуки и интонации английского языка привычны нам с детства, так что при любой скорости произношения и акценте ухо «улавливает» привычные звукосочетания и интонации, а мозг интерпретирует их соответствующим образом. Соответственно человеку сложно «вычленять» из потока звуков речи собеседника отдельные слова, разделять фразы, «перевести» их соответствующим образом. Даже если его словарный запас достаточно велик, чтобы понимать эти слова, будь они написаны в виде текста, а на слух он может понять только общий смысл.

Как можно решить проблему с восприятием на слух языка?

Несмотря на все вышеперечисленные обстоятельства, решить возможную проблему понимания на слух английского языка достаточно просто: для того, чтобы воспринимать язык на слух, нужно «научить» ухо его слышать, а мозг — интерпретировать. А это достигается только путем практики — аудирования. Практика может быть получена несколькими путями.

Первый способ - нужно регулярно смотреть фильмы и слушать подкасты на английском языке. Фильмы есть на любой уровень восприятия. Аналогичным образом можно слушать песни на английском языке, стараясь вникнуть в их смысл. При просмотре фильмов и видеозаписей не рекомендуется использовать субтитры, поскольку мозг «отвлекается» на визуальный сигнал и перестает воспринимать в этот момент звуковое сопровождение. В данном случае цель тренировки — слушать, учиться не читать.

Второй способ заключается в непосредственном общении с носителем языка — по скайпу, через телефонные мессенджеры или иным любым из множества ныне существующих способов коммуникации. При этом желательно наличие видео, поскольку часто легче воспринимать язык, если видна мимика и движения губ собеседника. В настоящее время существует множество интернациональных социальных сетей, направленные на организацию «обмена языками».

Однако это требует непрерывной практики и внедрения новых методик обучения аудированию и говорению как наиболее востребованных при устной коммуникации.

Литература:

[1] *Галеева, А.Р.* Проблемы при изучении английского языка / А. Р. Галеева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 25 (420). — С. 295-298. — URL: <https://moluch.ru/archive/420/93381/>

[2] *Тулеубаева С.А.* О современной языковой ситуации в арабских странах // Арабистика Евразии. 2019. №8. С. 45-56

Сдвиг парадигмы в преподавании английского языка в новых геополитических реалиях

Шихзаманова Л.Э.

ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, ст.преп. кафедры западноевропейских языков

l.e.shikhzamanova@rambler.ru

В настоящее время миропорядок последних десятилетий стал стремительно меняться, и это неизбежно затрагивает практически все сферы деятельности, в том числе преподавание иностранных языков. На сегодняшний день, когда англо-саксонский мир занимает недружественную по отношению к Российской Федерации позицию, активно происходит поворот на Восток, и роль английского языка хотя и остаётся немаловажной, но приобретает несколько иное значение.

Перспектива использования английского языка лежит, главным образом, в области международной коммуникации в восточных регионах, где он может выступать в качестве лингва франка, или языка международного общения, и на мировой арене, где английский язык является одним из рабочих. В данном случае широко распространённым становится глобальный вариант английского языка [2], и на первый план выходит не столько различие великого множества синонимов и умелое употребление идиом (что, однако, никогда нельзя назвать лишним), сколько умение эффективно взаимодействовать с представителями разных стран [1]. В произношении студентов намного чаще стала прослеживаться национальная идентичность. Если раньше нормой являлся британский стандарт (British Standard) и постановке произношения у учащихся отводилось немало времени, то на данный момент этот аспект владения языком едва ли можно назвать приоритетным.

В контексте изучения английского языка востоковедами необходимым является знание национальных, культурных и религиозных особенностей восточных народов, их этикета, а также табуированных тем, чтобы не оказаться в неудобной ситуации или не спровоцировать конфликт, задав безобидный, на наш взгляд, вопрос. В данном случае английский язык становится отличным инструментом для изучения восточных культур, в частности, этикета каждой отдельно взятой восточной страны, особенностей общения, менталитета народов, её населяющих.

Литература:

- [1] *Acar, A.* (2006). “Models, Norms and Goals for English as an International Language Pedagogy and Task Based Learning”. *The Asian EFL Journal*, Volume 8. Issue 3, Article 9.
- [2] *Grzega, J., Stenzenberger, S.* (2011). “Teaching Adults Intercultural Communication Skills with Basic Global English” (BGE) in: *Journal for EuroLinguistiX* 8: 34-131.

Реализация технологии CLIL на занятиях по английскому языку в группах магистрантов-историков и политологов

Шихзаманова Т.Н.

*ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. преподаватель кафедры западноевропейских языков
m_yakushev@mail.ru*

CLIL (Content and Language Integrated Learning) – термин, введенный в научный оборот Дэвидом Маршем (Университет Ювяскюля, Финляндия) в 1994 году, – относится к обучающим методикам, где «предметы полностью или частично преподаются посредством иностранного языка с двойной целью, а именно: изучение предметного содержания и одновременное изучение иностранного языка» [1.]. В русском варианте этот термин звучит как предметно-языковое интегрированное обучение.

Интеграция является одним из самых значительных инновационных явлений в образовании. Как справедливо отмечает В.Ф. Тенищева, «интеграция обеспечивает движение педагогической системы к ее большей целостности и как результат приводит к повышению уровня образовательного процесса, что выражается в формировании необходимых компетенций/компетентности обучающихся» [2, с.69].

Следует отметить, что Государственный образовательный стандарт высшего образования требует учета профессиональной специфики при изучении иностранного языка, его нацеленности на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников. Таким образом, профессионально ориентированное преподавание иностранных языков является одной из основных задач, поставленных перед высшей школой. В этой связи нельзя не отметить, что предметно-языковое интегрированное обучение позволяет более эффективно готовить студентов к профессиональной деятельности.

При использовании данной технологии следует принимать во внимание, что CLIL обеспечивается не только интегрированием дисциплин, но и слиянием методов, форм и организации учебного процесса.

В рамках CLIL языковое развитие происходит естественным путем. В процессе подготовки к занятию, а также на самом занятии обучающиеся осваивают большой объем материала на иностранном языке в различных презентациях, что представляет собой полноценное погружение в иноязычную среду. Используя иностранный язык в процессе изучения какого-либо предмета, студенты забывают о языке как таковом и сосредотачиваются только на содержании, что способствует естественному усвоению иностранного языка. Именно эта естественность является главным преимуществом применения технологии CLIL.

В рамках практической реализации технологии CLIL был создан курс «Английский язык для II курса магистратуры по направлению «История стран Азии и Африки». Он содержит материал по истории, истории Востока и политологии, представленный в различных формах. Основу составляют лекции и статьи специалистов в области истории, истории Востока и политологии на английском языке с заданиями, нацеленными на совершенствование и систематизацию знаний и умений магистрантов, развитие навыков устной речи и письма, понимания звучащей иноязычной речи, а также на формирование навыков общения с аудиторией и ведения дискуссии на английском языке. Магистранты также получают возможность совершенствовать навыки реферирования и перевода. Еще одной важной составляющей является обогащение словарного запаса, в том числе терминологией по специальности на английском языке.

В заключение необходимо отметить, что курс был апробирован в группах магистрантов-историков и политологов второго года обучения.

Литература:

[1] CLIL: классика или новинка языкового обучения? [www.novator.team/post/1045> access 24.02.23].

[2] Тенищева В.Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. М., 2008.

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК

Типология сакральных пространств в общинах Христианского Востока и их эволюция (на примере Египта)

Войтенко А.А.

Центр египтологических исследований РАН, ведущий научный сотрудник,

voytenko@yandex.ru

Прежде, чем начать разговор на эту непростую тему, следует определиться с масштабом. На наш взгляд, наиболее верным будет уровень церкви и монастыря как двух базовых типов христианского сакрального пространства в социологическом плане. Более сфокусированная «оптика» (алтарь внутри церкви и храм внутри монастыря) уводит проблему в трубку мелкоскопа, хотя здесь есть свои удивительные нюансы. Например, обычай египетских монахов поздней Античности выделять одно из помещений своего жилья в качестве места, предназначенного только для молитвы и отдыха (что подтверждается как текстами, так и археологическими данными) находит свою прямую параллель в практике современных коптских монастырей. При расширении исследовательской перспективы сакральных пространств до городов и областей будет размываться базовый уровень, хотя и здесь можно найти немало интересных тем: в частности, необходим сравнительный анализ городской топографии (в каких именно частях города были расположены церкви и монастыри) или исследование типов монастырской топографии в сельской местности.

Поздняя Античность представляла собой уникальную ситуацию, когда, наряду с храмом и монастырем, существовал и еще один феномен, который можно было бы назвать «пространством святых», причем он очевидным образом стремился к тому, чтобы быть автономным. Можно указать два типа таких «мест силы»: места, центрированные вокруг святых мощей (в основном, это реликвии мучеников первых трех веков), и живые святые (в основном, это монахи), на которых смотрели как на «божественное сокровище, сокрытое в человеческих сосудах» (*Hist. mon. Prol. 3*) [3, с. 6]. Наиболее известным примером первого типа был комплекс Абу Мины, а доказательства существования второго без труда обнаруживаются в «Истории египетских монахов» или «Житии св. Онуфрия», представляющих собой описания путешествий (паломничеств) не к святым местам, а к святым людям. Причины этого феномена следует, вслед за П. Брауном, искать в сути самой поздней Античности как переходного периода, когда при эрозии старых институтов и еще только кристаллизации новых считалось, что средоточием сверхъестественного являются отдельные люди [4, р. 151].

Соответственно, с окончательным переходом к Средневековью, или, если пользоваться терминологией П. Брауна, победой безличных агентов (*impersonal agents*) над людьми,

произошло выравнивание траектории: «пространство святых» потеряло свою автономию и встроилось в новые структуры, целиком распределившись между церковью и монастырем. На христианском Западе второй тип (живой святой) исчез очень рано, зато первый (реликвии) стал элементом легитимации церковных институтов. На византийском Востоке, в силу ряда его специфических черт, второй тип продолжал жить, но, скорее, как рудимент.

Христианский Восток, точнее те его регионы, которые попали под власть ислама, демонстрируют третью модель, отличную от первой и второй. Безусловно, можно говорить о том, что автономность «пространства святых» исчезает и здесь, но два других сакральных пространства (храм и монастырь) приобретают новые функции. Помимо сакральной составляющей, они становятся еще и пространствами этнорелигиозной коммуникации и социализации. Наиболее четко это можно увидеть в периоды религиозного подъема коптской общины Египта. Если о событиях XII в. нет достаточного количества данных, то в событиях XVIII в. и, особенно, во вт. пол. XX в. роль храма и/или монастыря как фактора коммуникации и социализации видна достаточно четко [см. 2, с. 276-277].

Типологически этот феномен схож с поведенческими стереотипами эмигрантов, пытающимися сохранить свою идентичность в иной этнокультурной среде (что хорошо видно на примере русской эмиграции первой волны) [см. напр., 1, с. 212-214].

Литература:

[1] *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. 374 с.

[2] *Войтенко А.А.* Приход или святцы? К вопросу о базовых элементах религиозной самоидентификации этноконфессиональных общин Христианского Востока // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 272–283 (DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.21>).

[3] История египетских монахов. Пер. Н.А. Кульковой. М., 2001. 127 с.

[4] Brown P. *Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles, CA; Oxford, 1989. 347 p.

Дамасский и ливанский центры силы в Антиохийской церкви при патриархе Феодосии

VI (1958–1970)

Копоть Е.М.

старший преподаватель МПГУ

Jenius1@yandex.ru

Возвышение Бейрутской митрополии внутри Антиохийской Православной Церкви (АПЦ) началось во второй половине XIX столетия. Во время патриарших выборов 1885 и 1891 гг. одним из основных кандидатов выступал бейрутский митрополит Гавриил (Шатилла). И только тяжелое физическое состояние престарелого иерарха не позволило ему в 1899 г. претендовать на патриарший престол. Если в течение последней четверти XIX в. рост влияния Бейрута сдерживался союзом иерусалимских греков из Святогробского братства и дамасского нобилитета, то с избранием в 1899 г. патриарха-араба Мелетия (Думани) данный фактор был нивелирован. Ливанская партия (Бейрут, Триполи и митрополия Гор Ливанских) в начале XX в. становится главной силой в патриархате. Борьба за контроль над ливанскими митрополиями была основным содержанием жизни Антиохийской церкви в сер. XX в. Причины этого лежали в имущественной дифференциации внутри патриархата. Источником существования митрополий являлись доходы от вакфов (земельных участков и другой недвижимости). Арендные ставки в силу специфики экономического развития оказались особенно высоки в Ливане, почему митрополии региона (особенно Бейрут) стали значительно более состоятельными, чем сирийские епархии. Особое место занимала Аккарская митрополия, располагавшаяся как на территории Сирии (Вади ан-Насара), так и Ливана.

В нач. 70-х гг. XX в. вакуфное имущество 12 церквей бейрутской епархии оценивалось в 300 млн. лив. лир. По некоторым данным, ежегодный доход от земельных владений общины превышал 1 млн. лив. лир (100 тыс. ф. ст.), а сумма поступлений от бейрутских храмов – не меньше 2 млн. лив. лир в год. Бейрутская митрополия, расположенная на стыке с Ливанскими горами, подавляющая часть населения которых проводила зиму в Бейруте, где имела собственность и вела бизнес, фактически соединяла в себе паству двух епархий: Бейрута и Гор Ливанских. Кроме этого, Бейрут был столицей государства. Для сравнения, общий доход монастырей Триполийской епархии колебался около 100 тыс. лив. лир в год, также как и доходы от духовного суда. Таким образом, Бейрут представлял собой центр тяжести православной общины всего Антиохийского патриархата.

В 50-е гг. XX в., когда правление Александра III (Таххана) (1928–1958) клонилось к завершению, высказывались мнения, что бейрутский митр. Илия (Салиби) добьется своего избрания патриархом и поставит вопрос о переносе местопребывания патриарха в Бейрут. Предполагалось, что он может пойти на разделение Антиохийской церкви на сирийскую и ливанскую, а сам станет патриархом последней. Противостояние сирийских и ливанских митрополитов усугублялось и культурно-политическими расхождениями: если сирийские архиереи, как и патриарх Александр Таххан, учились в России, владели русским языком и в основном симпатизировали Советскому Союзу, то ливанские митрополиты, выпускники

Американского университета в Бейруте и греческой семинарии на о. Халки, ориентировались на США и греческие церковные круги.

Однако следующим антиохийским патриархом в 1958 г. был избран не Илия, а Феодосий VI (Абуржейли), представлявший Триполи и поддержанный западными странами против митр. Эмесского (Хомс) Александра (Жиха). В 1963 г. члены св. Синода разделились по вопросу о возведении викария бейрутского митрополита архим. Гавриила (Салиби) в сан епископа. Митрополиты, близкие к «Движению православной молодежи» (далее – ДПМ) по инициативе патриарха выступили против этого шага. Группа митрополитов (Тиро-Сидонский Павел (Хури), Эпифанийский (Хама) Игнатий (Хрейки), Триполийский Илья (Курбан), Алеппский Илья (Муавад)), оказавшихся в меньшинстве, отказалась присутствовать на заседании Синода. В результате оно не состоялось.

В 1964 г. снова был созван Синод, на который прибыли митрополиты американских епархий АПЦ Антоний (Башир), Михаил (Шахин) и др. Антоний (Башир) примкнул к противникам архим. Гавриила (Салиби). Эта группировка, осознавая свое меньшинство и по настоянию патриарха Феодосия, отказалась принять участие в заседании Синода, результатом чего стала драка между Аккарским митрополитом Епифанием (Зайатом) и Антонием (Баширом) в присутствии патриарха. Скандал еще больше усугубил разделение между членами Синода, что дало возможность Феодосию VI не созывать Синод до достижения примирения между митрополитами. Лидеры ДПМ при поддержке патриарха саботировали созыв Синода, боясь, что большинство участников будет на стороне митрополита Ильи (Салиби) и его вероятного преемника архим. Гавриила. Они предполагали, что Бейрутская митрополия, оставшись вакантной после смерти Ильи (Салиби), станет добычей их кандидата.

Весной-летом 1966 г. Синод снова раскололся на две партии по вопросу замещения Латтакийской епархии. Большинство архиереев проголосовало за кандидатуру Антуана (Шедрауи). Патриарх Феодосий VI не признал этого решения, формально ссылаясь на давление сирийских властей, поддержал группу меньшинства и перенес заседания Синода в Ливан. Там Илья (Салиби) в обмен на поддержку кандидатуры архим. Гавриила помог избранию Игнатия (Хазима), кандидата ДПМ, на кафедру в Латакии, чем и обеспечил будущее большинство «правой», прозападной партии в Синоде. За поддержку прорусской партии представитель Московского патриарха при АПЦ еп. Владимир (Котляров) был объявлен патриархом Феодосием VI *persona non grata*. События 1966 г. предопределили раскол АПЦ в 1969 г. по поводу замещения кафедр в Хаме и Хомсе.

Четверо митрополитов во главе с митр. Аккарским Епифанием собрались 7 октября 1969 г. в Дамаске, в то время как другие шесть архиереев провели Синод в Бейруте, где находился больной и недееспособный патриарх, викарием которого стал Илия (Салиба). Ливанский Синод

вынес постановление о разрыве отношений с митрополитами дамасской группы, назвав их раскольниками. Ситуация усугублялась влиянием на церковных иерархов сирийского и ливанского политического руководства. Раскол в Антиохийской церкви был преодолен лишь в правление патриарха Илии IV (Муавада) (1970–1979) в результате победы бейрутской партии и ДПМ.

Св. земля в эпоху Константина Великого по сведениям «Ономастикона» Евсевия Памфила и «Бурдигальского итинерария»

Попов И. Н.

*ПСТГУ, ст. преподаватель Богословского и Историко-филологического факультетов;
ведущий редактор ЦНЦ «Православная энциклопедия»
ill.porov@mail.ru*

В нашем докладе мы представляем обобщенную историко-географическую картину присутствия и сосуществования в Палестине нескольких крупных религиозных общин в первой трети IV в., эпохи правления и реформ имп. Константина I Великого. В это время начинает формироваться большой христианский проект развития Иерусалима и Палестины как Св. земли, всемирного центра паломничества для христиан. Вместе с тем, появляется новый тип литературы и источников, отражающих интерес христиан к этой стране и положение местного населения — паломническая литература. Первыми памятниками, возникновение которых в эту эпоху тесно связано с паломничествами христиан, стали трактат Евсевия Памфила «Ономастикон библейских названий» (ок. 313 г.) и анонимный итинерарий паломника из галльской Бурдигалы (333 г.).

Изучение этих источников, с привлечением ряда дополнительных материалов, позволяет представить широкую картину географического распределения интересов религиозных общин Палестины в таких подробностях, которые недоступны для любой другой провинции Римской империи.

Сведения «Ономастикона» и Бурдигальского итинерария воссоздают картину, которая не укладывается в простую схему противостояния христиан и язычников или христиан и иудеев. Взаимодействие религиозных общин в Палестине (как и по всему позднеантичному Средиземноморью) было гораздо более многомерным, происходила конкурентная борьба сразу нескольких крупных сил, крупных религиозных систем.

На фоне этой борьбы важно охарактеризовать феномен успеха христиан, начавших активно развивать проект Св. земли. Мы видим, что этот успех в эпоху Константина носил лишь частичный, и скорее даже лишь локальный характер. Если в самом городе Иерусалиме влияние христиан быстро становится доминирующим, то за его пределами, даже в близких окрестностях, они чувствуют себя еще очень неуверенно. Число мест, контролируемых

христианами и даже опознанных ими, крайне невелико и едва заметно на фоне фундаментального присутствия иудеев, самаритян и язычников.

Литература:

[1] *Eusebius*. Das Onomastikon der biblischen Ortsnamen / Hrsg. E. Klostermann. Leipzig, 1904; Hildesheim, 1966² (*Eusebius*. Werke. Bd. 3. H. 1);

[2] *Евсевия Памфилова* «О названиях местностей, встречающихся в Свящ. Писании». *Блаженного Иеронима* «О положении и названиях еврейских местностей» / Пер. И. Помяловского // ППС. Вып. 37. СПб., 1894;

[3] *Itinerarium Burdigalense* // *Itineraria et alia Geographica*. Turnholti, 1965. P. 1–26 (CCSL; 175); *Бордосский путник 333 г.* // ППС. СПб., 1882. Т. 1. Вып. 2.

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Москва 4-7 апреля 2023
Материалы научной конференции

Главный редактор

Доктор исторических наук А.А. Маслов

Ответственный редактор

Кандидат исторических наук А.Г. Фесюн

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ИССА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Редакционная коллегия:

*А.В. Бочковская, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б.Иванов, В.А. Исаев, С.А. Кириллина,
Л.Т. Нечаева, О.А. Машкина, В.В. Орлов, К.А. Панченко, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова,
Ж.С. Сыздыкова, М.Ю. Ульянов, М.Р. Урб, Т.А. Барабошкина,
Т.Д. Черкасова, Е.В. Черновол*

Публикуется в авторской редакции

Верстка А.Г. Фесюн

Усл. печ. л. 20,6

[Электронное издание]

ISBN 978-5-19-011870-4; изд. № 12454

© ИССА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023

© Коллектив авторов, 2023

125009, г. Москва, ул. Моховая д.11., стр. 1.

lomonosov2023@iaas.msu.ru

+7 495 629 5493